

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3975.20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

Complete

*Contains Index
1834-1872
21.15 v. 8.*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1873.

ГОДЪ ХІ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1873.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА“

за 1873 годъ.

	<i>Стр.</i>
О сущности выразительной способности глазъ, <i>Е. В. Ад- мюка</i>	3—34.
Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и централь- ной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія, <i>А. И. Смирнова</i>	35—112; 221—306; 407—343.
Неаполитацкіе государи въ XIV вѣкѣ. Разказы изъ итальян- ской исторіи. <i>Н. О.</i>	113—150; 189—220.
Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція; переводъ <i>М. П—скаю</i>	307—328; 345—406.
Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. <i>И. В. Соколовскаю</i>	545—633; 761—820.
О значенія права войны, въ связи съ общимъ понятіемъ о меж- дународныхъ отношеніяхъ; гл. I—II. <i>Н. П. Иванова</i>	634—710.
О вліяніи воды на развитіе стеблей и корней нѣкоторыхъ рас- телій, <i>Н. Ѳ. Левковскаю</i>	821—826.
Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты. <i>А. Д. Инозем- цева</i>	827—847; 1007—1032.
Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. <i>А. Небосклонова</i>	848—868; 951—990.
Къ патологіи поджелудочной железы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. <i>Л. Б. Мандельштама</i>	869—924.
Къ вопросу о вліяніи среды на форму растений. <i>Н. Ѳ. Ле- ваковскаю</i>	925—930.
Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. <i>А. М. Осипова</i>	931—950.
Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ восточной Россіи за 1873 годъ. <i>И. Н. Смирнова</i>	991—1006.
<i>Критика</i> : Родственна-ли Меря съ Вогулами; по поводу соч. гг. Корсакова и Уварова; <i>П. Д. Шестакова</i> , 151—187.—Объ опре-	

II

дѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ, соч. В. Виноградскаго; *М. А. Ковальскаго*, 329—339.—О радикалахъ въ органической химіи, соч. Г. Глинскаго; *А. М. Зайцева*, 340—343.—Сказанія князя Курбскаго, 3 изд.; *М. П—скаго*, 744—760.—Philosophie des Unbewussten, соч. Гартмана; *Ө Зеленогорскаго*, 1033—1063.

Приложеніе: Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» за 1834—1872 годы включительно; стр. I—XVI.

КОММУНА

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ФРАНЦІИ

СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ РОСТОМЪ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Вопросъ о происхожденіи и историческомъ развитіи городскихъ общинъ во Франціи, тѣсно связанный съ исторіей средняго сословія этого государства, есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ французской исторіи. Исторія городовъ и ихъ дѣятельнаго, промышленно-торговаго населенія, которое мало по малу, шагъ за шагомъ, отвоевывало себѣ гражданскія и политическія права—есть исторія постепеннаго развитія всего французскаго общества. Каждый успѣхъ средняго сословія былъ ударомъ для феодализма; развитіе городской жизни, вмѣстѣ съ усиленіемъ королевской власти, было главною причиною разрушенія средневѣковаго феодальнаго порядка и созданія новыхъ социальныхъ отношеній. Высшій научный интересъ для изслѣдователя представляетъ это внезапное возстаніе городовъ на борьбу съ феодалами, которое съ XII вѣка проявляется не только на всѣхъ пунктахъ французской территоріи, но и во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи свобода городскихъ общинъ добывается единодушнымъ возстаніемъ горожанъ и вслѣдствіе упорной борьбы съ феодальнымъ владѣтелемъ, въ другихъ пунктахъ эта свобода пріобрѣтается путемъ повидимому мирнаго соглашенія съ баронами. Одни

города добываютъ себѣ права, другіе падаютъ въ неравнѣйшую борьбу; но повсюду видимъ жажду свободы, желаніе выйти въ другое, лучшее положеніе. Это всеобщее стремленіе предполагаетъ и общія причины, вытекающія изъ всего предшествующаго хода историческаго развитія. Опредѣлить причины этой революціи, — значить изучить предшествующую исторію Франціи, исторію того общества и тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя возникли на Галльско-Римской почвѣ, со времени нашествія Франковъ. Дольше всматриваясь въ организацію городовъ, которая была послѣдствіемъ этого общественнаго переворота, примѣчаемъ чрезвычайное разнообразіе городского устройства, которое впрочемъ сводится къ нѣсколькимъ болѣе общимъ группамъ. Задача историка показать отличительныя черты каждой изъ этихъ группъ и указать причины, почему въ извѣстной полосѣ французской территоріи преобладало такое, а не другое направленіе городской жизни, извѣстный характеръ городского устройства. Затѣмъ историкъ постоянно долженъ имѣть въ виду значеніе королевской власти въ великомъ фактѣ освобожденія городскихъ общинъ отъ феодальнаго гнета. Его долгъ опредѣлить надлежащую мѣру этого участія королей, которому въ исторической литературѣ обыкновенно приписывали больше значенія, чѣмъ оно имѣло въ дѣйствительности. Затѣмъ, послѣ изученія этого начала городской жизни, предстоитъ задача показать постепенный ростъ городскихъ учрежденій, — сначала внутри самой муниципальной организаціи, которая была такъ сказать колыбелью третьяго сословія, а потомъ указать значеніе этого сословія на болѣе широкой политической аренѣ, когда оно выступаетъ какъ политическая сила, какъ равноправное съ другими сословіями на Собраніяхъ Государственныхъ Чиновъ, — этихъ *États-Généraux*, имѣвшихъ огромное значеніе во французской исторіи. При изученіи этого роста средняго сословія постоянно нужно имѣть въ виду другія сословія французской націи, — феодальное дворянство и духовенство, пользовавшееся тоже феодальными правами. Съ этими общественными элементами городское сословіе находится въ постоянной борьбѣ, ходъ и характеръ которой опредѣляютъ направленіе историческаго развитія городской жизни въ средніе вѣка. Постоянное вмѣшательство въ эту борьбу королевской власти составляетъ новый важный элементъ, оказывающій рѣшительное вліяніе на судьбу

городской свободы во Франціи. Поэтому при изученіи коммуны и ихъ гражданскаго и политическаго роста въ средніе вѣка постоянно нужно имѣть въ виду отношеніе феодализма и королевской власти къ городскому сословию.

Борьба городскихъ общинъ съ феодалами проходитъ нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней. Кто желаетъ уловить истинный характеръ этой борьбы въ ея историческомъ развитіи, тотъ долженъ имѣть въ виду, что каждый изъ элементовъ, замѣшанныхъ въ этой борьбѣ, не былъ элементомъ неподвижнымъ, застывшимъ, такъ сказать, въ известной формѣ, наложенной на него известной эпохой. Въ исторіи нѣтъ ничего неподвижнаго. Историческій процессъ развитія не есть только равнодѣйствующая известныхъ данныхъ сила, но есть результатъ силъ постоянно измѣняющихся, постоянно дѣйствующихъ другъ на друга, и въ этомъ взаимодѣйствіи создающихъ живой общественный и политическій организмъ, подобно тому какъ живыя силы природы взаимнымъ влѣдѣніемъ создаютъ ея живые организмы.

Нельзя сказать, чтобы всѣ вопросы, касающіеся коммунальной исторіи во Франціи, были окончательно рѣшены французской исторической школой. Исторія городовъ, городской жизни, есть одна изъ самыхъ трудныхъ, самыхъ сложныхъ частей французской исторіи. Она связана съ изученіемъ всѣхъ сторонъ жизни французскаго народа. Притомъ коммунальная исторія чрезвычайно разнообразна, смотря по мѣстнымъ особенностямъ. Каждый городъ, каждый бургъ имѣютъ свою исторію. Феодализмъ представляетъ, по крайней мѣрѣ въ полномъ своемъ развитіи, стройную систему и нѣкоторое однообразіе. Мѣстные отбѣнки феодальныхъ отношеній не очень значительны. Разница въ феодальныхъ отношеніяхъ существуетъ только на Югѣ и Франціи, гдѣ феодализмъ не успѣлъ пустить слишкомъ глубокихъ корней. Можно сказать, что организація и исторія каждой коммуны имѣютъ свою индивидуальность. Для окончательныхъ выводовъ слѣдовало бы изучать каждую коммуну отдѣльно, и вѣтъмъ путемъ исторической индукціи сдѣлать общіе выводы. Но это составляетъ только постулаты науки. Множество документовъ хранится еще въ городскихъ архивахъ. Покуда изданы только архивы и документы, касающіеся Амьена и Реймса. Амьень можетъ быть названъ типомъ коммуны сѣверной полосы Франціи, коммуны въ ея строгомъ смыслѣ.

Реймсъ служить прекраснымъ образцемъ епископальнаго города, путемъ упорной борьбы стремящаго организовать въ чистый типъ коммуны. Это—представитель городовъ центральной полосы Франціи. Потому, на основаніи изданныхъ документовъ, специальное изслѣдованіе внутренней организаціи и исторіи городовъ Амьена и Реймса всего лучше можетъ познакомить насъ съ развитіемъ городской жизни въ сѣверной и средней полосѣ Франціи. Подобное изученіе глубже введетъ насъ въ городскую жизнь среднихъ вѣковъ, чѣмъ изученіе общихъ законодательныхъ, административныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми французское правительство старалось регламентировать пеструю жизнь городовъ. Прежде чѣмъ удалось королевской власти наложить эту однообразную форму на городскія общины, онѣ долго жили самостоятельной жизнью. Вотъ эту-то оригинальную жизнь, съ ея мѣстными красками, съ ея индивидуальнымъ характеромъ,—всего лучше изучать въ стѣнахъ одного города. Тутъ цѣлый оригинальный міръ, исторія котораго съ разными отгѣнками повторяется на каждомъ почти пунктѣ французской территоріи. вмѣсто общихъ сухихъ положеній, вмѣсто перечня королевскихъ ординансовъ, статутовъ, эдиктовъ и т. д.,—видишь картину самой жизни, въ высшей степени оригинальную. Вы чувствуете осязательно эту средневѣковую борьбу городскихъ общинъ съ феодалами, которая въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ дѣлается какимъ-то отвлеченнымъ понятіемъ. Вы любуетесь на эту промышленную, торговую дѣятельность богатаго города, которая кипитъ на улицахъ, рынкахъ, въ лавкахъ, въ огромныхъ мастерскихъ. Живое знакомство съ разнообразными сторонами городской жизни можно приобрести только на основаніи мѣстныхъ городскихъ архивовъ. Но слишкомъ уже увлекаться индивидуальной жизнью общины тоже было бы невыгодно для историка. Значеніе коммунъ въ общемъ ходѣ историческаго развитія Франціи должно быть изучаемо на болѣе широкой аренѣ. При изученіи извѣстной коммуны нужно постоянно имѣть въ виду общій ходъ исторіи третьяго сословія, направляемый высшею, правительственною властью; а потому необходимо обращать вниманіе на развитіе государственныхъ, судебныхъ, финансовыхъ, полицейскихъ учреждений, источникомъ которыхъ постепенно дѣлалась королевская власть. Тогда только поймешь, какимъ образомъ изъ пестраго разнообразія мѣстной жизни возникло

административное единство Франціи. — Кромѣ того жизнь коммунъ сама оказывала воздѣйствіе на ходъ и развитіе общественнаго строя Франціи. Французская администрація, французское законодательство многимъ обязаны развитію мѣстныхъ городскихъ учреждений, городского обычнаго права. Коммуна создала третье сословіе, которое еще въ средніе вѣка пріобрѣло огромное значеніе, сдѣлалось важнымъ элементомъ средневѣковаго общества, и съ половины XIV вѣка выразило стремленіе принять участіе въ управленіи государствомъ. Такимъ образомъ намъ предстоитъ тройкаго рода задача: изучить внутреннюю жизнь коммуны, внѣшнее на нее дѣйствіе со стороны королевской власти, и воздѣйствіе самой коммуны на ходъ историческаго развитія Франціи, развившееся въ демократическихъ стремленіяхъ третьяго сословія въ XIV вѣкѣ.

Возрожденіе городской жизни во Франціи началось съ конца XI-го вѣка и начала XII-го; это эпоха освобожденія коммунъ и начала ихъ исторіи. Поэтому намъ слѣдовало бы начать наше изложеніе съ указанія причинъ и характеристикъ этого соціальнаго переворота. Но мы не можемъ обойтись безъ предварительнаго знакомства съ исторіей городовъ и городского населенія и въ предшествующую эпоху, именно со времени паденія римскаго владычества въ Галліи. Безъ этого изученія нельзя понять того важнаго общественнаго переворота, сигналомъ для котораго послужила коммунальная революція. Причины его кроются въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя возникли на развалинахъ Западной Римской Имперіи. Тогда только мы получимъ возможность опредѣлить тѣ черты различія, какія представляютъ намъ внутреннее устройство и внѣшнія отношенія городовъ разныхъ половъ Франціи.

ГЛАВА I.

Послѣ паденія Западной Римской Имперіи древній міръ оставилъ богатое наслѣдство новому. Рушилось владычество Римскихъ Императоровъ. Среди ужасовъ варварскаго нашествія погибла древняя цивилизація, науки, искусства, промышленность и торговля. Но нельзя сказать, чтобы все, что выработана древняя жизнь, исчезло въ этнхъ волпахъ варварскаго нашествія. Сохранились нѣкоторые остатки Римскаго права у прежнихъ обитателей Галліи, въ видѣ права

обычнаго. Сохранилась и римская муниципія, какъ храни-тельница этого права. Тутъ, въ темные вѣка варварства, сохранились нѣкоторыя привычки жизни болѣе цивилизованной, чѣмъ та, грустная картина которой развѣртывалась на поляхъ Галліи.

Послѣ продолжительной борьбы и хаотическаго броженія, бывшаго первымъ послѣдствіемъ завоеванія въ Галліи, обнаружались двѣ группы людей,—галло-римская и варварская, которыя ничего не имѣли между собой общаго, кромѣ религіи. Они различались неодинаковой полноправностью, законами, обычаями, языкомъ. Aug. Thiery устанавливаетъ нѣкоторый родъ общественной іерархіи членовъ того и другого общества, на основаніи тарифа штрафовъ (Wehrgeld) за убійство или преступленіе противъ личности. Высшая ступень на общественной лѣстницѣ принадлежала свободнымъ франкамъ; потомъ шли свободные римляне, владѣльцы поземельной собственности. Далѣе слѣдовали колонны Германскіе и Римскіе, и наконецъ рабы безъ различія происхожденія. Эти классы общества не равномерно были распределены между городской и сельской жизнью. Знатныя фамиліи патриціевъ при императорскомъ режимѣ жили въ городахъ; они составляли богатый землевладѣльческій классъ муниципій,—муниципальную курію. На поляхъ жили колонны, находившіеся въ полусвободномъ отношеніи къ землевладѣльцамъ, и рабы—въ строгомъ смыслѣ; тѣ и другіе занимались земледѣліемъ. Германцы не любили городской жизни; ихъ отталкивалъ порядокъ этой жизни; имъ не нравилась строгая организація муниципальной администраціи. Каждый свободный Германецъ, получившій въ награду за свои услуги поземельный участокъ, селился среди своихъ полей, окруженный землевладѣльцами Германскаго или Римскаго племени. Изъ Германцевъ жили въ городахъ въ небольшомъ числѣ лица, уполномоченные на то королевскою властію, или тѣ, которые не получили участка земли и принуждены были заниматься какимъ нибудь ремесломъ.

Впослѣдствіи высшіе классы Галльско-Римскаго общества, изъ подражанія Германцамъ, мало по малу переселялись изъ городовъ на свои поля. Они приобрѣли привычки варварской жизни, получили наклонность къ праздности, къ злоупотребленію силой, и отвращеніе отъ регулярной городской жизни. Это происходило особенно на сѣверѣ Франціи,

гдѣ сильнѣе сказались слѣды варварскаго завоеванія. Такимъ образомъ въ городахъ оставался классъ духовенства, немногіе члены прежней курии⁽¹⁾, и многочисленный классъ ремесленниковъ римскаго и германскаго племени. При такомъ составѣ народонаселенія и въ силу самаго хода событій, римское муниципальное устройство должно было подвергнуться важнымъ измѣненіямъ, которыя на первый разъ клонились даже въ пользу городской свободы. Самую незначительную часть муниципальных привилегій при императорскомъ режимѣ составляли судебныя права курій. Городская магистратура имѣла только право политическаго надзора и суда полицейско-исправительнаго. Городской *defensor* получилъ право суда въ маловажныхъ проступкахъ и сверхъ того могъ производить судебное слѣдствіе. Но *defensor* имѣлъ важное значеніе въ другихъ отношеніяхъ. На немъ лежала обязанность защищать жителей отъ произвола императорскихъ чиновниковъ. Онъ наблюдалъ за правильностью суда, за исполненіемъ законовъ, за правильностью раскладки городскихъ повинностей и за цѣлостью муниципальнаго имущества. Онъ былъ мировой судья, который рѣшалъ дѣла по желанію тяжущихся; онъ былъ адвокатомъ бѣдныхъ и протекторомъ народа противъ злоупотребленій власти и даже дороговизны жизненныхъ припасовъ⁽²⁾. Императорскимъ правителямъ провинціи принадлежала высшая юрисдикція. Во время анархіи франкскаго нашествія, когда эти римскіе администраторы принуждены были удалиться изъ Галліи, подобный порядокъ измѣнился. Все, что приходилось на долю власти императорскихъ *rectores, iudices, praesides, comites, duces* и пр., отошло въ муниципальнымъ властямъ. Эти власти сдѣлались, на первое время, единственными администраторами и судьями въ городѣ и въ предѣлахъ его территоріи⁽³⁾. Судебныя

(1) Augustin Thierry, говоря, что богатые, знатные римляне выселились изъ городовъ, не дѣлаетъ этой оговорки. Но существованіе въ городахъ знатныхъ родовъ древнихъ Галльскихъ родовъ при первыхъ двухъ династіяхъ не только на югѣ но даже и на сѣверѣ Франціи доказано въ сочиненіи Ренуара: *Histoire du droit municipal en France*; t. 1, p. 345—351.

(2) Thierry. *Consid.* p. 248.

(3) Savigny. *Histoire du droit romain au moyen âge*; t. 1. chap. V, §§ 1—3.

права муниципіи остались за ней и при графахъ, представителяхъ королевской власти. Графы, имѣвшіе право уголовного и гражданскаго судопроизводства еще въ кантонахъ Германіи, никогда одни не отправляли своихъ судебныхъ обязанностей. Они приглашали въ свои засѣданія представителей фамилій, сообразовались съ ихъ мнѣніемъ ⁽¹⁾. Этотъ обычай перенесенъ былъ Германцами и въ Галлію. Въ городахъ графы приглашали въ свои судебныя засѣданія членовъ курій, которые кромѣ того имѣли свои независимыя собранія, и продолжали сохранять право на самостоятельную администрацію. Для городовъ южной Галліи, подъ владычествомъ Вестъ-Готскихъ королей, сохранился весьма важный, законодательный памятникъ, который прекрасно знакомилъ насъ съ тѣми измѣненіями въ городской администраціи, которыя возникли при переходѣ отъ римскаго владычества въ варварскому. Это собраніе Вестъ-Готскихъ законовъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ римскаго права, большею частію по *Теоодосіеву кодексу*;—такъ называемый *Breviarium Alaricianum* ⁽²⁾. За каждой статьёй римскихъ законовъ слѣдуетъ ея толкованіе, которое далеко удаляется отъ текста, потому что имѣетъ предметомъ римскія учрежденія въ значительно уже измѣненномъ видѣ. На основаніи этого документа устройство городовъ подъ властію Вестъ-Готскихъ королей представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ каждомъ городѣ высшая власть принадлежала графу, который впрочемъ раздѣлялъ ее съ муниципальной куріей. Онъ смотрѣлъ за сборомъ податей, наборомъ войска; ему принадлежала санкція приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ. Юрисдикція уголовная и гражданская и всѣ частныя сдѣлки принадлежали куріи. Для рѣшенія

⁽¹⁾ Эти люди, засѣдавшіе въ судахъ у Германцевъ назывались лучшими людьми — *beste Manne*, хорошими людьми — *gute Manne*, сильными людьми — *rike Manne*, сильною порукою *Rekin-burghes*. Это названіе *rachimburgiis* постоянно встрѣчается въ древнихъ Галльско-Франкскихъ актахъ. *Thierry. Rec. des temps Merovingiens; Chap. V, p. 195*. О значеніи этого слова и класса людей, обозначаемаго имъ, см. у *Гизо: Essai sur l'histoire de France; T. 1, p. 243*. Гизо говоритъ, что всякій свободный Франкъ назывался такъ; но подобное названіе Германцы могли давать и свободному классу Римлянъ.

⁽²⁾ См. объ этомъ памятникѣ у *Minier: Précis historique du droit Français. p. 52*.

уголовныхъ дѣлъ выбираютъ пять судей изъ наиболѣе знатныхъ гражданъ. Эти судьи, а также *defensor* и нѣкоторые другіе муниципальные чиновники выбираютъ всѣмъ составомъ гражданъ, а не одною только куріей, какъ это было при римскомъ владычествѣ ⁽¹⁾. Такое же устройство городского управленія въ городахъ южной Франціи сохранилось и при владычествѣ Франковъ. Бургунды также непривосновенно оставили городамъ Юго-Восточной Галліи ихъ муниципальное устройство и самоуправленіе. Измѣненіе въ городской администраціи тоже клонилось скорѣе въ пользу муниципальной свободы ⁽²⁾. Съ вѣроятностью можно сказать, что къ сѣверу отъ Луары совершались подобныя же измѣненія въ городской администраціи. Несомнѣнно, что во всѣхъ городахъ, пользовавшихся римскимъ муниципальнымъ устройствомъ, послѣ завоеванія Галліи, курія перестала быть отвѣтственною въ исправномъ вносѣ податей въ королевскую казну. Городскія власти составляли только раскладку этихъ повинностей (*capitulum* или *poluptique*) и представляли графу, который самъ, или черезъ уполномоченныхъ своихъ, занимался ихъ сборомъ. Такъ какъ и прежде муниципальная курія всѣмъ своимъ составомъ отвѣчала за исправный вносъ податей, то при новомъ порядкѣ финансоваго сбора ея положеніе значительно улучшилось. При этомъ курія перестаетъ быть замкнутой корпораціей, состоявшей изъ извѣстнаго только числа патриціанскихъ родовъ. Для поступленія въ нее уже не требуется, какъ прежде, значительнаго поземельнаго ценза; въ нее можетъ поступать всякій, выдающійся изъ среды гражданъ своимъ богатствомъ или личными заслугами. Лучшіе люди изъ римскаго сословія и начальники цеховыхъ корпорацій начинаютъ уже принимать участіе въ городскихъ дѣлахъ ⁽³⁾. Въ муниципіи не было судей въ собственномъ смыслѣ; судила вся курія, или извѣстное число куріаловъ. Но не одна курія, какъ при римскомъ владычествѣ, но и вся мас-

⁽¹⁾ О муниципальномъ режимѣ Римской имперіи въ V вѣкѣ у Гизо: *Essai sur l'histoire de France. Premier essai.*

⁽²⁾ Raynouard. *Hist. du droit municipal en France.* t. II, pp. 38, 316, 321.—Savigny. p. 299, 311, 312.

⁽³⁾ A. Thierry. *Considerat. sur l'histoire de France.* p. 199. Въ Парижѣ, наприимѣръ, корпорація разныхъ торговцевъ, *nautæ mercatores*, въ это время едва уже отличается отъ куріи.

са городского населенія уже начинаетъ оказывать большое вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. Собранія клира и мірянъ подъ предсѣдательствомъ епископа уже не рѣдкость. Епископы обыкновенно выбираются соединеннымъ собраніемъ клира и мірянъ. Епископъ постепенно пріобрѣтаетъ огромное значеніе въ городской администраціи и юрисдикціи. Къ нему перешли всѣ права городского дефенсора (*defensoris urbis*), который, какъ мы видѣли, въ послѣднее время римской имперіи пріобрѣлъ огромное значеніе въ городѣ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ дефенсоры, хотя и въ подчиненномъ отношеніи къ епископу, продолжаютъ нѣкоторое время существовать; но съ теченіемъ времени эта должность совсѣмъ исчезаетъ, и ея права и обязанности окончательно переходятъ къ епископу. Вглядываясь въ общій характеръ этихъ измѣненій въ муниципальномъ устройствѣ, мы видимъ въ немъ большее преобладаніе демократическаго элемента, чѣмъ при императорскомъ управленіи. Наслѣдственная и аристократическая власть юрій мало по малу преобразуется въ избирательную, и въ большей или меньшей степени дѣлается доступною всему городскому сословію. Между коллегіей городскихъ начальниковъ и цѣлымъ составомъ гражданъ мы не встрѣчаемъ уже посредствующей корпораціи, которую составляла въ римской муниципіи юрія. Судебныя и административныя должности даются народомъ. Время отправленія этихъ должностей ограничивается большею частію однимъ только годомъ. Это ограниченіе служило важной гарантіей муниципальной свободы.

Но подобныя переходныя условія не могли долго продолжиться. Въ числѣ городскихъ властей была власть, которая значительно перевѣшивала всѣ прочія,—это власть епископа. Разныя обстоятельства, самый ходъ общественныхъ событій клонился къ тому, чтобы власть эта еще болѣе усилилась. Епископы проповѣдывали варварамъ вѣру Христову и рано успѣли обратить ихъ въ эту вѣру. Они говорили имъ во имя этой вѣры, говорили о любви, кротости, великодушіи, и слова ихъ не всегда оставались безъ вліянія на грубую, дикую натуру варваровъ. Епископъ въ полномъ облаченіи всегда производилъ какое то обаяніе на воображеніе варвара. Легенда о св. Львѣ и объ Аттилѣ полна глубокой исторической правды. Готовился-ли варварскій отрядъ сдѣлать нападеніе на какой-нибудь городъ, и внести въ него всѣ ужасы

убійствъ и опустошеній,—служитель Божій въ своемъ перво-священническомъ облаченіи говорилъ отъ имени Господа, умолялъ требовалъ, грозилъ, и варвары отступали (¹). Къ епископамъ обращались провинціи, города, — все угнѣтаемое, разоряемое народонаселеніе, прося ихъ заступничества предъ дикими вождями варварскаго народа. И епископы не отказывались отъ этого опаснаго ходатайства; ихъ сила и значеніе у варваровъ были наилучшей гарантіей муниципальной независимости. Франкскіе короли первой и второй династіи щедрой рукой давали епископамъ и прочему духовенству, церквямъ и монастырямъ разныя льготы, свободу отъ всѣхъ податей и повинностей (*immunitatem*) не только лично, но и для всѣхъ лицъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ. Эти привилегіи не ограничивались только церковными доменами, но простирались иногда на цѣлые города. При Хольдебертѣ III городъ Туръ былъ освобожденъ отъ всѣхъ повинностей, которыя онъ платилъ Меровингамъ (²). *Immunitas*, имѣвшая начало свое въ римскихъ учрежденіяхъ, освобождала города не только отъ платежа повинностей, но и отъ графской юрисдикціи. Впрочемъ епископы обязаны были исполненіе смертныхъ приговоровъ поручать визарію (*vicedominus*), или адвокату церкви (³). Къ усиленію епископской власти служило и то обстоятельство, что члены куріи, отличавшіеся знатностью и богатствомъ, оставляли городъ и селились на своихъ земляхъ. Въ городахъ оставалось большею частью только бѣдное, невѣжественное населеніе. Понятно что епископъ, не встрѣчавшій себѣ противодѣйствія ни внѣ, ни внутри города, приобрѣлъ огромное вліяніе на городское управленіе и судопроизводство. Это вліяніе увеличивалось вслѣдствіе возрастающаго богатства епископовъ. Они получали въ свое владѣніе поземельную собственность, или какъ бенефіціи, или въ видѣ дара отъ франкскихъ королей и богатыхъ вассаловъ короны. Эта поземельная собственность не отчуждалась отъ духовенства ни продажей, ни наследственнымъ путемъ; это еще болѣе усиливало значеніе лицъ, обладавшихъ

(¹) Guizot. Essai sur l'histoire de France; t. 1. p. 228.

(²) A. Thierry. Consideratons sur l'histoire de France. Ch. V, p. 201.

(³) Warakönig. Französische Staats und Rechtsgeschichte. I, 140.

такимъ богатствомъ. Духовныя лица не замедлили постепенно обратить массу народа, жившаго на ихъ земляхъ, въ полурабское относительно себя положеніе. Они постепенно входили въ циклъ феодальныхъ отношеній по примѣру всѣхъ земельныхъ собственниковъ. Это обстоятельство не могло не отозваться и на положеніи городскихъ общинъ.

Пять вѣковъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ Западной Римской имперіи, можно назвать временемъ постепеннаго развитія тѣхъ государственныхъ, общественныхъ, личныхъ и поземельныхъ отношеній, которымъ усвоено названіе феодальной системы. Это зданіе слагалось не вдругъ, а постепенно, мало по малу, въ силу разныхъ историческихъ причинъ. Должно замѣтить что власть феодаловъ получила не вездѣ одинаково всеобъемлющее значеніе. Въ городахъ живы были еще преданія о старинной свободѣ. Городское народонаселеніе было больше занято торговлей и ремеслами, чѣмъ обработкой земли; слѣдовательно оно было развитѣе сельскаго населенія. Нападать на города, обнесенные крѣпкими стѣнами и валами, было не такъ удобно, какъ на беззащитныхъ поселянъ. Оттого города никогда не были въ такомъ полномъ подчиненіи у феодаловъ, какъ сельское населеніе. Самый ходъ развитія феодальныхъ отношеній въ городахъ имѣлъ нѣсколько другой характеръ. Здѣсь феодальное самоуправленіе встрѣчало себѣ отпоръ со стороны не отдѣльныхъ только личностей, но цѣлой городской корпораціи, которая имѣла во главѣ своей строго организованную магистратуру. Это придавало городскому населенію больше единодушія, а потому и больше успѣха въ борьбѣ. При всемъ усиленіи епископской власти, въ городахъ рядомъ съ этой властью существовали выборные люди, которые, хотя и безъ особаго значенія, продолжаютъ существовать,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, до самой коммунальной революціи. Эти выборные люди имѣли названіе честныхъ, мудрыхъ людей (*probi homines*,—*prud'hommes*). Въ капитуляріяхъ Карла Великаго мы встрѣчаемъ ихъ подъ названіемъ *scabini* ⁽¹⁾ (откуда французское слово *échevins*). Въ послѣдствіи названіе *probi*

⁽¹⁾ Du-Cange. Gloss. mediae et infimae latinitatis. См. слово *scabini*. Слова это производятъ отъ Германскаго *skapene*, *skafene* вначѣ *skereme*, *skafene*.—отъ глагола *scapan* или *scapan*—распоряжаться, приказывать, судить. A. Thierry. Consid. p. 205.

homines, prout homines преимущественно удержалось на югѣ, а scabini на сѣверѣ Франціи. При Карлѣ Великомъ скабины (¹) отправляютъ судейскія обязанности подъ предсѣдательствомъ графа. Они выбираются графомъ, или императорскимъ посланнымъ (missus dominicus), съ участіемъ народа. Въ городахъ скабины, по всей вѣроятности, выбирались изъ членовъ куріи, изъ тѣхъ фамилій, которыя назывались honorati, proceres populi и т. п. (²). Между скабинами городскими и провинціальными существовало одно важное различіе: послѣдніе были только судьями, тогда какъ первые вмѣстѣ съ тѣмъ были и городскими администраторами. При развитіи феодализма провинціальныя скабинаты исчезли, а городской остался. Судьба этого городского учрежденія, въ эпоху постепеннаго распада Карловой монархіи, неизвѣстна. Вообще нужно замѣтить, что памятники французской исторіи, начиная съ V и до конца XI вѣка, весьма мало интересуются городской жизнью. Лѣтописи больше говорятъ о войнахъ и внутреннихъ междоусобіяхъ. Мысль современника, преимущественно обращенная на внѣшнія событія, не можетъ понять значенія общественныхъ переворотовъ. Оттого новѣйшимъ историкамъ,—какъ напр. Тьерри,—оставалось только путемъ историческаго творчества возстановлять исторію этой темной эпохи. Относительно скабината Тьерри полагаетъ, что онъ сохранился въ сѣверной Франціи въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ до самаго начала освобожденія городскихъ общинъ. Жители города Реймса въ своихъ процессахъ съ епископомъ постоянно ссылались на незапамятное существованіе въ ихъ городѣ скабиновъ. Епископальная власть въ городахъ была не въ силахъ окончательно разрушить муниципальную организацію. Она только измѣнила ее, придала ей феодальный характеръ. Епископы начинаютъ раздавать городскія должности, въ видѣ леновъ, съ извѣстными обязательствами. Образуется какая-то странная смѣсь между остатками древней муниципіи и новыми формами фео-

(¹) Мы рѣшаемся оставить это слово безъ перевода, потому что трудно найти въ русскомъ языкѣ вполне соответственный терминъ.

(²) Эти римскіе титулы honorati, possessores, primores urbis и т. д. долго сохранялись въ городахъ; см. Raynouard. Hist. du droit municipal, p. 337. Въ памятникахъ этой эпохи весьма часто городская nobilitas противопоставляется простому черному народу, plebs или vulgus. Ibidem, p. 334, 335.

дальнаго двора. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы въ городской практикѣ не сохранилось нѣкоторыхъ преданій римскаго гражданскаго законодательства. Вопросъ о сохраненіи въ городахъ римскаго права чрезвычайно важенъ въ исторіи французскихъ городскихъ общинъ. Существованіе въ городахъ римскаго права при первыхъ двухъ династіяхъ, послужило бы прекраснымъ доказательствомъ, что и въ эту темную эпоху грубаго произвола въ городахъ существовали еще остатки общественнаго порядка, регулируемаго закономъ. Этотъ вопросъ удовлетворительно рѣшенъ новѣйшей исторической наукой. Въ VIII вѣкѣ въ Парижѣ духовныя завѣщанія дѣлались съ соблюденіемъ всѣхъ священныхъ формулъ, предпринимаемыхъ римскимъ законодательнымъ кодексомъ (¹). Въ Парижѣ, Турѣ, Буржѣ, Анжерѣ разные акты, — съ такими формулами, — вносились въ муниципальные регистры (²). Епископы, — хранители каноническаго права церкви, — въ то же время были знакомы и съ римскимъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Захвативши въ свои руки юрисдикцію, они не могли не пользоваться этимъ такъ полно, какъ строго выработаннымъ законодательствомъ.

Все, что мы говорили до сихъ поръ о городахъ и городскихъ учрежденіяхъ, имѣетъ отношеніе къ прежнимъ римскимъ муниципіямъ. Въ нихъ, какъ главныхъ пунктовъ діоцезовъ, развивалась феодальная власть епископовъ (³). Но при первыхъ двухъ династіяхъ шло образованіе новыхъ общинъ, которыя путемъ ассимиляціи превратились мало по малу въ общины городскія. Главная инициатива въ этомъ созданіи новыхъ элементовъ гражданственности принадлежала церкви и особенно монастырямъ. Аббатство было не только мѣстомъ молитвы и благочестивыхъ размышленій, но и прибѣжищемъ отъ грубаго насилія варваровъ. Тамъ сохранялись преданія объ искусствахъ и ремеслахъ. Можно сказать, что монастыри были школой, въ которой грубые варвары научились разнымъ приемамъ промышленности и земледѣлія. Монастырямъ обязана Европа обработкой и заселеніемъ пу-

(¹) A. Thierry. Considerat. sur l'hist. de France, p. 250;

(²) Raynouard. I, 291, 316.

(³) Перечень французскихъ городовъ, имѣвшихъ муниципальное устройство въ Римской Галліи, представилъ Raynouard въ своей исторіи муниципальнаго права. I, 21—22.

стихъ мѣстъ. Вокругъ монастырей не замедлили образоваться поселенія, главное ядро которыхъ составляли монастырскіе крестьяне, занимавшіеся обработкой земель. Это населеніе постепенно увеличивалось наплывомъ новыхъ силъ. Много беззащитныхъ спѣшило пріютиться подъ покровъ монастырскій. Отъ наслій со стороны варваровъ ихъ защищала святость мѣста, и уваженіе варваровъ къ монахамъ и церквамъ. Такъ какъ подобная гарантія оказывалась не всегда надежной, то все это населеніе обносилось стѣной, рвами и валами. Возникалъ новый бургъ, жители котораго находились въ зависимомъ отношеніи къ аббатству. Много французскихъ городовъ обязаны своимъ происхожденіемъ монастырямъ⁽¹⁾. Приливъ населенія къ монастырямъ долженъ былъ усиливаться и потому еще, что зависимость отъ монастырскихъ общинъ относительно была гораздо легче, чѣмъ зависимость отъ свѣтскаго сеньора. Въ монастырѣ были братья, занимавшіеся разными ремеслами. Этими ремесламъ они учили и тѣхъ, которые селились около монастыря, и не были заняты обработкой полей. Тутъ процвѣтали не только ремесла, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе первыхъ потребностей жизни; но монастыри были колыбелью и изящныхъ искусствъ, первоначально служившихъ для выраженія религіозныхъ идей. Они имѣли архитекторовъ, строившихъ базилики, живописцевъ, украшавшихъ стѣны этихъ храмовъ священными изображеніями. Были лица, занятія перепиской и иллюминировкой рукописей. Свобода отъ разныхъ налоговъ, стѣснявшихъ тогда торговлю, благопріятствовала сбыту монастырскихъ произведеній⁽²⁾. Въ послѣдствіи, разбогатѣвшіе и получившіе свѣтскія наклонности монахи перестали заниматься ремеслами. Но созданный монастыремъ бургъ, — съ ремесленнымъ населеніемъ, продолжалъ существовать. Въ немъ, подъ вліяніемъ духа ассоціаціи и изъ подражанія большимъ муниципіямъ, организовалось цеховое устройство, и развивалось стремленіе къ самоуправленію. Подобныя стремленія встрѣчали отпоръ со стороны аббатства. Для управленія бургомъ оно отъ себя назначило разныхъ лицъ монашескаго или мірскаго званія. Подобныя общины, какъ увидимъ впоследствии, при-

(1) Въ IX вѣкѣ городъ Saint Riquier, благодаря аббатству, имѣлъ 111 г. жителей, Levasseur. Hist. des classes ouvrières; t. 1. p. 141.

(2) Levasseur. Hist. des classes ouvrières. t. 1. p. 141.

менуты въ коммунальному движенію XII вѣка. При развитіи феодализма монастыри, владѣвшіе свѣтскими имѣніями, поспѣшили вступить въ феодальныя отношенія. На своихъ земляхъ они пользовались всѣми правами феодаловъ, раздавали свои земли въ качествѣ леновъ, сами признавали ленную зависимость отъ королевской власти и отъ могущественныхъ вассаловъ королевства⁽¹⁾. Посмотримъ теперь, какія внутреннія отношенія развились въ городскихъ общинахъ, подъ вліяніемъ феодальной власти, въ чемъ именно выражались права этихъ сеньоровъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Юридическія права въ городѣ рѣдко принадлежали одному какому-либо сеньору. Епископы дѣлились властью съ королевскими наместниками, или феодалами, — графами, вивонтами и т. п. Но внутри самой церкви были еще лица и корпораціи, которыя пользовались въ городахъ владѣльческими правами, сначала по порученію отъ епископовъ и въ качествѣ ихъ феодаловъ, а потомъ и независимо отъ нихъ. Обширными правами обладали архидіаконы, викаріи и капитулы. Въ городахъ, и особенно въ городскихъ предмѣстьяхъ, находилось по нѣскольку монастырей, изъ которыхъ каждый пользовался судебными правами надъ извѣстной частью жителей. Подобныя же права принадлежали и каждой приходской церкви. Понятно теперь, какая дробность отношеній и судебныхъ правъ существовала въ городахъ. Каждый кварталъ, каждая улица, каждый переулокъ, даже отдѣльные дома въ улицахъ и переулкахъ, въ юридическомъ отношеніи принадлежали разнымъ сеньорамъ. Случалось, что извѣстная часть церкви, или даже извѣстная часть хора въ церкви была подсудна епископу, тогда какъ остальная часть вѣдалась судомъ капитула. Подобная дробность юридическихъ правъ вела ко многимъ столкновеніямъ и спорамъ. Взаимныя права и отношенія феодальныхъ сеньоровъ въ городѣ выработались только путемъ разныхъ соглашеній и безчисленныхъ процессовъ. Юрисдикція въ то время отличалась по преимуществу фискальнымъ характеромъ. Огромное число преступленій и проступковъ наказывались денежными штрафами въ пользу сеньора. Подобные штрафы сначала налагались по произволу сеньора и его уполномоченныхъ; но потомъ они начинаютъ

⁽¹⁾ Warnkönig, Frans. Staats u. Rechtsgeschichte. B. 1, S. 224.

опредѣляться нѣкоторыми правилами, кутюмами, которые, прежде чѣмъ получили письменную форму, существовали уже въ видѣ права обычая. Рядомъ съ денежными штрафами продолжаютъ существовать и суровыя тѣлесныя наказанія: висѣлица, позорный столбъ, пытки, отсѣченіе руки и т. д. были еще въ большомъ ходу. Дальнѣйшее развитіе уголовной практики состояло въ томъ, что эти суровыя наказанія болѣе и болѣе вытѣсняются системой денежныхъ штрафовъ. Феодалъ, епископъ, аббатъ, свѣтскій баронъ, — сами лично рѣдко отправляли судебныя обязанности. Они передавали ихъ разнымъ лицамъ, своимъ придворнымъ, или даже болѣе знатымъ горожанамъ на началахъ феодальнаго права (¹), съ извѣстными обязательствами. Это обстоятельство увеличивало гнетъ феодализма и феодальныхъ судовъ.

Кромѣ юрисдикціи источникомъ доходовъ для феодала служила земля. При усиленіи феодальныхъ порядковъ постепенно исчезалъ классъ независимыхъ поместельныхъ собственниковъ. Только тотъ могъ владѣть землей, кто стоялъ на какой либо ступени феодальной лѣстницы. Весь ходъ общественныхъ отношеній отъ V до X в. совершался главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ германскихъ понятій, а главнымъ образомъ благодаря христіанскимъ идеямъ, исчезало рабство, въ римскомъ смыслѣ этого слова. Освобожденные рабы постепенно превратились въ вѣрнопостныхъ (serf), прикрѣпленныхъ къ землѣ, которые хотя и составляли собственность владѣльца, но уже въ другомъ смыслѣ. Ихъ передавали только съ землей, на которой они жили. По уплатѣ разныхъ повинностей, остальной доходъ съ земли они обращали въ свою пользу. Это положеніе нѣсколько напоминаетъ нашихъ вѣрнопостныхъ крестьянъ. Въ этомъ постепенномъ исчезновеніи рабства свѣтлая сторона жизни, развивавшейся надъ христіанско-германскихъ началъ. Но съ другой стороны исчезалъ классъ людей сво-

(¹) Отсюда возникли феодальныя должности: bailli, prévot и т. п. Такъ какъ королевскія права сначала были тоже въ сущности правами феодала въ своихъ доменахъ, то были и королевскіе байльи, прево и т. д. Вообще хотятъ замѣтить, что королевскій дворъ и дворъ сиваго феодала представляли, по крайней мѣрѣ въ верныхъ порахъ, весьма много аналогичнаго. Дворъ епископа, вслѣдствіе двоякаго характера епископской власти, представлялъ стривную смѣсь церковнаго и феодальнаго характера.

бодныхъ, владѣльцевъ, стоявшихъ внѣ феодальныхъ отношеній ⁽¹⁾. Они становились или вассалами какого либо феодала, или дѣлались податными (*tributaires*), т. е. получали участокъ земли, съ обязательствомъ извѣстной платы хлѣбомъ или деньгами. По принципу они были свободны: они имѣли право оставлять владѣльца и переходить къ другому. Но прямая выгода феодаловъ состояла въ томъ, чтобы и этотъ классъ людей обратить въ полурабскую, крѣпостную зависимость. Такимъ образомъ образовался огромный классъ крѣпостнаго земледѣльческаго населенія, лишеннаго всякихъ правъ и, вмѣстѣ съ землей, составлявшаго собственность феодала. Этотъ классъ составляли *servi* (*serfs*). Феодаламъ не удалось достигнуть полной ассимиляціи лично свободнаго и обязаннаго только нѣкоторыми повинностями класса людей съ полусвободной, полурабской народной массой. Городскія общины стояли на пути этихъ стремленій. Хотя феодализмъ и уничтожилъ свободу городского населенія, но не успѣлъ вполне сравнять его съ сельскимъ земледѣльческимъ классомъ. Горожанинъ или *villanus*, какъ всего чаще называли жителей города или бурга, не былъ въ такой безконтрольной зависимости отъ сеньора, какъ поселянинъ—*serf*, обработывавшій его землю ⁽²⁾. Такое различіе конечно не было строго выработано; оно не было опредѣлено какимъ либо положительнымъ закономъ. Напротивъ феодалы всегда стремились уравнивать права того и другаго населенія. Но вслѣдствіе самаго характера городской жизни они встрѣчали препятствія. Горожанинъ, занимавшійся промысломъ или торговлей, легко могъ уходить изъ своего города, переселяться въ другой, гдѣ онъ меньше чувствовалъ стѣсненія для своихъ занятій. Крестьянину труднѣе было оставить свой участокъ земли, съ которымъ онъ сроднился, который онъ трудомъ своимъ воздѣлалъ и одобрилъ. Переходить отъ одного владѣльца къ другому не представляло особенной выгоды. Скорѣе же между

⁽¹⁾ A. Thierry. Hist. du tiers—état. Introd. Docum. inéd. p. VI—IX.

⁽²⁾ Такъ назывались впрочемъ и жители селъ и деревень, въ противоположность духовенству и феодальному дворянству; Warnkönig, t. 1, p. 252. Всѣ вообще находившіеся подъ властію сеньора жители города или села,—все равно,—назывались *homines potestatis*, *hommes de poote* также *coutumiers* или *coutumiers*. Такъ какъ *villani* и *servi* жили на землѣ сеньора, то ихъ называли еще: *munants*, ou *conchants et levants de son seigneur*.

поселанами могло обнаружиться стремление переселиться въ города. Этотъ фактъ замѣчается уже въ X и XI вѣкахъ. Владѣлецъ противодействовалъ сколько могъ подобному переходу. Только вслѣдствіе долгой борьбы городскихъ общинъ съ феодалами былъ опредѣленъ срокъ, послѣ котораго владѣлецъ не могъ требовать изъ города своего челоуѣка. Большею частію срокъ этотъ простирался только на одинъ годъ и одинъ день. Если кто-либо изъ горожанъ и вообще лично свободныхъ вступалъ въ бракъ съ крестьянкой, — дочерью *serf'a*, то долженъ былъ платить владѣльцу этой послѣдней подать, известную подъ именемъ *forpariage*. Имѣніе умершихъ безъ наследника принадлежало владѣльцу; это феодальное право называлось *manus mortua*. Вслѣдствіе того иногда огромные капиталы доставались сеньорамъ. Епископы имѣли притязаніе на имѣніе лицъ, умершихъ подъ церковнымъ отлученіемъ. Въ эпоху весьма частыхъ интердиктовъ и отлученій такое право составляло значительную статью епископскихъ доходовъ. Города были обязаны своему владыкѣ военной службой. Обязанности этой службы и срокъ ея были чрезвычайно разнообразны. Горожанинъ, владѣвшій поземельнымъ участкомъ, платилъ владѣльцу поземельный цензъ. Потомъ онъ долженъ былъ платить еще ежегодную поголовную подать (*capitagium* или *chevage*). Кромѣ этой подати сеньоръ, въ каждомъ городѣ (также какъ и въ селеніи), на принадлежащей ему землѣ, имѣлъ право пользоваться даровымъ ночлегомъ и угощеніемъ (*droit de gite*) для себя, своей прислуги, своихъ лошадей и собакъ. Если вспомнить эти частые разъѣзды феодала съ многочисленной свитой, со сворами собакъ и т. п., то будетъ понятно, какъ была тяжела эта послѣдняя повинность. Кромѣ того владѣлецъ имѣлъ еще *droit de prise*, — право забирать жизненные припасы для себя, своей свиты и своего войска, — право брать постели, мебель, посуду на такое время, на какое ему угодно⁽¹⁾. Потомъ слѣдуютъ такъ называемыя банальныя права (*bannalités* — отъ слова *bann* — латинское *bannus*)⁽²⁾. Подданный сеньора обязанъ

⁽¹⁾ Ibidem, p. 260.

⁽²⁾ Это слово употреблялось въ двойномъ смыслѣ: 1) оно означало пространство земли, подсудное сеньору духовному или свѣтскому, или духовной корпораціи — аббатству, капитулу. 2) Такъ называлось провозгла-

былъ молотъ муку на мельницѣ своего господина, печь хлѣбы въ его печи и т. п. За тѣмъ на промышленномъ и торговомъ трудѣ городского населенія лежало огромное число разнаго рода пошлинъ. Вотъ, на примѣръ, какія пошлины должны были платить граждане Амьена своему графу и другимъ сеньорамъ:— 1) *Travers*,—за провозъ товаровъ водой или сухимъ путемъ; эта пошлина называлась также *winage*, *peage*. На землѣ феодала были устроены многочисленныя заставы, на которыхъ взималась эта пошлина уполномоченными феодала. Мосты запирались цѣпами. Всякій проѣзжающій черезъ мостъ долженъ былъ заплатить особую плату, называвшуюся *pontaticum*. Въ болѣе важныхъ пунктахъ, какъ напр. въ мѣстечкѣ Варанте, на дорогѣ изъ Фландріи въ Амьень, были устроены таможни. Эти пошлины стѣсняли торговлю и служили предметомъ многочисленныхъ процессовъ. 2) *Tonlieu*, *telonium*. Эта пошлина платилась при вѣздѣ въ городъ и на рынкѣ съ продажи товаровъ; бралась она съ продавца, а иногда и съ покупателя. 3) *Mesurage*—пошлины за мѣру товаровъ, вина, хлѣба, соли и т. п. Пошлина за измѣреніе хлѣба называлась также *sesterage*. Сеньоръ имѣлъ свои мѣры для всѣхъ этихъ продуктовъ, которыми обязаны были пользоваться люди, жившіе на его земляхъ. 4) *Pesage*,—за взвѣшивание товаровъ на вѣсахъ сеньора. 5) *Étalage*—(отъ *étaux*—прилавка на рынкѣ, *stallum*). Всѣ торговыя лавки, прилавки, иногда составлявшія въ торговомъ городѣ огромныя гостинныя дворы (*halles*), были собственностью владѣльца. 6) *Torellage*—пошлина за право растить солодъ, а также и за ивоваренье; эта пошлина также называлась *sambage*. 7) *La coutume de bouleus*,—съ продажи печенаго хлѣба. 8) *La coutume des sanges*,—съ размѣна денегъ. Сеньоръ имѣлъ право бить монету въ своихъ владѣніяхъ. Мѣнялы принадлежали къ самому богатому отдѣлу городскихъ жителей,—они были чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ банкировъ. Доходъ съ размѣна былъ очень значителенъ. Феодальному владѣльцу принадлежали лѣса; для смотрѣнія надъ ними назначались имъ особые лица—*forestiers*. Если онъ давалъ жителямъ извѣстной мѣстности

шеніе какого нибудь распоряженія сеньора, — имѣвшего обязательную силу для его подданныхъ, напр. оповѣщеніе о продажѣ вина изъ виноградника сеньора. *Дю-Канжъ* подъ словомъ *banus*.

сти право пользоваться его лѣсомъ, то за это получалъ особую плату. Ему принадлежали всѣ рыбныя ловли въ его дачахъ. За известную сумму денегъ онъ позволялъ иногда жителямъ ловить рыбу въ теченіе одной или нѣсколькихъ ночей. За тѣмъ слѣдовалъ огромный отдѣлъ штрафовъ за нарушение всѣхъ исчисленныхъ правъ владѣльца. Были еще цеховыя пошлыны: каждый поступающій въ цехъ, всякій получавшій званіе мастера долженъ былъ платить феодалу известную сумму денегъ. Всякое производство, всякій отдѣлъ промышленности обложенъ былъ разнаго рода повинностями. Всѣ сдѣлки между гражданами, продажа, купля, мѣна, тоже оплачивались (эти пошлыны назывались—*lodes et ventes*). Бралась плата за постройку дома, лавки, анбара, за производимыя поправки въ этихъ постройкахъ. Хотѣлъ ли горожанинъ или поселянинъ сломать свой домъ или анбаръ и т. п., онъ платилъ сеньору деньги. Кромѣ этихъ опредѣленныхъ вѣтками налоговъ были еще чрезвычайныя,—*auxilia* (*aides*), *tallia* (*tailles*), *dona* (*dons*)⁽¹⁾. Если феодалъ отдавалъ за-мужъ дочь,—подданные обязаны были платить на ее приданое. Получалъ ли его сынъ рыцарское достоинство, тоже бралась известная плата. Сеньоръ на своей землѣ имѣлъ разнаго рода торговыя монополіи. Послѣ сбора винограда онъ торжественно объявлялъ о продажѣ вина въ теченіе мѣсяца или болѣе. Въ это время никто не смѣлъ конкурировать съ нимъ.

Ко времени полнаго господства феодальной власти въ X и XI вѣкахъ относится возникновеніе въ городахъ цеховъ. Это была первая попытка со стороны промышленнаго городского сословія къ оппозиціи противъ феодальнаго гнета. Коммуны, какъ ассоціація всего городского населенія, образовались не вдругъ; не вдругъ могла возникнуть въ умахъ горожанъ мысль о составленіи союза для взаимной защиты противъ притязаній феодализма подъ однимъ общимъ знаменемъ. Коммунальной ассоціаціи предшествовала ассоціація ремесленниковъ, занимающихся однимъ ремесломъ. Подобные союзы,—сначала тайные, были весьма естественны. Постоянныя сношенія, общность интересовъ,

(1) О всѣхъ этихъ податяхъ, пошлынахъ, налогахъ см. Du-Cange—*Glossarium mediae et infimae latinitatis*.—подъ каждымъ терминомъ; а также Warnkönig; I, 254—260.

сближали между собою ремесленниковъ. Тихо, незамѣтно возникли эти цеховые союзы; этимъ они отличаются отъ коммунъ, большею частію получившихъ право на существованіе путемъ открытаго возстанія и упорной борьбы. Коммуна заявляла чрезвычайно дерзкое, въ глазахъ феодаловъ, притязаніе,—быть свободной корпораціей, встать лицомъ къ лицу съ феодализмомъ, какъ общество людей, пользующееся социальными-политическими правами. Цехъ не имѣлъ такихъ смѣлыхъ притязаній; онъ не шелъ противъ власти сеньора, прямо не задѣвалъ феодальныхъ его правъ. Напротивъ въ интересахъ владѣльца было покровительствовать ремесламъ. Развитие промышленности въ подчиненномъ ему городѣ служило для него богатымъ источникомъ доходовъ. Феодалъ смотрѣлъ на ремесленниковъ, какъ на крѣпостныхъ, трудъ которыхъ составлялъ его собственность. Всякій мастерской обязанъ былъ отдавать ему часть своихъ издѣлій, или являться на работу по его требованію ⁽¹⁾. Часто сеньоръ отдавалъ мастеру право какого нибудь ремесла въ наследственное владѣніе, въ видѣ лена. Levasseur приводитъ нѣсколько примѣровъ такихъ ленныхъ отношеній между сеньоромъ и ремесленникомъ. Послѣдній обязанъ былъ служить первому своимъ ремесломъ, также какъ вассалъ служилъ ему оружіемъ. За это онъ получалъ отъ своего господина вознагражденіе хлѣбомъ, виномъ, а иногда и деньгами ⁽²⁾. Первоначальныя побужденія къ образованію ассоціаціи между ремесленниками заключались въ обстоятельствахъ времени, въ характерѣ эпохи и въ младенческомъ состояніи самой промышленности. Въ вѣкъ феодальнаго насилія, разныхъ смутъ и опасностей, весьма легко могла возникнуть идея о союзѣ лицъ, связанныхъ однимъ общимъ интересомъ. Духъ ассоціаціи былъ сроденъ германскому племени. Германскія гильды продолжали существовать на галльской почвѣ при короляхъ первыхъ двухъ династій. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени онѣ перешли въ союзъ съ цѣлью взаимной защиты. При младенческомъ состояніи промышленности ремесленники боялись конкуренціи. Составляя союзъ,—они гарантировали себя отъ невыгоднаго пониженія цѣнъ на ихъ произведенія

⁽¹⁾ Levasseur. Hist. des classes ouvrières; t. 1. p. 167.

⁽²⁾ Ibidem; p. 169.

со стороны отдѣльныхъ личностей. Въ то же время они обезпечивали себя и отъ тяжелаго возвышенія цѣнъ на предметы, необходимыя для ихъ производства. При составленіи союза ремесленники выигрывали во многихъ отношеніяхъ. Они помогали другъ другу. Торговля дѣла иногда велись чрезъ цеховыхъ уполномоченныхъ, и во всякомъ случаѣ, подъ защитой цѣлаго союза, они должны были идти успѣшнѣе. Ассоціаціей достигалось больше спокойствія, порядка во взаимныхъ отношеніяхъ ремесленниковъ. Ремесленники, составляя общество—цехъ, составляли извѣстныя правила (*reglements*, а потомъ *statuts*) и клялись свято исполнять ихъ. Въ этихъ уставахъ они не шли противъ своего сеньора; главной задачей ихъ было оградить себя отъ опасной конкуренціи со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ союзу, и опредѣлить извѣстныя условія производства и сбыта работы, а также взаимное отношеніе между членами корпораціи. Съ большимъ трудомъ удавалось имъ отстаивать новыя свои права противъ феодальнаго произвола. Съ большимъ трудомъ, а иногда пожертвованіями, имъ удавалось отъ самаго владѣльца получить утвержденіе своего устава. Тогда ассоціація получала законное право на существованіе.

Цехъ (*corps de métiers, métier, gilde, confrérie, charité* и т. п.)⁽¹⁾ имѣлъ свою внутреннюю организацію. Онъ имѣлъ своихъ начальниковъ, цѣлую систему администраціи. Эти цеховые начальники назывались цеховыми мѣрами (*maieurs des bannières*), хранителями ремесла, въ Амьенѣ (*gardes de métier, esgardes, eswards*), мудрыми людьми (*prudhommes*); на югѣ они получали иногда громкое имя консуловъ. Ихъ обязанность была наблюдать за исполненіемъ цеховаго устава, наказывать виновныхъ въ нарушеніи его и защищать цеховыя права. Сначала феодалы сами назначали цеховыхъ старшинъ, но съ теченіемъ времени цехамъ удалось добиться права самимъ выбирать своихъ начальниковъ. Трудно опредѣлить эпоху возникновенія организаціи цеховъ; достоверно, что они существовали уже въ XI вѣкѣ, даже нѣсколько раньше. Впрочемъ для насъ важнѣе значеніе этого социальнаго явленія, чѣмъ вопросъ о времени его происхожденія. Цехъ былъ предшественникомъ коммуны; это—ком-

⁽¹⁾ *Levass. t. 1. p. 197.*

муна въ маломъ видѣ. Происхожденіемъ своимъ цехъ, какъ и коммуна, обязанъ свободному соглашенію лицъ, связанныхъ общими интересами: цехъ былъ зерномъ, изъ котораго развилась потомъ коммуна. Его возникновеніе указываетъ намъ уже на значительное развитіе городской промышленности. Среди массы бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ европейскимъ обществомъ X и XI вѣковъ—это первый лучъ свѣта, предвѣстникъ близкаго освобожденія. Возникновеніе и развитіе цеховъ показываетъ намъ, что въ это время возникаетъ уже идея общаго соединенія на борьбу съ окружающимъ зломъ. Это уже зародышъ будущей свободы. При дальнѣйшемъ развитіи промышленнаго и торговаго богатства цеховъ,—полурабская зависимость отъ сеньора становилась болѣе и болѣе невыносимой. Такъ, гдѣ есть какая-нибудь община, союзъ людей съ извѣстною цѣлью, тамъ всего легче можетъ возникнуть мысль о борьбѣ противъ насилія. Цеховая корпорація начинаетъ чувствовать свою силу. Происходятъ цеховыя сборища, говорятъ о тяжестихъ прижимовъ и оскорбленій. Если духъ ассоціаціи распространится на нѣсколько цеховъ, если онъ обхватитъ наконецъ большинство городского населенія, то недалеко уже до возстанія, а при удачѣ—близка и свобода. Такимъ образомъ цехи были предвѣстниками великаго историческаго явленія, — освобожденія городскихъ общинъ, начало котораго мы видимъ съ половины XI вѣка, но которое во всеї силѣ разразилось уже въ XII вѣкѣ.

ГЛАВА II.

КОММУНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ; ЕЯ ПРИЧИНЫ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ.

Движеніе, охватившее вдругъ цѣлыя государства Европы, отличавшееся внезапностью, всеобщностью, упорствомъ борьбы и большею частью счастливымъ результатомъ, предполагаетъ цѣлый рядъ историческихъ причинъ, коренящихся въ особенныхъ условіяхъ времени, и обусловливаемыхъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ историческаго развитія. Мы постараемся указать главнѣйшія причины этого всеобщаго общественнаго переворота, имѣющаго всемірно-историческое значеніе, и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ освобожденія коммунъ (*affranchissement des communes*).

Все, изложенное нами выше о печальномъ положеніи промышленнаго, торговаго и рабочаго классовъ подъ гнетомъ феодализма, можетъ быть разсматриваемо какъ одна изъ причинъ, вызвавшихъ коммунальное движеніе. Тамъ, гдѣ масса народныхъ бѣдствій достигаетъ высшей точки, гдѣ кажется нельзя уже идти дальше въ подавленіи всякой свободы личности въ пользу нѣсколькихъ, привилегированныхъ лицъ, — тамъ необходимо возникаетъ реакція, которая вызываетъ рѣшительный поворотъ въ обществѣ, и рано или поздно испровергаетъ прежній порядокъ вещей. Мрачную картину представляетъ состояніе европейскаго общества въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка. Народъ испытывалъ ужасныя бѣдствія. Свирѣпствовали страшный голодъ. Отъ 987 по 1059 годъ во Франціи насчитываютъ до 48 неурожаевъ. Одинъ современникъ (Raoul Glaber), описывая всѣ ужасы голода, говоритъ, что кажется всеобщая гибель грозитъ человѣческому роду. Народъ ѣлъ нечистыхъ животныхъ или падалъ; ѣли даже человѣческое мясо; его открыто продавали на рынкахъ. За голодомъ шла чума — вераалучная его спутница. Страшными чертами описываютъ современники эту заразу. Народъ толпами стремился въ святымъ мѣстамъ; многіе умирали прежде, чѣмъ удавалось имъ достигъ цѣли путешествія; огромное число умершихъ валялось по дорогамъ. Стая вороновъ проводила толпы пилигримовъ. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединились грабежи и убійства. Повсюду былъ сильный упадокъ нравственности и всякаго порядка въ обществѣ. Вотъ что говоритъ о состояніи Франціи въ концѣ XI вѣка другой современникъ (Guibert de Nogent): „Королевство — добыча смуть и постоянныхъ войнъ. Только и слышно о грабежахъ и убійствахъ на большихъ дорогахъ. Пожарамъ нѣтъ числа; вездѣ свирѣпствуетъ война, не имѣющая другой причины, кромѣ удовлетворенія ненасытной жадности (1)“. Тоже говоритъ и Вильгельмъ Тирскій. „Для собственности теперь не существуетъ никакихъ гарантій; всякій, кто слыветъ богатымъ, находится въ опасности попасть въ оковы и подвергнуться страшнымъ истязаніямъ. Города и укрѣпленія не свободны отъ насилій; городскія улицы и площади не безопасны отъ убійцъ (2)“. — Въ такихъ насиліяхъ виновны были

(1) Hist. Hierosolymitana; l. II, c. 7.

(2) Belli sacri historia; l. I, c. 8.

Ученыя Зап. Имп. Каз. Унив. 1878 г.

главнымъ образомъ феодальныя сеньоры. Подобныя явленія свидѣтельствуютъ объ отсутствіи власти, которая была бы въ силахъ сдерживать насилие и своеволие. Единственный классъ людей—духовные, отъ которыхъ можно было бы еще ожидать лучшихъ нравовъ въ этотъ вполне-варварскій вѣкъ, были глубоко раавращены. Григорій VII писалъ въ своей буллѣ, что съ большимъ трудомъ можно найти хотя одного клирика, который бы не заслуживалъ быть низложеннымъ за свое развратное поведеніе. Епископы и священники женились, или жили открыто съ наложницами. Духовныя мѣста продавали за деньги, или отдавали безнравственнымъ дѣтямъ сеньоровъ. Вотъ назначается собраніе въ городѣ для избранія епископа; уже назначенъ кандидатомъ какой нибудь аббатъ сосѣдняго монастыря, прославившійся умомъ и святостью жизни,—какъ вдругъ является феодалъ съ толпой вооруженныхъ людей, и заставляетъ выбирать, кого онъ хочетъ самъ. Были примѣры, что 6-ти лѣтніе дѣти получали епископскій палліумъ. Монашескіе ордена въ это время уже успѣли развиться всеобщимъ зломъ. Богатство, роскошь, феодальныя привычки, верались въ эти общины, отличавшіяся сначала строгостью уставовъ. Конечно были лица, глубоко скорбѣвшія отъ этого зрѣлища всеобщей безнравственности; громко раздавалась ихъ проповѣдь о всеобщемъ покаяніи; торжественно гремѣлъ грозный голосъ такого папы, какимъ былъ Гильдебрандъ. Но подобныя лица были рѣдкостью; проповѣдь покаянія была голосомъ въ пустынѣ; реформы Григорія VII съ трудомъ проводились въ жизнь. Извѣстно, какое противодѣйствіе встрѣтила во Франціи его булла, запрещающая прелатамъ и священникамъ жениться и жить съ наложницами. Его борьба за инвеституру, направленная противъ господствующаго зла, имѣвшая цѣлю поднять положеніе духовенства, имѣла огромное социальное значеніе. Григорій VII, съ удивительнымъ искусствомъ и смѣлостію, воспользовался всѣми средствами для борьбы съ феодальными отношеніями, въ которыхъ историческимъ ходомъ событій было поставлено духовенство Западной Европы. Стремленія лучшаго папы не осуществились въ той мѣрѣ, въ какой онъ желалъ, подобно тому какъ не удалось совершить церковной реформы его преемникамъ, проникутымъ тою же мыслию, какъ напр. папѣ Паскалію II. Но самая борьба противъ феодализаціи церковныхъ должностей, желаніе вырвать духовенство изъ его мірскихъ отношеній и вы-

соко поставить, какъ образецъ высокой нравственности для грубаго общества,—не прошла безслѣдно для прогресса европейскаго общества. Григорій велъ войну не съ однимъ только Генрихомъ IV, но со всѣмъ, что грубость варварскаго нашествія внесла чуждаго въ христіанскую жизнь и церковную организацію. Отлученіе епископовъ, громы проклятія противъ могущественныхъ феодаловъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ права инвеституры, подрывали значеніе феодальной власти прелатовъ. Особенно сильно выразилось это демократическое значеніе борьбы за инвеституру въ Верхней Италіи.

Вотъ среди такихъ-то бѣдствій, въ послѣднихъ годахъ XI-го вѣка,—распространилось убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Ужасъ сдѣлался всеобщимъ. Общественныя грамматы и публичные акты того времени обыкновенно начинаются такими грозными словами: *arrgorinquante fine mundi* и т. д. Съ конца XI вѣка начинается поворотъ въ идеяхъ: мысль о концѣ міра, оправдываемая ужасными бѣдствіями и разными предзнаменованіями, вызвала сильное религиозное одушевленіе. Сенъоры стали сомнѣваться въ законности своихъ грабежей и кровавыхъ насилій. Начали строить церкви и жертвовать въ монастыри имѣнія. Потанулись огромныя толпы паллигримовъ въ святую землю. Прекратились безобразныя пиры; въ замѣнъ шумныхъ, веселыхъ кавалькадъ, по дорогамъ виднѣлись покаянныя процессіи. Среди этого всеобщаго ужаса и сильнѣйшаго религиознаго возбужденія раздавался проповѣдь Петра Пустынника и слышался призывной голосъ Урбана на борьбу съ невѣрными. Начались крестовые походы. Отдѣльные случаи возстанія городовъ противъ феодаловъ были еще до начала великаго движенія христіанскихъ народовъ на Востокъ, извѣстнаго подъ именемъ крестовыхъ походовъ. Поэтому ихъ нельзя назвать прямой причиной, вызвавшей коммунальное движеніе. Крестовые походы шли параллельно съ освобожденіемъ коммунъ и сильно содѣйствовали этому движенію. Благодаря крестовымъ походамъ, въ XII вѣкѣ мы видимъ почти уже повсемѣстное освобожденіе городскихъ общинъ и быстрый ростъ городского сословія, а въ XIII вѣкѣ городская жизнь достигаетъ полнаго разцвѣта во всѣхъ государствахъ Западной Европы.

Крестовые походы имѣли огромное значеніе въ ходѣ европейской цивилизаціи. Мы не станемъ перечислять всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій этого движенія Западной Евро-

цы на Востокъ. Это не входитъ въ планъ нашего сочиненія. Во время крестовыхъ походовъ всѣ средневѣковыя идеи получаютъ всестороннее свое развитіе; но въ то же время крестовые походы владутъ сѣмена будущей европейской цивилизаціи. Для нашей цѣли достаточно указать значеніе крестовыхъ походовъ въ судьбахъ средняго сословія. Кромѣ религіознаго энтузіазма въ этомъ движеніи имѣло большое вліяніе бѣдственное состояніе народной массы. Съ мыслию умереть за вѣру въ душѣ крестоносца зараждалась надежда на лучшее будущее. Папскія буллы освобождали крестоносцевъ изъ низшаго сословія отъ податей и феодальныхъ повинностей. Положеніе оставшихся дома было гораздо отраднѣе, сравнительно съ прежнимъ. Владѣнія феодаловъ Церковь брала подъ свое покровительство. Это не могло не отозваться благотѣльно на положеніи народной массы, когда такъ много значило покровительство Церкви. Уже самое отсутствіе феодала изъ своихъ владѣній позволяло легче вздохнуть его подданнымъ. Но была одна льгота для воиновъ креста, которая произвела огромный переворотъ въ экономическомъ состояніи тогдашняго общества и оказала рѣшительное вліяніе на судьбу средняго сословія. Вопреки строгимъ правиламъ феодальной системы позволено было сеньорамъ завладѣвать и продавать свои ленныя владѣнія, не спрашивая позволенія у высшаго феодала. Сеньоры, нуждаясь въ деньгахъ, завладѣвали и продавали свои земли за самую умѣренную цѣну. Такимъ образомъ стоимость земель повзвилась, за то чрезвычайно возвысилось значеніе капиталовъ. Буржуазія, богатство которой главнымъ образомъ заключалось въ деньгахъ, за безцѣнокъ покупала у феодаловъ земельные участки. Это измѣненіе въ распредѣленіи недвижимой собственности возвысило среднее сословіе. вмѣстѣ съ землей къ нему отошла отъ феодаловъ нѣкоторая часть того значенія, которымъ пользовались въ средніе вѣка владѣльцы поземельной собственности. Къ этому присоединились другія послѣдствія упадка цѣны на земли. вмѣстѣ съ огромной убылью въ народонаселеніи, дешевизна земли была причиной, что хлѣбъ дѣлался гораздо дешевле; вмѣсто прежняго недостатка явилось нѣкоторое изобиліе и вообще положеніе рабочихъ классовъ значительно улучшилось.

Крестовые походы имѣли огромное вліяніе на торговое и промышленное развитіе средневѣковаго общества. Въ этомъ

заключается ихъ прямое значеніе для развитія городской жизни и усиленія третьяго сословія. Коммуну создалъ промышленный и торговый трудъ; потому все, что содѣйствовало наибольшему процвѣтанію торговли и промышленности, въ тоже время служило для наибольшаго развитія городской свободы. Крестовые походы сблизили моряковъ,—торговцевъ всего свѣта. На моряхъ Востока негоціанты Бремена и Любека знакомились съ богачами Венеція и Генуи. Блескъ итальянскихъ республикъ достигъ небывалой степени. На сѣверѣ возникъ ганзейскій союзъ, который своей предприимчивостью, своими капиталами и торговыми оборотами соперничалъ съ итальянскими городами. Промышленность также получила небывалое развитіе. Въ рядахъ крестоносной арміи обыкновенно бывало много ремесленниковъ всякаго рода; они перенимали у саррациновъ и грековъ промышленныя приемы, напримѣръ, лучшіе способы выдѣлки тканей, искусство составлять болѣе прочныя краски и т. д. Въ Дамаскѣ они узнавали наилучшій способъ закаливанія стали. Въ Греціи она научилась разведенію шелковицы, обработкѣ шелка и приготовленію шелковыхъ матерій. Въ Тирѣ венеціанцы научились фабрикаціи стекла и научили потомъ всю Европу. Съ востока заимствовано устройство вѣтряныхъ мельницъ; оттуда же перенесены въ Сицилію сахарный тростникъ и другія полезныя растенія, напр. мансъ. Востокъ познакомилъ Европу съ такого рода произведеніями, о которыхъ въ то время лучшія головы имѣли самыя странныя понятія. Жуан-виль, напримѣръ, думалъ, что перецъ и корица растутъ въ земномъ раю, но вѣтеръ заноситъ ихъ въ воды Нила, гдѣ ихъ и ловятъ сѣтями⁽¹⁾. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ крестовыми походами и подъ ихъ вліяніемъ, совершился рѣшительный переворотъ въ социальномъ значеніи и судьбахъ средняго сословія.

Такимъ образомъ причины великаго историческаго явленія, т. е. освобожденія коммунъ, заключаются въ цѣломъ стрѣбѣ общественныхъ и экономическихъ отношеній, возникшихъ на развалинахъ Западной Имперіи и получившихъ полную свою организацію въ X и XI вѣкахъ. Вездѣ, во всѣхъ государствахъ Европы, гдѣ господствовала средневѣковая система,

(1) *Mémoires de Joinville*; II partie p. 36 etc; edit. de Ducange.

элементы борьбы существовали. На каждомъ пунктѣ былъ феодалъ, — представитель торжествующаго начала; но тутъ же рядомъ съ нимъ, — вокругъ его замка, — на поляхъ и въ городахъ, существуетъ угнѣтенный, обращенный въ полурабское состояніе, народъ. Интересы того и другого прямо противоположны; поводовъ для столкновенія было чрезвычайно много. Мы видѣли ужасное положеніе народной массы, но въ то же время видѣли и первые проблески приближающагося переворота. Во 2-й половинѣ XI вѣка и въ началѣ XII взаимное положеніе обѣихъ враждебныхъ сторонъ значительно измѣнилось; перемѣна эта была къ выгодѣ промышленнаго, торговаго населенія. Тогда особенно былъ силенъ духъ ассоціаціи. Необходимость взаимной помощи, среди безпорядковъ тогдашняго общества, для противодѣйствія феодальному насилию, всего болѣе содѣйствовала развитію этого духа въ городскомъ населеніи. Этотъ духъ ассоціаціи выразился въ цеховыхъ союзахъ, а за тѣмъ въ полномъ блескѣ проявилъ себя въ коммунальномъ движеніи. Идея союза, съ вѣтвеннымъ общаніемъ взаимной помощи, была глубоко вкоренена въ германскомъ племени, еще прежде его нашествія на Римскую Имперію. Мы могли бы прослѣдить проявленіе этого духа ассоціацій въ торжественныхъ собраніяхъ древнихъ скандинавовъ, когда они, сидя вокругъ жертвеннаго котла, пили чашу дружбы въ знакъ взаимной помощи и дружескаго единенія. Это такъ называемая германская гильда (*gilde*) сохранилась и послѣ, преимущественно въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, гдѣ такъ живы были германскія преданія. Съ принятіемъ христіанства они получили христіанскій характеръ. вмѣсто германскихъ боговъ и героевъ, въ собраніяхъ гильды стали призывать имена Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ. На Скандинавскомъ полуостровѣ, германскіе союзы для взаимной обороны существовали до XVI вѣка. Тамъ они не встрѣчали гоненія со стороны правительства; напротивъ имъ покровительствовали. Сохранились статуты этихъ братскихъ союзовъ въ Даніи съ XIII вѣка⁽¹⁾. Мы не будемъ входить въ разборъ этихъ статутовъ; замѣтимъ только, что они составляютъ поразительное сходство съ коммунальными хартіями французскихъ городовъ XII вѣка. Въ нихъ видимъ

(¹) A. Thierry. Consider. ch. V, p. 222.

тотъ же принципъ клятвеннаго обѣщанія стоять другъ за друга противъ кого-бы то ни было, тотъ же духъ корпораціи, враждебный всему, что не входитъ въ эту корпорацію. Это наводитъ на мысль о существованіи германской гильды и на галльской почвѣ. Дѣйствительно, историческіе источники времени меровинговъ и карловинговъ подтверждаютъ это. Мы находимъ свидѣтельство въ законодательныхъ памятникахъ каролингской эпохи,—въ капигуляріяхъ и постановленіяхъ провинціальныхъ соборовъ, что подобные союзы во Франціи строго запрещались, потому что они служили источникомъ многихъ беспорядковъ. Въ капигуляріяхъ Карла Великаго есть запрещеніе крестьянамъ составлять ассоціаціи для взаимной защиты противъ тѣхъ, кто вздумалъ бы отнять у нихъ чтонибудь⁽¹⁾. Это можетъ быть одно изъ первыхъ проявленій народнаго противодѣйствія феодальному гнету. Въ XI в. мы видимъ подобную же ассоціацію въ возстаніи нормандскихъ крестьянъ. Между ними были образованы мѣстные союзы на принципѣ клятвеннаго обѣщанія взаимной помощи; было организовано центральное управленіе, на которое каждая мѣстная ассоціація посылала двоихъ деутовъ. Известно, какъ жестоко отплатили феодалы бѣднымъ крестьянамъ за ихъ смѣлую попытку⁽²⁾. Въ томъ же видѣ мы видимъ новое примѣненіе клятвенной ассоціаціи уже на болѣе широкой аренѣ; это знаменитый миръ Божій 1095 года. Этотъ союзъ главнымъ образомъ былъ составленъ по инициативѣ духовенства противъ насилія феодальныхъ грабежей. Одинъ хроникѣръ называетъ другой подобный союзъ, бывшій въ началѣ XII вѣка при Людовикѣ VI, *communitas populagis*⁽³⁾. Но подобныя ассоціаціи не имѣли слишкомъ продолжительнаго существованія; онѣ возникали не вслѣдствіе свободнаго побужденія самихъ членовъ ассоціаціи, а подъ влияніемъ духовенства; оттого онѣ не имѣли особенной силы. Энтузіазмъ проходилъ, и ассоціація прекращалась. Совсѣмъ не то мы

(1) Capit. Carolomani apud Baluze, t. II. col. 290.—заимств. у Thierry Consider. p. 224.

(2) Wace, Roman de Rou, t. 1. p. 307. Guilelmus Gemeticensis, De gestis ducum Normannicorum; lib. V. cap. II.—A. Thierry. Consid. p. 229.

(3) Scriptores rerum gallic. et francic. t. XII, p. 705. A. Thierry, Consid. p. 230.

видимъ въ ассоціаціи коммунальной. Она представляетъ союзъ не слишкомъ огромнаго числа гражданъ одного только города; но союзъ этотъ крѣпокъ, потому что тысячи общихъ интересовъ его поддерживаютъ. Арена борьбы не слишкомъ обширна, но за то матеріалъ противодѣйствія грубой силѣ концентрируется, а потому имѣетъ и больше успѣха. Thierry начало коммуны на сѣверѣ Франціи производитъ между прочимъ изъ германской гильды, родиной которой были лѣса Франконіи. Нельзя не согласиться съ нимъ, что германская гильда дала форму коммунальному союзу конца XI и первой половины XII вѣковъ. Подобное примѣненіе въ сѣверной коммунѣ принципа клятвеннаго обязательства взаимной защиты составляетъ отличительный характеръ сѣверной коммуны отъ южной, какъ это мы увидимъ дальше. Но самый принципъ ассоціаціи въ XI и въ XII вѣкахъ есть только внѣшнее выраженіе болѣе глубокой идеи. Великимъ историческимъ событіямъ, преимущественно глубокимъ общественнымъ переворотамъ, всегда предшествуетъ перемѣна въ идеяхъ, управляющихъ этими событіями, лежащими въ основѣ переворотовъ. Сама исторія есть движеніе не внѣшнихъ событій, а прогрессивное развитіе идей человѣчества. Внѣшнія событія, какъ бы они велики, многозначительны ни были, есть только внѣшняя одежда идеальнаго міра; самое величіе свое они заимствуютъ отъ величія той идеи, выраженіемъ которой они служатъ. Это не туманное положеніе нѣмецкой философіи, а истина положительная, которая легла въ основу великихъ историческихъ трудовъ нынѣшняго столѣтія. Вся исторія служитъ доказательствомъ этой аксіомы. Великая идея вырабатывается всѣмъ человѣчествомъ; великій человѣкъ, гениальный умъ даетъ ей осозательныя формы; лучшіе умы эпохи понимаютъ и развиваютъ ее дальше. Народная масса, большинство посредственныхъ умовъ, сначала относится къ ней враждебно. Но не сокрушить имъ ея силы: она распространяется и приобретаетъ болѣе и болѣе кругъ adeptовъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ она торжествуетъ безъ кровавой борьбы; но это бываетъ чрезвычайно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ упорная борьба неизбежна. Всѣ ретроградное, отживающее востаетъ противъ нея. Сначала борьба идетъ не всегда успѣшно; но сила идеи въ томъ, что она непобѣдима. Это—чудовище древнихъ мифовъ, у котораго вмѣсто одной отрубленной головы вырастаютъ

десятки новыхъ. Чѣмъ больше противодѣйствія, тѣмъ сильнѣе, неотразимѣе пробивается новая идея человѣчества. Подавили ее въ одномъ мѣстѣ, она вдругъ вызываетъ цѣлый рядъ, явленій тамъ, гдѣ всего меньше этого ожидаютъ. Это—какъ сила жизни въ органическомъ мѣрѣ, которую можно направить такъ или иначе, можно стѣснить ее и она дастъ тогда уродливое проявленіе, но задавить, уничтожить которую—нѣтъ возможности. Но съ успѣхомъ сила идеи растетъ; какъ стремительный потокъ она рветъ всѣ преграды, она охватываетъ цѣлыя массы и создаетъ цѣлый рядъ новыхъ общественныхъ отношеній, даетъ новое направленіе исторіи человѣчества. Такой ходъ историческаго развитія идеи мы видимъ во всѣхъ великихъ историческихъ протестахъ. Такую упорную борьбу выдержала реформаціонная идея XVI вѣка, революціонная идея XVIII вѣка. Такая же борьба предстояла и идеѣ коммунальнаго движенія, какъ протеста человѣческой равноправности противъ притязаній феодализма. Конечно эту идею понимали въ XII вѣкѣ не такъ, какъ понимали ее передовые люди XVIII столѣтія; оттого она и выразилась совсѣмъ въ другихъ формахъ, въ формахъ конечно менѣе грандіозныхъ, но въ то же время имѣющихъ не меньше значенія въ исторіи человѣчества. На первый разъ идея равноправности выразилась такъ, какъ она могла только выразиться, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ. Наступала пора для историческаго значенія средняго сословія; вотъ эти-то буржуа во имя свободы труда и выступаютъ на арену борьбы. Франція, да и всѣ государства Европы того времени, не представляли національнаго единства; напротивъ, государственный организмъ въ то время состоялъ изъ членовъ, жившихъ самостоятельную жизнью и только внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ цѣлымъ. Вслѣдствіе такой разрозненности общества, борьба новой идеи совершается въ тысячѣ разныхъ мѣстностей,—ездѣ, гдѣ есть феодализмъ и подавленное городское сословіе. Идея равноправности въ томъ видѣ, какъ понимала ее буржуазія XII в., не нашла себѣ литературнаго органа, великаго ума, который бы явился проводникомъ ея, какъ нашлись такіе органы для идей Реформаціи и Революціи. Это опять весьма понятно для эпохи XI, XII и XIII вѣвовъ, когда просвѣщеніе, философская литература, составляла привилегію тѣхъ классовъ общества, противъ которыхъ направилось движеніе. Но эта идея свозить во множествѣ мел-

нихъ, мѣстныхъ документовъ, въ коммунальныхъ хартіяхъ, въ архивныхъ бумагахъ городскихъ совѣтовъ, въ письмахъ, сдѣлкахъ, договорахъ и т. д.,—что вполне соотвѣтствуетъ преимущественно утилитарному характеру движенія.

Франція, подобно прочимъ государствамъ Западной Европы, представляла чрезвычайно удобное поле для борьбы возникающаго средняго сословія съ феодализмомъ. Мы ска-зали уже, что Франція въ смыслѣ цѣльнаго, политическаго организма, въ то время еще не существовала. Король французскій самъ былъ не больше, какъ феодальный сюзеренъ небольшой части французской территоріи,—герцогства Франціи, которое соотвѣтствовало 5 нынѣшнимъ департаментамъ ⁽¹⁾. Парижъ и Орлеанъ составляли единственно значительные города въ королевскихъ владѣніяхъ. Къ сѣверу отъ этихъ владѣній простиралась Пикардія, или графство Вермандуа и Булонь; еще дальше на сѣверъ находилась Фландрія, которая была не меньше королевскаго домѣна, но гораздо населеннѣе и отличалась уже промышленно-торговымъ характеромъ своихъ богатыхъ городовъ. Города Гентъ и Брюгге были уже въ состояніи противиться феодальнымъ притязаніямъ своихъ графовъ. Къ востоку отъ Иль-де-Франса простиралась Шампань и Бургундія, принадлежавшія могущественнѣйшимъ баронамъ королевства, потомки которыхъ не разъ бывали на королевскихъ престолахъ Европы. Графамъ Шампани принадлежало въ XIII вѣкѣ королевство Наваррское; вѣтвь бургундскаго дома въ XII вѣкѣ основала Португальское королевство. Съ другой стороны Анжу,—съ своими воинственными графами,—постоянно держало въ страхѣ первыхъ капетинговъ. Еще дальше на западъ жила совершенно отдѣльной и независимой жизнью Бретань, населенная потомками древнихъ кельтовъ, говорившая совершенно инымъ языкомъ и отличавшаяся особенностями нравовъ, обычаевъ и своеобразной поэзіей бардовъ. Къ сѣверу отъ Бретани небольшой полуостровъ Нормандія былъ занятъ воинственнымъ племенемъ,—потомками прежнихъ страшныхъ пиратовъ, въ которыхъ не улеглась еще прежняя удаля, и которые недавно переправились черезъ проливъ для завосванія Англо-Саксонскаго королевства. Къ югу отъ Луары

⁽¹⁾ Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы и Луарѣ.

до Пиринеевъ почти половина Галліи была населена романскимъ племенемъ, рѣзко отличавшимся отъ сѣверныхъ жителей Галліи; оно говорило особымъ языкомъ, родственнымъ южнымъ романскимъ нарѣчіемъ; имѣло свои преданія, свои законы, свои нравы. Въ городахъ этой обширной территоріи чище сохранились римскія преданія. На цвѣтущихъ равнинахъ Прованса зарождалась своеобразная цивилизація, которая въ полномъ блескѣ развернулась еще тогда, когда сѣверъ Франціи находился во мракѣ глубокаго невѣжества, но которая скоро исчезла подъ волнами новаго варварскаго нашествія. Эта обширная область номинально признавала сюзеренство французской династіи, но принадлежала разнымъ феодаламъ, между которыми особенно выдавались богатствомъ графы тулузскіе. Западная часть этой обширной территоріи Турэнъ (Touraine), Пуату (Poitou), Керси (Quercy), Гвиеннь (Guienne), Гасконь (Gascogne), вмѣстѣ съ сѣверо-западными провинціями—Анжу (Anjou), Мань (Maine), Бретанью и Нормандіей, скоро вошла въ составъ какъ бы новаго феодальнаго королевства, подъ властію плантагенетовъ и сюзеренствомъ французскихъ королей⁽¹⁾. Мы привели только крупныя територіальныя дѣленія; они въ свою очередь дробились на множество мелкихъ феодальныхъ владѣній, изъ которыхъ каждое имѣло притязаніе на независимое существованіе.

Подобная арена, при всемъ стѣсненіи для свободы промышленнаго, торговаго и земледѣльческаго классовъ, была чрезвычайно удобна для предстоящей борьбы. Въ противоположномъ лагерѣ не было единодушія: феодалы были въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ. Вслѣдствіе разрозненности своихъ интересовъ, они не всегда могли дѣйствовать единодушно въ отношеніи подавленной народной массы. При разсмотрѣніи коммунальнаго движенія мы увидимъ, что весьма часто высшій феодалъ противъ низшаго принимаетъ сторону возмущившагося города. Положимъ, что большею частію это дѣлалось изъ корыстныхъ видовъ; во всякомъ случаѣ результатъ былъ благодѣтеленъ для коммуны. При этомъ не нужно забывать, что феодальное общество, то есть, всѣ обладавшіе феодальными правами, составляли общество свободныхъ. Подобное общественное состояніе во всякомъ случаѣ лучше полной тиранніи,—въ родѣ восточныхъ деспотій. При

(1) Warnkönig. 1. 176—202.

феодалномъ строѣ былъ полный просторъ личной храбрости, личной инициативѣ. Это придавало феодалному сеньору характеръ какой-то независимой гордости. Подобный принципъ личной свободы въ привилегированномъ классѣ общества не замедлилъ распространиться мало по малу и на другіе слои общества. Оттого въ средніе вѣка воинственный характеръ былъ удѣломъ не однихъ только феодалныхъ сеньоровъ. Средневѣковый горожанинъ—это не тотъ тихій мирный буржуа, съ которымъ мы знакомы въ новѣйшее время исторіи, отличающійся любовью къ тишинѣ и семейными добродѣтелями. Въ то время, когда было такъ мало гарантій для общественнаго спокойствія, всякій самъ долженъ былъ заботиться о своей личной безопасности. Оттого военныя ассоціаціи купцовъ и ремесленниковъ встрѣчаются никакъ не позже рыцарскихъ ассоціацій. Горожане, подъ предводительствомъ знатныхъ феодаловъ, часто бывали въ военныхъ передѣлкахъ. Отъ феодаловъ они перенимали тогдашніе военные приемы; они умѣли отразить нападеніе, разорвать ряды тяжелой кавалеріи, взобраться на стѣны замка. Этимъ искусствомъ они съумѣли потомъ воспользоваться противъ самихъ феодаловъ. Такихъ примѣровъ много въ исторіи коммунъ. Такъ жители Манса, сначала въ союзѣ съ феодалами, вели войну противъ норманновъ, а потомъ возстали противъ самихъ феодаловъ и добыли себѣ свободу (*).

Но въ средневѣковомъ обществѣ была еще одна сила, стремленія которой совпадали съ стремленіями городскихъ общинъ и не могли не отозваться для нихъ благотворно въ предстоящей борьбѣ. Это—сила королевской власти. Въ короляхъ третьей расы не умерли преданія, завѣщанныя имъ исторіей. Получивши королевскій титулъ по избранію, а не по праву королевскаго происхожденія, сначала они заискиваютъ у могущественныхъ бароновъ королевства. Первые капетинги носили только королевскій титулъ, но въ сущности были гораздо слабѣ своихъ могущественныхъ сосѣдей. Эти послѣдніе только номинально признавали ихъ сюзеренство, а на дѣлѣ были сами самостоятельными государями въ своихъ владѣніяхъ. Большаго труда стоило первымъ капетингамъ одолѣть своихъ собственныхъ вассаловъ, водворить нѣкото-

(*) A. Thierry. Considerations sur l'histoire de France, p. 194.

рый порядокъ въ своемъ домѣнѣ. Башня Монлери (Montlhergu), находившаяся въ 6 лѣ отъ Парижа, долго держала ихъ въ постоянной тревогѣ; взять и разрушить ее имъ удалось только при помощи другихъ феодаловъ. Бѣдный Филиппъ I, отправляясь изъ Парижа въ Орлеанъ, для охраненія своей личности долженъ былъ нанимать стражу. Самъ Людовикъ Толстый уже въ XII в. не въ силахъ былъ одолѣть одного замка и принужденъ былъ просить помощи у графа Шампанскаго. Вообще задача французскихъ королей, отъ Гуго Капета до Филиппа Августа, т. е. до начала XIII в., состояла въ томъ, чтобы упрочить за собой свои собственныя владѣнія, ввести большій порядокъ во внутреннее управленіе своихъ домѣновъ и стать твердой ногой лицомъ къ лицу съ феодальной конфедераціей. Впрочемъ нѣкоторымъ значеніемъ у феодаловъ королевская власть пользуется еще при Людовикѣ VI (1108—1137 г.) Толстомъ. Жизнеописатель его, аббатъ Сугерій говоритъ, что вступивши на престолъ, онъ не оставилъ обычая прибрѣтеннаго имъ въ молодости, — покровительствовать церквамъ, поддерживать бѣдныхъ и угнѣтвенныхъ, и заботиться о защитѣ и безопасности государства (¹). Во всякомъ случаѣ можно допустить, что идея о королевской власти, какъ объ источникѣ законодательства, администраціи, правосудія для всего королевства, не умирала у капетинговъ. Духовенство, пользовавшееся большимъ значеніемъ при первыхъ короляхъ этой династии, поддерживало въ нихъ эту идею. Лучшіе изъ нихъ, напримѣръ Людовикъ VI, какъ бы предчувствуютъ свое призваніе, которое такъ хорошо поняли и выразили въ жизни его потомки, какъ Филиппъ Августъ, Людовикъ св. и Филиппъ IV. Конечно Людовикъ VI не могъ заявлять притязаній на всеобщее значеніе королевской власти; но онъ заявляетъ, напримѣръ, о правѣ вмѣшательства въ дѣла между феодалами, для поддержанія общественнаго мира, среди всеобщаго насилія и произвола. Пользуясь этимъ правомъ, король подъ видомъ устроенія общественнаго мира могъ мало по малу ослаблять феодаловъ. Это право послужило исходной точкой для дальнѣйшаго развитія королевской власти. Во всякомъ случаѣ для насъ важно то обстоя-

(¹) *Vie de Louis le Gros par Suger*, c. 14.—Guizot. *Hist de la civilis. en France* t. IV, p. 398.

тельство, что въ феодальномъ обществѣ XI и XII вѣковъ существовала сила, которая пріобрѣтала перевѣсъ надъ прочими, стремленія которой уже и въ то время начали получать противоположное направленіе феодальнымъ порядкамъ. Для коммунальной борьбы подобное обстоятельство было чрезвычайно благодѣтельнымъ. Если инициативу коммунальнаго движенія во Франціи несправедливо приписывать королевской власти, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что движеніе это при извѣстныхъ условіяхъ могло встрѣтить точку опоры въ королевской власти. Во французской исторической литературѣ вопросъ о значеніи королевской власти въ важномъ дѣлѣ освобожденія коммунъ до сихъ поръ не рѣшенъ еще окончательно. Прежде думали, что коммуна есть созданіе генія Людовика VI и его совѣтника, аббата Сугерія. Сотни фактовъ опровергаютъ это положеніе. Коммунальное движеніе есть великое историческое событіе, вызванное социальными и экономическими условіями времени. Приписывать его одному лицу, хотя бы и геніальному, какимъ далеко не былъ ни самъ Людовикъ, ни его совѣтникъ, можно было только при отсутствіи серьезнаго историческаго пониманія. Новѣйшая историческая наука во Франціи, преимущественно въ лицѣ Огюстена Тьерри, доказала исторически-міровое значеніе коммунальной революціи. Но вопросъ о значеніи королевской власти въ освобожденіи коммунъ не рѣшенъ съ точностію. Самъ Thierry колебался во взглядѣ на этотъ предметъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ высказываетъ такое мнѣніе, что верхъ нецѣпости приписывать королямъ французскимъ инициативу въ коммунальной революціи (lettre XV). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Thierry говоритъ, что, отъ вступленія на престолъ Людовика Толстаго до смерти Людовика XIV, каждый фазисъ въ историческомъ развитіи средняго сословія связанъ съ именемъ великаго короля или великаго министра. Гизо въ своей исторіи французской цивилизаціи тоже касается этого вопроса. Французскій историкъ-доктринѣръ въ фактѣ освобожденія коммунъ приписываетъ большую роль королевской власти. Врагъ революцій всякаго рода,—онъ игнорируетъ силу общественнаго переворота, совершившагося съ XI по XIII вѣкъ. Для этого онъ преувеличиваетъ крѣпость и единство феодальной организаціи и утверждаетъ, что коммуны безъ помощи королевской власти непремѣнно пали бы въ неравной борьбѣ. Если коммунальное движеніе имѣло ус-

пѣхъ, то это потому только, что оно нашло себѣ могущественныхъ покровителей въ лицѣ королей третьей расы. Онѣ соглашались, что коммуны большею частію возникали сами собой, даже противъ воли королей. Но безъ помощи королевской власти онѣ не могли устоять въ борьбѣ съ феодалами. По обыкновенію Гизо, доктринёръ въ этой фразѣ, какъ и во всей своей систематизаціи французской исторіи. Онѣ подводитъ факты подъ свою доктрину о четырехъ элементахъ, составляющихъ зародышъ историческаго развитія. Элементы эти: теократія, аристократія, монархія и демократія. Каждый изъ нихъ въ извѣстное время преобладаетъ въ жизни народа. Эта доктрина Гизо часто проводитъ его къ натяжкамъ въ исторіи. Такъ какъ, послѣ господства феодальной аристократіи, по системѣ Гизо, наступала пора монархическаго элемента, то демократическое движеніе въ XII в. казалось ему несвоевременнымъ. Демократическій элементъ долженъ былъ ждать еще своего времени. Гизо фаталистъ въ исторіи. Изъ этого фатализма проистекаетъ его полная вѣра въ легальность и глубокое значеніе для Франціи абсолютизма французскихъ королей. Эта вѣра привела его и къ тому воззрѣнію, что коммуна безъ королевской власти непременно погибла бы. Тутъ онѣ стоитъ не на исторической точкѣ зрѣнія. Онѣ забываетъ, что если въ XI и въ началѣ XII вѣка была слаба коммуна, то чрезвычайно сильно было коммунальное движеніе. Коммуны возникаютъ повсемѣстно, во всей Европѣ, — возникаютъ вдругъ. Этотъ взрывъ, не смотря на страшный гнетъ феодализма, указываетъ на могучесть силы, которая его вызвала; это — сила самаго историческаго движенія. Смѣшивать коммуны, какъ частную форму, какъ мѣстное выраженіе этой силы, съ самой силой, создавшей въ полѣнѣ городскую жизнь на всѣхъ пунктахъ Европы, — это тоже, что смѣшивать силу жизни съ какимъ нибудь органическимъ зародышемъ, который она порождаетъ. На первый разъ коммуна была конечно не сильна; она и не могла быть сильной лицомъ къ лицу съ феодальнымъ началомъ, охватившемъ все общество, предъ которымъ слаба была и королевская власть. Но сильна была та идея, которая въ ней проявилась (1). Можно было уничтожить одну коммуны, или

(1) Въ высшей степени не логично сравнивать въ отношеніи силъ такіа понятія, какъ коммуна, феодализмъ, королевская власть. Феодализмъ —

нѣсколько такихъ мелкихъ слабыхъ корпорацій; но въ за-мѣнѣ ихъ возникали десятки другихъ. Французскіе короли иногда даже враждебно относились къ коммунальному движенію. На своихъ земляхъ они не допускали возникновенія коммунъ, или подавляли ихъ съ страшной жестокостью. Туда, гдѣ всего пышнѣе развертывался цвѣтъ городской жизни, на югѣ Франціи—въ Лангедокъ, и на сѣверѣ—во Фландрію, во главѣ огромныхъ армій, французскіе короли внесли всѣ ужасы опустошенія. Короли французскіе впрочемъ не вдругъ рѣшались уничтожить коммунальное устройство въ провинціяхъ, присоединяемыхъ ими къ короннымъ владѣніямъ, какъ напр. въ Нормандіи, въ Анжу, въ Бретани, Гвиенни, Провансѣ. Они боялись вооружить противъ себя богатое городское сословіе. Но во всякомъ случаѣ, медленнымъ путемъ постоянного вмѣшательства и парламентскихъ рѣшеній, они постепенно уравнивали свободныя городскія общины съ городами, не имѣвшими политическихъ правъ; каковы и были города, непосредственно зависѣвшіе отъ короны, какъ Парижъ и Орлеанъ.

Потомъ коммунальная хартія утверждала не одна королевская власть; каждый изъ бароновъ, уступая силѣ движенія, принужденъ былъ иногда утверждать ихъ. Съ коммунальной революціей случилось тоже, что бываетъ и со всякимъ соціальнымъ переворотомъ. Противъ него вооружилась та сила, которая всего менѣе съ нимъ мирилась, сила феодальной аристократіи. Королевская власть сначала не понимала всей важности совершавшагося переворота и, не имѣя еще въ отношеніи коммунъ твердоустановленной системы, поступала случайно. Изъ корыстныхъ видовъ, часто за деньги, она утверждала коммуну; потомъ, получивши отъ феодальнаго сеньора еще большую сумму, уничтожала коммуну, даже подавляла ея свободу силой оружія. Конечно и въ то уже время для королевской власти выгоднѣе было поощрять все, что подрывало силу феодализма; оттого мы больше видимъ королевскихъ дѣйствій за коммуны, чѣмъ противъ нихъ. Но во всякомъ случаѣ не было никакого систематическаго, ясно сознанныаго плана дѣйствій относительно городскихъ общинъ. Планъ этотъ могъ создаться не иначе,

собрательное понятіе, королевская власть—отвлеченная идея, коммуна—понятіе конкретное.

какъ подъ вліяніемъ самаго коммунальнаго движенія. Оно шло сильнѣе и сильнѣе; не только большіе торговые города, но и слабѣе бурги создавали въ стѣнахъ своихъ коммунальное устройство⁽¹⁾. Многіе сеньоры уступали силѣ этого движенія; они спѣшили войти съ общинами въ сдѣлки, чтобы гарантировать себѣ относительно ихъ хотя нѣкоторыя феодальныя права. Вотъ тогда-то королевская власть, подъ вліяніемъ распространившихся идей римскаго права, и уже достаточно сильная въ отношеніи къ феодальной аристократіи,—поспѣшила встать во главѣ этого движенія. Въ этомъ, если угодно, заслуга французскихъ королей. Они успѣли опереться на ту силу, подавить которую ни они, ни феодальная аристократія, не были въ состояніи. Они искусно пользовались этой страшной силой въ борьбѣ съ феодализмомъ. Коммунальное движеніе и королевскій абсолютизмъ,—оба имѣли общаго врага, общее стремленіе противъ феодальной автономіи. Но во всемъ прочемъ они глубоко расходились между собою. Коммуна стремилась къ самоуправленію, къ свободѣ суда, къ свободѣ отъ государственныхъ налоговъ; въ ней была сила децентрализаціи. Королевская власть имѣла въ виду создать единое государственное тѣло съ монархомъ во главѣ, монархомъ—источникомъ всякой власти въ государствѣ. Ея видамъ не отвѣчала ни пестрая, разнообразная жизнь коммунъ, ни стремленія ихъ къ автономіи въ дѣлахъ внутренняго управленія. Оттого королевская власть не была надежнымъ союзникомъ коммунъ; мало по малу она сумѣла втянуть ихъ въ общую административную сѣть, которую она навидывала на всю французскую націю.

Все дальнѣйшее изложеніе наше будетъ служить оправданіемъ этого положенія. Вообще двѣ главныя идеи, два ряда отношеній, должны быть у насъ въ виду, при изученіи коммунальнаго движенія и исторіи французской коммуны въ средніе вѣка. Это, во первыхъ,—отношеніе коммуны къ феодальнымъ своимъ сеньорамъ и постоянная борьба съ ними; во вторыхъ,—отношеніе коммуны къ королевской власти, вмѣшательство этой послѣдней въ борьбу и постепенный захватъ на счетъ обоихъ противниковъ. Мы впрочемъ не хотимъ сказать этимъ, чтобы королевская власть вездѣ, всегда

(1) A. Thierry. *Consider.* p. 184.

Ученія Зап. Имп. Каз. Унив. 1873 г.

и во всѣмъ шла въ разрѣзъ съ городскими общинами. Была эпоха, когда королевская власть поддерживала коммуны и, конечно, эта поддержка чрезвычайно много значила для развитія городской жизни. Но нужно знать мѣру этой поддержки. Именно, политика королевской власти во Франціи представляетъ двойственный характеръ: одной рукой она помогала историческому прогрессу третьяго сословія; другой— всегда стремилась это сословіе удержать въ подчиненномъ къ себѣ отношеніи, шла на переکورъ всѣмъ его политическимъ стремленіямъ, какъ бы они не проявлялись, въ видѣ ли мѣстной автономіи, или съ притязаніями на управленіе государствомъ чрезъ своихъ представителей на собраніяхъ государственныхъ чиновъ. Замѣтимъ при этомъ, что въ новейшей французской исторической литературѣ—прославляется направленіе, противоположное выводамъ Гизо и Тьерри.

Теперь ставятъ впередъ то положеніе, что французская исторія въ средніе вѣка создавалась не королевской властью, а самимъ французскимъ народомъ, преимущественно третьимъ сословіемъ. Но подъ вліяніемъ революціонныхъ идей, которыя никогда не умираютъ во французскомъ обществѣ, представители этого возрѣнія уже забываютъ все историческое значеніе королевской власти для соціального роста третьяго сословія (¹). Это уже другая крайность, вызванная преувеличеніями прежней исторической школы. Изученіе исторіи коммунъ по подлиннымъ документамъ даетъ возможность предохранить себя отъ подобныхъ увлеченій въ ту и другую сторону. Оно укажетъ намъ слабыя стороны въ самой средневѣковой французской коммунѣ, которыя,—въ связи съ другими причинами, особенно при стремленіи королей къ централизаціи, не могли обѣщать этой коммунѣ прочной организаціи и продолжительнаго существованія. Установивши взглядъ на значеніе тѣхъ элементовъ, среди которыхъ пришлось развиваться французской коммунѣ, мы переходимъ къ краткому обзору самой коммунальной революціи, создавшей эти городскія общины.

Коммунальное движеніе, возродившее городскую жизнь средневѣковой Европы, шло изъ Италіи,—страны классическихъ преданій. Верхняя Италія представляла много анало-

(¹) Таково между прочимъ сочленіе Fr. Morin'a: *Origines de la démocratie. La France au moyen âge. 1865.*

гичнаго съ сѣверной Франціей въ томъ отношеніи, что ломбардское завоеваніе тамъ глубоко утвердило германскіе обычаи, а потомъ власть франковъ послужила къ развитію феодальныхъ началъ. Въ городахъ Ломбардіи власть епископовъ была полная, но въ то же время тамъ не умирали преданія и о старинной муниципальной свободѣ. Вслѣдствіе чего неминуемо должна была возникнуть борьба между тѣмъ и другимъ элементомъ, т. е. между феодальнымъ самовластіемъ епископовъ и стремленіемъ городовъ къ самоуправленію. Вслѣдствіе усилившагося богатства этихъ городовъ, ихъ промышленнаго развитія, и не безъ вліянія папской власти, которая въ средніе вѣка на Аппенинскомъ полуостровѣ почти всегда отличалась демократическимъ характеромъ,—ломбардскіе города свергли съ себя власть епископовъ и организовались въ свободныя общины. Исполнительная власть въ этихъ общинахъ принадлежала консуламъ. Они имѣли право войны и спора, созывали народное собраніе, издавали декреты по всѣмъ отраслямъ администраціи. Они судили, или назначали судей въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ; однимъ словомъ они олицетворяли собою верховную власть народа. Это движеніе, положивши начало итальянскимъ республикамъ, не ограничилось одной только Италіей; оно перешло черезъ Альпы и распространилось во Франціи, достигло береговъ Рейна и Дуная и отозвалось въ Германіи. Какъ мы сказали уже выше, элементы борьбы существовали вездѣ, гдѣ развилась феодальная система; движеніе изъ Италіи было искрой, воспламенившей уже готовый матеріалъ. Вездѣ, гдѣ боролась сила возрожденія городской свободы съ феодальнымъ гнетомъ; толчекъ изъ Италіи давалъ направленіе этой силѣ и цѣлый рядъ мѣстныхъ стольковеній превратилъ во всеобщее революціонное движеніе (*).

Прежде всего это движеніе сказалось на югѣ Франціи. Здѣсь много было старыхъ римскихъ городовъ; остатки ихъ муниципального устройства здѣсь лучше сохранились, чѣмъ на сѣверѣ. Народонаселеніе съ своими оригинальными правами и обычаями, съ римскими преданіями, съ своей своеобразной начинающейся цивилизаціей, съ южнымъ романскимъ нарѣчіемъ, родственнымъ языкамъ южныхъ госу-

(*) A. Thierry. Consider. p. 215.

дарствъ Европы, — представляло большее родство съ итальянскимъ племенемъ. Епископальная власть въ городахъ Юга не получила такого вполне феодальнаго характера, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ Франціи; на Югѣ она не шла въ разрѣзъ съ муниципальными учрежденіями. Епископы даже поддерживали небирательное начало въ городахъ, давали ему свою санкцію. Подъ вліяніемъ итальянскихъ республикъ, въ городахъ Юга съ XII в. почти повсемѣстно мы видимъ учрежденіе консуловъ, которые съ новымъ блескомъ замѣняютъ прежнихъ *prud'hommes* ⁽¹⁾. Здѣсь освобожденные городскія общины достигли полноты республиканской свободы, которая была только идеаломъ для городовъ сѣверной Франціи. На сѣверѣ борьба была продолжительнѣе и не всегда сопровождалась такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ на Югѣ. Одно изъ неблагопріятныхъ условий для сѣверныхъ городовъ заключалось въ томъ, что они находились въ двойной зависимости отъ своего прямаго сеньора и отъ высшаго сюзерена, — короля Франціи. Этотъ послѣдній часто вмѣшивался въ борьбу, и притомъ противъ возникающей коммуны, какъ это уже было замѣчено нами выше. Честь перваго учрежденія коммуны принадлежитъ Камбрѣ, древней муниципіи, — гдѣ съ X вѣка шла ожесточенная борьба между епископомъ и гражданами. Здѣсь въ 1076 году возникло коммунальное устройство, по выраженію лѣтописца, *conjuratio* — заговоръ ⁽²⁾. Отсюда пропаганда направилась въ югу, тогда какъ движеніе изъ Италіи шло къ сѣверу. Послѣ Камбрѣ французскіе города получаютъ коммунальное устройство въ слѣдующемъ порядкѣ: Нуайонъ (Noyon — около 1110 г.), Бове (Beauvais — 1122 г.), Сентъ-Рикье (Saint-Riquier — 1126 г.), Лаонъ (Laon — 1128 г.), Амьенъ (Amiens — 1113 г.), Суассонъ (Soissons — 1181 г.), Реймсъ (Reims — 1120 г.), Корбія (Corbie — 1180 г.), Аббевиль (Abbeville — 1185 г.), Компьенъ (Compiègne — 1186 г.)

⁽¹⁾ Въ Каркассонѣ консульство учреждено въ 1107 году, въ Везерѣ въ 1121 или 1131, Монпелье — 1141, Нимъ — въ 1145, Нарбоннъ — 1148, Арль — 1131, Авиньонъ — 1146 г. — Warnkönig. Franz. Staats und Rechtsgeschichte. I, 321. Въ Тулузѣ коммунальскіе списки вѣданы съ 1147 года. Raynouard. Droit munic. en France, II, 200—207.

⁽²⁾ Исторія борьбы этихъ городовъ за свободу прекрасно рассказана А. Thierry, въ его *Lettres sur l'hist. de France; Lettres XIV—XXIV.*

и т. д. Некоторые из этих городов приобрели коммунальную свободу путем правовой борьбы, какъ напримѣръ, Туайонъ, Бове, Лаонъ, Амьенъ и Суассонъ. Другіе получили права коммуны по соглашеніи съ сеньоромъ и съ утверженія короля. Восстаніе имѣло характеръ внезапности и борьба была упорная. Ему обыкновенно предшествовало сильное волненіе между горожанами. Много было шумныхъ толковъ объ обидахъ и страшныхъ притѣсненіяхъ со стороны сеньора. Составлялся союзъ сначала небольшого кружка болѣе смѣлыхъ головъ, потомъ этотъ расширялся и захватывалъ болѣе болѣе большой кругъ горожанъ. Конечно въ немъ было больше всего лицъ низшаго сословія, наиболѣе бѣдныхъ, наиболѣе страдавшихъ отъ притѣсненій сеньора. Волненіе достигало высшей степени, когда узнавали, что какой нибудь сосѣдній городъ успѣлъ уже свергнуть феодальное иго. Случалось, что являлись агитаторы изъ другихъ уже освободившихся общинъ: такъ въ городѣ Везелѣ (Vezelay) жителей возбуждаетъ къ борьбѣ съ аббатомъ одинъ изъ переселенцевъ съ Юга (¹). Чаще всего восстаніе начиналось среди ночной тишины.

Нѣсколько смѣльчаковъ нападаютъ на феодальную стражу въ какомъ нибудь пунктѣ города. Укрѣпившись въ захваченномъ пунктѣ, смѣльчаки съ крикомъ коммуна, коммуна! (*commune, commune!*) расходятся по всему городу. Къ нимъ присоединяются толпы торговцевъ и ремесленниковъ, вооруженныхъ чѣмъ ни пошло. Но это только сигналъ къ борьбѣ продолжительной и упорной. Съ войсками феодала приходилось биться на улицахъ, площадяхъ; приходилось брать приступомъ внутри самаго города не одинъ укрѣпленный домъ, въ которомъ заключались вассалы барона, ненавидимые для народа. Феодальный замокъ, который грозно высился надъ городомъ, всего больше внушалъ страха и ненависти горожанамъ. Осада его иногда продолжалась цѣлыя недѣли. Если имъ удавалось овладѣть замкомъ, то отъ него оставалась только груда камней и щебня. Но это не все: вокругъ города было не одно подобное разбойничье гнѣздо; пока они всѣ не были разворены, у жителей не могло быть покойно на сердцѣ. И вотъ начинался рядъ осадъ и приступовъ. Бѣ-

(¹) A. Thierry. Lettres sur l'hist. de France. Hist. de la commune de Vezelay, I. XXII—XXIV.

жившій феодалъ часто возвращался съ войскомъ, которое онъ получалъ отъ другаго феодала, или отъ своего сеньора, часто отъ самого короля. Случалось, что коммуна не въ силахъ была сопротивляться и тогда, послѣ страшной рѣзни, громадныхъ штрафовъ и истязаній всякаго рода, начинался опять гнѣтъ феодала, который былъ еще тяжелѣе прежняго, какъ месть за попытку въ освобожденію. Но случалось и такъ, что путемъ долгой борьбы, или денежныхъ пожертвованій городъ успѣвалъ добиться утвержденія своей коммуны. Коммуна (*communia*, *communia jurata*, *la commune juree*) имѣла еще другіе синонимическіе термины,—*conjuratio*, *amicitia*, *confederatio*, *confraternitas*, *рах* и т. п. Она означала вѣтвенный союзъ жителей города для взаимной защиты противъ феодальнаго насилія. Возставшіе противъ власти феодала собирались, или въ церкви, или на городской площади. Тутъ они давали вѣяту стоять другъ за друга, сохранять между собой взаимный миръ и не допускать, чтобы кто нибудь обращался съ ними какъ съ рабами (*serfs*). Всѣ давшіе такую присягу назывались *jurati*—*jurés*; отсюда названіе коммуны—*conjuratio*. Собраніе выбирало изъ среды себя городскихъ начальниковъ, на которыхъ возлагалась обязанность блюсти интересы коммуны, завѣдывать ея финансами, судомъ и администраціей. Такимъ образомъ выбирали мэра (*major*—*maire*) и засѣдателей (*scabini*—*échevins*, которые впрочемъ иногда называются тоже *jurati*). Такимъ образомъ составлялся городской совѣтъ; коммуна получала внутреннюю организацію. Первой заботой городской администраціи было подумать о защитѣ города. Учреждалась городская милиція; выбирали для нея начальниковъ между гражданами, отличившимися особенной храбростью во время возстанія. Если городъ былъ слабо укрѣпленъ, то городскія власти заботились объ исправленіи укрѣпленій; иногда приходилось вновь строить городскія стѣны, копать рвы и дѣлать земляныя насыпи. Это требовало расходовъ и подавало поводъ къ налогу на жителей,—членовъ коммуны (*taillia*, *la taille*). Коммуна, въ общемъ собраніи своихъ членовъ составляла хартію (*la charte de la commune*, *chartam communiae*), въ которой наскоро излагались условія ассоціаціи и опредѣлялись отношенія къ феодалу. Коммунальная хартія часто составлялась путемъ соглашенія съ сеньоромъ; поэтому она представляетъ сдѣлку, компромисъ между городской свободой и феодальны-

ми правами сеньора. Обязываясь исполнять въ отношеніи сеньора нѣкоторыя повинности, впрочемъ не слишкомъ тяжелыя сравнительно съ прежними, коммуна гарантировала себѣ свободу собственной администраціи и значительныя судебныя права. Верхомъ желаній коммуны было получить утвержденіе хартій отъ короля. Королевская санкція давала коммуна́мъ право на законное существованіе въ феодальномъ обществѣ того времени. Собраніе городского совѣта производилось въ общественномъ городскомъ домѣ. Рядомъ съ городской ратушей, а иногда и прямо надъ ней, возвышалась городская башня (*beffroi*), съ вѣчевымъ колоколомъ. Башня эта составляла предметъ гордости и страстной любви горожанъ. Обыкновенно очень бережливыя въ своихъ расходахъ, они ничего не жалѣли для украшенія своей башни, напоминавшей имъ объ ихъ свободѣ. Съ развитіемъ готическаго стиля и городскія башни начали строиться въ этомъ вкусѣ. Особенной величавостью отличались городскія башни богатыхъ городовъ Юга и итальянскихъ республикъ. Знаменитая башня Пизанская есть монументъ городской свободы, гордаго республиканскаго духа.

Коммуна привилась вездѣ, гдѣ существовали остатки римскихъ муниципій, гдѣ и въ XI вѣкѣ еще не вымерли преданія о прежней свободѣ. Мы представили чистый типъ коммуны, но не всѣ города получили одинаковыя коммунальныя права. Существовало множество оттѣнковъ городскихъ вольностей. *Dom Garrin* дѣлаетъ различіе между разными степенями внутренняго самоуправленія въ городахъ Франціи,—*affranchissement*, *franchise*, *commune*. Права коммуны давали больше, чѣмъ просто *affranchissement* или *franchises*. *Affranchissement*—только освобождало отъ тяжелой повинности,—называвшейся *manus mortua*. *Franchises*—предполагали освобожденіе отъ большаго числа феодальныхъ повинностей и утвержденіе городскихъ вѣтумовъ, съ условіемъ извѣстной платы, извѣстнаго оброка сеньору. Коммуна имѣла право войны и мира, право имѣть сенатъ или городской совѣтъ, члены котораго назначаются по выбору городского собранія и т. д. Вотъ этотъ послѣдній видъ городской организаціи особенно и былъ ненавистенъ для феодаловъ и для духовенства. Они ненавидѣли самое слово коммуна; лѣтописцы XII в. называютъ его *populum ac pessimum nomen*, *detestabile nomen*. Не мудрено, что коммуна возбуждала такую ненависть въ

феодалномъ обществѣ того времени. Она, по духу своему, по характеру своихъ стремлений, шла въ разрѣзъ съ феодальными порядками. Оттого съ самаго начала своего существованія ей пришлось выдержать упорную борьбу съ сеньорами. Документы городскихъ архивовъ и другіе историческіе источники средневѣковой коммуны представляютъ намъ развитіе городскихъ учрежденій подѣ влияніемъ этой борьбы съ феодализмомъ. Столкновеніе между коммуной и феодалами происходитъ на всѣхъ возможныхъ пунктахъ; борьба совершается можно сказать на каждомъ шагѣ: коммуна отстаиваетъ свои молодныя права и въ тоже время шагъ за шагомъ отвоевываетъ новыя. Въ XIII вѣкѣ полный разрѣзъ городской жизни; къ концу этого вѣка начинается уже ея паденіе, которое идетъ прогрессивно въ XIV и XV вѣкахъ, такъ что во 2-й половинѣ этого столѣтія остается уже только тѣнь прежней городской свободы. Задача наша изложить исторію этой борьбы вмѣстѣ съ развитіемъ городскихъ учрежденій, проникнутыхъ болѣе или менѣе свободнымъ характеромъ; затѣмъ — постепенный упадокъ городской свободы, подѣ гнетомъ королевскаго абсолютизма. Эти отношенія всего лучше изучать на одномъ какомъ нибудь городѣ; такъ мы лучше познаемимся и съ силами и съ средствами противниковъ, и съ характеромъ самой борьбы и съ ея результатами.

Мы сказали, что коммунальное устройство распространилось по всему сѣверу нынѣшней Франціи и во Фландріи, тогда какъ консульское городское устройство развилось преимущественно на югѣ. Но между двумя областями сѣверной и южной существовала средняя или центральная полоса, гдѣ мы не видимъ ни того ни другаго. Въ этой полосѣ, которая заключаетъ въ себѣ провинціи Орлеанэ, Гатинаэ, Мэнь, Анжу, Турэнь, Берри, Нивернэ и Бургундію, существовали города безъ политическаго значенія, хотя и съ характеромъ самостоятельной магистратуры (*villes de simple bourgeoisie*). Здѣсь безъ возстанія цѣлымъ рядомъ медленныхъ усилій были добыты нѣкоторыя права свободы политической и гражданской; но права эти были весьма незначительны, въ сравненіи съ городами сѣвера и юга. Города средней полосы Франціи имѣли съ незапамятныхъ временъ свою избирательную магистратуру. Они хотя и имѣли нѣкоторыя административныя и судебныя права, но права эти сильно были ограничены феодальной или королевской властью. Города средней Франціи были бо-

гато населены; они отличались промышленнымъ и торговымъ развитіемъ. Они много послужили для прогресса Франціи, но никогда не имѣли политическаго значенія. Напротивъ дѣломъ политики французскихъ королей было уравнивать, путемъ продолжительной ассимиляціи, цѣлымъ рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, коммуны сѣвера и консульскіе города Юга съ безопасными для притязаній абсолютизма городами средней Франціи. Мы увидимъ что эта ассимиляція удалась французской королевской власти. Для изученія городского устройства средней полосы мы могли бы выбрать одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ, не имѣвшихъ ни консульскаго, ни коммунальнаго устройства, напр. Орлеанъ. Но въ нашемъ сочиненіи представителемъ средней полосы выбранъ городъ Реймсъ. Этотъ архіепископскій городъ — лучший представитель городовъ средней полосы. Реймсъ представляетъ постоянное, вѣбовое стремленіе къ коммунальному устройству, къ тому типу чистой коммуны, которая выразилась въ конституціи городовъ Лаона, Суассона, Бове, Амьена. Этотъ послѣдній городъ — представитель сѣверной полосы. Главный городъ Пикардіи, онъ имѣлъ вліяніе своимъ коммунальнымъ строемъ на другіе города этой провинціи. Близость къ Фландріи, постоянныя съ ней сношенія, сильно вліяли на развитіе демократическаго духа его жителей. Амьенъ, принадлежавшій сначала графамъ Фландріи, а потомъ королю, въ тоже время былъ и епископскій городъ. Онъ представляетъ намъ прекрасный случай изучить коммуну въ соприкосновеніи съ свѣтскимъ и духовнымъ феодализмомъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ королевской власти. При этомъ мы должны указать границы нашего изученія. Городовая жизнь можетъ быть изучаема съ различныхъ точекъ зрѣнія. Администрація во всѣхъ ея проявленіяхъ, судебное устройство, полицейскій надзоръ, цеховая организація, торговля, промышленность, нравы и обычаи горожанъ и т. д., — каждый изъ этихъ отдѣловъ могъ бы быть предметомъ особой исторической монографіи. Матеріалы, напечатанные въ *Collection de documents inédits*, могутъ служить источникомъ для каждаго изъ указанныхъ отдѣловъ. Но наша цѣль изучить коммуну какъ часть государственнаго организма, прослѣдить развитіе коммунальныхъ учреждений, которыя оказали вліяніе на общій ходъ историческаго развитія французской націи. Для насъ коммуна есть молекула государственна-

го организма, стремившаяся правда въ обособленію, но потому вошедшая въ тѣсную связь съ цѣлымъ. Мы ни на минуту не должны забывать, что французская коммуна была колыбелью средняго сословія, которое воспиталось, выросло и окрѣпло во внутренней борьбѣ свободнаго духа съ феодальнымъ гнетомъ, которое выработало путемъ тяжелой борьбы и медленнаго развитія своеобразный, общественный порядокъ, постепенно переходившій въ практику государственной жизни. Поэтому главный предметъ нашего изученія—развитіе коммунальныхъ учрежденій, внутренней городской администраціи, порядка судебнаго, финансоваго, полицейскаго. Цеховое устройство будетъ разсмотрѣно на столько, на сколько цехи принимали участіе въ городскомъ управленіи и на сколько цеховые статуты характеризуютъ внутреннюю жизнь средневѣковой коммуны. Такимъ образомъ подробный анализъ цеховыхъ статутовъ, изученіе мелкихъ правилъ средневѣковой индустріи, не входятъ въ планъ нашего сочиненія. Промышленность и торговля войдутъ на столько, на сколько они служатъ выраженіемъ процвѣтанія или упадка городской жизни. Общая цѣль нашей задачи исключаетъ специальное изученіе всѣхъ тонкостей средневѣковаго процесса. Это уже предметъ специально юридическаго свойства. Для насъ судопроизводство и судоустройство важны какъ выраженіе известной степени коммунальной свободы, известнаго характера коммунальныхъ отношеній. Съ той же точки зрѣнія мы будемъ излагать и парламентскіе процессы. Изложить всѣ мелкіе процессы между коммуной и феодалами значило бы, безъ общей мысли, безъ общаго плана, повторить содержаніе источниковъ. Для насъ важны парламентскія рѣшенія, на сколько они знакомятъ съ отношеніемъ королевской власти къ коммунѣ, на сколько они выражаютъ постепенное развитіе административнаго единства на счетъ феодальнаго и городского самоуправленія. Характеръ городской жизни при такомъ изложеніи возникаетъ передъ нами въ его общемъ-историческомъ значеніи. Коммуна является какъ арена борьбы разныхъ политическихъ и социальныхъ стремленій, положившихъ основу дальнѣйшему движенію французской исторіи. При одномъ только специальномъ изученіи городской жизни, если не обращать постоянного вниманія на общій ходъ историческаго прогресса, картина коммунальной жизни мѣлчается и получаетъ исключительно мѣстный интересъ,

какъ памятникъ старины извѣстнаго города. Но изученіе коммуны въ общемъ государственномъ строѣ жизни будетъ въ строгомъ смыслѣ изученіе историческое, имѣющее интересъ общій, независимо отъ всякихъ мѣстныхъ воспоминаній. Указавши такимъ образомъ основную точку, съ которой мы намерены разсматривать исторію французской средневѣковой коммуны, мы переходимъ къ изученію наиболѣе чистаго ея типа,—именно коммуны города Амьена.

ГЛАВА III.

ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ГОРОДА АМЬЕНА.

Первыя историческія воспоминанія о городѣ Амьенѣ восходятъ ко временамъ завоеванія Галліи Цезаремъ. Ambiani составляли особую отрасль галльскаго племени, извѣстную подъ именемъ Бельговъ. Samago-briva (мостъ черезъ Сомму,—такъ называли Амьенъ въ это время) былъ главнымъ населеніемъ этой отрасли и составлялъ галльскую общину: civitas, cité. При Августѣ городъ Samago-briva (или Ambiani—отсюда Amiens) былъ включенъ въ провинцію, извѣстную подъ именемъ Secunda Belgica—второй Бельгійской. Въ качествѣ римской муниципіи онъ получилъ римскую магистратуру (civium),—со всѣми ея правами и тяжелыми обязанностями. Подъ владычествомъ римлянъ Амьенъ достигъ нѣкоторой степени процвѣтанія. Аммианъ Марцеллинъ называетъ Амьенъ городомъ славнымъ между другими городами. Амьенъ находился на одной изъ великихъ римскихъ дорогъ, прорѣзавшихъ Галлію во всю ея длину и составлялъ складочное мѣсто товаровъ сѣверныхъ и южныхъ провинцій. Этотъ городъ тогда уже отличался своей промышленностью. Онъ снабжалъ римскихъ ветерановъ мечами и щитами. Въ городѣ было нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ зданій: дворецъ, въ которомъ жилъ императорскій чиновникъ, амфитеатръ, нѣсколько храмовъ и огромная казенная оружейная фабрика. Въ концѣ III вѣка нашей эры въ Амьенѣ проповѣдывалъ христіанство и потерпѣлъ мучичество св. Фирминъ, который былъ первымъ епископомъ Амьена; его останки составляли предметъ благоговѣйнаго почитанія мѣстныхъ жителей. Въ началѣ V вѣка св. Иеронимъ упоминаетъ объ Амьенѣ въ числѣ городовъ, потерпѣвшихъ отъ нашествія варварскихъ племенъ, какъ то: алановъ, свевовъ, вандаловъ, бургунд-

цевъ. Но съ 428 г. Галлія подверглась другому, болѣе продолжительному и имѣвшему огромныя послѣдствія, нашествію франковъ. Къ концу V вѣка, Амьенъ былъ уже въ ихъ власти. Подъ властью франковъ онъ подвергся общей участи римскихъ муниципій сѣверной Галліи. Тѣсныя рамки римской куріи расширились, всѣ знатные граждане и клирики получили въ нея доступъ. Судебныя ея права увеличились на счетъ власти бывшаго префекта. Епископъ сдѣлался предсѣдателемъ муниципальнаго совѣта. Документъ 2-й половины VII вѣка говоритъ объ избраніи Сальвіана въ епископы города Амьена и прибавляетъ, что онъ былъ призванъ народомъ въ составъ магистратуры,—*fruit vocatus a populo in ordine magistratus*. Отъ VII до половины X вѣка мы не встрѣчаемъ историческихъ свидѣтельствъ объ Амьенѣ; но вѣроятно, что съ нимъ повторилась исторія всѣхъ римскихъ муниципій Галліи. Лѣтописи рассказываютъ только о нашествіяхъ нормановъ, отъ которыхъ Амьенъ страдалъ въ теченіе почти 70 лѣтъ (859—926 г.); причина этихъ частыхъ набѣговъ заключалась въ его положеніи на Соммѣ. Затѣмъ упоминается о междоусобіяхъ феодаловъ при послѣднихъ каролингахъ: сеньоры другъ у друга оспариваютъ власть надъ городомъ. Граждане продолжаютъ выбирать своихъ епископовъ, имѣютъ право назначать изъ среды себя выборныхъ судей (*scabini*). Это право было предоставлено имъ канцеляріями Карла Великаго и его преемниковъ; этимъ правомъ они пользуются вмѣстѣ съ графомъ; X и XI вѣка проходятъ въ борьбѣ внутренняго самоуправленія съ постоянной узурпаціей графовъ, получившихъ феодальныя права. Это періодъ упадка муниципальныхъ учрежденій: городской совѣтъ *снэбиновъ* исчезаетъ, судебныя права передаются вассаламъ графа, перамъ его феодальнаго двора. Вмѣстѣ съ развитіемъ феодальнаго самовластия забываются мало по малу преданія жизни гражданственной; въ замѣнъ дисциплины римскихъ законовъ проникаютъ варварскіе нравы и обычаи. XI вѣкъ представляетъ высшій пунктъ этой дезорганизаціи городской жизни: въ городѣ царствуетъ война между городскими фамиліями, между феодалами и ихъ вассалами. Но въ этомъ вѣкѣ мы видимъ уже и первые проблески общественнаго порядка; на провинціальныхъ соборахъ епископы неоднократно провозглашаютъ миръ Божій. Случалось, что горожане, подъ предводительствомъ приходскихъ священни-

ковъ, вооруженной рукой заставляютъ феодаловъ сохранять это благочестивое учрежденіе. Это—періодъ борьбы и въ то же время развитія въ жителяхъ городовъ военнаго духа и сознанія силы. Въ то же время мы видимъ первые проблески духа ассоціаціи. Между жителями Амьена и Корбіи заключенъ союзъ для сохраненія взаимнаго мира. Союзъ подтверждается клятвою надъ мощами св. Фирмина. Между жителями обоихъ городовъ было постановлено соблюдать миръ въ теченіи всей недѣли (¹). Для возобновленія союза жители обоихъ городовъ собирались ежегодно въ Амьенѣ въ извѣстный праздникъ. На этомъ собраніи надъ мощами святыхъ повторяли клятву союза, условія котораго торжественно читались передъ народомъ; тутъ же разрѣшались тяжбы, кончались ссоры, давались обѣщанія во взаимной молитвѣ другъ за друга. Собраніе скоро потеряло такой строго-религіозный характеръ. вмѣсто процессій и молитвъ оно заканчивалось играми, пляской и хороводами. *Displicuit res illa bonis et maxime molachis*, замѣчаетъ дографъ XI в. (²). Въ союзѣ Амьена съ Корбіей мы видимъ примѣненіе германской гильды (*gilde*).

Въ Амьенѣ власть принадлежала двумъ феодальнымъ сеньорамъ, епископу и графу. Власть графа простиралась надъ всѣмъ городомъ и его землей (*ballieu*); власть епископа имѣла силу только на церковныхъ земляхъ, внутри и внѣ города. Часть предмѣстій, отъ городской стѣны до Соммы, тамъ гдѣ была старинная цитадель, принадлежала королю, вслѣдствіе чего жители этого предмѣстья были подсудны не графу, а королевскому вассалу, кастеллану (³), жившему въ замкѣ *Castillon*, построенномъ на мѣстѣ дворца римскихъ императорскихъ префектовъ. Кромѣ того нѣкоторые судебныя права въ городѣ имѣлъ еще свѣтскій намѣстникъ епископа, — *vicarius, vicodominus, vidame* (⁴). Всѣ эти четыре сеньора: графъ, епископъ, его намѣстникъ и кастел-

(¹) Бывали условія мира только на одинъ, или на нѣсколько дней въ недѣлю.

(²) *Monuments de l'histoire du tiers—état* t. 1. p. 13.

(³) *Castellanus, chatelain*—отъ *castellum*. См. *Du-Cange. Glossarium*—подъ словомъ *castellanus*. *Warnkönig*, 1. 244. На нихъ обязанности лежала защита укрѣпленій (*castellum*); но потомъ они получили феодальныя права.

(⁴) *Du-Cange; vicodominus. Warnkönig*. 1. 245.

ланъ, назывались *principes civitatis* ⁽¹⁾. Въ то же время документы указываютъ, хотя не совсѣмъ ясно, на существованіе и городской магистратуры. Члены ея называются *primores urbis, viri authentici habentes in plebe pondus testimonii* ⁽²⁾. Трудно опредѣлить, какія были права и обязанности этихъ лучшихъ людей города. Вѣроятно они завѣдывали нѣкоторыми внутренними дѣлами, не представлявшими для сеньоровъ источника доходовъ, а также свидѣтельствовали частныя сдѣлки между гражданами. Есть свидѣтельство, что они, какъ представители города, приносятъ графу жалобу на притѣсненія со стороны вассаловъ, исполнявшихъ судебныя обязанности ⁽³⁾. Къ XI в. относятся нѣсколько документовъ, касающихся привилегій капитула соборной Амьенской церкви, а также аббатства св. Маврикія, находившагося въ предмѣстьяхъ города ⁽⁴⁾. Гораздо важнѣе граммата конца XI вѣка Гюи и Ивъ (*Gui et Ives*), графовъ Амьенскихъ, относительно судебного устройства Амьена. Изъ нея мы знаемъ съ тяжестью феодальныхъ судовъ, которыми завѣдуютъ викомты графа. Это—его вассалы, ленники съ обязательствомъ военной службы и отправленія судопроизводства. Графы Амьена, по жалобѣ церкви и жителей города на неслыханныя притѣсненія со стороны этихъ феодальныхъ судей, по совѣту лучшихъ людей города (*principes urbis*), постановляютъ нѣкоторые правила, съ цѣлью ограничить эти злоупотребленія. Въ грамматѣ опредѣляется количество штрафа, которое имѣетъ право требовать викомтъ: бывшаго на судѣ у одного викомта запрещается требовать на судѣ въ другому; запрещается начинать судебное преслѣдованіе безъ формальной жалобы ⁽⁵⁾ и т. д. Граммата проникнута чувствомъ сожалѣнія въ угнетеннымъ жителямъ: она называетъ ихъ *plebs Dei, pauperes Dei*. Положеніе ихъ сравнивается съ положеніемъ Израиля въ Египтѣ ⁽⁶⁾. Но благочестивое желаніе графовъ только на время могло ослабить народныя бѣдствія. Феода-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 15.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 15.

⁽³⁾ Monum. t. 1. p. 22. Документъ 1094—1095.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1. p. 16, 18, 19.

⁽⁵⁾ Monum. t. 1. p. 22, 23. Докум. 1090—1095 г.

⁽⁶⁾ *Plebs Dei a vicecomitibus novis et inaudites calamitatibus affligebatur, quasi populus Israel oppressus in Aegypto ab exactionibus Pharaonis.*

лишь болѣе и болѣе накладывалъ свою тяжелую руку на бѣдный народъ,—этотъ *plebs Dei*, который впрочемъ скоро сѣмбѣлъ свергнуть съ себя иго Фараона.

Коммунальное возстаніе Амьена было вызвано общими причинами, дѣйствовавшими на всемъ сѣверѣ Франціи. Отъ 1100 по 1112 г., въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, возставшіе жители сосѣднихъ городовъ Нуайона, Бове, Сень-Кантена и Лаона свергли феодальное иго и ввели коммунальное устройство, по которому сама корпорація городскихъ жителей получила верховную власть въ городѣ. Особенно было сильно возстаніе въ Лаонѣ 1109 г. (1). Оно было вызвано страшной жестокостью епископа, который былъ убитъ вмѣстѣ съ другими ненавистными для народа лицами. Вскорѣ возстаніе вспыхнуло и въ Амьенѣ; жители его тоже составили *conjugatio*,—клятвенный союзъ,—съ цѣлью освобожденія отъ феодальной власти графа Энгерана де Бове (*Enguerand de Boves*). Епископомъ въ Амьенѣ въ то время былъ Жофруа, причисленный потомъ къ лику святыхъ. Епископская власть въ Амьенѣ была незначительна: епископъ самъ терпѣлъ обиды отъ графа, его вѣкомтовъ и другихъ городскихъ сеньоровъ. Поэтому Жофруа принялъ сторону гражданъ. Возстанія и коммунальное устройство обѣщали ему больше значенія въ городѣ. Впрочемъ нельзя объяснять поведеніе св. Жофруа только личными его расчетами. Онъ былъ просвѣщенный человекъ своего вѣка и понималъ необходимость коммунальныхъ гарантій. Хроникѣръ XII в., аббатъ Гибертъ Новигентскій тономъ горечи рассказываетъ объ участіи св. епископа въ возстаніи горожанъ (2). Благодаря его посредничеству, Людовикъ VI Толстый за извѣстную сумму денегъ утвердилъ Амьенскую коммуну съ ея избирательной магистратурой. Новое городское устройство было предложено на утвержденіе другихъ сеньоровъ города. Викарій или видамъ далъ свое согласіе съ условіемъ гарантій нѣкоторыхъ своихъ правъ и уплаты значительной суммы денегъ. Но Энгеранъ де Бове,

(1) Возстаніе въ Лаонѣ было вызвано страшными жестокостями епископа. Лаонская коммуна была устроена по образцу коммуны въ Нуайонѣ. Исторія возстанія въ Лаонѣ прекрасно рассказана А. Thierry въ его *Lettre sur l'histoire de France. Lettres XVI, XVII, XVIII.*

(2) *Monuments. t. 1. p. 29.*

главный сеньоръ города, ни на что не соглашался. Не смотря на утверждение коммуны королемъ, графъ рѣшился бороться съ нею всѣми силами. Къ нему присоединился кастеллянь Адамъ, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ независимо отъ своего сюзерена. Амьенцы рѣшились защищаться; они вооружились подъ начальствомъ своихъ выборныхъ властей. Епископъ и видамъ присоединились къ нимъ,—каждый съ своимъ войскомъ. Но борьба съ могущественнымъ барономъ не могла быть равною; поэтому жители Амьена просили помощи у знаменитаго Томаса де Марль (Thomas de Marle),—сына Энгера, графа Амьенскаго. Не удивительно, что Томасъ вступился за Амьенъ противъ собственнаго отца. Въ этотъ вѣкъ между феодальными сеньорами весьма слабы были родственныя отношенія. Къ тому же Томасъ получилъ отъ Амьена громадную сумму. Служить коммунѣ ради корысти для него было не новостью. Томасъ де Марль принималъ сторону города Лаона въ борьбѣ его за свободу. Это былъ самый воинственный, самый жестокий изъ бароновъ XII в. Кромѣ того онъ отличался особеннымъ вѣроломствомъ. При его помощи городскія войска одолѣли отрядъ графа и кастелляна; такъ что они оба заперлись въ Кастильонѣ. Теперь графъ понималъ, что нужно склонить на свою сторону главнаго союзника коммуны. Онъ успѣлъ въ этомъ при помощи денегъ и разнаго рода обѣщаній. Вѣроломный Томасъ обратилъ оружіе на своихъ союзниковъ: земли епископа и окрестности города подверглись страшному опустошенію. Томасъ ловилъ жителей и приказывалъ убивать ихъ безъ всякой жалости. Рассказываютъ, что онъ собственноручно зарѣзалъ до 30 человекъ. Но скоро онъ самъ попалъ въ засаду и, тяжело раненный, принужденъ былъ удалиться въ свои владѣнія. Но войско его осталось въ Кастильонѣ. Замокъ этотъ былъ построенъ на углу городской стѣны; поэтому онъ могъ получать подкрѣпленіе и жизненные припасы извнѣ и въ тоже время постоянно тревожить жителей. Люди графа днемъ и ночью дѣлали вылазки, убивали женъ и дѣтей, грабили и жгли городъ. Амьенцы упали духомъ. Противъ епископа слышались упреки,—особенно со стороны клира.

(¹) Въ то время эта должность была наследственной въ фамиліи Циквины.

Жофруа отоелать къ Реймскому архіепископу знаки своего достоинства кольцо и посохъ, и въ 1114 году удалился въ Клунийскій монастырь, а потомъ въ картезіанское аббатство близъ Гренобля (Grande—Chartreuse). Но по приказанію своего архіепископа онъ воротился и снова занялъ епископскую кафедру въ 1115 г. По возвращеніи Жофруа нашеть городъ въ печальномъ положеніи. Земли епископа и капитула были опустошены войсками Томаса. Въ городъ была постоянная война; граждане укрѣпляли свои дома и упорно въ нихъ защищались. Имущество свое они скрывали въ сосѣднихъ монастыряхъ. Въ это время Людовикъ Толстый направлялся съ войскомъ противъ Лаона, въ которомъ кипѣло возстаніе противъ епископа. Король повиновался гелосу прелатовъ Реймской провинціи. Местъ его была направлена противъ не одного только Лаона, но и противъ его союзника Томаса де Марль. Св. Жофруа воспользовался такимъ двусмысленнымъ поведеніемъ Томаса и жаловался королю на его притѣсненія. Людовикъ наказаль Лаонъ, уничтожилъ въ немъ коммунальное устройство и, взявши нѣсколько замковъ Томаса, направился къ Амьену для поддержанія общественнаго мира. Около праздника Вербнаго Воскресенья (des Rameaux) королевскій отрядъ вступилъ въ Амьенъ. Въ самый праздникъ, когда король присутствовалъ у богослуженія, епископъ проповѣдь по случаю послѣднихъ событій. Рѣчь его дышала силой убѣжденія: онъ предавалъ анаемѣ нарушителей общественнаго спокойствія, возбуждалъ короля и народъ къ осадѣ Кастильона и обѣщаль царство небесное тому, кто падеть въ борьбѣ съ врагами. Монахъ Гибертъ называетъ эту проповѣдь рѣчью Катилины (sic); но она произвела свое дѣйствіе. На слѣдующій же день королевскій отрядъ, вмѣстѣ съ городской милиціей, началъ осаду Кастильона. Военными машинами началъ бить вѣрвнѣя стѣны замка. Въ это время епископъ, съ босыми ногами, въ торжественной церемоніи, отправился ко гробу св. Ацеола. Онъ молился объ успѣхѣ предпріятія. „Святой, по замѣчанію Гиберта, не долженъ былъ слушать его молитвы“. Осада продолжалась съ энергіей и упорствомъ, которое объясняется жаждой мести жителей города. Огромныя деревянные башни, съ подъемными мостами и вооруженными людьми, — подкатывались къ стѣнамъ замка. Старались съ башни перекинуть мостъ и по нему взбираться на стѣну замка. Осажденные защищались долго

они бросали огромныя камни и разбивали осадныя машины. Множество королевскихъ воиновъ и храбрыхъ гражданъ убито. Самъ король получилъ рану въ грудь; стрѣла пробила его панцирь. Король принужденъ былъ отступить; онъ оставилъ горожанамъ часть своего войска. Осада продолжалась: замокъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, такъ что ни откуда не могъ получать подкрѣпленій ни людьми ни хлѣбомъ. Осажденные не сдавались; они дѣлали вылазки, пробились сквозь толпы горожанъ и возвращались съ запасомъ провизіи. Такъ защищались они цѣлыхъ два года. Наконецъ, утомленные продолжительной осадой и не находя болѣе возможности бороться, графъ и кастелянъ сдали замокъ. Энгеранъ былъ лишенъ графства Амьенскаго, которое опять перешло къ потомству прежняго Рауля (¹). Новый графъ, стодней борясь коммуны съ врагомъ его фамиліи, самъ обязаный графствомъ коммунальной революціи, — вошелъ въ соглашеніе съ жителями Амьена. Въ 1117 г. были опредѣлены взаимныя отношенія коммуны и графа; послѣдовалъ раздѣлъ власти между феодаломъ и коммуной. Епископъ Жофруа до конца жизни оставался другомъ народной свободы; до послѣдней своей минуты онъ выносилъ упреки отъ клира и феодаловъ за свое благородное дѣло. Онъ умеръ въ 1116 г., ему не суждено было видѣть развитіе и процвѣтаніе коммуны, возникшей при его содѣйствіи. Свѣтлый образъ его навсегда остался въ народной памяти. Римская Церковь причла его къ лику святыхъ, и онъ одинъ изъ числа тѣхъ не многихъ, которымъ по всей справедливости досталась на долю эта высокая честь. Основаніемъ муниципальнаго устройства города Амьена служить его коммунальная хартія. Въ первоначальномъ своемъ видѣ она не дошла до насъ. Статьи ея возстановлены А. Тьергу на основаніи грамоты Филиппа Августа 1190 г. и хартіи города Аббевиля, для которой Амьенская хартія послужила образцомъ. Цѣль хартіи Амьена — установленіе правильныхъ отношеній между гражданами

(¹) Замѣчательно, что кастелянъ, не смотря на борьбу съ самимъ королемъ, не былъ лишенъ своего лена. Долго потомки его владѣли предмѣстіемъ Кастильонъ въ послѣдствіи былъ включенъ въ городскія стѣны. Эта часть города до сихъ поръ сохраняетъ свое старинное названіе.

и феодальнымъ сеньоромъ. Эта цѣль вполне соотвѣтствуетъ характеру самой коммунъ, какъ ассоціаціи жителей для взаимной защиты противъ феодальнаго произвола и для сохраненія внутренняго мира между самими членами коммунъ. Въ этой хартіи ничего не говорится, ни о выборѣ городскихъ начальниковъ, ни о порядкѣ администраціи, судопроизводства, управленія городскими доходами и т. д. По всему видно, что хартія эта составлена въ пылу народныхъ страстей, на скорую руку и безъ яснаго пониманія тѣхъ отношеній, которыя должны были возникнуть при новомъ порядкѣ дѣлъ.

Мы должны представить болѣе подробный разборъ коммунальной хартіи города Амьена, изучить этотъ первоначальный памятникъ городской средневѣковой жизни. Онъ долженъ послужить исходной точкой для дальнѣйшей исторіи коммунальныхъ учрежденій города Амьена (*). Первая статья Амьенской хартіи постановляетъ, чтобы каждый членъ коммунъ, въ отношеніи къ своему сочлену, хранилъ вѣрность и давалъ помощь и совѣтъ во всемъ, что считаетъ справедливымъ (**). Это основной законъ коммунъ, устанавлиющій коммунальный союзъ для взаимной помощи и общаго совѣта. Коммунальная хартія ничего не говоритъ о томъ, кто эги югати, не опредѣляетъ также, какъ далеко простирается верховная власть коммунъ. Но изъ сличенія Амьенской хартіи съ другими, напримѣръ, съ хартіей города Суассона, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что власть коммунъ имѣетъ мѣсто прежде всего внутри города, внутри городскихъ стѣнъ (**), а потомъ простирается на всѣ бурги и городскія окрестности, что составляетъ городскую территорію (banlieue) (**). Какимъ образомъ были опредѣлены границы этой территоріи. Можетъ быть, на основаніи сохранившагося преданія о прежней римской муниципальной территоріи, но всего вѣроятнѣе по соглашенію съ феодальнымъ сеньоромъ (**). Члены комму-

(*) Symbolique antique de la ville d'Amiens, par M. de Selys Longchamps, t. III.

(**) Unusquisque jurato suo fidem, auxilium, consiliumque per omnia jure observabit. Monum. t. I. p. 44. Докум. 1114 г.

(*) Intra firmatata urbia. Chart. de Seins. arti 1.

(*) Et extra in Burgis. Ch. de Seins. arti 1.

(*) A. Thierry. Monum. t. I. p. 43.

ны—это всё городскія жители, не принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ, — феодальному дворянству и духовенству (¹). Впрочемъ бурги не всегда входили въ составъ коммуны; хотя въ нихъ всегда было стремленіе составить съ городомъ одну общую корпорацію, какъ это мы увидимъ въ исторіи города Реймса. Случалось и такъ, что бурзь составлялъ совершенно отдѣльную коммуну, или бурзь пользовался коммунальнымъ устройствомъ, а главный городъ имѣть (²). Главный атрибутъ высшей власти (*sovereigneté*) въ средніе вѣка составляла юрисдикція. Поэтому коммуна тоже пользуется правами уголовного и гражданского суда надъ всеми своими членами. Хартия Амьена упоминаетъ о городскихъ засѣдателяхъ (*scabini*) (³), о десятиникахъ, которые вѣроятно были высшіе городскіе чиновники, исполнители приказаній мэра и его совѣта (⁴). Судебная власть коммуны обязательна для всѣхъ ея членовъ. Если привываемый къ суду мэромъ, засѣдателями и десятиниками (*decanis*), вздумаетъ уклониться отъ суда коммуны, то домъ его подвергается разрушенію; самъ онъ осуждается на изгнаніе до тѣхъ поръ, пока не дастъ надлежащаго удовлетворенія, а имѣніе представляется въ распоряженіе мэра и графскаго прево (⁵). Учрежденія коммуны, ея честь, ея отношенія мирныя или враждебныя, должны быть священны для каждаго изъ ея членовъ. Кто будетъ говорить о коммунахъ оскорбительныя слова, кто приметъ въ своемъ домѣ врага коммуны, будетъ имѣть съ нимъ какія либо сношенія, вступать наприм. въ торговыя сдѣлки, будетъ съ нимъ пить или бѣть, въ чемънибудь окажетъ ему помощь, особенно если онъ будетъ помогать ему противъ коммуны или дѣломъ или словомъ, тотъ виновенъ въ оскорбленіи коммуны (*lése—commune*); домъ его будетъ разрушенъ, коммуна не позволитъ ему жить въ ея

(¹) Конечно къ коммунахъ не могли принадлежать клирики, которые судились судомъ церкви, служители князь и епископовъ, служители епископа. Викарія, ланд-вѣрностныя—при феодальныхъ сензорахъ,—въ нескѣ приближеніи въ городѣ и т. п.

(²) A. Thierry *Monum.* t. II. *préface*.

(³) *Monum.* t. I. p. 42. *Docum.* 1117 г. art. 15.

(⁴) *Monum.* t. I. p. 42. *Docum.* 1117 г. art. 20.

(⁵) *Ibidem.* art. 15.

предѣлахъ до тѣхъ поръ, пока они не дасть удовлетворенія⁽¹⁾. Такимъ образомъ общій коммунальнй союзъ долженъ былъ для каждаго изъ членовъ коммуны священной въсѣхъ другихъ отношеній. Оскорбленіе коммуны—величайшее преступленіе, которое наказывалось высшей мѣрой наказанія. Если враги коммуны должны быть врагами для всѣхъ и каждаго изъ ея членовъ, то друзья ея должны быть непримиримыми. Амьенъ былъ торговый городъ и первымъ дружинамъ его были купцы, торговавшіе съ нимъ. Наказаніе, какъ за преступленіе—іесе сомпшипе, т. е. разрушеніе дома и изгнаніе гроветъ тому, кто надумалъ бы нанести въ предѣлахъ городской территоріи какое нибудь оскорбленіе или насиліе купцамъ, возущимъ товары въ городъ⁽²⁾. Коммунальная хартія ничего не говоритъ о правѣ войны и мира, которое составляло не отъемлемую принадлежность коммунальной свободы. Амьенская коммуна имѣла подобное право; это подтверждается всей послѣдующей исторіей Амьена и существованіемъ городской милиціи. Молчаніе Амьенской хартіи восполняетъ хартія города Лаона, которая составляетъ лучший типъ коммунальных хартій⁽³⁾. Вотъ что говоритъ эта хартія: „если кто нибудь изъ людей феодала причинитъ обиду лицу, принадлежащему къ коммунѣ, то коммуна жалуется сеньору; но если сеньоръ не вымщитъ съ виновнаго, то коммуна имѣетъ право онустошить его владѣніи⁽⁴⁾. Хартія города Суассона говоритъ, что во время похода никто не долженъ, безъ позволенія начальника милиціи, вступать въ переговоры съ неприятелемъ⁽⁵⁾. Нѣсколько статей Амьенской хартіи имѣютъ своимъ предметомъ отношеніе членовъ коммуны къ городскимъ властямъ. Каждый членъ коммуны обязанъ оказывать уваженіе своему начальнику. „Кто надумаетъ упрекать судей коммуны въ неправосудіи и не докажетъ своего извѣста, изгнаніе того отдается въ распоряженіе шара и засѣдателей (иса-

(1) Monum. t. 1. p. 41—42. Docum. 1117 r. Art. 16. Cp. Coutumes de Soissons; Compiègne. Ordon. t. XI. Art. 15—16.

(2) Monum. t. 1. p. 41. Docum. 1117 r. art. 3.

(3) Приведено у Газо Hist. de la civilis. 3. 175—182. Видерманъ у Тьерри Lettr. sur l'his. de Fr. p. 219.

(4) Art. 2. de la charte de Laon.

(5) Coutum. de Soissons Ordon. XI, p. 242.

vin). Кто оскорбитъ мѣра при исполненіи обязанностей, или кто ударитъ члена коммуны въ присутствіи городского совета, тотъ наказывается разворованіемъ дома (1). Кроме указанныхъ нами преступленій еще оштрафованы и оскорбленія членовъ городской магистратуры, хартия Амьена касается преступленій противъ личной и имущественной безопасности и опредѣляетъ наказанія за подобныя преступленія. Объ убійствѣ хартия ничего не говоритъ. Впрочемъ есть основаніе думать, что случаи убійства принадлежали суду самой коммуны. Это видно изъ послѣдующихъ документовъ. Графскому престо принадлежало только судебное слѣдствіе и арестъ преступника (2).

Статьи хартии касаются главнымъ образомъ воровства и нанесенія ударовъ или ранъ. Замѣчательно стремленіе замѣнить право возмездія—(la peine du talion) денежнымъ штрафомъ (3). Римское право отличалось суровостью уголовныхъ наказаній. Коммуна, сохранивши нѣкоторые римскіе законы въ гражданскихъ дѣлахъ, относительно уголовныхъ преступленій отличалась болѣе мягкими наказаніями на основаніи Германскаго права. Тѣмъ болѣе, что подобная практика наказанія штрафами было введена уже въ городахъ самими феодальными судами. Коммунальная хартия удерживаетъ практику этихъ судовъ, опредѣляя ее нѣсколько точнѣе и вѣроятно уменьшивши размѣръ штрафныхъ денегъ (4). Впрочемъ кто не въ состояніи заплатить штрафа, тотъ подвергается наказанію по старинному римскому праву,—vie rouit vie, membre rouit membre. Нанесшій рану члену коммуны долженъ потерять свой вулакъ, или заплатить 9 ливровъ (5). Кто просто ударитъ члена коммуны, тотъ платитъ штрафъ въ 15 солидовъ (6). Въ хартии устанавливается различіе между членами коммуны и лицами не принадлежащими къ ней (jurati et non jurati). Наказаніе за одно и то же преступле-

(1) Monum. t. 1. p. 40—42. Докум. 1117 г. art. 20.

(2) Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1190 г.

(3) Въ нѣкоторыхъ коммунальныхъ хартияхъ мы видимъ существованіе права возмездія. Art. 7 charte de Soissons. Въ Леонѣ допускается судебный пединнокъ. Art. 5.

(4) Документъ 1091—1095 г. Monum. t. 1. p. 22.

(5) Докум. 1117 г. Art. 7.

(6) Ibidem. Art. 6.

ніе для послѣднихъ всегда строже, чѣмъ для первыхъ. Такъ если члену коммуны будетъ нанесена рана лицомъ не принадлежащимъ къ коммунѣ, то разоряется домъ виновнаго и имѣніе конфискуется въ пользу коммуны (¹). Въ видахъ общественной безопасности хартія устанавливаетъ такъ называемое *assurement*,—ручательство въ безопасности лица, нанесшаго обиду, со стороны обиженнаго. Это имѣетъ цѣлю прегращеніе кровавой мести и замѣну ея судебнымъ преслѣдованіемъ. Въ послѣдствіи это правило судебной практики получило обширное развитіе въ городскихъ вутюмахъ. Но на первыхъ порахъ коммуна относится къ кровавой мести очень осторожно: „Если кто нибудь заявивши о нарушеніи своего права со стороны противника, не въ состояніи по какимъ нибудь причинамъ развѣдаться съ нимъ судебнымъ порядкомъ, а потомъ сдѣлаетъ что нибудь во вредъ этому лицу, то коммуна выслушаетъ его объясненіе, а потомъ уже постановитъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ (²). Похищеніе собственности, совершенное лицомъ не принадлежащимъ къ коммунѣ, подлежитъ суду графскаго прево; но если онъ откажется отъ исполненія своей обязанности, то судитъ сама коммуна (³). Въ этомъ случаѣ лицо, пострадавшее отъ воровства, имѣетъ право захватить имущество виновнаго, которое должно храниться у графскаго прево до тѣхъ поръ, пока виновный не явится на судъ (⁴). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается опредѣленный штрафъ; въ другихъ говорится неопредѣленно, что имущество виновнаго поступаетъ въ распоряженіе коммуны (*in miseri cordiam comuniae*), т. е. отъ нея самой зависить взять для удовлетворенія обиженнаго, сколько она захочетъ (⁵). Судебные штрафы дѣлятся между коммуной, графомъ и другими сеньорами города. Большею частью штрафы дѣлились такъ: коммуна брала двѣ трети, а треть принадлежала графу или сеньору, въ участкѣ котораго было совершено преступленіе. Это впрочемъ точнѣе выражено въ позднѣйшемъ видѣ хартіи,—грамотѣ Филиппа Августа—1190 года, гораздо подробнѣе опредѣляющей права коммуны

(¹) Докум. 1117 г. Art. 11.

(²) *Ibidem* p. 42. Art. 14. Cp. 14. Art. de charte d'Abbeville.

(³) *Ibidem* Art. 4.

(⁴) *Monum.* t. 1. p. 40—Art. 5. Cp. Art. 6 de la charte d'Abbeville.

(⁵) *Ibidem* p. 40—42. Art. 7, 15, 20.

и отношенія ея къ разнымъ сеньорамъ города (¹). Что касается до раздѣла конфискованнаго имущества (*catalla* движимое имущество) (²), то вѣроятно что оно дѣлилось по равну между сеньоромъ и коммуной; впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеньоръ получалъ и все конфискованное имѣніе (³).

Общимъ правиломъ относительно частныхъ сдѣлокъ и договоровъ между членами коммуны хартія Амьена постановляетъ, что договоръ имѣетъ всю силу законности, если онъ совершенъ въ присутствіи двухъ или болѣе засѣдателей. Въ случаѣ спора дѣло должно рѣшаться на основаніи свидѣтельства засѣдателей (⁴).

Хартія города Амьена представляетъ главное основаніе для дальнѣйшаго развитія коммунальнаго, мѣстнаго законодательства. Всѣ статьи ея отличаются большей неопредѣленностью; поэтому исторія внутренняго развитія коммунальныхъ учрежденій и отношеній къ феодальнымъ сеньорамъ въ XII и XIII вѣкахъ есть, собственно говоря, дальнѣйшее раскрытіе и уясненіе статей коммунальной хартіи. Во всякомъ случаѣ въ ней ясно выраженъ главный принципъ коммуны, какъ независимой, отдѣльной отъ феодальнаго общества корпорации.

Первая хартія этой коммуны относительно правъ самой ассоціація представляетъ нѣчто новое, чего до сихъ поръ еще не было въ обществѣ, сложившемся на феодальныхъ началахъ. Судебныя постановленія хартіи имѣютъ важность въ томъ отношеніи, что они представляютъ первыя основы коммунальнаго права, изъ области права обычнаго перешедшія потомъ въ письменный законъ. Коммунальная хартія есть основа городскихъ вѣтумовъ (*coutumes*), имѣвшихъ такое огромное значеніе въ исторіи французскаго національнаго законодательства.

Раскрывши первоначальныя основы коммунальнаго союза, упрочивши во имя свободы, гражданскаго порядка и защиты противъ насилій всякаго рода, — мы должны теперь приступить къ исторіи развитія этого первоначальнаго законодательства. Намъ слѣдуетъ показать какъ оно постепенно

(¹) Monum. t. 1. p. 110—113. Докум. 1190 г. art. 7, 38, 41, 6 и 40.

(²) Du-Cange подъ словомъ *catallum*.

(³) Monum. t. 1. p. 110, 111. Докум. 1190 г. art. 11, 15, 20, 9 и 16.

(⁴) Monum. t. 1. p. 42. Докум. 1117 г. Art. 45.

расширялось и обхватывало всё отношенія, созданныя коммунальной революціей. Это развитіе выразилось въ мѣстных городскихъ кутумахъ, въ мѣстной администраціи и судопроизводствѣ, въ отношеніяхъ коммуны къ феодаламъ и взаимныхъ отношеніяхъ между самими членами коммуны. Эта исторія внутренняго роста городской свободы, постепенно развивающагося строя муниципальных учреждений, сопровождалась быстрымъ ростомъ городской торговли и промышленности; поэтому мы должны обратить вниманіе и на эту вышнюю сторону городской жизни. Но подобное изученіе коммунальной жизни составляетъ только одну сторону дѣла. Французская королевская власть, стремившаяся создать національное единство Франціи, создавала его путемъ законодательства и дѣлала рядомъ административныхъ мѣръ. Пестрая жизнь коммунъ не соответствовала стремленію королевской власти къ этому внутреннему объединенію. Оттого въ исторіи средневѣковой коммуны мы видимъ два противоположно дѣйствующихъ направленія. Прежде всего мы видимъ мѣстную самостоятельность городской общины, стремленіе ея организоваться своеобразнымъ путемъ, подъ вліяніемъ идеи свободы самоуправленія, на основаніи мѣстнаго обычнаго права. Но съ другой стороны чрезъ всю исторію французскаго народа проходятъ централизаторскія идеи верховной власти, стремленіе стереть и уничтожить эту мѣстную пестроту коммунальной жизни и наложить на городскія общины единство администраціи. Памятниками перваго направленія, чисто мѣстнаго характера, служатъ городскіе кутумы, статуты и т. д., однимъ словомъ всё документы городскихъ архивовъ, разнообразныя какъ разнообразна была самая жизнь средневѣковаго города. Централизаторскія стремленія выражались въ королевскихъ ордонавансахъ, эдиктахъ, приказахъ, въ памятникахъ законодательнаго характера, въ рѣшеніяхъ Парижскаго Парламента, который скоро сдѣлался высшимъ судилищемъ въ королевствѣ и главнымъ органомъ приведенія въ жизнь централизаторскихъ стремленій королевской власти. Взаимодѣйствіемъ двухъ противоположныхъ направленій опредѣлялся весь внутренній процессъ историческаго развитія французскаго народа. Это взаимодѣйствіе всего рельефнѣе выразилось въ городской жизни. Поэтому при изученіи мѣстныхъ документовъ городской администраціи, памятниковъ мѣстнаго обычнаго права, мы по-

стоянно имѣли въ виду централизаторскія стремленія королевской власти, законодательныя и административныя распоряженія, имѣвшія предметомъ своимъ регламентацію городской жизни. Оттого обозрѣніе коммунальнаго роста города Амьена распадается у насъ на нѣсколько отдѣловъ, соответствующихъ наиболѣе принятымъ дѣленіямъ французской исторіи, и каждому изъ этихъ отдѣловъ предшествуетъ краткій обзоръ общихъ мѣръ королевской администраціи относительно городской жизни. Въ XII вѣкѣ вліяніе королевской власти на внутреннюю организацію коммуны было весьма не значительно. Оттого въ этотъ періодъ ея существованія мы видимъ еще полное господство мѣстнаго обычнаго права и дальнѣйшее развитіе основныхъ положеній коммунальной хартіи. Впрочемъ не всѣ еще статьи этого перваго письменнаго памятника городского законодательства пользуются примѣненіемъ къ практикѣ⁽¹⁾. Такъ въ 1121 году одна дарственная запись въ пользу Соборной церкви Амьена свидѣтельствуется не въ городскомъ совѣтѣ, въ присутствіи двухъ засѣдателей, какъ этого требуетъ хартія, но по прежнему при собраніи клира и всего народа⁽²⁾. Но самостоятельность коммуны въ предѣлахъ города и на городской территоріи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Графъ Амьена, дѣлая пожертваніе въ пользу аббатства св. Іоанна, поручаетъ монастырское имущество покровительству коммуны⁽³⁾. Выводъ ясенъ: на городской землѣ вромѣ коммуны ни какая другая власть, даже власть самого графа, не могла уже оказывать законнаго покровительства⁽⁴⁾. Коммуна сама, отъ собственнаго своего имени, вступаетъ въ сдѣлки разнаго рода. Такъ она покупаетъ у архидіакона право взѣзжей пошрины⁽⁵⁾, вступаетъ въ сдѣлку съ аббатствомъ св. Іоанна относительно городскихъ пастбищъ⁽⁶⁾. Акты коммунальнаго совѣта утверждаются городской печатью съ многозначительнымъ девизомъ: *secretum meum mihi*⁽⁷⁾. Городская печать — не сомнѣн-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 42. Докум. 1117 г. art. 44.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 50. Докум. 1121 г.

⁽³⁾ Monum. p. 66. Докум. 1164 г.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1. p. 95. Ср. Докум. 1170 г.

⁽⁵⁾ Monum. p. 86. Докум. 1144—1164 г.

⁽⁶⁾ Monum. p. 90. Докум. 1161 г.

⁽⁷⁾ Monum. t. 1. p. 62, примѣчаніе.

ное свидѣтельство коммунальной свободы. Мы увидимъ въ послѣдствіи, съ какимъ ожесточеніемъ архіепископъ оспаривалъ у Реймскаго городского совѣта право печати. Мэръ и засѣдатели Амьена заботятся о безопасности города. Капитуль хотѣлъ открыть ворота монастырской оградѣ, которыя въ тоже время были и городскими воротами. Городской совѣтъ во имя общественной безопасности воспротивился этому. Было сдѣлано соглашеніе, по которому для спорныхъ воротъ было устроено два ключа: одинъ изъ нихъ хранился у канониковъ, другой—у городскихъ властей. Кромѣ того епископъ обязался собственными средствами, въ случаѣ нападенія, защищать ворота коммуны. Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что коммуна принадлежитъ военное управленіе городомъ; она хранитъ городскіе ключи и имѣетъ свое собственное войско,—городскую милицію (¹). Городская магистратура пользуется обширными судебными правами: ей принадлежитъ высшая мѣра юрисдикціи; la haute justice, по средневѣковой терминологіи. Она присуждаетъ не только къ изгнанію, но и къ смертной казни. Такимъ образомъ ей принадлежитъ судъ крови (judicium sanguinis). Вотъ фактъ, который служитъ доказательствомъ, что Амьенская коммуна пользовалась этимъ правомъ высшей юрисдикціи еще въ XII вѣкѣ. Одинъ человекъ, долгое время исправлявшій обязанности графскаго судьи въ Амьенѣ, явился въ Римѣ кандидатомъ на полученіе пребенды. Въ Римѣ возникли сомнѣнія, можно ли посвящать человека, который по должности феодальнаго судьи пролилъ много крови. Чтобы разрѣшить это сомнѣніе, одинъ изъ кардиналовъ писалъ къ аббату Амьенскаго монастыря св. Жевеьеви. Въ отвѣтъ своемъ аббатъ говоритъ, что сомнѣнія кардинала напрасны, что нѣтъ препятствій на посвященіе кандидата на духовное званіе. При этомъ онъ дѣлаетъ строгое разграниченіе судебныхъ правъ коммуны и графа. Графскій судья, по увѣренію аббата, никогда своими устами не произносилъ смертнаго приговора, во уличенныхъ въ преступленіи отсылалъ къ Амьенской коммунѣ для окончательнаго суда и наказанія; потому что ей принадлежитъ судъ крови (judicium sanguinis). Дальше говорится въ документѣ, что коммуна, пользуясь этимъ пра-

(¹) Monum. t. 1. p. 96. Докум. 1177 г.

вѣтъ, многихъ присудила въ повѣшенію, или иной казни по обычаю (1). Отсюда ясно, что на обязанности графскаго судьи лежало предварительно слѣдствіе; окончательный же судъ и опредѣленіе наказанія принадлежали коммуѣ.

Но въ концѣ XII вѣка важная перемена совершилась въ судьбахъ Амьенской коммуны; она вошла въ составъ королевскихъ владѣній. Въ то время на Французскомъ королевскомъ престолѣ сидѣлъ Филиппъ Августъ, въ которому всего лучше идетъ изрѣченіе аббата Сугерія, что короли имѣютъ долгія руки. Этотъ король принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые всего больше заботились о созданіи національнаго единства Франціи. Но онъ создавалъ это единство не законодательнымъ путемъ, а оружіемъ, упорной борьбой съ феодалами, или посредствомъ коварной политики. Онъ искусно пользовался выгодами своего положенія, какъ верховнаго сюзерена въ королевствѣ. Посредствомъ наслѣдованія онъ получалъ графство Артуа, чрезъ конфискацію—Нормандію, Манъ, Анжу, Туранъ и часть Пуату. Такимъ образомъ онъ разрушилъ сильную Англо-Норманскую монархію Плантагенетовъ, которая грозилъ Франціи XII в. Дошла очередь и до графствъ Вермандуа и Амьенуа—съ городомъ Амьеномъ. Эта область принадлежала Франдрскому и Эльваскому графу Филиппу, который владѣлъ ей отъ имени жены своей Елизаветы,—наслѣдственной графини Вермандуа и Амьенуа. По смерти жены въ 1182 г., приданое ей графъ Филиппъ удержалъ за собой. Но по вронскамъ Филиппа Августа Элеонора сестра Елизаветы заявила право на наслѣдство послѣ умершей и въ то же время тайнымъ образомъ часть этого наслѣдства уступила королю. Въ качествѣ сюзерена король французскій принималъ роль защитника вѣсть Элеонору. Началась война между графомъ Фландрскимъ и Филиппомъ Августомъ. До окончательнаго рѣшенія спора Амьенъ былъ переданъ епископу этого города. Но въ 1184 году война снова загорѣлась и графъ Филиппъ долженъ былъ передать королю всѣ свои права на графство Амьенское. Такимъ образомъ Филиппъ Августъ получилъ двоякаго рода права на Амьенъ, какъ графъ и какъ король; но онъ, не оставивъ титула Амьенскаго графа, главнымъ образомъ посѣдѣлъ заветъ свои

(1) Монш. t. 1. Докум. 1179—1185 г.

королевскія права. По древнему обычаю, въ качествѣ графа, онъ долженъ былъ исполнить предъ епископомъ феодальный обрядъ,—*hommagium*. Но Филиппъ Августъ не хотѣлъ дѣлать того, что приравнивало его къ простымъ баронамъ. Въ своей грамотѣ къ Амьенской церкви 1185 года онъ говоритъ, что будетъ держать мнѣ церковный, не признавая феодальной зависимости отъ церкви; потому что „мы не должны и не можемъ никому оказывать нашего *hommagium* (1)“. Филиппъ Августъ считается другомъ и покровителемъ городовъ. Дѣйствительно онъ щедро раздавалъ городамъ привилегіи. Въ 1180 году онъ освободилъ отъ рабской повинности—*manus mortua* жителей Орлеана (2). Многие города получили отъ него коммунальныя хартіи. Насчитываютъ до 78 такихъ хартій, которыя даны имъ вновь, или получили королевское подтвержденіе. Нельзя не замѣтить этого дружескаго отношенія, этого союза, между королемъ и коммунами. Главная побѣда Филиппа Августа, упрочившая торжество монархическаго начала надъ феодальнымъ при Бувицѣ (1214 г.), была одержана имъ при помощи коммунальныхъ войскъ. Тутъ были войска изъ Корби, Бовэ, Комьена и изъ Амьена. Лѣтописецъ рассказываетъ, что городская милиція проникла чрезъ ряды феодальной кавалеріи и расположилась передъ самимъ королемъ. За то и восторгъ народа послѣ побѣды не зналъ границъ (3). Амьенская коммуна поспѣшила испросить у новаго своего графа и короля подтвержденіе своей хартіи. Этотъ памятникъ представляетъ новую ступень въ развитіи мѣстнаго городского законодательства. Но уже и въ этомъ актѣ мы видимъ зародышъ другаго законодательства, имѣющаго своимъ источникомъ власть короля и цѣлю—административное единство Франціи. Королевскіе чиновники байльи и прево должны засѣдать въ городскомъ совѣтѣ не для того, чтобы вмѣшиваться въ городскія дѣла, но для того, чтобы коммуна помнила, что внѣ ея существуетъ власть, которая *de facto* и *de jure* выше всѣхъ властей въ королевствѣ. Автономія городскихъ властей во внутреннемъ управленіи оставлена неприкосновенною; только въ судебномъ отношеніи зна-

(1) Monum. t. 1. p. 103. Докум. 1185 г.

(2) Ord. des Rois de France. XI, 215.

(3) Guill. Brit. apud rer. Gall. Script. XVM, 97 c. p. 103.

нѣ королевскихъ судей увеличилось на счетъ коммуны. Хартия представляетъ три отдѣла; 1) повтореніе первоначальной хартии 1117 года,—слово въ слово, безъ всякой перемены; только тамъ, гдѣ стояло прежде *prepositus postor* (т. е. *comitis*), вмѣсто *postor* постановлено *regis*. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ гражданскіе законы, которыхъ не было въ первоначальной хартии. Это городскіе вѣтумы, городское обычное право, сложившееся традиціоннымъ путемъ и получившее теперь королевскую санкцію, чрезъ внесеніе въ коммунальную хартію. Третій отдѣлъ составляютъ 6 статей, опредѣляющихъ отношенія коммуны къ королевской власти. Первый отдѣлъ нами разобранъ; потому мы должны обратить вниманіе на второй и третій.

Городскіе вѣтумы слагались путемъ традиціи. Римское право, опредѣлявшее всѣ гражданскія и семейныя отношенія, нѣкоторое время сохранялись путемъ прѣдѣлки. Потомъ, съ паденіемъ муниципальныхъ учрежденій, оно теряло свой чистый первоначальный характеръ и становилось правомъ обычнымъ. При этомъ оно не могло не принять въ себя чуждыхъ элементовъ германскаго права и феодальныхъ обычаевъ. Поэтому гражданскіе законы, записанныя въ первый разъ въ хартію, утвержденной королемъ Филиппомъ, принадлежатъ тремъ источникамъ: нѣкоторымъ воспоминаніямъ римскаго гражданскаго права, древне-германскимъ обычаямъ и праву феодальному. Законы эти касаются правъ владѣнія, наследованія, отчужденія собственности и т. п. Вліяніе римскаго права сказывается наприимѣръ въ томъ, что жена по смерти мужа имѣетъ право пользоваться имуществомъ, приобрѣтеннымъ во время супружества ⁽¹⁾. Вдова, оставшаяся по смерти мужа съ малолѣтними дѣтьми, подчиняется опеѣ. Опекунъ, называемый иногда *shambourg*, въ грамотѣ носитъ названіе адвоката (*advocatus*) ⁽²⁾. Воспоминанія древне-германскаго характера сказываются въ томъ, что допускаются въ гражданскихъ дѣлахъ судебныя поединки, впрочемъ съ нѣкоторыми ограниченіями ⁽³⁾. Наконецъ въ грамотѣ

(1) Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 22, 35. Giraud. Histoire du droit francais au moyen âge 2. 128 eté.

(2) Докум. 1190 г. art. 23.

(3) Ibidem. Art. 44.

Филиппа много постановлений чисто феодальнаго происхожденія, таково на примѣръ право *du retrait lignager* (*). Оно состояло въ томъ, что родственники продавца въ теченіе известнаго времени могли возвратитъ проданную вещь; стоило только возвратитъ покупателю его деньги. Это правило имѣло ту цѣль, чтобы имущество не выходило изъ рукъ известной фамиліи. Такой феодальный характеръ имѣетъ и prescription (prescriptio),—это по нашему право давности владѣнія (**). Хартія назначаетъ срокъ этой давности въ 7 лѣтъ, т. е. послѣ семилѣтняго владѣнія прежній владѣлецъ теряетъ уже право собственности (**). Впрочемъ въ средніе вѣка въ коммунальной практикѣ всего распространена была давность одного года и одного дня. Такъ слуга или крестьянинъ, бѣжавшій отъ своего господина въ городъ, сдѣлался свободнымъ, если владѣлецъ не требовалъ его въ теченіе одного года и одного дня. Въ грамотѣ Филиппа есть уголовныя постановленія на прим. объ обидахъ и оскорбленіяхъ. Замѣчательно правило объ обидѣ, нанесенной городскому мэру (*). Наказаніе въ этомъ случаѣ строже чѣмъ за обиду королевскаго прево. Обида мэра, какъ *lese commune*,—наказывается разореніемъ дома и изгнаніемъ виновника; тогда какъ за оскорбленіе королевскаго прево полагается только денежный штрафъ. Впрочемъ для нашей цѣли важнѣе новыя статьи, прибавленныя королевской властью. Они знакомятъ насъ съ отношеніями королевской власти къ графу. Вотъ эти статьи: 1) Всѣ споры относительно недвижимой собственности внутри города—подлежатъ суду королевскаго прево (**). 2) Всѣ уголовныя преступленія, совершенныя на городской территоріи, судятъ мэръ и засѣдатели (*scabini*), въ присутствіи королевскаго байльи. Но если онъ не явится въ судебное засѣданіе, то оно идетъ своимъ чередомъ и безъ него. Судъ въ случаяхъ явнаго убійства (*nequitum*), грабежа (*garsum*) и измѣны (*proditio*) король удерживаетъ за собой и за наслѣдниками своими на вѣчныя времена, безъ всякаго участія со

(*) Докум. art 25.

(**) Minier, Précis historique du Droit français p. 364 et 365.

(*) Докум. 1190 г. art. 26.

(*) Monum. t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 36, 37.

(*) Monum, t. 1. p. 104. Докум. 1190 г. art. 47.

сторонн кого-либо другаго (*sine parte alterius*) (¹). 3) Имущество убійць, поджигателей и измѣнниковъ конфискуется исключительно въ пользу короля; въ случаѣ же другихъ преступленій удерживается въ пользу короля часть, опредѣляемая закономъ (²). 4) Въ городѣ ни кто не можетъ провозгласить никакихъ постановленій (*banna*) кромѣ короля (³). Какъ понимать этотъ законъ? Всего вѣроятнѣе, что тутъ идетъ дѣло о другихъ сеньорахъ города: Епископѣ, Викаріи, Кастильянѣ. Ни кто изъ нихъ не имѣлъ права обнародывать въ городѣ своихъ постановленій. Городской совѣтъ имѣлъ право издавать законы въ предѣлахъ своего вѣдомства. *Statuta Scabingum* упоминается въ самой грамотѣ Филиппа; объ нихъ вездѣ говорится, какъ объ актахъ законодательныхъ, исполненіе которыхъ обязательно для всѣхъ членовъ коммуны. Такимъ правомъ городской совѣтъ дѣйствительно пользовался; изъ документовъ XIII вѣка и коаднѣ мы видимъ, что мэръ и засѣдатели даютъ востановленія по всѣмъ отраслямъ городского управленія. 5) Слѣдующая статья грамоты предоставляетъ королю, или королевскому прево, а также епископу и городскому мэру право однажды въ годъ возвращать какого-нибудь изгнанника, если только изгнаніе не было наказаніемъ за убійство, поджогъ и измѣну (⁴). 6) Последняя статья коммунальной хартии,—редакція Филиппа Августа, заключаетъ въ себѣ обѣщаніе со стороны короля, что городъ Амьенъ навсегда останется присоединеннымъ къ коронѣ и никогда не будетъ отъ нея отлучаема (⁵). Это обѣщаніе гарантируетъ коммунальную свободу отъ всѣхъ случайностей, въ случаѣ если бы городъ перешелъ въ другія руки.

Всѣ эти статьи, прибавленныя королевской властью, не касаются, ни городского муниципальнаго устройства, ни городского общаго права. Королевскіе байльи и прево не вмѣшиваются въ коммунальное самоуправленіе. Они присутствуютъ только при уголовномъ судопроизводствѣ, которое принадлежитъ городскому совѣту и совершается по город-

(¹) Докум. art. 48.

(²) *Ibidem* art. 49.

(³) *Ibidem* art. 50.

(⁴) *Monum. t. 1. p. 404. Докум. 1190 г. art. 51.*

(⁵) Докум. art. 52.

скимъ обычаямъ. Сами они, въ своихъ засѣданіяхъ (*plaids*), рѣшаютъ гражданскія дѣла о поземельной собственности на основаніи феодальнаго права, если возникаютъ вопросы о ленныхъ владѣніяхъ. Но процессы между горожанами рѣшаются на основаніи права обычнаго,—по стародавнимъ обычаямъ городовъ, кутюмамъ (*coutumes*). Эти мѣстные законы въ грамматѣ Филиппа, чрезъ утвержденіе короля, въ первый разъ получаютъ законную санкцію. Но въ этомъ своемъ видѣ коммунальные законы отличаются еще значительной неполнотой и неопредѣленностью. Дальнѣйшее развитіе гражданского и уголовного законодательства Амьенской коммуны заключается въ такъ называемыхъ кутюмахъ, или вѣрнѣе въ сборникахъ кутюмовъ. Въ *Monuments inedités de l'histoire du tiers—état* напечатаны два такіе сборника. Одинъ изъ нихъ относится къ началу, другой къ половинѣ XIII вѣка. Эти памятники сначала не имѣли официального характера, и принадлежать частнымъ лицамъ, записавшимъ городскіе законы. Но потомъ они получили важность законодательнаго памятника чрезъ внесеніе въ муниципальные картуляріи. Во всякомъ случаѣ они представляютъ цѣлый законодательный корексъ, по которому управлялась коммуна города Амьена въ теченіи XIII и XIV вѣковъ. Оба эти памятника—собственно юридическаго характера; они главнымъ образомъ касаются законовъ о собственности, о наследствѣ, объ опекахъ и т. п., а также знакомятъ насъ съ порядкомъ уголовного судопроизводства, подробно излагаютъ правила судебныхъ поединковъ. Эта юридическая сторона кутюмовъ будетъ разсмотрѣна нами настолько, на сколько она характеризуетъ жизнь средневѣковой коммуны. Болѣе подробное изученіе средневѣковаго городского законодательства, гражданского и уголовного процесса, представляетъ особую важность для исторіи французскаго права,—науки спеціально юридической. Для насъ важна другая сторона кутюмовъ: организація городского совѣта, различныя права и обязанности его членовъ, взаимныя отношенія городской и королевской юрисдикцій, законы, гарантирующіе свободу членовъ коммуны и т. п. Городскіе кутюмы и въ этомъ отношеніи могутъ дать нѣсколько весьма важныхъ указаній.

Содержаніе перваго (*de la première coutume*) кутюма можетъ быть распредѣлено на три отдѣла: 1) законы граж-

данскіе и уголовныя 2) правила судопроизводства въ городскомъ совѣтѣ и 3) правила судопроизводства у королевскаго прево. 1) Городской кутюмъ не дѣлаетъ никакого различія между лицомъ благороднымъ и неблагороднымъ, между феодалнымъ сеньоромъ, барономъ или рыцаремъ, и горожаниномъ. Этимъ онъ существенно отличается отъ коммунальной хартіи 1190 года, гдѣ это различіе проводится строго⁽¹⁾. Въ кутюмѣ прочно устанавливается другаго рода различіе,— между членомъ коммуны и лицомъ не принадлежащимъ къ ней (*juratus et non juratus*)⁽²⁾. Членъ коммуны, отдающій свою дочь за лицо постороннее, долженъ заплатить въ пользу города извѣстный процентъ съ суммы, которую онъ назначаетъ въ приданое за своей дочерью. Въ городскихъ счетахъ этотъ доходъ записывался подъ особой рубрикой (*issue des deniers*). Стоитъ замѣтить еще законы о малолѣтнихъ; въ нихъ видна заботливость городского совѣта о малолѣтнихъ сиротахъ и патріархальное отношеніе къ членамъ коммуны. Всякій сирота состоитъ подъ особеннымъ попеченіемъ городского совѣта. Во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни онъ долженъ обращаться за совѣтомъ и помощью къ мэру и городскимъ засѣдателямъ⁽³⁾. Опекунъ и даже одинъ изъ родителей, оставшійся въ живыхъ, даетъ въ городскомъ совѣтѣ обязательство передать сиротамъ ихъ наслѣдство въ цѣлости, вмѣстѣ съ прибрѣтеннымъ на него доходомъ, и въ обезпеченіе этого обязательства обязанъ даже дать залогъ⁽⁴⁾. Множество статей кутюма имѣютъ своимъ предметомъ такъ называемыя *assurements*, то есть правила, по которымъ лицо обиженное давало обязательство въ томъ, что не будетъ мстить обидчику. Нарушеніе подобнаго обязательства называется весьма строго,—разрушеніемъ дома и изгнаніемъ, только въ немногихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. *Assurement* есть нѣчто въ родѣ мирового суда. Онъ составляетъ исключительное право членовъ городского совѣта. Подобныя мировые су-

⁽¹⁾ Въ докум. 1190 г. art. 22—дѣлается наприм. такого рода оговорка, *nisi sit feodum*. Въ кутюмѣ нѣтъ уже подобныхъ оговорокъ.

⁽²⁾ Monum. p. 121, art. 23.

⁽³⁾ *Ibidem*. art. 88. Эта статья замѣчательна еще тѣмъ, что на подобное распоряженіе указывается какъ на законъ городского совѣта.

⁽⁴⁾ Monum. p. 121, art. 66.

⁽⁵⁾ Докум. XIII вѣка art. 65, 67.

ды имѣли важное значеніе въ средневѣковой городской жизни. Французскіе буржуа средневѣковой коммуны не отличались особенной мягкостью нравовъ. Документы постоянно говорятъ объ уличныхъ схваткахъ, о нападеніи ночью съ оружіемъ, о пролитіи крови и т. п. Горожанинъ XII и XIII вѣковъ большею частію ходилъ вооруженный хорошей шпирой или ножомъ и надѣвалъ добрую кольчугу. Вспомнимъ Генри-Смита, кузнеца въ романѣ Вальтеръ-Скотта: Переская красавица. Французскіе буржуа XII и XIII вѣковъ были отчасти на него похожи; можетъ быть, даже вслѣдствіе національнаго характера, отличались еще большей вспыльчивостью. Если на улицѣ происходила драка, то городской мэръ являлся на мѣсто схватки, черезъ своихъ сержантовъ разнималъ дерущихся, потомъ ихъ мирилъ, зачинщиковъ подвергалъ наказанію и во всякомъ случаѣ съ обиженного бралъ ручательство (*assurement*), что онъ не будетъ мстить обидчику⁽¹⁾. Кутюмъ всего подробнѣе передаетъ правила судебного поединка, который допускается съ извѣстными ограниченіями и коммунальной хартіей редакціи 1190 года⁽²⁾. Въ кутюмѣ исчисляются всѣ случаи, въ которыхъ можно прибѣгать къ доказательствамъ такого рода. Запрещаются поединки между членами коммуны въ качествѣ повѣренныхъ отъ другихъ лицъ⁽³⁾. Въ кутюмѣ весьма картинно рассказываются формальности поединка, передаются всѣ судебныя формулы, произносимыя тазущимися сторонами и ихъ повѣренными. Надзоръ за судебнымъ поединкомъ принадлежитъ королевскому превд. Считаемо великимъ передать нѣкоторыя подробности судебного поединка, какъ они рассказываются въ избираемомъ кутюмѣ. Сначала исполняются разныя формальности средневѣковаго процесса: *semonce*—призывъ въ суду, *ajournement*—назначеніе дня процесса (внятіе или отводъ свидѣтелей—*levée ou recusation des témoins*) и т. д. Но отвѣтчикъ упорно запирается. Тогда истецъ приводитъ къ превдъ свидѣтеля, пользующагося уваженіемъ въ городѣ. Держа его за полу платья, онъ произноситъ такого рода формулу: „Господинъ прево! Вотъ такой-то свидѣтель

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 121.—Art. 34 de la première coutume.

⁽²⁾ Ibidem. art. 49, 72, 80.

⁽³⁾ Art. 17 de la charte commun. 1190.

съ моей стороны противъ NN въ томъ, что онъ (свидѣтель) слышалъ, какъ этотъ послѣдній сознавался, что долженъ мнѣ такую-то сумму денегъ. „Когда отвѣтчикъ продолжалъ отпираться, то судьи постановляли о судебномъ поединкѣ. Тогда истецъ долженъ былъ выбрать (avocat или champion) повѣреннаго, которому онъ поручалъ защиту своего дѣла на поединкѣ. Судъ рѣшалъ, можно ли въ данномъ случаѣ допустить судебный поединокъ чрезъ повѣреннаго, или нѣтъ⁽¹⁾? Если поединокъ—допущенъ, то въ назначенный день являлись обѣ стороны являлись съ своими повѣренными. Истецъ, взявши за руку своего защитника, говорилъ, что онъ представляетъ ему защиту своей правоты, и потомъ цѣловалъ его въ знакъ довѣрія. Защитникъ въ свою очередь на колѣнахъ предъ евангелиемъ клялся, что правда на сторонѣ истца, что онъ былъ свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ по чистой совѣсти, что онъ намѣренъ доказать это своей рукой и своимъ оружіемъ и сейчасъ заставляетъ своего противника сознаться въ неправотѣ своего дѣла, или убить его. Обвиняемый снова отвергалъ всѣ показанія противной стороны и съ такими же формальностями представлялъ своего защитника. Этотъ послѣдній говорилъ: „Отвѣтника дѣло правое; онъ клялся по чистой совѣсти. Истецъ—не правъ; онъ и его свидѣтели клялись напрасно и защитникъ его тоже далъ ложную клятву. Я берусь это доказать: вотъ этимъ оружіемъ или я его убью, или докажу, что онъ клятвоцѣступникъ“. Тогда всѣ выходили кромѣ защитниковъ, которые еще разъ клялись въ томъ, что они не имѣютъ другаго оружія, кромѣ дозволеннаго обычая, и что не будутъ прибѣгать, ни въ колдовству, ни въ вѣроломству, и не будутъ безчестно вредить другъ другу. Послѣ этого, въ назначенный день, на извѣстномъ мѣстѣ, при огромномъ стеченіи народа, происходилъ самый поединокъ⁽²⁾.

Второй отдѣлъ кутюма излагаетъ разныя правила су-

⁽¹⁾ Повѣреннаго можно было брать только въ извѣстныхъ случаяхъ, наприм. по слабости тѣлосложенія, престарѣлости, владыствіе условій пола, или возраста—моложе двадцати лѣтъ, а также извѣстныхъ болѣзней, которыя со всей точностію исчисляются въ кутюмахъ. См. Minier. *Précis hist. du droit fr.* p. 383.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 124. Cout. première art. 60, 72.

допроизводства въ городскомъ совѣтѣ. Впрочемъ границы муниципальной юрисдикціи не опредѣляются съ точностію. Замѣчательны слѣдующія постановленія: членъ коммуны не подлежитъ аресту въ дѣлахъ, относящихся въ городской юрисдикціи, за исключеніемъ только особенно важныхъ преступленій (¹). Кто не хочетъ платить налагаемаго судомъ штрафа, тотъ подвергался изгнанію. Если кто, уплативши штрафъ коммуны, отказывается платить штрафъ королю,— конечно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это требуется,— тотъ отсылается къ королевскому прево, который держитъ его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ штрафа (²).

Въ кутюмѣ опредѣляется, какъ должны дѣлиться штрафы между коммуной и сеньорами города. Въ большей части случаевъ коммуна брала двѣ части, третья дѣлилась между королемъ, епископомъ и кастеляномъ; викарій-епископъ получалъ четвертую часть изъ королевской доли (³). Кутюмъ опредѣляетъ наказанія, налагаемыя городскими властями за разныя преступленія. За убійство или рану назначается *la peine du talion* (*vie—pour vie, membre—pour membre*), но позволяется откупаться отъ такого наказанія штрафомъ (⁴). За оскорбленіе члена коммуны лицо постороннее платитъ двойной штрафъ (⁵). За ударъ, нанесенный городскому мэру, виновный наказывался отсѣченіемъ руки (⁶). Если побой нанесены городскому засѣдателю, то высказывается штрафъ въ 60 ливровъ,— сумма по тому весьма значительная (⁷). Въ случаѣ неплатежа виновный подвергается изгнанію. Отецъ отвѣчаетъ за проступки своего несовершеннолѣтняго сына (⁸). Сдѣлки и договоры должны заключаться въ присутствіи двухъ засѣдателей (⁹). Въ случаѣ нарушенія обязательствъ, дѣло рѣшается на основаніи свидѣтельства этихъ засѣдателей. Ку-

(¹) Monum. t. 1. 121. Cout. première art. 1.

(²) Ibidem. art. 3.

(³) Coutume première art. 4.

(⁴) Ibidem. art. 9.

(⁵) Coutume première art. 22, 23.

(⁶) Ibidem. art. 27.

(⁷) Ibidem. art. 28.

(⁸) Ibidem. art. 29.

(⁹) Ibidem. art. 74.

твомъ ничего не говоритъ о письменныхъ актахъ, свидѣтельствуемыхъ въ городскомъ совѣтѣ и утверждаемыхъ подписью мэра и засѣдателей и о приложеніи городской печати, хотя существованіе во 2-й половинѣ XII вѣка подобныхъ актовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію ⁽¹⁾. Третій отдѣлъ кутюма касается разныхъ правилъ судопроизводства у королевскаго прево. Такъ называемые королевскіе случаи (*cas гор-аих*),—убійство, разбой и измѣна, подлежатъ суду королевскаго сановника. Важную роль играетъ прево въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ судебнымъ поединкомъ. Сравнительно съ хартіей 1190 года, предѣлы королевской юрисдикціи расширились еще въ томъ отношеніи, что дѣла о побояхъ, нанесенныхъ королевскому чиновнику, рѣшаются уже безъ участія засѣдателей ⁽²⁾. Королевская власть даетъ больше гарантіи для неприкосновенности своихъ уполномоченныхъ. Гражданскія дѣла о домахъ и должникахъ разсматриваются и рѣшаются королевскимъ прево. Несостоятельныхъ должниковъ, если они не члены коммунъ, онъ имѣетъ право заключать въ тюрьму; кредиторъ доставляетъ для прокормленія арестанта хлѣбъ и воду, „потому что, наивно прибавляетъ составитель кутюма, никто не имѣетъ права за долги морить голодомъ“ ⁽³⁾. Члена коммунъ прево не имѣетъ права подвергать заключенію въ тюрьмѣ; для понужденія къ уплатѣ онъ обращается въ городскую совѣтъ. Должники платятъ штрафъ въ видѣ судебныхъ издержекъ. Членъ коммунъ платитъ меньше, чѣмъ лицо постороннее ⁽⁴⁾.

Второй кутюмъ во многомъ служитъ дополненіемъ для перваго. Онъ знакомитъ съ организаціей городского совѣта Амьенской коммунъ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ мэра и 24 засѣдателей (*échevins*); они выбираются ежегодно въ общемъ городскомъ собраніи, которое состоитъ изъ начальниковъ городскихъ цеховъ—цеховыхъ мэровъ, такъ называемыхъ *maïres des bannières*. Мэръ и засѣдатели представляютъ собранію списковъ трехъ кандидатовъ на должность мэра на слѣдующій годъ ⁽⁵⁾. Послѣ присяги цеховые мэры выбираютъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 93. Докум. 1167 года.

⁽²⁾ Coutume, première. art. 26. Cp. art. 36 de la charte 1190.

⁽³⁾ Cout. 1. art. 75.

⁽⁴⁾ Ibidem. art. 71 et 89.

⁽⁵⁾ Monum. t. 1. p. 154 Seconde coutume art. 14.

изъ числа кандидатовъ городского мэра, затѣмъ назначаютъ 12 засѣдателей. Эти послѣдніе сами уже выбираютъ 12 засѣдателей (¹). Наконецъ цеховые мэры назначаютъ еще четырехъ *comptables*, т. е. членовъ совѣта, на обязанности которыхъ лежала забота о городскихъ финансахъ, общественныхъ работахъ и т. п. Это—такъ называемые *compteurs*—счетчики. Главный изъ нихъ называется *grand compteur* (²). Вновь избранная власть не имѣла права отказаться отъ своихъ должностей. Отказъ наказывался разрушеніемъ дома; но и послѣ этого члены совѣта все-таки не избавлялись отъ исполненія своихъ обязанностей (³). Назначеніе на низшія городскія должности зависитъ отъ мэра и его засѣдателей. Они назначали сержантовъ, которые были исполнителями приказаній совѣта; затѣмъ—такъ называемыхъ *jauteurs*—въ родѣ нашихъ акцизныхъ чиновниковъ, которые слѣдили за правильностью продажи вина, взмѣряли бочки въ мѣстахъ торговли виномъ и т. п. Были и другіе низшіе чины, назна-

(¹) *Ibidem.* art. 15.

(²) *Ibidem.* art. 16.

(³) *Ibidem.* art. 17 et 18

Способъ избранія городской магистратуры въ городахъ сѣверной и средней Франціи былъ весьма разнообразенъ. Онъ могъ быть прямымъ или непрямымъ. Въ первомъ случаѣ избраніе совершалось общими городскими собраніями. Такъ было наприм. въ Клермонѣ, Анжерѣ и др. городахъ. Второй способъ избранія происходилъ чрезъ представителей отъ цеховъ, какъ въ Амьенѣ, С. Кентенѣ и проч. Но прямой способъ избранія въ нѣкоторыхъ городахъ былъ до чрезвычайности сложенъ. Онъ былъ не только двойнымъ,—à deux degrés какъ въ Амьенѣ, но тройнымъ и болѣе. Въ нѣкоторыхъ городахъ выбывающіе члены совѣта сами назначали себѣ преемниковъ. Были и такія общины, для которыхъ король или парламентъ назначалъ членовъ магистратуры. Составъ городского совѣта тоже въ высшей степени разнообразенъ. Между городами сѣверной полосы, коммуна въ строгомъ смыслѣ, встрѣчаются такія, въ которыхъ было по два или по три мэра. Рядомъ съ городскимъ совѣтомъ во многихъ коммунахъ существуетъ другой совѣтъ, который можно назвать большимъ. Такъ наприм. въ коммунахъ Нормандіи, Руанѣ и др. большихъ городахъ, муниципальный совѣтъ кромѣ мэра и 12 засѣдателей состоялъ еще изъ 12 совѣтниковъ (*conseillers*) и 75 пэровъ, всего 100 членовъ. Члены большого совѣта приглашаются для совѣщанія по дѣламъ особенно важнымъ. Подобная коммунальная конституція перешла изъ Нормандіи во многіе города Англии. *Wagnkönig. St.-Gesch.* t. 1. p. 422. A. Thierry. *Preface à 2 t. des Monum.* p. V

чаемме однимъ мѣромъ безъ участія засѣдателей; таковы на-
примѣръ: смотритель городской башни, которая была и го-
родской тюрьмой; двое мастеровъ изъ цеха плотниковъ и ка-
менщиковъ, для наблюденія за общественными постройками
и т. п. (1). Сомнительно, чтобы съ самаго начала существо-
ванія коммуны избраніе городскихъ должностей совершалось
въ этомъ видѣ. По всей вѣроятности избирательное право
принадлежало сначала всѣмъ гражданамъ, всѣмъ членамъ
коммуны, или по крайней мѣрѣ всѣмъ представителямъ бо-
лѣе зажиточныхъ фамилій въ городѣ. Во всякомъ случаѣ
оно не было тѣсно связано съ цеховымъ, корпоративнымъ
строемъ коммуны. Значеніе цеховыхъ корпорацій начинается
усиливаться съ конца XII в., а въ половинѣ XIII в. они
пріобрѣтаютъ уже огромное вліяніе въ коммунѣ. Этимъ кор-
пораціямъ наконецъ удалось поставить отъ себя въ зависи-
мость городской совѣтъ.

Они достигли этого переменѣной въ самомъ принципѣ и
въ формѣ выбора членовъ совѣта. Вредныя послѣдствія по-
добной переменѣ умѣрились отчасти тѣмъ, что половина за-
сѣдателей назначалась тоже засѣдателями, а не цеховыми
мѣрами. Городскій мэръ могъ быть выбранъ вторично толь-
ко по истеченіи двухъ лѣтъ; выборъ засѣдателей не былъ
такъ ограниченъ: они могли быть избираемы нѣсколько
лѣтъ сряду. Изъ избирательныхъ списковъ, которые въ по-
ловинѣ XIV в. аккуратно велись и хранились въ городскомъ
совѣтѣ, мы видимъ, что городскія должности принадлежали
небольшому числу городскихъ фамилій, которыя такимъ
образомъ составляли нѣчто въ родѣ городской аристократіи (2).
Члены городского совѣта должны были исправлять вою долж-
ность безмездно. Впослѣдствіи мэръ сталъ получать отъ го-
рода коня, или деньги на его покупку (3). Городской мэръ
отличался особенной одеждой,—горностаевой мантией. Съ те-
ченіемъ времени число должностныхъ лицъ, зависѣвшихъ
отъ городского совѣта и получавшихъ отъ коммуны жало-
ванье, значительно увеличилось. Существовали городскіе ад-

(1) *Seconde coutume*; p. 151. art. 19—25.

(2) *Monum. t. 1. p. 510, 528, 539* и т. п. Документы 1345, 1346,
4348 г. и т. д.

(3) *Monum. p. 742. Докум. 1387 года.*

вокаты и прокуроры, какъ въ самомъ Амьенѣ, такъ и въ Парижѣ, для веденія городскихъ процессовъ. Былъ городской хирургъ, на обязанности котораго лежала забота объ общественномъ здоровьи (¹).

Возвращаемся къ наложенію содержанія городского кутюма. Нѣсколько статей его касаются цеховыхъ корпорацій (bannières,—arts des métiers). Всякій цехъ имѣлъ право выбирать цеховаго мэра или старшину (²). Кромѣ мэра цехъ выбиралъ еще надсмотрщиковъ (eswards или esgards), которые стояли въ старшинѣ въ отношеніи сходномъ съ отношеніемъ засѣдателя въ городскому мэру (³). Обязанность надсмотрщика состояла главнымъ образомъ въ наблюденіи за исполненіемъ цеховыхъ правилъ или статутовъ. Цеховой совѣтъ пользовался юрисдикціей въ цеховыхъ дѣлахъ, но во всякомъ случаѣ былъ обязанъ повиноваться распоряженіямъ городского совѣта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшины и надсмотрщики сами налагали штрафы, а въ другихъ это право было предоставлено городскому совѣту (⁴).

Нѣсколько статей кутюма касаются юрисдикціи мэра и засѣдателей. Они дополняютъ правила перваго кутюма относительно этого предмета. Мэры и засѣдатели могутъ производить слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ, но не иначе, какъ въ присутствіи прева или его помощника (lieutenant). Въ предѣлахъ своего вѣдомства городской совѣтъ судить безъ участія прева; онъ имѣетъ право даже не впускать его въ свои засѣданія. Если часть штрафа должна принадлежать королю или другому сеньору города, то совѣтъ сообщаетъ свое рѣшеніе королевскому чиновнику (⁵), и только тогда оно получаетъ свою законную силу. Члены совѣта должны оказывать содѣйствіе прева при арестѣ уголовныхъ преступниковъ, виновныхъ въ убійствѣ, грабежѣ и измѣнѣ (les cas royaux) (⁶). Кутюмъ опредѣляетъ взаимное отношеніе городской и епископской юрисдикціи. Преступленіе, совершенное

(¹) Monum. t. 1. p. 703. Докум. 1387 года.

(²) Seconde coutume art. 13.

(³) Seconde coutume art. 84.

(⁴) Ibid. art. 10.

(⁵) Ibid. art. 3.

(⁶) Seconde coutume art. 9.

лицомъ подсуднымъ епископу на городской землѣ, судится городскимъ совѣтомъ только въ томъ случаѣ, если преступникъ схваченъ на самомъ мѣстѣ преступленія, въ моментъ его преступленія (*en flagrant delit*). Впрочемъ, въ случаѣ не особенно важномъ, епископъ можетъ взять виновнаго на поруки, съ обязательствомъ представить его въ городской судъ въ назначенный срокъ. Въ случаѣ неявки епископъ ручается въ уплатѣ штрафа. Подобное же правило существовало и для горожанъ, совершившихъ преступленіе на земляхъ епископа⁽¹⁾. На обязанности совѣта лежитъ забота о городскихъ укрѣпленіяхъ. Всѣ необходимые расходы на этотъ предметъ идутъ на счетъ членовъ коммуны⁽²⁾. Впрочемъ въ послѣдствіи постановленіемъ парламента епископъ и капитуль обязаны были принимать участіе въ такихъ расходахъ⁽³⁾. Въ вѣдѣніи мэра и засѣдателей находится и все городское хозяйство. Они завѣдуютъ городскими пастбищами, отдають въ наймы общественныя постройки разнаго рода,—дома, лавки и т. п. Они дѣлають раскладку всѣхъ городскихъ налоговъ (*tailles mises, assis et subventions*)⁽⁴⁾. Городской совѣтъ слѣдитъ за хорошимъ качествомъ вина, которое продается въ городѣ, слѣдитъ за правильностью построекъ въ городѣ. Кутюмъ весьма подробно опредѣляетъ эти правила средневѣковаго строительнаго устава. Они отличаются мелочностью предписаній. Напримѣръ, если кто вздумалъ бы построить балконъ или галерею на лицевой сторонѣ дома, то этотъ выступъ стѣны (*saillie*) долженъ быть сдѣланъ на такой высотѣ, чтобы подъ нимъ удобно можно было проѣхать верхомъ на лошади⁽⁵⁾. Подобныя правила весьма понятны при тѣснотѣ улицъ средневѣковаго города. Всѣ товары въ городѣ должны быть мѣрыми городскими мѣрами и взвѣшиваемы на городскихъ вѣсахъ⁽⁶⁾. Нѣкоторыя исключенія сдѣланы только въ пользу викарія⁽⁷⁾. Мѣрами завѣдуютъ особенные чи-

⁽¹⁾ Ibid. art. 9.

⁽²⁾ Ibid. art. 27.

⁽³⁾ Monum. t. 1. p. 571. Докум. 1355 года.

⁽⁴⁾ Seconde coutume art. 79 et 80.

⁽⁵⁾ Ibidem, art. 66.

⁽⁶⁾ Ibidem. art. 86 et 88.

⁽⁷⁾ Ibidem. art. 87.

ны, называемые *meuzieurs*. Впрочемъ для собственнаго, не-торговаго употребленія горожанамъ позволено имѣть мѣры и вѣсы (¹). Кутюмъ входитъ даже въ описаніе длины и вѣстительности нѣкоторыхъ городскихъ мѣръ (²).

Всѣ ли правила судопроизводства гражданскаго и уголовнаго занесены въ разобранные нами кутюмы? то есть представляютъ ли они полный кодексъ городскихъ законовъ Амьенской коммуны? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный. Мы замѣтили уже, что такіе сборники составлялись частными людьми, безъ особаго знанія, безъ твердо установленнаго плана и ясно опредѣленной цѣли. Нѣкоторой систематичностью они обязаны не составителямъ, а позднѣйшимъ издателямъ. Въ кутюмахъ только начатки національнаго французскаго законодательства. Съ теченіемъ времени, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, развивалось и самое законодательство. Какимъ образомъ совершалось это развитіе? Въ случаѣ, если кутюмъ не давалъ опредѣленныхъ указаній для рѣшенія дѣла, то прибѣгали къ свидѣтельству наиболѣе уважаемыхъ старожилловъ. У нихъ спрашивали, какъ подобныя дѣла рѣшались прежде, по стародавнимъ обычаямъ города. Подобныхъ свидѣтелей требовалось отъ 2 до 14. Въ исторіи города Амьена мы встрѣчаемъ много при-иѣровъ подобнаго рѣшенія дѣлъ (³). Къ свидѣтельству постороннихъ лицъ особенно прибѣгали, если происходили споры о давности владѣнія, или о правѣ пользованія недви-жимою собственностью (⁴). Былъ въ употребленіи третейскій судъ. Случалось, что трудное дѣло мэръ и засѣдатели пере-давали на рѣшеніе всего народнаго собранія. Подобныя по-становленія записывались и такимъ образомъ мало по малу накапливался матеріалъ для новаго, болѣе полнаго сравни-тельно съ прежними сборниками кутюмовъ. Съ половины XIII в. начались работы легистовъ по изданію сборниковъ этого обычнаго права (*coutumiers*). Они вносили въ нихъ идеи римскаго и каноническаго права (⁵). Въ послѣдствіи

(¹) *Ibidem.* art. 89, 91.

(²) *Seconde coutume* art. 92, 93, 94, 95.

(³) *Monum.* t. 1. p. 189. Докум. 1210 года.

(⁴) *Monum.* t. 1. p. 198. Докум. 1225 года.

(⁵) При Людовикѣ II были собраны и обнародованы кутюмы горо-ма Парижа, Нормандіи и Бовуазин. Карлъ VII имѣлъ мысль о всеобщемъ

правительство стало заботиться о болѣе обширномъ сборникѣ кутюмовъ, которые такимъ образомъ дѣлались уже, въ своемъ измѣненномъ видѣ, законодательнымъ національнымъ кодексомъ для извѣстной мѣстности. Кутюмы Амьена получили королевскую санкцію въ 1507 году. Посмотримъ теперь, какъ управлялась Амьенская коммуна до половины XIII в. по этимъ правиламъ своего обычнаго законодательства. Мы говоримъ до половины XIII в., потому что съ этого времени королевская власть начинаетъ оказывать болѣе рѣшительное вліяніе на городскую администрацію; вслѣдствіе чего общій ходъ историческаго развитія коммуны принимаетъ уже иное направленіе.—XIII вѣкъ есть время особенно быстрого роста коммуны, какъ въ отношеніи городской свободы и городскихъ учреждений, такъ и со стороны торговаго и промышленнаго процвѣтанія. Королевская власть довольствуется извѣстной долей юрисдикціи и участіемъ въ городскихъ доходахъ и уважаетъ городскую автономію. Амьенская коммуна въ этотъ періодъ времени значительно расширяетъ территорію и судебныя права своей магистратуры. У сеньора Кастильонскаго коммуна покупаетъ значительную часть его земель, наслѣдство прежнихъ кастелляновъ⁽¹⁾. У вассала епископа Гюго Сень-Торэна она скупила всѣ доходы и судебныя права въ улицѣ Canteraine. Гюго былъ ленникомъ епископа; поэтому продажа его феодальныхъ правъ въ пользу города не могла обойтись безъ епископскаго разрѣшенія. По феодальному обычаю Гюго долженъ былъ возвратить своему сеньору его лень со всѣми правами фискальными и судебными. На подобную передачу должны были изъяснить свое

законодательномъ кодексѣ. Но это былъ огромный трудъ, для исполненія котораго потребовались нѣсколько поколѣній. Начало, положенное Карломъ VII, продолжалъ Лидовикъ XI и Карлъ VIII. Это изданіе кутюмовъ было дѣломъ національнымъ. Третье сословіе на собраніи 1484 г. требовало письменнаго изданія кутюмовъ. При Карлѣ VIII комиссары парламента на провинціальныя собранія, вмѣстѣ съ представителями отъ всѣхъ 3-хъ сословій, обсуждали мѣстные кутюмы. Потомъ въ Парижѣ ихъ разсматривали законовѣды. Затѣмъ парламентъ вноситъ ихъ въ свои регистры. Послѣ этого они получали силу письменнаго закона для той мѣстности, которой принадлежала ихъ первоначальная редакція. Они тамъ обнародовались. *Minier. Précis hist. du dr. Franc. p. 573 et suiv.*

⁽¹⁾ Monum. t. 4. p. 187. Докум. 1210 года.

согласіе и родственники вассала. Послѣ этого епископъ даетъ коммуны инвеституру на владѣніе, за что она должна выплатить ему извѣстную сумму единовременно, а за тѣмъ каждый годъ платить положенную ренту. Судебныя права были переданы не только коммуны, но и королевскимъ чиновникамъ, въ предѣлахъ ихъ вѣдомства (¹).

Коммуна строго слѣдитъ за исполненіемъ своихъ законовъ. Кто покупаетъ земли или домъ въ предѣлахъ городской территоріи, тотъ долженъ испросить согласіе городского совѣта и обязаться исполнять городскіе законы и обычаи. Особенно строго соблюдалось это правило относительно монашескихъ орденовъ. Вообще коммуна не любила монастырскихъ общинъ, съ ихъ особыми правами, съ ихъ независимымъ духомъ и постояннымъ стремленіемъ увеличивать свои владѣнія. Имущество, попадавшее въ руки монаховъ,—попало, по средневѣковому выраженію, въ мертвыя руки. Владѣлецъ лишался надежды получить его обратно, потому что для монаховъ не существовали, ни конфискаціи, ни *forisfactura*, ни *deshereuce*. Они большею частію подсудны были только папѣ, которые умѣли заставлять уважать ихъ привилегіи. Монашескій орденъ не умиралъ; онъ не отчуждалъ своихъ имѣній; оттого онъ не платилъ ни *lods*, ни *ventes*. Это ставило монастыри въ исключительное положеніе въ средневѣковомъ обществѣ. Стоило завестись въ городъ какому нибудь монашескому братству, онъ дѣлался какимъ-то болѣзненнымъ наростомъ, который мало по малу вытягивалъ соки изъ коммунальнаго организма. Коммуны понимали это и большею частію отклоняли монашескія общины отъ поселенія внутри городскихъ стѣнъ. Если какой нибудь орденъ и покупалъ недвижимостъ въ городѣ, то коммуна спѣшила обязать его не распространять своихъ владѣній, отказываясь отъ нѣкоторыхъ правъ, вредныхъ для городского благоустройства, какъ напр. отъ права убѣжища. За тѣмъ было принято общимъ правиломъ, чтобы всѣ міряне, поселенные на монастырской землѣ, лично и по имуществу подлежали суду коммуны (²).

(¹) Monum. t. 1. p. 222. Докум. 1228 года.

(²) Monum. t. 1. p. 197, 215, 229. Докум. 1224, 1253 и 1274 годовъ.

При существованіи разныхъ юрисдикцій, Амьенскій городской совѣтъ не могъ обойтись безъ столкновеній. Особенно часты были споры съ епископомъ, который обладалъ двоякаго рода юрисдикціей, свѣтской на принадлежащихъ ему земляхъ и духовной, простиравшейся на всѣхъ горожанъ безъ исключенія. Права епископа, какъ судьи въ дѣлахъ духовныхъ, давали ему поводъ къ постоянному вмѣшательству въ городскія дѣла. При неопредѣленности юридическихъ понятій того времени подобное вмѣшательство не представляло особенныхъ затрудненій. Такъ на примѣръ, епископъ требовалъ въ своему суду дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ въ праздничные дни, на томъ основаніи, что преступленіемъ нарушается святость праздника (¹). Возникъ споръ, въ которомъ король принялъ сторону коммуны. Вотъ какъ выражается граммата епископа: *controversio vertebatur inter Philippum illustrem Francorum regem et cives Ambianenses ex una parte et me (т. е. episcopo) ex altera*. Подобныя выраженія въ документахъ коммуны, въ рассматриваемую эпоху, не рѣдкость. Они показываютъ, какъ сначала нераздѣльны были интересы короля съ интересами коммунъ (²). Для рѣшенія спорнаго дѣла не нашли никакихъ указаній въ кутюмахъ; поэтому обратились къ одному 70 лѣтнему старику Винценцію Камбарію, не помнить ли онъ, какъ подобныя дѣла рѣшались при графѣ Филиппѣ Эльзасскомъ. Винценцій сообщалъ по всей правдѣ, что онъ видѣлъ и какъ онъ слышалъ (*jure dicit, quod vidit et audivit*). По его словамъ, епископъ получалъ извѣстную долю штрафа за проступки, совершенные въ извѣстные праздники (*jure christianitatis*), и то только въ томъ случаѣ, если истецъ подавалъ епископу особую жалобу (³). Постановленіе Винценція было принято обѣими сторонами. Но съ другой стороны нарушались коренныя права самого епископа, особенно со стороны представителей королевской власти. Въ 1244 году королевскій прево неизвѣстно за что арестовалъ 17 человекъ клириковъ, жестоко ихъ билъ и заключилъ въ городскую башню. На другой день еще пятеро канониковъ, по приказанію Амьен-

(¹) Monum. t. 1. p. 188, 189. Докум. 1290.

(²) Ibidem. p. 189.

(³) Monum. t. 1. p. 189. Докум. 1240 года.

скаго байльи, были арестованы и, послѣ разныхъ поруганій, повѣшены на одной изъ площадей Амьена. Это было страшное посмѣяніе надъ правами Церкви. Епископъ прибѣгнулъ къ самому сильному средству, бывшему въ его распоряженіи. Онъ отлучилъ королевскихъ сановниковъ отъ Церкви. Байльи и прево должны были покориться и просили прощенія у прелата. Характеристично наказаніе, которому подвергъ ихъ епископъ. Пять дней сразу, по числу повѣшенныхъ клириковъ, совершалась въ городѣ Амьенѣ странная церемонія. Королевскій байльи,—лицо въ то время чрезвычайно важное,—шелъ въ торжественной процессіи, въ рубашкѣ, босой, съ веревкой на шеѣ, съ руками связанными за спину, какъ связываютъ преступникамъ, осужденнымъ на повѣшенье. Шествіе направлялось къ тому мѣсту, гдѣ находилась городская висѣлица. Байльи подводили подъ висѣлицу и дѣлали видъ повѣшенія. Послѣ чего онъ отправлялся въ церковь св. Мунтана, гдѣ лежали тѣла повѣшенныхъ имъ клириковъ. Тамъ ему развязывали руки и онъ бралъ на плеча одинъ изъ труповъ, покрытый шелковымъ покровомъ, купленнымъ на его же счетъ, и несъ торжественно, съ благоговѣніемъ (*solemniter et devote*) въ соборную церковь, гдѣ совершалось надгробное пѣніе, а оттуда на кладбище св. Діонисія, гдѣ тѣло предавалось уже погребенію. Такимъ образомъ байльи долженъ былъ перенести всѣ пять труповъ. Но этимъ наказаніе еще не оканчивалось: въ такомъ же покаянномъ видѣ, онъ долженъ былъ во всѣхъ церквяхъ Амьенскаго діоцеза торжественно произнести клятву, что нигдѣ, нивогда, не будетъ отправлять судебныхъ обязанностей. Тоже долженъ былъ сдѣлать и прево ⁽¹⁾. Но не ушелъ отъ наказанія и мэръ Амьенской коммуны. Вина его была въ томъ, что онъ позволилъ держать клириковъ подъ арестомъ въ городской башнѣ. Его судили семеро посредниковъ: четверо со стороны капитула и трое отъ коммуны. Онъ присужденъ былъ построить на свой счетъ 6 капеллъ и обезпечить ихъ на вѣчныя времена ежегоднымъ доходомъ по 20 парижскихъ ливровъ для каждой. Въ капеллахъ этихъ должно совершаться вѣчное поминовеніе—невинно пострадавшихъ клириковъ. Мэръ долженъ былъ сдѣлать это: *ad placendam*

(1) Daire. Hist. d'Amiens. t. 1. Pièces justif. p. 528.

offensam majestatis divinae et ad reformationem honoris Ecclesiae. Смотритель городской башни былъ на всегда лишень права занимать какую либо должность въ городѣ ⁽¹⁾. Не одни королевскіе чиновники подвергались отлученію со стороны епископа; тяжесть этого церковнаго наказанія приводилось испытывать и членамъ коммуны, а иногда и городскому совѣту. Въ подобныхъ случаяхъ гнѣвъ епископа обыкновенно былъ смягчаемъ денежнымъ подаркомъ ⁽²⁾, размѣръ котораго опредѣлялся третейскимъ судомъ.

А. Смирновъ.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ).

⁽¹⁾ Мопш. t. 1. p. 208. Докум. 1244 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 192. Докум. 1245 г.

КОММУНА

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ФРАНЦІИ

СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ РОСТОМЪ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ.

III.

(Продолженіе).

Въ то время, какъ коммуна достигала полнаго развитія своихъ учрежденій и вѣршила въ борьбѣ съ феодализмомъ, великій переворотъ совершался во Франціи. Переворотъ этотъ былъ направленъ въ усиленію центральной власти. Онъ начался еще съ 12 вѣка, вскорѣ послѣ коммунальнаго движенія, подъ вліяніемъ изученія римскаго права Италия—страна классическихъ преданій, давшая первый толчекъ коммунальной революціи,—и на этотъ разъ послужила источникомъ идей, перевернувшихъ потомъ все средневѣковое общество. Замѣчательно это вліяніе итальянскихъ идей на ходъ историческаго развитія Европы. Италия долгое время служила для полуварварскихъ народовъ Европы тѣмъ, чѣмъ была Греція для грубыхъ народовъ древняго міра. Италия первая въ Европѣ подняла знамя свободы городскихъ общинъ; она познакомила Европу съ идеями римскаго права; она дала ей эпоху Возрожденія; она посеяла первый семя Реформаціи. Изученіе римскаго права въ темные вѣка грубаго варварства не прерывалось на Аппенинскомъ полуостровѣ (*). Ю съ 12 вѣка особенно прославилась преподаваніемъ нравъ знаменитая Болонская школа. Множество студентовъ изъ Франціи переправлялись черезъ Альпы, чтобы слушать знаменитыхъ докторовъ и глоссаторовъ римскаго права. Подъ

(*) Sclopius. Histoire de la législation Italienne. t. I. passim.

вліяніем Болоньи преподаваніе римскаго права быстро распространилось въ городахъ южной и средней Франціи ⁽¹⁾. Статьи римскихъ кодексовъ, преподаваемыя и толкуемыя въ школахъ, мало по малу стали проникать и въ жизнь. Явилась цѣлая масса юристовъ или, какъ ихъ принято называть, легистовъ, пропитанныхъ идеями римскаго права. Они во имя этихъ идей начали борьбу съ средневѣковыми феодальными порядками. Еще при Людовикѣ VIII мы видимъ уже легистовъ, засѣдающихъ въ парламентѣ, который былъ сначала судомъ пэровъ Франціи (*cour des pairs*), а потомъ, послѣ присоединенія къ нему королевскаго суда (*cour du roi*), сдѣлался высшимъ судебнымъ трибуналомъ для всего королевства. Но особенное значеніе въ парламентѣ легисты приобрѣтаютъ уже при Людовикѣ Святомъ. При немъ парламентъ получилъ полную организацію. Легисты, которыхъ Людовикъ Св. приглашалъ туда, сначала были только совѣтниками бароновъ и прелатовъ; постановленія сначала выходили отъ имени послѣднихъ, хотя и были проникнуты новыми идеями. Но легисты, по выраженію Сенъ-Симона, не замедлили съ низшихъ скамей парламента перейти на высшія мѣста и кончили тѣмъ, что совершенно отстранили отъ дѣлъ бароновъ и прелатовъ. Этотъ переворотъ совершался не вдругъ; онъ рельефно обозначался только во вторую половину царствованія Людовика IX. Благодаря легистамъ, парламентъ скоро сдѣлался судебнымъ и административнымъ центромъ королевства. Легисты путемъ административныхъ мѣръ и судебныхъ рѣшеній, проводили въ жизнь теорію о единой верховной власти въ государствѣ, какъ о единомъ источникѣ законодательства, администраціи, суда. Власть эта сама ни отъ кого не зависитъ, по отъ нея всѣ должны зависѣть, передъ ней всѣ должны быть равны. Это—идея римскаго императорскаго законодательства. Тогда началась глухая борьба съ феодализмомъ, борьба идей съ существующими фактами. Не оружіемъ совершается эта борьба: она ведется по кодексамъ римскаго права и на основаніи схоластическихъ толкованій (*glossarium*) этихъ кодексовъ. Легисты для идей абсолютизма были тоже, что іезуиты для идей папства. У

⁽¹⁾ Histoire du droit romain au moyen âge. Savigny. t. I. passim.

⁽²⁾ Cheruel. Admin. monarch. en France t. I. p. 20.

тѣхъ и другихъ одинаковая неразборчивость въ средствахъ. Легисты даже не очень церемонно обращались съ законами Юстиніана, съ комментаріями Гая и Трибоніана. Съ помощію схоластическихъ пріемовъ каждому тексту легко дать какое угодно толкованіе, легко направить его въ какой угодно цѣли. Легисты были великіе мастера своего дѣла. Для каждаго спорнаго пункта они ловко умѣли подыскать законъ. Законъ былъ не ясенъ: они знали гдѣ найти нужное толкованіе и сами не затруднялись въ объясненіяхъ сообразно съ извѣстной цѣлью. Эта борьба длилась цѣлымъ столѣтіемъ. При Людовикѣ Свѣтомъ она ведется съ умѣренностью, во имя справедливости. Но тогда уже легисты начали подрывать главныя основы феодализма. Подъ вліяніемъ ихъ Людовикъ запретилъ частныя войны между феодалами и судебныя поединки. Законъ Людовика Св. о частныхъ войнахъ извѣстенъ подъ именемъ *Quarantaine-le-Roi* 1245 года. Частныя войны запрещались въ теченіе извѣстныхъ 40 дней въ году; въ это время бароны должны были обращаться за рѣшеніемъ своихъ споровъ къ королевскимъ судьямъ. Тотъ, въ чью пользу рѣшалось дѣло, поддерживался королевскою властью. Въ 1258 году Св. Людовикъ запретилъ частныя войны уже безъ всякихъ ограниченій; потому, говорится въ его указѣ, что они влекутъ за собой пожары и мѣшаютъ земледѣлію⁽¹⁾. Въ судебномъ отношеніи легисты провели въ жизнь цѣлый рядъ реформъ. Судебная дуэль запрещена, потому что она незаконный путь, какъ выражаются *Etablissements de saint Louis*⁽²⁾. Въ замѣнъ этого варварскаго обычая устанавливается судъ на основаніи показаній свидѣтелей. Всѣ суды въ королевствѣ централизуются: на феодальный судъ апеллируется къ королевскому байльи, на судъ байльи апелляція идетъ въ парламентъ. Увеличено число королевскихъ случаевъ. Къ прежнимъ тремъ: убійству, грабежу, измѣнѣ, прибавлены еще: святотатство, поддѣлка монеты, нарушеніе общественной безопасности, бунтъ противъ королевской власти.

Въ своей борьбѣ съ феодализмомъ легисты опираются на третье сословіе. Они поддерживаютъ города въ борьбѣ съ

⁽¹⁾ Ordon. t. 1. p. 84.

⁽²⁾ Livre 44, ch. II, III, IV, V etc.

феодализмомъ. Ихъ стремленіе, все, что ниже буржуазіи, поднять до нея,—все, что выше, сравнить съ ней. Вѣроятно они съ самаго начала не легко мирились съ политической самостоятельностью коммунъ: она противорѣчила ихъ идеямъ о единой верховной власти въ государствѣ. Впрочемъ они относятся съ большою осторожностью къ городской автономіи; уничтоженіе городской независимости было дѣломъ не одного царствованія; оно главнымъ образомъ совершено королями XIV вѣка изъ династіи Валуа. При Людовикѣ Святомъ легистамъ удалось достигнуть относительно городовъ двойной цѣли: 1) придать нѣкоторое единство городской администраціи, подчинить городскихъ начальниковъ контролю высшей власти,—преимущественно въ финансовыхъ дѣлахъ и 2) сдѣлать парламентъ высшимъ апелляціоннымъ судомъ для всѣхъ городскихъ процессовъ съ кѣмъ бы то ни было,—свѣтскимъ барономъ, епископомъ и даже съ самимъ королемъ. Первая идея проведена въ Ордоансѣ Людовика Св. 1256 г. (1). Вотъ главные его пункты: избраніе городского мэра должно совершаться ежегодно 28 октября. вновь избранный мэръ и мэръ прежняго года должны каждый годъ, въ извѣстный срокъ, являться въ Парижъ и давать отчетъ въ городскихъ доходахъ и расходахъ. Коммуна безъ разрѣшенія короля не имѣетъ права дѣлать ссудъ или подарковъ, за исключеніемъ только небольшого количества вина. По дѣламъ города въ Парижъ должны ѣздить только городскіе мэры въ сопровожденіи не болѣе четырехъ лицъ. Опредѣляется сколько лошадей они могутъ имѣть для своего путешествія. Городская казачья должна храниться въ общественномъ сундукѣ. Казначей, завѣдующій городскими расходами, не имѣетъ права держать на дому больше 20 ливровъ общественныхъ суммъ. Эти мэры были вызваны вѣроятно нѣкоторыми безпорядками, вкравшимися въ городскую администрацію, особенно относительно городскихъ финансовъ. Городская аристократія, которая занимала городскія должности, обременяла низшее городское сословіе налогами и распоряжалась городскими суммами не въ видахъ общаго интереса, а по собственному усмотрѣнію. Людовикъ Св. расширилъ права городской юрисдикціи, подчинилъ ей дѣла о проступкахъ совершаемыхъ

(1) Monum. t. 1 p. 218. Докум. этого года.

новообращенными евреями, о фальшивых монетчиках и о виновных въ содомскомъ грѣхѣ ⁽¹⁾. Рѣшенія парламента по дѣламъ коммуны съ епископомъ большею частію были благопріятны для городской свободы. Въ періодъ времени отъ Людовика Святого до Филиппа Красиваго рѣшенія парламента отличаются безпристрастіемъ. Защищая коммуну отъ притязаній церковныхъ судовъ, парламентъ въ тоже время ограничиваетъ ея стремленіе расширять свои права на счетъ епископа. Таково напр. дѣло о юрисдикціи въ улицѣ, принадлежавшей капитулу и называвшейся Монастырской (Rue de Siotre). Судья капитула арестовалъ за буйство, произведенное въ этой улицѣ, одного горожанина. Коммуна затѣяла процессъ. Была назначена коммисія, которая рѣшила дѣло въ пользу города; но парламентъ кассировалъ это рѣшеніе и присудилъ спорную юрисдикцію сначала королю, а потомъ капитулу ⁽²⁾. Въ пользу коммуны рѣшено было дѣло относительно спора ея съ епископомъ о судебныхъ правахъ въ домѣ прокаженныхъ (Maladregie). Въ одной хроникѣ записанъ разсказъ о прокаженномъ, который былъ взятъ въ плѣнъ Томасомъ-де-Марль во время его войны съ Амьенской коммуной. Огромная толпа прокаженныхъ собралась предъ воротами Томасова замка и съ громкимъ крикомъ требовала выдачи своего товарища. Суровый Марль велѣлъ имъ сказать, чтобы они убирались прочь, или онъ велитъ ихъ сожечь живыми, Марль способенъ былъ выполнить свою угрозу. Прокаженные въ ужасѣ разбѣжались, призывая ищеніе Божію на голову жестокаго барона ⁽³⁾. Отсюда видно, что въ это время прокаженные жили въ окрестностяхъ города и для нихъ не было общественнаго приюта. Но коммуна озабочилась постройкой общественнаго дома для прокаженныхъ. Домъ этотъ назывался Maladregie; церковь въ немъ была посвящена св. Лазарю, струпы котораго лизали псы, когда онъ лежалъ у воротъ богатаго. Maladregie—обладала значительной поземельной собственностью. Въ этой богадѣльнѣ главный надсмотръ за больными и управленіе всѣми ея имуществами принадлежало религіозному братству, которое, не

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 223, 224, 225. Докум. 1260, 1261 и 1287 г.

⁽²⁾ Monum. t. 1. p. 220, 229, 237. Докум. 1258, 1272 и 1277 г.

⁽³⁾ Guib. de vita sua. lib. III. p. 516.

составляя строго монашескаго ордена, давало нѣкоторые монашескіе обѣты. Вотъ этотъ-то религіозный характеръ братства и послужилъ епископу поводомъ къ вмѣшательству въ дѣла городской богадѣльни. Но парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу коммуну, удержалъ за ней право повѣрки счетовъ, назначенія директора, регламентаціи внутренняго порядка и благочинія въ заведеніи ⁽¹⁾. Городской совѣтъ счумѣлъ прекрасно воспользоваться этими правами. Правила, составленныя имъ для дома прокаженныхъ (*reglement de la Maladrerie*), могутъ служить образцомъ его предусмотрительности и административной способности. Все предусмотрено до мельчайшихъ подробностей; правила дисциплины, гигиены, заботы о чистотѣ, дѣлаютъ честь составителямъ этого устава. Регламентъ касается внутренняго спокойствія и мира; онъ заботится о поддержаніи добрыхъ нравовъ и объ исполненіи религіозныхъ обязанностей членами этого приюта ⁽²⁾.

Кромѣ *Maladrerie* въ Амьенѣ было много и другихъ общественныхъ зданій съ благотворительною цѣлью, какъ напр. *Hotel-Dieu*—городская больница для обыкновенныхъ больныхъ ⁽³⁾. Завѣдываніе этимъ учрежденіемъ составляло предметъ постоянныхъ споровъ между епископомъ и коммуной. Заботливость городского совѣта объ общемъ благѣ города не ограничивалась только богоугодными заведеніями. Въ случаяхъ эпидеміи городскія власти нанимали врачей, которые безмездно должны были лѣчить бѣдныхъ больныхъ. Цеховые статуты заключаютъ въ себѣ правила, запрещающія нѣкоторыя занятія внутри города, вредныя для здоровья. Въ XIII вѣкѣ устроена была общественная бойня внѣ городскихъ стѣнъ, которая называлась *lieu de l'escorchorie* ⁽⁴⁾.

Безпристрастіе парламента всего лучше высказывается въ тѣхъ дѣлахъ, которыя возникали между городскимъ совѣтомъ и королевскими сановниками. Мы знаемъ уже, что дѣла о нарушеніи мировыхъ обязательствъ (*assurements*) по город-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 256. Докум. 1288 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 327. Докум. 1305 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 502. Докум. 1343. Были и еще благотворительныя заведенія какъ то: *Hopital de S. Quentin, de S. Nicolas, de S. Anne* и др.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1. p. 243. Докум. 1282 г.

скимъ кутюмамъ были представлены городскому совѣту. Но королевскій байль арестовалъ гражданина, нарушившаго *assurancement*. Городъ вступился и подалъ жалобу парламенту, который рѣшилъ дѣло въ пользу коммуны. Суду байль были представлены только тѣ случаи, когда нарушение даннаго обязательства заключалось въ убійствѣ противника (¹). Между епископомъ и городомъ были споры о правѣ устанавливать валоги въ городѣ. Замѣчательно, что для установленія подобнаго налога въ 1266 году потребовалось разрѣшеніе со стороны короля. Это первый примѣръ королевскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла коммуны. Оно было очень важно; потому что не далеко было время, когда король уже для себя потребуеъ разныхъ денежныхъ субсидій отъ коммуны. Но въ спорахъ коммуны съ епископомъ парламентъ принималъ сторону первой (²). Происходили столкновения между королевской и епископской юрисдикціей. Подобные процессы рѣшались также въ парламентѣ, который умѣлъ оставаться безпристрастнымъ. Такъ наприм. процессъ 1284 г. о правахъ на юрисдикцію въ одномъ изъ церковныхъ домѣновъ былъ рѣшенъ въ пользу епископа (³). Парламентъ присвоилъ себѣ право утверждать мировыя сдѣлки коммуны и разныя соглашенія съ сеньорами города и другими лицами. Постановленія третейскихъ судовъ, отличающіяся нѣкоторой важностью, должны получать королевскую санкцію чрезъ занесеніе въ регистры парламента. Это видимъ въ дѣлѣ оруженосца Лятрюи (*Latrui*). Онъ сдѣлалъ важное преступленіе въ глазахъ коммуны: нанесъ побои городскому мѣру. По законамъ коммуны виновный въ подобномъ преступленіи долженъ былъ лишиться руки. Съ Лятрюи такъ и было поступлено. Но городскія власти погорячились: по законамъ города Лятрюи имѣлъ право выкупить свою руку уплатой штрафа, тогда какъ ему не было дано этого права. Изувѣченный оруженосецъ подалъ жалобу въ парламентъ. Городской совѣтъ одумался и, опасаясь, что дѣло будетъ рѣшено не въ его пользу, предложилъ Лятрюи мировую сдѣлку, по которой коммуна должна была уплатить обиженному 100 парижскихъ ливровъ.

(¹) *Monum.* t. 1. p. 259. Докум. 1288 г.

(²) *Ibidem.* p. 227. Докум. 1266 г.

(³) *Ibidem.* p. 252. Докум. 1284 г.

Латрию при этомъ далъ *assurance*, то есть, обязался не мстить мѣру за отрубленную руку ⁽¹⁾. Актъ сдѣлки былъ утвержденъ королемъ. Но этимъ коммуна не отдѣлалась: она должна была еще заплатить брату и другу Латрию, по 100 ливровъ каждому ⁽²⁾. Самъ король изъясилъ гнѣвъ на коммуны и ея начальство. Онъ говорилъ, что коммуна превысила предоставленныя ей королевскими грамотами права, судила въ такомъ дѣлѣ, которое принадлежитъ королевской юрисдикціи. Но на этотъ разъ король простилъ коммуны „ради простоты постановлявшихъ приговоръ о Латрию“ ⁽³⁾. Король этотъ, такъ рѣзко дававшій чувствовать свою власть коммунамъ, былъ Филиппъ Красивый.

Съ Филиппомъ IV Красивымъ королевская власть во Франціи получаетъ огромное значеніе, какого еще до сихъ поръ она не имѣла. Борьба легистовъ съ средневѣковыми порядками ведется на всѣхъ пунктахъ: они упрочиваютъ преобладаніе королевской идеи надъ всѣми силами средневѣковаго общества. Папство унижено въ лицѣ Бонифація, духовенство поставлено въ зависимость отъ короля; у феодаловъ отняты многія права и они принуждены были подчиняться королевскимъ судамъ. Король называетъ своихъ бароновъ „людьми подлыми“ (*gent vilaine*). Тѣ люди, писалъ онъ, которые поступаютъ подло, по праву могутъ быть названы людьми подлыми. „Неужели они не имѣютъ свободного доступа въ королю и въ королевскому парламенту. Они могли бы изложить свои жалобы и король милостиво выслушалъ бы ихъ“ ⁽⁴⁾. Въ этихъ словахъ слышится уже голосъ абсолютнаго владыки, который требуетъ безусловнаго повиновенія отъ своихъ поданныхъ. Извѣстны тѣ средства, которыми велась борьба съ феодализмомъ, папствомъ, орденомъ Тамплиеровъ. Король и легисты не отступаютъ ни передъ какими средствами. Съ Филиппа IV начинается торжество королевской идеи, но съ него же начинается рядъ узурпацій со стороны королевской власти. Никогда еще не было во Франціи общественнаго переворота съ характеромъ

⁽¹⁾ Monum t. p. 262. Докум. 1290 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 265. Докум. 1290 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 267. Докум. 1291 г.

⁽⁴⁾ Cheruel. Hist. de l'admin. monarch. t. 1. p. 58.

болѣ мрачнымъ, каковой имѣлъ переворотъ, совершавшійся въ началѣ XIV вѣка. Царствованіе Филиппа представляетъ для привилегированныхъ сословій рядъ грабежей, сопровождаемыхъ цѣлымъ рядомъ жестокостей, системой вымогательства и стѣсненій разнаго рода для народной массы. Побѣда королевской власти надъ феодализмомъ не дешево обошлась народу: съ Филиппа IV начинается система обременительныхъ податей и налоговъ. Они были тяжелы особенно способомъ ихъ собиранія. Откупная система налоговъ представляла тысячи злоупотребленій, на которыя такъ громко жаловались въ послѣдствіи États Généraux 14 и 15 вѣковъ. Съ Филиппа начинается система поддѣлки монетъ, которая мѣшала торговлѣ, подрывала кредитъ, убивала энергію капиталистовъ. Съ Филиппа начинается продажность должностей, отдача на откупъ всѣхъ королевскихъ доходовъ вмѣстѣ съ судебными и административными правами, соединенными съ извѣстною должностью. Съ Филиппа же начинаются разныя стѣсненія для свободы коммунъ. Въ послѣдующія царствованія свобода эта подкапывается мало по малу; городская автономія постепенно лишается то того, то другаго изъ своихъ правъ, такъ что во второй половинѣ XIV вѣка города уже представляютъ только тѣнь прежней своей свободы. Мы не хотимъ впрочемъ сказать, чтобы царствованіе Филиппа IV не представляло уже никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, чтобы въ это время не было никакого прогресса во французской исторіи. Но весь этотъ прогрессъ совершался въ пользу королевской власти, въ созданію государственнаго единства Франціи. Государственнымъ людямъ Филиппа IV принадлежитъ много административныхъ мѣръ, имѣвшихъ значеніе для созданія единства французскаго народа. Парламентъ получилъ болѣе строгую организацію; изъ него выдѣлились два новыхъ административныхъ центра: королевскій совѣтъ (*le grand conseil*) и палата счетовъ (*la chambre des comptes*). Парламентъ получилъ спеціальное назначеніе быть высшимъ судебнымъ мѣстомъ въ королевствѣ (*). Легисты, обладавшіе знаніемъ римскаго и обычнаго права, получили въ немъ высшее значеніе. Прелаты были исключены изъ парламента сыномъ Филиппа IV Филиппомъ Дол-

(*) Chenuel. Hist. de l'admin. monarch. p. 60.

гимъ. Отъ парламента были поставлены въ прямую зависимость разные мѣстные чиновники, число которыхъ при Филиппѣ IV значительно увеличилось. Эти должности (*labellions, avocats, sergents, huissier*) были занимаемы лицами среднего сословія, обучавшимися въ юридическихъ школахъ и воспитанными парламентской практикой. Гордость и привычка къ лѣни феодальныхъ сеньоровъ были причиной, что они на подобныя мѣста смотрѣли съ пренебреженіемъ. Такимъ образомъ лица, вышедшія изъ средняго сословія, получали огромное вліяніе на ходъ государственной администраціи. Королевская власть, отнимая одной рукой самостоятельныя права городскихъ общинъ, другой создавала политическое значеніе третьяго сословія. Съ Филиппа начинается собраніе государственныхъ чиновъ,—этихъ *États Généraux*, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи Франціи. На нихъ приглашаются представители отъ городовъ, которые въ строгомъ смыслѣ и составляютъ *tiers-état*, третье сословіе⁽¹⁾. Подобныя собранія были вынуждены необходимостью, трудными обстоятельствами, въ которыхъ находился король. Онъ требовалъ денегъ,—и представители третьяго сословія сначала весьма не охотно являлись на подобныя собранія. Но тѣмъ не менѣе это участіе представителей отъ городовъ въ государственныхъ собраніяхъ свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, какое пріобрѣла буржуазія. Она дѣлается составною частью феодальнаго общества, равноправною съ феодалами и духовенствомъ въ томъ отношеніи, что за ней безспорно признано право не налагать податей безъ ея согласія.

Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ въ XIV вѣкѣ третье сословіе воспользовалось этимъ правомъ, какія притязанія заявило на этихъ собраніяхъ. Но при Филиппѣ Красивомъ представители третьяго сословія на собраніяхъ чиновъ являются союзниками королевской власти. Въ 1302 году, по поводу распри съ Бонифаціемъ, третье сословіе просило короля „хранить верховную свободу своего королевства (*garder*

(1) Собранія государственныхъ чиновъ восходятъ до Людовика Св., который приглашалъ въ свой Совѣтъ лучшихъ гражданъ для совѣщанія о дѣлахъ особенно важныхъ. Но это были исключительные случаи, не имѣвшіе особенно важнаго значенія.

(2) *Chronol. des États Généraux. par S. Savaron. p. 94.*

la souveraine franchise de son royaume) и не признавать на землѣ другого сюзерена, кромѣ самого Бога" (1). Въ 1308 г., на новомъ собраніи, третье сословіе изъявило согласіе на мѣры короля въ отношеніи Тамплиеровъ. Въ 1314 году оно вотировало подать, предложенную королемъ. По смерти Филиппа Красиваго наступила реакція. Легистовъ постигла общая участь реформаторовъ: одни изъ нихъ погибли на эшафотѣ, другіе разбѣжались. Феодаламъ были возвращены права, отнятыя въ предшествовавшія царствованія: феодальные суды восстановлены; судебныя поединки, частныя войны, снова дозволены. Но реакція не могла быть продолжительной и легисты снова взыались за свои дѣла. Парламентъ снова принялся за реформы въ государствѣ, которыя клонились къ усиленію королевской власти. Въ концѣ царствованія Людовика X (Nutin) было дозволено крѣпостнымъ (serfs) покупать свободу у своихъ господъ. „Всякій, по самой природѣ, говорилъ королевскій указъ, рождается свободнымъ“ (1). Эта идея заключала въ себѣ начало уничтоженія крѣпостнаго состоянія во Франціи. „Великое зрѣлище, говоритъ Мишле, видѣть, какъ съ высоты трона возвѣщается вѣчное право человѣка на свободу. Бѣдному крестьянину покуда еще не на что купить этого права, но скоро онъ вспомнить объ этомъ царственномъ урокѣ и о томъ вызовѣ, который слышатъ феодальнымъ сеньорамъ“ (2).

При преемникѣ Людовика, Филиппѣ Долгомъ, еще яснѣе обнаружилось, что королевская власть не думаетъ отказываться отъ своихъ пріобрѣтеній. Къ его царствованію относятся цѣлый рядъ административныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыя составляютъ дальнѣйшее развитіе и новое примѣненіе учреждений Филиппа Красиваго (3). У феодаловъ были отняты многія изъ фискальныхъ правъ, которыя были объявлены правами короны. Легисты замыслили важныя реформы, имѣвшія цѣлью объединеніе Франціи въ торговомъ и финансовомъ отношеніи. Въ 1321 г. было предписано единство монеты и мѣръ во всемъ королевствѣ. Правительству Филиппа Долгаго принадлежитъ учрежденіе въ нѣкоторыхъ

(1) Rec. ord. t. 1. p. 583.

(2) Hist. de France. t. 3 p. 243.

(3) Cheruel. Hist. de l'admin. t. 1. p. 60—63.

городахъ должности военныхъ начальниковъ или капитановъ (сarıтаппегіе). Мѣра эта въ послѣдствіи имѣла важное значеніе для городской жизни.

Такимъ образомъ, со времени Филиппа Августа до вступленія на престолъ перваго Валуа, мы видимъ постепенное усиленіе королевской власти. Филиппъ Августъ завоевалъ для себя королевство, Людовикъ Св. далъ этому королевству законы, Филиппъ Красивый далъ королевской власти преобладающее значеніе въ государствѣ. вмѣсто феодальнаго короля, стоявшаго во главѣ феодальной іерархіи вассаловъ, которые повиновались только законамъ феодальнаго права, освященнаго преданіемъ, мы видимъ уже короля диктующаго свои законы, — обязательные для всѣхъ подданныхъ безъ исключенія.

При содѣйствіи этой власти буржуазія, послѣ двухвѣковой борьбы, занимаетъ уже почетное мѣсто въ королевствѣ. Городское сословіе обязано своими успѣхами, собственнымъ своимъ усиленіемъ, — своему торговому и промышленному труду. Оно было дѣятельно, трудолюбиво и начинало уже выдвигать изъ среды себя лицъ, пользовавшихся значеніемъ въ государствѣ и обязанныхъ этимъ значеніемъ не происхожденію, а умственному превосходству и политической способности. Буржуазія вѣрно служила на поляхъ сраженій, и своими легистами на скамьяхъ парламента, и своими субсидіями, которыя она вотировала въ государственныхъ собраніяхъ. Казалось бы ей оставалось только совершать свое великое дѣло торговаго и промышленнаго развитія страны. Но случилось не такъ: буржуазія XIII вѣка была союзницей королей, въ XIV вѣкѣ ее хотять поставить въ зависимость отъ королевской власти. Въ XIII вѣкѣ короли уважали права коммунъ, позволяли имъ свободу самоуправленія во внутреннихъ городскихъ дѣлахъ. Въ XIV вѣкѣ они, чувствуя свою власть достаточно упроченной, начинаютъ мало по малу отнимать у городовъ ихъ самостоятельность, стремятся регламентировать городскую жизнь отчасти въ видахъ общественной пользы, а большею частію съ своекорыстными цѣлями, особенно для того, чтобы высасывать изъ городовъ какъ можно больше денегъ.

Начало такой политики мы видимъ уже при Филиппѣ Красивомъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы добыть ихъ. Сначала это было выгодно для

коммунъ, потому что онѣ покупали у короля привилегіи. Продажность королевскихъ должностей служила для нихъ средствомъ къ расширенію круга дѣйствій собственной магистратуры.

Мы обращаемся въ исторіи Амьенской коммуны и стараемся на ней изучить отношенія, въ которыхъ коммуна была поставлена при новомъ фазисѣ развитія королевской власти, начиная съ Филиппа IV. Въ 1291 году Филиппъ продалъ своему придворному (chambellan) Петру де Машо пошлину въ Амьенѣ за ввозимую краску—вайду, да кромѣ того въ актъ продажи была включена одна изъ доходныхъ статей Амьенскаго прево. По смыслу королевскаго акта, Петръ де Машо получилъ право распоряжаться проданными доходами во собственному усмотрѣнію (¹). Пользуясь этимъ правомъ, Машо перебралъ ихъ Амьенскому буржуа. Городской советъ успѣлъ вступить въ сдѣлку съ этимъ послѣднимъ, и онъ передалъ пошлину съ краски и ренту съ превоства въ пользу города. Это пріобрѣтеніе было очень важно, особенно пошлина съ краски, которая при развитіи суконныхъ фабрикъ въ Амьенѣ, сдѣлалась богатымъ источникомъ доходовъ для коммуны. Но въ слѣдующемъ году Амьенская коммуна, пользуясь продажностью королевскихъ должностей, успѣла достигнуть болѣе существеннаго расширенія своихъ правъ. По просьбѣ коммуны, Филиппъ IV сдалъ ей на откупъ все свое Амьенское превоство, со всѣми его судебными и административными правами, со всѣми торговыми пошлинами, судебными штрафами, доходами съ земель, лавокъ, домовъ, мостовъ, королевскихъ регалиями—auraine, éraue (²) и т. д. Эти доходы до послѣднихъ слочей перечислены въ актъ сдѣлки коммуны съ королемъ. Коммуна купила всѣ феодальныя права короля, какъ Амьенскаго графа, такъ напр. право на шару вызолоченныхъ шпоръ, получаемыхъ ежегодно королемъ съ одного вассала, тоже пере-

(¹) Превоство (la prevoté) означало всѣ судебныя права и доходы королевскаго прево.

(²) Auraine—наслѣдство послѣ умершихъ иностранцевъ, éraue—всѣ находки на королевскихъ земляхъ. Доходы королевскаго превоства подробно исчисляются подъ 1290—1292 гг. Etat des revenus de la prevoté d'Amiens. p. 279.

шло въ пользу коммуны. Всѣ доходы богатыхъ владѣній графовъ Амьенскихъ въ эту пору не превышали 400 ливровъ. Это служить прекраснымъ доказательствомъ коммунальнаго роста съ XII вѣка. На этотъ разъ коммуна выиграла въ другомъ отношеніи. Коммуна приобрѣтала права на юрисдикцію королевскаго прево. Эти права не должны были смѣшиваться съ юрисдикціей коммуны; поэтому для исполненія обязанностей прево назначался одинъ изъ засѣдателей городского совѣта; иногда эти обязанности исполнялись самимъ мэромъ. Мэръ, при вступленіи въ должность, обязанъ былъ давать присягу корнлевскому байльи, что онъ будетъ охранять всѣ королевскія права въ городѣ и на городской территоріи. Мэръ и городской совѣтъ получили право назначать сержантовъ превоства. Городской совѣтъ могъ теперь арестовать несостоятельныхъ должниковъ, а также обнародовать свои распоряженія совершенно самостоятельно, тогда какъ прежде ему нужно было испрашивать согласіе прево. Грабежъ, убійство, измѣна, по прежнему остаются случаями королевскими; но городской совѣтъ обязанъ арестовать преступниковъ. При арестѣ мэръ или засѣдатель, исправляющій обязанности королевскаго прево, дѣйствуютъ отъ имени короля и по тѣмъ же правиламъ, какъ должны были поступать королевскіе прево въ подобныхъ случаяхъ ⁽¹⁾. Съ приобретеніемъ правъ королевскаго превоства Амьенская коммуна достигла той полноты своихъ политическихъ, юридическихъ и финансовыхъ правъ, дальше которыхъ она уже не шла. Напротивъ дальнѣйшая ея исторія есть уже исторія постепеннаго упадка муниципальной свободы во всѣхъ отношеніяхъ. До сихъ поръ мы разсматривали организацію коммуны главнымъ образомъ со стороны ея политическаго значенія и правъ юрисдикціи. Коммунальныя хартіи 1117 и 1190 годовъ, городскія вутюмы XIII вѣка и исторія борьбы городского совѣта съ феодальными сеньорами, главнымъ образомъ знакомятъ насъ съ внутренней организаціей коммуны, съ ея политическими и судебными правами. Но средневѣковая коммуна представляетъ еще одну чрезвычайно важную отрасль администраціи,—именно управление городскими финансами. Городскіе доходы даютъ мѣру богатства и силы

(1) Monum. t. 4. p. 289. Докум. 4291 г.

городской общины. Система сборовъ, порядокъ храненія и употребленія городскихъ суммъ, отчетность лицъ, завѣдывающихъ финансами, контроль надъ ними, даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ порядкѣ и строгости городской администраціи. Статьи доходовъ глубже вводятъ въ права коммуны на ея территоріи относительно разныхъ предметовъ владѣнія, относительно торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ и другихъ доходныхъ статей средневѣковаго города. Финансовыя и хозяйственныя права городской общины въ средніе вѣка составляютъ мѣру ея полноправности въ отношеніи къ феодальнымъ сеньорамъ и королевской власти. Статьи расходовъ вводятъ насъ въ сложный механизмъ городского управленія и городского хозяйства, знакомятъ съ внѣшними отношеніями коммуны къ окружающей средѣ, съ обширной дѣятельностью ея магистратуры. Поэтому изученіе финансовъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ коммунальной исторіи.

Извѣстная сумма финансовыхъ правъ пріобрѣтена коммуной не вдругъ. Въ XII в., вскорѣ послѣ коммунальной революціи, эти права были не велики, главный доходъ давала городская земля,—городскія пашни, луга, болота, которые коммуна отдавала въ аренду. Кромѣ того большая часть судебныхъ штрафовъ поступала въ ея пользу⁽¹⁾. Коммуна брала подать съ важдаго вновь поступающаго въ общину; эта подать называлась *droit de nouvelle bourgeoisie*⁽²⁾. Были и чрезвычайные сборы съ членовъ коммуны деньгами или натурой, но подобные сборы не могли быть ни слишкомъ значительны, ни слишкомъ часты. Относительно косвенныхъ налоговъ слѣдуетъ замѣтить, что коммуна сначала не имѣла на нихъ права. Всѣ они принадлежали городскимъ сеньорамъ.

Стремленіе коммуны съ XII в. и въ теченіе всего XIII вѣка состояло въ томъ, чтобы всѣ городскіе доходы обратить въ свою пользу. Въ это время коммуна значительно расширяетъ свою территорію. Покупая часть городскихъ предмѣстій у сеньора Кастильонскаго, улицу *Contergaine* у

(1) *Molm. t. 1. p. 39. Докум. 1117 г.*

(2) *Ibidem. p. 49.*

епископскаго ленника Сень-Торэна ⁽¹⁾ и т. п., коммуна вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтала доходы въ купленной территоріи. Кромѣ того она покупала у городскихъ сеньоровъ разныя торговыя пошлины; такъ, въ половинѣ XII вѣка она купила у архидіакона пошлину, которую онъ бралъ за провозъ товаровъ чрезъ одни изъ городскихъ воротъ ⁽²⁾. Она стремилась уничтожить нѣкоторыя привилегіи феодаловъ, вредныя для городской торговли. Такъ, по ея настоянію, а можетъ быть и за извѣстную плату, епископъ и кастелянъ отказались отъ права исключительной продажи вина изъ собственныхъ виноградниковъ въ теченіи 15 дней въ году ⁽³⁾. Разныя статьи доходовъ покупались не всегда всей общиной, а чаще частными лицами. Такъ въ 1167 году двое богатыхъ горожанъ пріобрѣли на вѣчныя времена, за извѣстную ежегодную плату, доходы капитала въ городской пристани на Соммѣ со всѣхъ судовъ привозившихъ въ Амьенъ товаровъ ⁽⁴⁾. Если мы вспомнимъ торговое развитіе Амьенской коммуны, то поймемъ, какое важное пріобрѣтеніе сдѣлала коммуна въ лицѣ своихъ членовъ. Въ подобныхъ случаяхъ коммуна выигрывала, если не прямо, то косвенно: она богатѣла богатствомъ своихъ членовъ. Но случалось, что она перекунала доходы у частныхъ лицъ. Иногда амьенскіе богачи отказывали извѣстные доходы въ пользу коммуны съ условіемъ вѣчнаго поминовенія. Въ городскихъ счетахъ мы встрѣчаемъ расходы на обѣды и нанихиды за такихъ жертвователей.

Результатомъ подобныхъ пріобрѣтеній, а также слѣдствіемъ отдачи ей на откупъ доходовъ королевскаго превотства, было то, что въ началѣ XIV вѣка коммуна сдѣлалась почти единственной обладательницей всѣхъ доходныхъ статей города. Къ этому же времени относится полное развитіе городской финансовой системы. Финансовый годъ въ Амьенѣ начинается, какъ и годъ административный, съ 2 октября. Въ этотъ день выбирались, вмѣстѣ съ прочими членами городского совѣта, четверо счетчиковъ (*compteurs*), которымъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 187. Докум. 1210 г.—Ibidem. p. 202. Докум. 1228 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 86. Докум. 1114—1164 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 70. Докум. 1171—1185 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 92. Докум. 1167.

поручалось управленіе городскими финансами. Выборъ производился собраніемъ всѣхъ цеховыхъ старшинъ. Счетчики выбирались обыкновенно, какъ и все городское начальство, только на годъ. Каждый имѣлъ особое названіе и отдѣльный кругъ вѣдомства. Великій счетчикъ—главный городской казначей (*grand compteur*) былъ главнымъ правителемъ и контролеромъ городскихъ доходовъ и расходовъ и начальникомъ въ отношеніи къ другимъ городскимъ казначеямъ. Всѣ городскія суммы шли чрезъ его руки: каждому изъ своихъ помощниковъ онъ выдавалъ деньги на расходы по его вѣдомству, отъ каждаго получалъ собранныя имъ деньги и повѣрялъ представляемые счета. Въ концѣ года четверо казначеевъ давали отчетъ въ приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ въ полномъ городскомъ собраніи. Для провѣрки счетовъ былъ приглашаемъ главный сборщикъ королевскихъ доходовъ, состоявшій при амьенскомъ байльи. Каждый изъ казначеевъ представлялъ особый реестръ, состоявшій изъ двухъ отдѣловъ,—о приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ. Второстепенные казначеи представляли свои реестры, каждый по своему вѣдомству, съ подробнымъ означеніемъ всѣхъ статей прихода и расхода. Реестръ главнаго казначея состоялся уже изъ отчетовъ, представленныхъ ему помощниками и заключалъ въ себѣ всѣ валовыя суммы, выданныя имъ въ теченіе года каждому изъ казначеевъ и общіе итоги всѣхъ полученныхъ отъ нихъ суммъ, по каждой доходной статьѣ. Такимъ образомъ городское собраніе повѣряло общій отчетъ великаго счетчика съ частными реестрами прочихъ казначеевъ. Мы представимъ нѣкоторыя указанія относительно болѣе замѣчательныхъ статей городскихъ доходовъ и расходовъ изъ такого отчета за 1387 годъ⁽¹⁾. Всѣ городскіе доходы раздѣлялись на два отдѣла: доходы коммуны и доходы съ королевскаго превоства (*revenus de la mairie et de la commune, et revenus de la prévosté royale*). Доходы перваго рода составляли: налоги съ домовъ и городскихъ лавочъ, доходы съ городскихъ земель, луговъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловлей, съ городской мельницы⁽²⁾, подать съ поступающихъ въ составъ коммуны, часть судебныхъ взысканій и штра-

(¹) Monum. t. 1. p. 741, 784. Докум. 1387 г.

(²) Ibidem. p. 755.

фовъ за нарушение цеховыхъ статутовъ. Затѣмъ главный источникъ городскихъ доходовъ составляли такъ называемыя пожизненныя ренты (*rentes viagères à vie vendues*). Пожизненныя ренты въ средніе вѣка представляютъ первый опытъ общественнаго кредита,—нѣчто въ родѣ городскихъ банковъ. Въ случаѣ какихъ нибудь чрезвычайныхъ расходовъ коммуна объявляла продажу пожизненныхъ доходовъ. Горожане, желая обезпечить себѣ, а иногда и наследникамъ, пожизненный вѣрный доходъ,—отдавали часть капиталовъ городскому совѣту, который обязывался выплачивать извѣстный процентъ съ полученной суммы. Процентъ этотъ разнообразился, смотря по состоянію городского кредита. Большею частью онъ составлялъ $\frac{1}{2}$ часть внесенной суммы. Обыкновенный процентъ съ частныхъ займовъ большею частію былъ 10% на 100. Коммуна платила больше, именно $12\frac{1}{2}\%$, вѣрнѣе обезпечивала уплату дохода, но за то не возвращала капитала. Во всякомъ случаѣ эта финансовая операція въ средніе вѣка считалась выгодной, не только для коммуны, но и для вкладчиковъ. Благачиѣ черезъ 8 лѣтъ получалъ обратно свой капиталъ; за тѣмъ всю жизнь онъ получалъ вѣрный доходъ, который составлялъ уже чистую прибыль. Средневѣковой буржуа не любилъ рисковать свои капиталами и съ удовольствіемъ отдавалъ часть ихъ на общественныя нужды; тѣмъ болѣе, что онъ самъ, на городскихъ собраніяхъ, могъ контролировать ихъ употребленіе ⁽¹⁾.

Затѣмъ въ пользу коммуны поступалъ еще обширный отдѣлъ торговыхъ и промышленныхъ пошлинъ, такъ называемыхъ косвенныхъ налоговъ. Значительная часть этихъ доходовъ приобрѣтена коммуной вмѣстѣ съ правами королевскихъ превд. Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ пошлинъ коммуна, съ разрѣшенія короля, иногда собирала еще чрезвычайныя, съ извѣстныхъ товаровъ, напр. съ вина, краски и т. п.

Вслѣдствіе контракта съ королемъ относительно превотства, кромѣ торговыхъ пошлинъ, коммуна получала еще доходы съ королевскихъ земель и съ леновъ, приобрѣтенныхъ королемъ покупкой или другимъ образомъ. Часть судебныхъ штрафовъ, которая прежде поступала въ пользу короля, по

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 744.

контракту поступала въ пользу коммуны. Впрочемъ всѣ эти доходы были незначительны; коммуна платила королю больше, чѣмъ сама получала⁽¹⁾. Для нея были дороги не столько королевскіе доходы, сколько судебныя и административныя права королевскаго превд. Въ XIV вѣкѣ, при увеличеніи повинностей города въ пользу королей, эти доходы не покрывали уже городскихъ расходовъ и коммуна часто должна была прибѣгать къ займамъ.

Расходы Амьенской коммуны состояли:—Въ платежахъ пожизненныхъ рентъ; они выдавались особымъ казначеемъ, который назывался *maitre des presents et payeur des rentes à vie*. Въ уплатѣ капитала и процентовъ сиротскихъ суммъ; капиталъ обыкновенно выдавался по достиженіи сиротами совершеннолѣтія. Въ суммахъ назначенныхъ на разныя общественныя работы; эти деньги выдавались особому казначею — *maitre des ouvrages*. Въ платежахъ процентовъ и капитала по городскимъ займамъ. Въ уплатѣ разныхъ откупныхъ суммъ, такъ нѣкоторыя лавки на церковной землѣ коммуна снимала у епископа и викарія; сюда же относится откупная плата за королевское превотство. Дальше слѣдуютъ расходы на общественную благотворительность. Коммуна на свой счетъ воспитывала всѣхъ подкидышей въ особой богадѣльнѣ, называвшейся *Hôtel-Dieu*. Въ Амьенѣ были и другія богадѣльни для прокаженныхъ, общественная больница и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ коммуна содержала на свой счетъ; въ другихъ, которыя владѣли поземельной собственностью, городскія власти имѣли право высшаго надзора. Коммуна дѣлала вклады на монастыри, давала на поминаловіе умершихъ, помогала бѣднымъ и т. п. Такъ въ счетѣ 1387 г. въ числѣ расходовъ записано 6 су бакалавру правъ изъ евреевъ, принявшему христіанство.

Затѣмъ шли военные расходы. Коммуна платила жалованье начальнику городской милиціи даже и тогда, когда онъ былъ назначаемъ королемъ. Если коммуна посылала милицію на службу къ королю, то она содержала ее на свой счетъ и доставляла военныя принадлежности,—палатки, оружіе, аммуницію и т. п. Коммуна старалась поддерживать въ своей милиціи военное искусство. Часто она наз-

⁽¹⁾ Monum. t. 4. p. 280. Докум. 1290—1292 г.

начала упражненія въ стрѣльбѣ изъ лука, или арбалета и при этомъ назначала богатые призы. Часто и собственныхъ стрѣлковъ, на общественный счетъ, она отправляла въ другіе города для подобныхъ состязаній. Статьей расходовъ записывались денежные ссуды. Коммуна давала въ заемъ не только другимъ коммунамъ и частнымъ лицамъ, но и феодальнымъ сеньорамъ и самому королю. Коммуна дѣлала значительные расходы на подарки разнымъ лицамъ. Иногда эта была плата за какія нибудь услуги, а иногда—просто знакъ уваженія. Сюда относятся подарки разнымъ депутаціямъ, присылаемымъ въ городъ другими коммунами и феодалами, а также королевскимъ уполномоченнымъ. Коммуна платила жалованье амьенскому байльи, когда онъ въ качествѣ посредника рѣшалъ споры коммуны съ феодалами, или когда въ 1383 г. присутствовалъ на городскихъ выборахъ. Сюда же относятся расходы на жалованье мэру, смотрителю городской тюрьмы, городскимъ сержантамъ, привратникамъ, палачу, сборщикамъ податей и т. п.

Значительную часть городскихъ расходовъ составляли издержки на судебные процессы въ парламентъ и у королевскихъ судей. Сюда же слѣдуетъ отнести расходы на разныя депутаціи къ королю, къ разнымъ баронамъ и т. п. Въ отчетахъ каждый разъ записывался не только расходъ на городское посольство, но и обстоятельства, его вызвавшія, цѣль, съ которой оно отправлялось, послѣдствія, какія оно имѣло. Эта часть городскихъ отчетовъ составляетъ настоящую летопись, въ которой перечисляются иногда съ подробностями всѣ важныя дѣла, занимавшія коммуны. Благодаря этимъ подробностямъ, можно составить понятіе о неутомимой дѣятельности городского совѣта. Въ теченіе одного только года городской совѣтъ отправлялъ нѣсколько депутацій въ разные концы государства съ чрезвычайно разнообразными цѣлями. Депутація къ королю проситъ уменьшенія налоговъ; посольство къ герцогу Бургундскому умоляетъ о ходатайствѣ предъ королемъ. Депутація къ сосѣднему барону проситъ у него въ займы денегъ; другому коммуна сама посылаетъ деньги. Посольство въ Парижъ идетъ просить совѣта у тамошнихъ адвокатовъ на счетъ важнаго дѣла, или узнать о ходѣ процесса въ парламентъ. Въ сосѣдній или отдаленный городъ городской совѣтъ отсылаетъ пожизненныя ренты; назначается депутація съ цѣлью узнать мѣстные вутюмы

по одному спорному вопросу. Иногда городской советъ отправляется самъ, или посылаетъ почетную депутацію, для участія въ какой нибудь церемоніи, напр. на похорны какаго нибудь знатнаго лица и т. п.—Въ концѣ отчета выведенъ общій итогъ городскихъ доходовъ и расходовъ. Въ 1387 году цифра дохода простиралась—до 13 т. ливровъ, что по настоящему курсу составляетъ около 700 тысячъ франковъ. Расходы превышали приходъ на нѣсколько десятковъ ливровъ, что заставляетъ предполагать, что нѣкоторые расходы сдѣланы изъ остатковъ отъ предыдущаго года, или въ долгъ—въ счетъ будущихъ сборовъ⁽¹⁾.—Общее разсмотрѣніе финансовой системы города Амьена и городскихъ доходовъ и расходовъ знакомитъ насъ съ обширной дѣятельностью городской магистратуры. Городская администрація заботливо входитъ во всѣ отрасли городской жизни. Всякій предметъ промышленности и торговли обложенъ извѣстнымъ налогомъ, который въ то время не былъ обременителенъ для города; покрайней мѣрѣ мы нигдѣ не встрѣтили жалобъ на это со стороны городского населенія. Значительная цифра городского бюджета указываетъ на внутреннюю силу и богатство коммуны. Учрежденіе финансовыхъ должностей въ двухъ инстанціяхъ, подчиненіе трехъ городскихъ казначеевъ одному главному, затѣмъ, строгая, мелочная отчетность передъ всѣмъ городскимъ собраніемъ, въ присутствіи королевскаго сборщика, какъ человѣка опытнаго въ повѣрѣіи счетовъ, — все это показываетъ административный тактъ, хорошее знаніе дѣла и большую осторожность въ тѣхъ лицахъ, которымъ коммуна обязана составленіемъ своихъ финансовыхъ правилъ.

Мы сказали, что съ XIV в. коммуна начинаетъ постепенно терять свои права одно за другимъ. Взятая ей на откупъ доходы королевскаго превоства въ XIV вѣкѣ были нѣсколько разъ у ней отнимаемы. Филиппъ Красивый не стѣснялся нарушать акты и обязательства. Самое условіе, по которому права превоства не должны быть смѣшиваемы съ правами коммуны, показывало, что король не имѣлъ въ виду навсегда отказываться отъ этихъ своихъ правъ. Онъ постоянно давалъ чувствовать коммунаѣ, что не только юрисдикція королевскаго прево, но и все коммунальное устройство, всѣ привилегіи

(1) Monum. t. 1. p. 757, 784. Докум. 1387 г.

приобрѣтенныя коммуной двухвѣковыми усилиями, зависятъ единственно отъ его воли. Коммуна пользуется въ извѣстныхъ дѣлахъ автономіей, потому что король этого хочетъ. Король даетъ привилегіи коммунамъ только до тѣхъ поръ, пока онѣ свято исполняютъ свои обязанности въ отношеніи къ нему. А потому король можетъ отнять у коммуны извѣстныя ея права, можетъ отнять всѣ ея права, уничтожить коммуны съ ея магистратурой, съ ея народными собраніями, съ административными и судебными ея правами (¹). Эта теорія объ отношеніи коммуны къ королевской власти возникла у легистовъ; она вытекала изъ ихъ римскихъ понятій о единой верховной власти. Примѣненія этой идеи въ Амьенской коммуны мы видимъ уже при Филиппѣ IV. Коммуна была уничтожена со всѣми ея правами между 1306 и 1307 годами (²). За что постигла Амьенъ такая немилость со стороны короля, неизвѣстно. Въ позднѣйшемъ документѣ говорится только, что коммуна была уничтожена *occasione quarundam offensarum et aliorum forefactorum, quas et quae homines dictae villae commisisse dicbantur*. Для управления Амьеномъ былъ назначенъ особый комиссаръ съ безграничной властью. Онъ получилъ титулъ хранителя мѣрства и превоства города Амьена (*garde de la mairie et de la prévôté d'Amiens*) (³). Но опала продолжалась не долго. Король, „тронутый мольбами гражданъ и воспоминаніемъ о ихъ преданности, которую они оказали ему во время бывшихъ войнъ“, возвратилъ Амьену его прежнее устройство. При этомъ Филиппъ удержалъ за собой превоство, да сверхъ того представилъ себѣ право назначать низшихъ городскихъ чиновниковъ, когда это найдетъ нужнымъ (⁴). Но для города не прошло даромъ и самовластіе королевскаго комиссара, какъ оно ни было кратковременно. Вступивши въ отправленіе своихъ обязанностей, городской совѣтъ началъ повѣрять го-

(¹) Такая конфискація коммунальныхъ правъ, также какъ и конфискація ленныхъ владѣній за нарушеніе вѣрности сюзерену, называлась *foris-factura, forfaiture*. См. Du-Cange Gloss. подъ этимъ словомъ.

(²) Monum. t. 4. p. 332. Докум. 1307 г.

(³) *Mairie* противопоставляется *prévôté*, какъ сумма правъ мэра—пред-
авителя коммуны

(⁴) Monum. t. 4. p. 332. Докум. 1307 г.

родскіе счѣты и напелъ все въ страшномъ беспорядкѣ. Деньги были расхищены, права коммуны были нарушены; вѣроятно королевскій комиссаръ продалъ нѣкоторыя доходныя статьи. Коммуна жаловалась королю: отчужденныя права ей были возвращены; но о растраченныхъ суммахъ ни слова и комиссаръ оставленъ безъ наказанія⁽¹⁾. Коммуна, потерпѣвшая большія убытки, принесла въ короля жалобу въ парламентъ. Свой искъ она основала на томъ, что король, уступившій ей превотство на вѣчныя времена, нарушилъ условія контракта: парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу коммуны⁽²⁾. Но коммуна, не довѣряя уже королю, который не стѣснялся нарушать парламентскія постановленія, спѣшила задобрить его хорошимъ подаркомъ. Представляя королю 2000 ливровъ, городской совѣтъ просилъ утвердить навсегда права превотства за коммуной. Филиппъ деньги взялъ, и на просьбу отвѣчалъ уклончиво, что деньги будутъ возвращены, если вздумается ему снова отнять у коммуны права превотства. Филиппу не пришлось исполнять этого обѣщанія. Но преемники его постоянно отнимали и снова возвращали эти права и доходы. Такъ въ 1332 г. Филиппъ Валуа отнялъ превотство, вслѣдствіе жалобы на злоупотребленія городскихъ властей⁽³⁾, но въ 1337 году снова сдалъ на откупъ коммуны, впрочемъ за возвышенную цѣну⁽⁴⁾. Король Іоаннъ въ 1360 году объявлялъ, что всѣ должности, отданныя на откупъ, возвращаются къ королю. Эта общая мѣра имѣла цѣлью пополненіе королевской казны; города должны были снова покупать должности и за болѣе дорогую цѣну, чѣмъ прежде. Впрочемъ для Амьена было сдѣлано исключеніе: превотство оставлено за нимъ на прежнихъ условіяхъ. Но въ слѣдующемъ году эти права и доходы снова были отобраны отъ города⁽⁵⁾. Таковой политикѣ слѣдовали почти всѣ Валуа. Они отчуждали за деньги коронныя владѣнія и потомъ объявляли, что всѣ королевскіе земли и доходы, съ таковаго-то времени поступившіе въ чужія руки, возвращаются королю. При

(1) Monum. t. 1. p. 336. Докум. 1308 г.

(2) Ibidem. p. 345. Докум. 1311 г.

(3) Ibidem. p. 434. Докум. 1332 г.

(4) Ibidem. p. 465. Докум. 1337 г.

(5) Ibidem. p. 613, 619. Докум. 1361 г.

Карлъ V права превотства снова были отняты у Амьена и снова возвращены⁽¹⁾. Окончательно они были отняты и присоединены къ королевскимъ регаліямъ уже Генрихомъ IV⁽²⁾.

Неудовольствіе городскихъ общинъ на притѣсненія со стороны королевской власти сказались еще при жизни Филиппа Красиваго. Войну съ Фландріей, для подавленія свободы богатыхъ фландрскихъ городовъ, Филиппъ велъ на деньги, собранныя съ французскихъ коммунъ. Была положена пошлина по 6 денаріевъ съ ливра стоимости всѣхъ товаровъ. Этотъ налогъ тяжело отзывался на внутренней и внѣшней торговлѣ городовъ. Образовалась коалиція феодаловъ и коммунъ; бароны и города Шампани, Бургундіи, Артуа, Бовуазы, Понтьё и Вермандуа заключили союзъ для взаимной защиты противъ вымогательствъ королевской власти. Амьенъ участвовалъ въ союзѣ; актъ объ этомъ существуетъ въ городскихъ хартуларіяхъ⁽³⁾. Преемникъ Филиппа Красиваго, Людовикъ X успѣшилъ уничтожить ненавистную пошлину. Послѣ Филиппа Красиваго дѣти его, въ отношеніи къ городамъ, слѣдуютъ политикѣ своего отца. Было постановлено, что города не могутъ учреждать налоговъ безъ королевскаго разрѣшенія. Такъ, въ 1314 г., для сбора денегъ исправленія дорогъ и мостовъ на земляхъ Амьена, потребовалось согласіе Людовика X⁽⁴⁾. Пожизненные ренты,— главный источникъ городскихъ доходовъ, которыми въ XIII вѣкѣ коммуна распорядилась самостоятельно, въ XIV вѣкѣ уже выпускаются не иначе, какъ съ королевскаго разрѣшенія⁽⁵⁾. Городская милиція въ XIII в. находилась подъ начальствомъ городскихъ властей; только во время похода короли назначали для нее своихъ капитановъ. Но Филиппъ V Долгий первый обнаружилъ стремленіе организовать городскую милицію такъ, чтобы она постоянно находилась подъ начальствомъ королевскихъ командировъ. Поводъ къ этому былъ данъ отчасти самими коммунами. Депутаты отъ городовъ на собраніи чиновъ 1317 года просили короля, чтобы

⁽¹⁾ Monum. t. I. p. 619. Докум. 1362 г.

⁽²⁾ Ibidem. t. II. p. 1087 г.

⁽³⁾ Ibidem. t. I. p. 354 Докум. 1314 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 355. Докум. 1314 г.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 358—360 Докум. 1313 и 1316 годовъ.

горожанамъ было выдано оружіе, и чтобы въ каждомъ городѣ былъ назначенъ опытный командиръ, который долженъ былъ давать присягу защищать коммуну и не нарушать ея правъ и спокойствія. Коммуна съ своей стороны тоже обязывалась въ законномъ содѣйствіи королевскому капитану и въ повиновеніи его распоряженіямъ относительно военнаго благоустройства. Капитаны должны были составить списки жителей городовъ, кто съ какимъ вооруженіемъ долженъ явиться на войну. Богатые должны были запастись всѣмъ нужнымъ для службы на конѣ, бѣдные—для пѣшей службы. Богатые капиталисты были обязаны предоставить капитану вооруженіе на нѣсколько человѣкъ. Въ городахъ долженъ былъ устроенъ общественный складъ для оружія; это послужило началомъ городскихъ арсеналовъ. Мѣра эта имѣла цѣлью, чтобы горожане не продавали и не закладывали оружія. Такимъ образомъ военная служба становилась для городовъ повинностью, которая, распредѣлялась и контролировалась самою королевскою властью.

При новыхъ отношеніяхъ коммуны въ королевской власти старинная ея хартія, служившая базисомъ ея свободы, теперь уже потеряла значеніе. Потребовался ея пересмотръ, уничтоженіе нѣкоторыхъ статей, измѣненіе другихъ, прибавка новыхъ. Такой пересмотръ былъ сдѣланъ лицами уполномоченными коммуной и предложенъ на утвержденіе короля Филиппа Долгаго. Въ нѣкоторыхъ прибавленіяхъ мы видимъ уже вліяніе легистовъ. Апелляція въ парламентъ на судебныя рѣшенія городского суда, существовавшая и прежде въ практикѣ, вносится теперь какъ законъ въ городскую хартію. Въ случаѣ несостоятельности апелляціи назначается строгое наказаніе; это имѣло цѣлью предупредить пустыя ябеды. Коммунѣ предоставлено право руководствоваться своими законами, т. е. городскими кутюмами, если только они не противорѣчатъ смыслу хартіи. Представителемъ королевскихъ интересовъ относительно Амьенской коммуны, послѣ отдачи ей на откупъ правъ превоства, оставался королевскій байльи (¹).

(¹) Байльи обладали высшею юрисдикціей: они судили убійство, грабежи, измѣну; имѣли по средневѣковому выраженію *la haute justice*. Юрисдикція прево была средняя и низшая, но такъ какъ въ коммуналь уголовныя дѣла судились городскимъ судомъ, то на обязанности прево лежали

Споры между королевскимъ байльи и коммуной не прервращались. Замѣчательно, что между самими горожанами Амьена въ это время обнаруживается недоувѣріе къ городской юрисдикціи. Средство уклониться отъ городского суда состояло въ томъ, что истецъ извѣлялъ желаніе кончить дѣло съ противникомъ судебнымъ поединкомъ; потому что наблюдение за судами Божьими по городскимъ кутюмамъ было представлено королевскимъ судьямъ. Но время судебныхъ поединковъ уже прошло и парламентъ, по жалобамъ коммуны на подобныя уклоненія отъ городского суда, рѣшалъ дѣло въ ея пользу ⁽¹⁾.

XIV вѣвъ есть время упадка городскихъ учреждений. Это выражалось между прочимъ и въ томъ, что члены коммуны начинаютъ уклоняться отъ занятія городскихъ должностей. Они покупаютъ у королей льготныя грамоты, освобождавшія ихъ отъ городской службы. Въ грамотѣ обыкновенно значилось, что извѣстный буржуа состоитъ на службѣ у самого короля, у принца крови, или у какого-нибудь изъ членовъ королевскаго двора. Случалось, въ силу такихъ привилегій уклонялись отъ службы лица, болѣе другихъ способныя къ ней. При торговомъ и промышленномъ развитіи въ городѣ образовался классъ богатой буржуазіи, которой легко было добывать такія грамоты. Коммуна была не въ силахъ примѣнять къ нимъ извѣстную статью коммунальной хартіи о нежелающихъ исполнять обязанности общественной службы ⁽²⁾. Финансовыя дѣла коммуны были не въ блестящемъ положеніи. На ней были большіе долги еще съ

главнымъ образомъ гражданскіе процессы. Судъ у превѣ былъ низшей инстанціей; аппеляція на его рѣшенія подавалась байльи. Этотъ послѣдній завѣдывалъ сборомъ финансовъ со всего округа; тогда какъ превѣ получалъ королевскіе доходы только въ городѣ и представлялъ ихъ байльи, который отсылалъ уже въ королевское казначейство. Байльи былъ предводителемъ военныхъ силъ извѣстной провинціи. Впрочемъ подобное распределение обязанностей между превѣ и байльи выяснилось не вдругъ. Сначала отношеніе между ними было весьма неопредѣленно. Законодательство относительно королевскихъ чиновниковъ началось преимущественно съ Филиппа Августа. Людовикъ Св. запретилъ имъ владѣть недвижимымъ имуществомъ въ томъ округѣ, гдѣ они служили. Warnkönig. Franz. Staats-Geschichte t. 1. p. 217.

⁽¹⁾ Monum t. 1. p. 420. Докум. 1327 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 418. Докум. 1325 г.

половины XIII вѣка ⁽¹⁾. Трудность уплаты увеличивалась вслѣдствіе тяжести королевскихъ поборовъ. Кромѣ обыкновенныхъ налоговъ и пошлинъ, которые были вотированы на états-généraux, города обязаны были платить королю, какъ верховному сюзерену, еще чрезвычайныя субсидіи, по какимъ-либо особенно торжественнымъ событіямъ. Такъ напр. по случаю бракосочетанія дочери Филиппа V, Иоанны съ Евдомъ, герцогомъ Бургундскимъ, Амьенъ долженъ былъ подарить королю до 4 тысячъ ливровъ ⁽²⁾.

Впрочемъ коммуна въ это время дѣлаетъ еще нѣкоторыя пріобрѣтенія, расширяетъ свою территорію а слѣдовательно и юрисдикцію своего совѣта. Такъ она не удовольствовалась позолоченными шпорами съ владѣльца королевскаго лена Сагюе, который со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ землями коммуны. Она купила этотъ ленъ,—конечно на феодальныхъ условіяхъ и съ дозволенія сюзерена ⁽³⁾. Коммуна купила также судебныя права въ улицѣ Glatigny и надъ двумя домами, находившимися близъ Большаго моста, у какаго-то Жана-де-Сорси ⁽⁴⁾. Мы приводимъ этотъ фактъ, потому что онъ показываетъ, какъ въ началѣ XIV в. дробилась еще въ городахъ юрисдикція. Коммуна стремилась объединить эту дробность подъ своей властью и короли благопріятствовали этому стремленію, потому что оно отвѣчало ихъ централизаторскимъ планамъ.

Споры между епископомъ и коммуной продолжались; но они уже не отличаются ожесточеніемъ, какъ въ былое время и не имѣютъ особенной важности. Обѣ стороны большею частію стараются уладить дѣло соглашеніемъ (accord). Процессы въ парламентѣ стоили дорого, а потому и коммуна и епископъ избѣгаютъ ихъ. Подобныя мировыя сдѣлки обыкновенно составлялись третейскимъ судомъ. Всего чаще постановленія касаются только фактовъ, а вопросъ о правѣ остается нерѣшеннымъ; отсюда неистощимый источникъ новыхъ споровъ и новыхъ соглашеній. Споры главнымъ образомъ касались судебныхъ правъ. Коммуна дѣлается смѣлѣе

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 221. Докум. 1259 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 383. Докум. 1319 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 379. Докум. 1318 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 405. Докум. 1318 и p. 396. Докум. 1324 г.

и не стѣсняется захватывать права епископа. Она арестуетъ преступниковъ на земляхъ капитула: въ городской совѣтъ является сержантъ отъ церковныхъ властей—требовать выдачи арестованныхъ, но начальники города арестуютъ и его ⁽¹⁾.

Дробность юрисдикціи въ средніе вѣка не ограничивалась только территоріальными дѣленіями. Случалось, что одинъ владѣлецъ имѣлъ право суда по извѣстнымъ дѣламъ на земляхъ другого владѣльца; такъ наприм. въ Амьенѣ въ нѣкоторыхъ улицахъ капитулъ имѣлъ такъ называемую *justice de catel* (судъ о движимой собственности), тогда какъ во всемъ прочемъ юрисдикція принадлежала городскому совѣту. Этотъ послѣдній старался сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ эти исключительныя права. Споры доходили иногда до мелочности ⁽²⁾. Напримѣръ, однажды городской мэръ приказалъ прекратить игру и велѣлъ схватить шаръ, который укатился на землю капитула. Епископъ немедленно протестовалъ противъ нарушенія своихъ правъ ⁽³⁾.

Мы разсмотрѣли исторію Амьенской коммунъ при короляхъ третьей династіи. Мы видѣли ростъ коммунальной свободы въ борьбѣ съ сеньороми города, потомъ постоянное вмѣшательство королевской власти въ дѣла коммунъ. Это вмѣшательство сначала было даже благотвельно для коммунъ и содѣйствовало разсвѣту городской жизни. Оно умѣряло страстную борьбу городскихъ партій и уравнивало бѣдныхъ съ богатыми предъ лицомъ высшей власти. Лишаясь нѣкоторыхъ правъ въ пользу короля, коммуна выигрывала много въ другихъ отношеніяхъ. Короли помогали гдѣ добывать на счетъ сеньоровъ множество правъ, не имѣвшихъ политическаго значенія, но чрезвычайно важныхъ для развитія городской торговли и промышленности и для объединенія городской территоріи. Но королевская власть скоро начала вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя всего лучше, всего удобнѣе было предоставить мѣстной самостоятельной администраціи. Этотъ переворотъ, начавшійся съ Филиппа Красиваго, вполне выразился при короляхъ изъ дома Валуа,—младшей

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 407. Докум. 1324 г.

⁽²⁾ Ibidem p. 395. Докум. 1324 г.

⁽³⁾ Ibidem p. 389. Докум. 1323 г.

лннн Капетинговъ. Политика династїи Валуа рѣзко расходится съ политикой королей XII и XIII вѣка. Эти послѣднїе въ союзѣ съ буржуазїей вели упорную борьбу съ феодализмомъ. Валуа соединяются съ феодалами для подавленїя городской свободы, для насильственной остановки усиливающаго роста третьаго сословія. Валуа уничтожаютъ коммунальное устройство, вмѣшиваются во внутреннїя дѣла городовъ, стараются направить городскую жизнь по своимъ цѣлямъ. Усиливается роскошь королевскаго двора; пробуждается страсть къ праздникамъ, турнирамъ. Прежде королевская власть упогребляла государственные финансы въ видахъ общественной пользы; при Валуа она дѣлается расточительной, эгоистичной. Начинается цѣлый рядъ вымогательствъ разнаго рода, которыя тяжелымъ гнетомъ ложатся на городскую жизнь и останавливаютъ ея развитіе. Потомъ началась тяжелая война съ Англіей, которая длилась почти цѣлое столѣтіе. Начались опустошенїя, грабежи и разныя народныя бѣдствїя. Непріятельскїя арміи нѣсколько разъ проходили черезъ всю Францію, знаменуя путь свой грабежами и пожарами. Буржуа на своихъ плечахъ должны были выносить всю тяжесть этой войны. При отсутствїи правильной финансовой системы, королевская власть прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, которыя кругомъ разоряли подданныхъ и въ тоже время ей самой не много приносили пользы. Началась чудовищная система поддѣлки монеты самимъ правительствомъ⁽¹⁾, которая подрывала общественный кредитъ, убивала торговые обороты. Начались тяжелыя контрибуціи, извѣстныя подъ разными именами, ненавистныя особенно для городского сословія; потому что они главнымъ образомъ падали на него. Монополїя соли (*la gabelle*), пошлины на товары (*aides*), поголовныя подати (*tailles*), подати съ домовъ (*fouage*), *emprunts for. és*, *subventions* etc.—всѣ эти налоги были тяжелы особенно вслѣдствіе откупной системы ихъ сбора. Правительство, желая получить скорѣе деньги, отдавало государственные доходы на откупъ. Но въ этотъ вѣкъ безурядицы, королевскїе указы не исполнялись; королевскїе чиновники, вмѣсто того чтобы смотрѣть за откупщиками,

⁽¹⁾ При Іоаннѣ стоимость серебряной марки колебалась между 4 и 18 ливрамъ.

сами наживались на счетъ городовъ. Относительно внутренней городской администраціи вмѣшательство центральной власти доходитъ до крайности. При Филиппѣ Валуа запрещаются денежные ссуды за проценты; всѣмъ должникамъ въ королевствѣ король простилъ четвертую часть долгу ⁽¹⁾. При преемникѣ его Іоаннѣ, правительство назначаетъ размѣръ заработной платы ⁽²⁾. Король вмѣшивался въ дѣла цеховъ, регламентируетъ цеховые уставы. Онъ самъ опредѣляетъ, каковъ процентъ съ капитала должна составлять торговая прибыль ⁽³⁾. Конечно, всѣ эти распоряженія не достигали своей цѣли; они только раздражали противъ правительства торговое и промышленное сословіе. Война съ Англіей была несчастлива; самъ король попался въ плѣнъ англичанамъ. Принцы и гордое французское рыцарство поворно оставили своего короля на равнинахъ Пуатье. Народъ возсталъ. Бѣдные поселяне, угнетаемые сеньорами, раззоряемые неприятельскими отрядами, жгли замки, рѣзали благородныхъ и страшно мстили за свои страданія. Это возстаніе крестьянъ—извѣстно подъ именемъ *Jacquerie* ⁽⁴⁾. Въ немъ принимали участіе и горожане, особенно жители Парижа; они старались умѣрить жестокости крестьянъ и дать направленіе возстанію. Но рыцари соединились противъ общей опасности. Поселяне жестоко заплатились за свою дерзкую попытку; ихъ били, рѣзали, вѣшали тысячами; селенія ихъ были выжжены, поля и жатвы опустошены; вслѣдствіе чего народныя бѣдствія еще больше увеличились. Но и городское населеніе имѣло много причинъ быть недовольнымъ. Еще на прежнихъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ раздавались голоса депутатовъ отъ третьяго сословія противъ тяжести налоговъ. При Филиппѣ Валуа третье сословіе заявляетъ право наблюдать за сборомъ и расходованиемъ податей, вотируемыхъ на *États-Généraux* ⁽⁵⁾. Два вѣка муниципальной свободы для коммунъ не прошли даромъ; городское населеніе привыкло внутри своего коммунальнаго

⁽¹⁾ Ord. II. p. 45, 49 et 59.

⁽²⁾ Ord. II. 350.

⁽³⁾ *Levasseur*; t. 1. p. 396.

⁽⁴⁾ *Henri Martin. Hist. de France. t. V.—Sismondi. Hist. des Français t. X.*

⁽⁵⁾ Ord. II. p. 238.

строю къ порядку, къ экономіи, къ заботѣ о благѣ всѣхъ и каждаго, къ правильному веденію городского хозяйства, къ аккуратности городскихъ счетовъ, къ контролю надъ городскими властями въ употребленіи общественныхъ суммъ. Представители третьяго сословія совѣмъ не то видѣли на болѣе широкой аренѣ государственной администраціи. Ихъ не могли не поразить постоянные обманы правительства, безконтрольность государственныхъ доходовъ и расходовъ, самоуправство и множество злоупотребленій со стороны должностныхъ лицъ и т. п. Въ лучшихъ представителяхъ третьяго сословія явилась мысль внести въ государственную систему администраціи тотъ же порядокъ, который строго соблюдался въ коммунахъ. Изъ этой идеи возникъ тотъ новаторскій духъ, гдѣ демократическія стремленія третьяго сословія, которыя съ такой силой выразились на собраніи чиновъ 1355 года. Королевскій ордонансъ, составленный по идеямъ третьяго сословія и изданный вскорѣ послѣ этого собранія, заключаетъ въ себѣ такія государственныя гарантіи, которыя сдѣлали бы честь нынѣшнему конституціонному вѣку. Высшая государственная власть раздѣляется между королемъ и тремя сословіями. Девять депутатовъ, по три отъ каждаго сословія, составляютъ государственный совѣтъ, ограничивающій власть короля. États-Généraux имѣютъ право собираться по собственному усмотрѣнію. Государственныя повинности распределяются между всѣми классами общества; самъ король отъ нихъ не освобождается. États-Généraux черезъ особыхъ уполномоченныхъ заботится о взиманіи налоговъ и имѣютъ контроль надъ финансовымъ управленіемъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Учреждается національная милиція на основаніяхъ сходныхъ съ нынѣшней прусской военной системой. Установлены гарантіи законнаго суда; запрещается кого бы то нибыло требовать на суды чрезвычайные, помимо суда законнаго. У короля отнято право насильственнымъ образомъ брать провіантъ на содержаніе арміи (¹). Въ этихъ постановленіяхъ нельзя не видѣть политической опытности третьяго сословія, а также его умѣренности въ отношеніи къ другимъ сословіямъ и къ самой королевской вла-

(¹) Ordon. 28 decem. 1355. Recueil t. III. p. 22. — Rathery. Hist. des États-Généraux. Paris 1845 p. 72 etc.

сти. Оно требует только законныхъ гарантій и дѣйствуетъ во имя всей націи, не отдѣляя своихъ интересовъ отъ интересовъ другихъ сословій. Нѣсколько другой характеръ имѣютъ *États-Généraux* слѣдующаго года, которыя были созваны регентомъ Карломъ послѣ битвы при Пуатье и взятія въ плѣнъ короля Іоанна. Собралось до 800 депутатовъ, половина которыхъ была отъ третьаго сословія. Собраніе энергично принялось за дѣло реформы королевства. Былъ назначенъ комитетъ изъ 80 членовъ для составленія программы новаго государственнаго устройства. Плодомъ дѣятельности этого комитета были слѣдующія постановленія, представленныя регенту. Верховная власть въ королевствѣ должна принадлежать *États-Généraux*, которымъ представляется высшее административное и финансовое управленіе страны. Немедленно долженъ быть назначенъ особый реформаціонный комитетъ, въ которомъ должны засѣдать представители отъ всѣхъ трехъ сословій. Всѣ королевскіе совѣтники предаются формальному суду; множество должностныхъ лицъ немедленно должны выйти въ отставку. Собраніе чиновъ можетъ собираться по собственному усмотрѣнію (*). Когда испуганный Карлъ медлилъ отвѣтомъ, то чины, не дожидаясь уже его отвѣта, сами объявили себя высшей властью въ королевствѣ и начали управлять государственными дѣлами отъ имени регента. Но между тремя сословіями не было единодушія. Дворяне были оскорблены преобладаніемъ третьаго сословія, и депутаты ихъ удалились изъ собранія; депутаты отъ духовенства вскорѣ послѣдовали ихъ примѣру; такимъ образомъ третье сословіе осталось представителемъ всей націи. 5 февраля 1357 года начались засѣданія этого національнаго собранія. Во главѣ его стоялъ купеческій превдъ города Парижа, т. е. начальникъ парижской муниципаліи, Етьень Марсель. Это была высокая личность XIV вѣка, выдвинутая впередъ соціальнымъ развитіемъ третьаго сословія, городской свободы и муниципальных учреждений. Онъ былъ пропитанъ демократическими стремленіями и можетъ быть названъ лучшимъ представителемъ интересовъ третьаго сословія. Его неузротимая энергія, широта его замысловъ, его организаторскій государственный талантъ,—сдѣлали бы честь луч-

(*) Rathery, p. 75 и слѣд.

шить дѣятели французской Революціи XVIII вѣка. Но онъ предварилъ революціонеровъ новаго времени. Онъ опирался на народныя страсти; оружіемъ его былъ терроръ, какъ и у членовъ Конвента. Сходство революціонеровъ XIV вѣка съ революціонерами XVIII—выразилось даже и внѣшнимъ образомъ. Были приняты извѣстные цвѣта, какъ символъ обновленія націи. Замыслы Этьена Марселя простирались далеко: онъ добивался національнаго единства, но совершенно на другихъ основаніяхъ, — чѣмъ королевская власть. Вотъ какія рѣшенія приняло по его инициативѣ третье сословіе въ 1357 г. Король или регентъ королевства ничего не можетъ сдѣлать безъ согласія совѣта, состоящаго изъ 36 членовъ, которые выбираются по ровну изъ всѣхъ трехъ сословій. Всѣ финансовыя должности находятся въ прямой зависимости отъ États-Généraux, которыя должны собираться дважды въ годъ. Ни одна подать въ королевствѣ не можетъ быть установлена безъ ихъ согласія. Судебныя должности не должны отдаваться на откупъ. Скорый и правый судъ долженъ быть для каждаго изъ подданныхъ. Стоимость монеты можетъ быть измѣняема не иначе, какъ съ согласія трехъ сословій. Уничтожается королевское право брать пожизненные припасы для войска; запрещаются частныя войны; уничтожаются нѣкоторые изъ феодальныхъ правъ, особенно тягостныя для народа ⁽¹⁾. Но кромѣ этихъ постановленій, которыя Карлъ принужденъ былъ принять и похвѣстать въ своемъ ордонансѣ 3 марта 1357 года ⁽²⁾, проекты и требованія депутатовъ третьяго сословія заключаютъ въ себѣ цѣлый политическій кодексъ. Реформы касаются всѣхъ подробностей администраціи; предполагалось преобразовать парламентъ, палату счетовъ, королевскій совѣтъ. Эти реформы не прошли въ жизнь, какъ желалъ парижскій предводитель его дѣятельный помощникъ Робертъ-ле-Кокъ. Тотъ же регентъ, давшій санкцію постановленіямъ собранія, не стѣснялся нарушать ихъ и управлять королевствомъ попреж-

(1) Rathery. Hist. des États Généraux. pp. 81 etc.

(2) Rec. t. III. pp. 94—96. Къ чести третьяго сословія во Франціи нужно сказать, что депутаты его являются представителями не только городскихъ интересовъ, но и окрестнаго земледѣльческаго населенія. A. Thierry. Hist. de tiers-état; passim.

нему. Тогда Етьепъ Марсель произвелъ возстаніе парижской черни, которая подъ его предводительствомъ ворвалась во дворець. На глазахъ регента были убиты его совѣтники и два маршала Нормандіи и Шампани, которые стояли на пути демократическихъ стремленій Марселя. Трепещущій Карль въ двухцвѣтной національной шапочкѣ изъ оконъ дворца долженъ былъ объявить, что убиты были измѣнники. Послѣ этого Карль не долго оставался въ Парижѣ: онъ бѣжалъ въ Компьенъ и тамъ 1 мая 1358 года созвалъ États-Généraux, которые высказались противъ парижскихъ демагоговъ. Въ это время дѣятельность революціонеровъ продолжалась: Марсель укрѣпилъ Парижъ и пригласилъ врага регента, короля Наваррскаго Карла Злаго. Марсель и его приверженцы думали возвести его на престолъ. Король принялъ начальство надъ городской милиціей, но скоро долженъ былъ удалиться, такъ какъ въ городѣ была сильная партія, стоявшая за регента. Но Карль Злой съ значительнымъ отрядомъ оставался въ парижскихъ предмѣстьяхъ, выжидая удобнаго случая ворваться въ городъ. Вскорѣ приблизился и регентъ во главѣ феодаловъ и многочисленной арміи. Такимъ образомъ Парижъ вдругъ былъ осажденъ съ двухъ сторонъ—королемъ Наваррскимъ и регентомъ Карломъ. Марсель попрежнему оставался приверженцемъ Карла Злаго. Онъ хотѣлъ тайно отворить ему ворота Бастиліи и впустить въ городъ. Уже все было готово, уже самъ Марсель ночью шелъ къ условленному мѣсту, но въ моментъ исполненія своихъ замысловъ былъ убитъ приверженцами регента, который съ слѣдъ затѣмъ торжественно вступилъ въ столицу. Марсель палъ жертвою стремленій, осуществленіе которыхъ представлено было уже другому вѣку. Было время, когда онъ дѣйствовалъ отъ имени всей націи, и на его реформаціонныхъ замыслахъ лежала печать величія и глубокой зрѣлости. Потомъ онъ былъ увлеченъ революціоннымъ духомъ, и его гевій уже направленъ не на созданіе правильнымъ законнымъ путемъ новаго государственнаго строя, но на разрушеніе стараго. Эта работа разрушенія ему не удалась, да и не могла удаться. Въ третьемъ сословіи не было единодушія: большинство гражданъ предпочитало спокойствіе, гарантируемое законной властью, бурнымъ тревогамъ революціи. Феодализмъ XIV вѣка, хотя и ослабленный коммунами и легистами, все-таки имѣлъ еще силу и значеніе. Съ

помощію его королевская власть была еще въ силахъ подавить новаторскія стремленія третьяго сословія. вмѣстѣ съ Марселемъ погибла и большая часть его приверженцевъ. Съ вступленіемъ на престолъ Карла V Мудраго, торжество королевской идеи упрочено. Но не погибли реформаторскія идеи, провозглашенныя собраніемъ 1355—1357 годовъ. Самъ король, еще регентомъ получивши такой хартіей урокъ, проводилъ въ жизнь нѣкоторыя изъ преобразованій, на которыя онъ не могъ согласиться въ молодости. Его царствованіе ознаменовано успѣхами оружія въ войнѣ съ Англіей, которыми Франція была обязана столько же всенному генію Бертрана, сколько и мудрой политикѣ. По случаю войны Карлъ не могъ обойтись безъ налоговъ на торговый и промышленный классъ. При немъ въ первый разъ были узаконены постоянныя, государственныя налоги (*aides ordinaires*). Но онъ былъ бережливъ, даже скупъ въ своихъ расходахъ. Города охотнѣе, чѣмъ прежде платили подати, потому что чувствовали ихъ необходимость и видѣли результаты умной политики Карла, видѣли успѣхи оружія надъ врагами и лучшій порядокъ въ управленіи государствомъ, особенно относительно финансовъ ('). Карлъ заботился о возстановленіи внутренней и внѣшней торговли въ королевствѣ, которая по случаю войны съ Англіей была въ страшномъ упадкѣ. Карлъ V продолжалъ дѣло созданія національнаго единства Франціи; кромѣ завоеваній у англичанъ, онъ сдѣлалъ не менѣе важныя приобрѣтенія путемъ дипломатическимъ. Раздавая братьямъ для управленія провинціи, онъ старался ограничивать ихъ злоупотребленія. Пользуясь совѣтами легистовъ, онъ старался поправить ошибки расточительныхъ королей своей династіи. Относительно городскихъ общинъ политика Карла отличалась нѣкоторымъ прогрессомъ сравнительно съ предшественниками. Онъ давалъ привилегіи городамъ, переходившимъ отъ англичанъ на его сторону. Эти города сами требуютъ утвержденія тѣхъ правъ, которыми они пользовались со времени добраго короля Людовика Святаго. При преемникѣ Карла V, Карлѣ VI, снова стали тяжелы налоги. Злоупотребленія администраціи вызвали возстаніе во Фландріи. Самъ Карлъ, тогда еще не сходявшій съ ума, во главѣ

(') Chéruel. Hist. de l'administ. p. 51.

сильной арміи кровавыми мѣрами подавилъ свободный духъ фландрскихъ городовъ. Замѣчательно, что между французской и фландрской буржуазіей поддерживались постоянныя сношенія; съ той и другой стороны была обѣщана взаимная помощь. Въ Парижѣ снова готовилось возстаніе, но Карлъ, хотя и не на долго, сумѣлъ укротить беспокойный духъ парижской буржуазіи. Королевская армія, возвращаясь изъ Фландріи, вступила въ Парижъ, какъ въ завоеванный городъ. Городскія укрѣпленія были разрушены, до 300 гражданъ арестовано, старинныя права парижской муниципалитетъ уничтожены и богатая буржуазія принуждена была заплатить огромныя штрафы, равнявшіеся почти конфискаціи имущества (1). Города сѣверной Франціи, въ томъ числѣ и Амьенъ, заплатились за сношенія съ сѣверянами; ихъ коммунальное устройство было уничтожено, множество лучшихъ гражданъ подверглось казнямъ и городскія общины заплатили королю огромныя контрибуціи. Но такія мѣры вызвали новое возстаніе въ Парижѣ. На этотъ разъ протестъ шелъ уже не со стороны богатой буржуазіи, какъ это было во время регенства Карла V. Взволновалась парижская чернь, голодная, грубая, лишенная всякаго политическаго смысла, требовавшая только хлѣба и крови. Жестокія мѣры Карла VII убили значеніе высшей буржуазіи, которая была когда-то опорой французскихъ королей, служила имъ, и деньгами, и совѣтами—въ лицѣ легистовъ, выходившихъ преимущественно изъ высшихъ слоевъ богатаго торговаго класса. Вліяніе перешло теперь къ цехамъ и то не ко всѣмъ; особенное значеніе приобрѣлъ цехъ мясниковъ (bouchers). Когда муниципальное устройство въ Парижѣ было восстановлено, въ 1412 году городской совѣтъ состоялъ изъ представителей этого цеха. Народъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ, и городское начальство рѣшилось вступить за него. Обстоятельства благопріятствовали протесту: королевствомъ правилъ герцогъ Бургундскій, по случаю сумасшествія короля. Онъ хотѣлъ утвердить свою власть союзомъ съ демократической городской партіей. По его инициативѣ былъ восстановленъ городской совѣтъ Парижа; по его вліянію члены этого совѣта были выбраны изъ цеха мясниковъ. Къ муниципальному со-

(1) A. Thierry. Hist. du tiers-état. Introd à Monum. t. 1. p. CX.

вѣту присоединился парижскій университетъ; онъ также рѣшился возвысить свой голосъ въ защиту бѣднаго народонаселенія. Образовался небывалый союзъ между демагогами парижской черни и учеными докторами Сорбонны. Получилъ приглашеніе присоединиться къ этой союзу и парламентъ, но онъ отказался изъ боязни компрометировать себя связью съ уличными демагогами и теоретиками—безъ практическаго знакомства съ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но членами совета и докторами былъ составленъ и представленъ правителю королевства планъ государственной реформы. Въ это время герцогъ Бургундскій потярялъ уже прежнее значеніе. Новое правительство хитрило и снова замышляло кровавыя мѣры, противъ жителей города. Слухъ объ этомъ вызвалъ возстаніе, главная роль въ которомъ принадлежала сдирателямъ кожъ (écorcheurs), которые были работниками у мясниковъ. Кровавое ремесло приучило ихъ къ свирѣпости и кровожадности. Во главѣ ихъ стоялъ Симонъ Кабошъ,—ярый демагогъ, который былъ бы на мѣстѣ въ кровавыхъ сценахъ революціи XVIII вѣка. Была взята Бастилія. Начались переговоры: правительство многое обѣщало, не думая исполнить своихъ обѣщаній. Вспыхнуло новое возстаніе подъ предводительствомъ Кабоша и Павильи, доктора богословія; было сдѣлано нападеніе на дворецъ короля. Множество знатныхъ было арестовано; въ числѣ ихъ были даже дамы. Казалось, что въ началѣ XV вѣка готова была разыгратъ революція и на нѣсколько столѣтій предупредить дѣло просвѣтительнаго вѣка. Но дѣятелямъ XV вѣка не доставало организаторскаго духа членовъ законодательнаго собранія. Королевскій ордонансъ 1413 года, вынужденный этой партіей, проникнуть централизаторскими идеями легистовъ. По выраженію Мишле, народныя страсти диктовали этотъ государственный актъ, но умѣренность его писала (1).

Дѣйствительно актъ этотъ отличался большой умѣренностью. Всѣ преобразованія касаются только нѣкоторыхъ злоупотребленій администраціи. Всѣ отрасли управленія—въ административномъ, судебномъ, финансовомъ отношеніи,—должны исходить отъ королевской власти, какъ отъ своего центра. Французское общество XV вѣка сжилося уже съ

(1) Michelet. Hist. de France t. IV.

идеями централизаціи, которыя такъ настойчиво проводились въ жизнь легистами XIV вѣка. Въ ордонансѣ 1413 года ни слова не говорится о представительствѣ трехъ сословій,—о государственномъ совѣтѣ изъ выборныхъ лицъ, ограничивающемъ королевскій произволъ, чего такъ настойчиво добивались вожди третьяго сословія въ половинѣ XIV в. Въ ордонансѣ 1413 года устанавливается іерархія должностей, которыя ставятся въ прежнюю зависимость отъ парламента, отъ палаты счетовъ и другихъ центральныхъ парижскихъ учреждений; при чемъ опредѣляются правила лучшаго дѣлопроизводства и финансовой отчетности. Число судебныхъ и финансовыхъ должностей уменьшено, произволъ ихъ ограниченъ, продажность должностей запрещена. Нѣкоторыя мѣста должны замѣщаться по выборамъ, которые производятся провинціальными легистами и адвокатами. На другія болѣе важныя мѣста провинціальное собраніе выбираетъ троихъ кандидатовъ; изъ нихъ назначеніе производится государственнымъ канцлеромъ, вмѣстѣ съ комиссарами парламента. Возстановлено во всей силѣ старинное правило, по которому сепешалы, баиллы и прево не имѣютъ права приобретать недвижимую собственность въ управляемыхъ ими провинціяхъ, не должны брать себѣ женъ изъ этой мѣстности и отдавать замужъ дочерей за лицъ подвѣдомственнаго имъ округа. Ограниченъ произволъ королевскихъ судей по лѣсному и водяному вѣдомству; аппеляція на нихъ должна быть подаваема въ парламентъ. Нѣсколько постановленій имѣютъ своимъ предметомъ сельское населеніе; такъ напримѣръ, приказано королевскимъ чиновникамъ уважать сельскіе обычаи; крестьянамъ дано право вооружаться для преслѣдованія разбойниковъ и т. п. (¹). Всѣ эти законы показываютъ въ составителѣ ихъ умѣренность и благородство побужденій. Впрочемъ этотъ ордонансъ не былъ проведенъ въ жизнь, какъ и много другихъ ордонансовъ, вынужденныхъ у королевской власти третьимъ сословіемъ. Ордонансъ 1413 года былъ уничтоженъ чрезъ три мѣсяца послѣ обнаруженія. Но этимъ дѣло не ограничилось: правительство жестоко отмстило за неистовство парижской черни. Пять лѣтъ въ столицѣ продолжался терроръ. По ночамъ трупы убитыхъ сотнями бросали въ

(¹) A. Thierry. Hist. du tiers-état. p. LXVII.

Сену. Рѣка переполнилась мертвыми, такъ что вышло запрещеніе купаться въ ней. Но обыкновенно карали виновныхъ и невинныхъ: множество честныхъ гражданъ погибло, или подверглось изгнанію. Доктора Сорбонны за свою связь съ народной партіей тоже жестоко поплатились; многіе изъ нихъ были изгнаны и имѣнья конфискованы. Всѣ эти жестокости описаны монахомъ аббатства св. Діонисія. Нужно читать его хронику, чтобы понять весь ужасъ феодальной мести. Мы говоримъ — „мести феодальной“; потому что въ то время король французскій не понималъ и не могъ понять, что дѣлалось въ его государствѣ: онъ былъ сумасшедшій.

Последніе годы этого несчастнаго, преступнаго царствованія были ознаменованы постоянными раздорами внутреннихъ партій и наконецъ иноземнымъ владычествомъ. Мрачными красками описываютъ современники печальное состояніе Франціи въ эту грустную эпоху. Вотъ что говоритъ Ома Базенъ, — біографъ Карла VII и Людовика XI: „Я видѣлъ долины Шампани, Гатинэ, Мэна, Бовуазии и другія провинціи отъ Сены до Амьена и Аббевиля совершенно пустыми и необработанными. Жителей не было; въ поляхъ вмѣсто хлѣба — росли сорныя травы“ (1). Послѣ пораженія при Азинкурѣ для Франціи наступилъ цѣлый рядъ несчастій, какихъ никогда, ни прежде, ни послѣ, не приводилось ей испытывать. Французская корона была отдана иноземному государю; Парижъ отворилъ ворота новому королю и торжественно ликовалъ при его въездѣ. Все королевство до Луары принадлежало уже англичанамъ; одинъ Орлеанъ выдерживалъ осаду побѣду побѣдоносной арміи. Въ эту несчастную эпоху, когда повидимому все погибло и не откуда было ждать спасенія, спасительницей Франціи явилась вдохновенная поселница Жанна д'Аркъ. Какимъ-то чуднымъ ореоломъ божественнаго свѣта окружена эта личность. Достояннаго цѣнца она нашла себѣ въ свѣтлой личности великаго поэта нашего столѣтія. Орлеанская дѣва Шиллера — это лучшій памятникъ для Жанны д'Аркъ, какого не могла создать ей спасенная ею нація. Ея энтузіазмъ, ея глубокая вѣра, ея любовь къ родинѣ, ея готовность все выстрадать для спасенія этой родины, — пробудили наконецъ уснувшій

(1) Chéruel. Hist. de l'administ. p. 92.

патріотизмъ французскаго народа отъ низшихъ его слоевъ до самыхъ высшихъ. Результаты извѣстны; они принадлежатъ общей исторіи. Для насъ важно замѣтить въ этомъ великомъ дѣлѣ народнаго обновленія роль сельскаго сословія. Въ первый разъ оно выступаетъ на сцену исторіи не ради мести за свои права, какъ это было въ XIV вѣкѣ, но на великое дѣло спасенія родины. Жанна д'Аркъ великая представительница этого новаго элемента исторіи, который выступаетъ иногда какъ страшная разрушительная сила, иногда какъ сила обновленія и возрожденія общественнаго организма ⁽¹⁾.

Царствованіе Карла VII представляетъ работу внутренняго преобразованія государственнаго организма. Этотъ государь занимаетъ видное мѣсто во французской исторіи, благодаря своимъ совѣтникамъ изъ высшей буржуазіи и низшаго дворянства. Нѣкоторыя изъ преобразованій, которыхъ желала народная партія 1413 года, наконецъ получали примѣненіе на практикѣ. Карлъ VII стоялъ въ такомъ же отношеніи къ преобразовательнымъ планамъ третьяго сословія, въ какомъ и дѣлъ его Карлъ V. Замѣчательные факты правительства Карла VII заключаются въ созданіи регулярной арміи и постоянного налога. Королевская власть при немъ получила такимъ образомъ двѣ громадныя силы, — войско и финансы; теперь полное развитіе королевской идеи до ея крайнихъ послѣдствій было обезпечено. Администрація, судъ, финансовое устройство, получили ту организацію, которая въ главныхъ своихъ чертахъ перешла въ новую исторію. Новаторскія идеи начала XV вѣка, впрочемъ съ значительными ограниченіями, проникли въ жизнь и легли въ основу государственнаго механизма. Карлъ старался воскресить торговлю въ своемъ государствѣ. Онъ уничтожилъ незакон-

⁽¹⁾ Освобожденіе сельскихъ общинъ во Франціи началось еще съ конца XIII вѣка. Освобожденіе коммунъ играло великую роль въ этомъ великомъ социальномъ явленіи. Въ XIII и XIV вѣкахъ крестьяне получаютъ свободу цѣлыми селеніями, иногда феодальный сеньоръ освобождалъ всѣхъ своихъ крестьянъ. Освобожденная община получала названіе коммуны. Вліяніе городской коммуны на это постепенное освобожденіе сельскаго сословія, а также внутренне устройство сельскихъ коммунъ и отношеніе ихъ къ феодальнымъ сеньорамъ, будутъ указаны нами на основаніи документовъ города Реймса.

ныя пошлины (réages), мѣставшія торговымъ споменіямъ внутри государства. Онъ принялъ дѣятельныя мѣры для улучшенія путей сообщенія. Онъ покровительствовалъ и вѣншней торговлѣ. При Карлѣ VII мы видимъ значительный прогрессъ въ благосостояніи народной массы. Поэты того времени воспѣваютъ радости жизни, правосудіе, безопасность земледѣльца, изобиліе хлѣба и вина и т. п. Конечно восторгъ этотъ былъ вызванъ контрастомъ лучшаго порядка съ ужасами предшествующаго царствованія. Но нельзя не замѣтить дѣятельной роли королевской власти въ этой перемѣнѣ къ лучшему. Порядокъ, довольство, безопасность, все это исходитъ съ высоты трона, во имя королевской власти. Онъ есть центръ административнаго единства для всего государства. У подножія престола—близкіе къ царю люди и совѣтники принадлежатъ къ третьему сословію. Отъ королевскаго центра идутъ, какъ радіусы, разныя функціи общественной администраціи во всѣхъ ея отрасляхъ.

Королевская власть опирается на регулярное войско и твердо организованную систему финансовъ. Пользуясь этими могущественными средствами, при Людовикѣ XI она смѣло выступаетъ на борьбу съ феодализмомъ, снова выродившимся, благодаря вѣншнимъ несчастіямъ и внутреннимъ смутамъ. Побѣда королевской власти на этотъ разъ была полная. Царствованіе Людовика XI было постоянной борьбой за единство власти, во имя королевской идеи; стремленіемъ его было уравнять передъ собой всѣ классы общества. Въ этой борьбѣ всѣ средства считались позволёнными,—коварство, хитрость, жестокость. Людовикъ XI, своей безпощадной жестокостью и неумолимой настойчивостью, напоминаетъ типы демократическихъ диктаторовъ Римской Имперіи. Промышленность городского сословія, заключившуюся въ тѣсныхъ рамкахъ цеховой корпораціи, онъ хотѣлъ сдѣлать доступной для всѣхъ. Подобно Іоанну Доброму, онъ стремился разорвать цеховую замкнутость, сдѣлать цехъ доступнымъ для всѣхъ и cadaго. Онъ приглашалъ въ свой совѣтъ богатыхъ негоціантовъ и съ ними толковалъ о средствахъ поднять торговлю въ государствѣ. Онъ заботился объ открытіи новыхъ рынковъ, новыхъ фабрикъ. Онъ создалъ куеческій флотъ; по его инициативѣ улучшались дороги, рылись каналы, разрабатывались рудники. Привилегіями онъ привлекалъ во Францію толпы иностранныхъ мастеровъ особен-

но изъ Италіи. Его армія въ четверо была многочисленнѣе арміи отца; онъ основалъ флотъ; онъ строилъ страшныя укрѣпленія на границахъ королевства. Какая-то лихорадочная дѣятельность — охватываетъ французскую націю по инициативѣ королевской власти. Эта власть является уже передъ нами со всѣми чертами монарховъ новой исторіи. Одолѣвши внутреннихъ враговъ, сокрушивши послѣднія силы феодализма, сломивши демократическія стремленія третьяго сословія, она во всеоружіи готовится выступить на арену новой исторіи. Она понимаетъ силу и значеніе третьяго сословія; она знаетъ, что главный нервъ государства промышленное и торговое богатство; оттого она, эта область, покровительствуетъ третьему сословію, употребляетъ всѣ усилія для созданія національной промышленности и торговли. Но это стремленіе быстро переходитъ въ правительственную опеку, которая сама по себѣ есть одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій для успѣховъ торговаго и промышленнаго развитія. Притомъ королямъ, для проведенія въ жизнь своихъ предначертаній, нужны деньги и деньги. При Людовикѣ XI подати и налоги увеличились чрезвычайно. Нація, не успѣвшая отдохнуть отъ ужасовъ прошдшихъ царствованій, глубоко страдала подъ этимъ тяжелымъ гнетомъ. Буржуазія не любила Людовика, хотя и была вѣрна ему. Его глубокіе замыслы, его мысли объ общественномъ благѣ, всѣ замышляемые имъ реформы, оставались чуждыми для народной массы. Все совершалось въ глубокой тайнственности, въ тиши кабинета, въ четырехъ стѣнахъ королевскаго замка. Его приближенные и совѣтники, какъ напр. біографъ его Филиппъ Коминъ, при всемъ увлеченіи личностью короля, плохо его понимали. Смерть Людовика для французскаго народа казалась освобожденіемъ отъ тяжелаго ига. Въ 1484 году были созваны États-Généraux, — послѣднее средневѣковое національное собраніе. Никогда еще французская нація не имѣла такого полнаго представительства отъ всѣхъ сословій; всѣ провинціи не только сѣверной и средней, но и южной Франціи прислали въ Парижъ своихъ представителей. Избраніе депутатовъ было произведено по всей формѣ; по всей формѣ велись дебаты. Никогда еще вопросъ о политическомъ значеніи États-Généraux, начиная съ самого 1356-г., не былъ поставленъ съ такою ясностью. Много громкихъ словъ было сказано на этомъ собраніи, много благородныхъ стремленій

было заявлено. Рѣчи депутатовъ поражаютъ своей смѣлостью и новаторскимъ духомъ. „Королевская власть есть обязанность, а не наследственная привилегія. Верховная воля народа создала королей; поэтому верховная власть въ государствѣ принадлежитъ не королямъ, а народу. Кто держитъ въ рукахъ своихъ власть безъ народнаго согласія, тотъ по справедливости можетъ быть названъ похитителемъ чужихъ правъ. Въ случаѣ малолѣтства или неспособности короля, верховная власть возвращается къ народу. Народъ составляетъ совокупность всѣхъ жителей королевства. Собраніе государственныхъ чиновъ слѣдуетъ считать представителемъ воли народной. „Вотъ темы дебатовъ этого собранія. Кажется, вы слышите бурныя рѣчи пламенныхъ борцовъ третьяго сословія въ вѣкъ французской революціи. Но разочарованіе начинается съ того, что эти, повидимому, демократическія идеи высказаны дворяниномъ, а не депутатомъ третьяго сословія. Подъ этой верховной властью народа скрываются аристократическія тенденціи потомка прежнихъ феодаловъ. Третье сословіе на этотъ разъ хлопотало не о теоріи происхождения королевской власти, не о правахъ народа на высшее значеніе въ королевствѣ, а о насущныхъ своихъ потребностяхъ, объ уменьшеніи податей и налоговъ. Но и это не удалось ему: такса налоговъ была еще увеличена. Собраніе разошлось, не постановивши ничего особенно важнаго; всѣ его распоряженія касались только интересовъ минуты. Его требованіе, чтобы собранія чиновъ были созываемы каждые два года, осталось только требованіемъ. Карль VIII долго управлялъ государствомъ безъ États-Généraux. Подати налагались и собирались безъ согласія націи. Журналы собранія чиновъ 1484 г. остались только памятникомъ благородныхъ порывовъ нѣкоторыхъ лицъ и печальнаго положенія народа подъ бременемъ налоговъ разнаго рода. Въ собраніи этомъ выразилось торжество королевскаго принципа. Теперь, кромѣ обѣщаній да обманутыхъ надеждъ, французская нація ничего уже не могла ждать отъ своихъ монарховъ. Дальнѣйшая судьба третьяго сословія принадлежитъ уже новой исторіи.

Мы остановились съ подробностью на демократическихъ стремленіяхъ третьяго сословія въ XIV и XV вѣкахъ. Значеніе третьяго сословія въ эти два столѣтія переходитъ изъ городовъ на болѣе широкую арену государственныхъ собраній. Стремленія этого сословія къ участію въ управленіи

государствомъ не удались; но они не прошли безслѣдно для французской исторіи. Нѣкоторыя изъ идей общественнаго порядка, гражданскаго благоустройства, судебной организаціи, общественнаго хозяйства, правильной системы финансовъ, выработанныя городской живнью и заявленныя на собраніяхъ чиновъ, проникли въ государственныя органы. Королевская власть, жестоко карая демократическій духъ буржуазіи, сама въ лицѣ легистовъ, путемъ упорной борьбы проводила въ жизнь идеи этого сословія, только измѣняя ихъ идеями римскаго права о единой верховной власти въ государствѣ. Случалось конечно, что въ жизни, въ дѣйствительности, идеи третьяго сословія являлись въ искаженномъ видѣ. При усилившемся абсолютизмѣ французскихъ королей легко встрѣтить множество злоупотребленій. Но въ то же время была одержана великая побѣда; феодализмъ палъ, благодаря союзу третьяго сословія съ королевскою властью. Национальное единство создано,—единство во всѣхъ странахъ государственнаго управленія,—единство законовъ, суда, администраціи и т. д. Но эта побѣда досталась французской націи цѣной ея собственной свободы. Муниципальныя учрежденія въ XIV и XV вѣкахъ болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ и представляютъ только тѣнь прежней свободы городскихъ общинъ. Замѣчательно, что политическія тенденціи третьяго сословія совпадаютъ съ упадкомъ муниципальных учреждений городскихъ общинъ.

Мы снова обращаемся къ Амьенской коммунѣ; здѣсь мы найдемъ подтвержденіе нашихъ положеній. Мы укажемъ главные симптомы этой агоніи коммунальной свободы подъ подавляющимъ вліяніемъ королевскаго абсолютизма. Мы увидимъ причины паденія коммунальныхъ учреждений, отчасти кроющихся въ самой коммунальной организаціи. Мы прослѣдимъ послѣднія вспышки умирающей свободы, которыя были отголоскомъ демократическихъ стремленій столицы, или поддерживались сношеніями съ свободными коммунами Фландріи.

Мы видѣли уже отношенія королевской власти при Валуа къ коммунамъ. Вышательство Филиппа VI въ дѣла Амьенской коммуны доходитъ до мелочей. Городскія власти, вздумавши построить новую бойню, должны были попросить

королевское позволеніе⁽¹⁾. Потребовалось повѣстить на городской башнѣ колоколь, по звуку котораго рабочіе должны были начинать и оканчивать свои работы,—опять потребовалось королевское разрѣшеніе⁽²⁾. Коммуна не распоряжается уже по собственному усмотрѣнію городскимъ имуществомъ,—городскими землями, пашнями и лугами. Для разработки торфа въ одномъ болотѣ спросили позволенія высшей власти⁽³⁾. Король стремился расширить свою власть на счетъ городской юрисдикціи. Орудіемъ королевской власти служить парламентъ. Въ одномъ изъ парламентскихъ дебатовъ королевскій прокуроръ развиваетъ уже такую теорію отношеній королевской власти къ коммунамъ: король—сюзеренъ Амьена и имѣетъ въ городѣ права высшей, средней и низшей юрисдикціи. Права эти онъ можетъ временно передавать кому хочетъ, *per concessionem*. При самомъ возникновеніи коммуны нѣкоторыя изъ этихъ правъ король передалъ городскому совѣту, другія предоставилъ себѣ. Отсюда ясный выводъ, что король имѣетъ право и отнимать уступленные имъ временно права⁽⁴⁾. Теорію эту королевская власть въ XIV в. начинаетъ уже примѣнять къ дѣлу. Въ 1332 году важныя жалобы поступили къ королю на злоупотребленія городского совѣта въ дѣлахъ судебныхъ. Королю писали изъ Амьена, что многія важныя преступленія мѣромъ и городскими засѣдателями оставлены безъ наказанія. Возникло дѣло: членовъ городского совѣта потребовали на судъ въ парламентъ. Королевскій прокуроръ предложилъ лишить Амьень коммунальнаго устройства. Городской совѣтъ поспѣшилъ войти въ сдѣлку; онъ заявилъ, что не думаетъ судиться съ своимъ государемъ. Но этотъ разъ коммуна поплатилась только правами превотства. Король подтвердилъ коммунальную хартію со всѣми правами и вольностями города⁽⁵⁾. Для него не было особенной выгоды уничтожить коммунальное устройство; онъ довольствовался одной только угрозой и тѣмъ, что всегда могъ примѣнить ее къ дѣлу, если найдетъ это нужнымъ.

При Филиппѣ Валуа въ первый разъ встрѣчаемъ примѣненіе королевскаго права помилованія относительно лицъ

(1) Monum. t. 1. p. 429. Докум. 1330 г.

(2) Ibidem. p. 456. Докум. 1335 г.

(3) Ibidem. p. 476. Докум. 1340 г.

(4) Ibidem. p. 478. Докум. 1341 г.

(5) Ibidem. p. 437. Докум. 1332 г.

приговоренныхъ городскимъ судомъ. Такъ король освобождаетъ отъ изгнанія какого-то Роберта Бовапа и приказываетъ коммуна не касаться его личности и имущества. Какъ бы чувствуя нарушение правъ городского совѣта, онъ прибавляетъ, что подобное помилованіе не должно служить въ ущербъ судебнымъ правамъ городского совѣта (1). На этотъ разъ коммуна уступила; но въ 1344 г. въ подобномъ же случаѣ городской совѣтъ отказался отмѣнить свое рѣшеніе. Послѣдовало новое строжайшее приказаніе; но совѣтъ опять не послушался. Дѣло было передано въ парламентъ; къ сожалѣнію неизвѣстно, чѣмъ оно кончилось (2). Вмѣшательство королевской власти въ дѣла коммуны дѣлало ее жертвой произвола королевскихъ комиссаровъ. Одинъ убійца, приговоренный городскимъ совѣтомъ къ изгнанію, пожаловался королю. Для разслѣдованія дѣла была назначена секретная коммисія. Множество жителей ни въ чемъ не виновныхъ было привлечено къ дѣлу; ихъ имѣніе было конфисковано и сами они подверглись аресту. Коммуна жаловалась королю: была назначена новая коммисія, которая нашла, что прежняя превысила данную ей власть; свобода и имѣнія гражданъ были возвращены (3).

Королевская власть вмѣшивалась въ права коммуны относительно судебныхъ обезпеченій, въ заботы о малолѣтнихъ сиротахъ, относительно продажи имущества за неплатежъ долговъ и т. д. (4). Коммуна, избѣгая процессовъ, вступала въ соглашеніе съ королевскими чиновниками. Соглашенія эти обыкновенно оканчивались какой нибудь полумѣрой. Впрочемъ право завѣдыванія сиротскимъ имуществомъ городской совѣтъ сумѣлъ удержать за собой въ полномъ его объемѣ (5). Столкновеніе юрисдикціи муниципальной и королевской зависѣло иногда оттого, что городской совѣтъ судилъ на основаніи своего обычнаго права, тогда какъ королевскіе байльи, назначаемые большею частію изъ легистовъ, примѣшивали къ обычному праву понятія римскаго законодательства. Оттого подобныя соглашенія между городскимъ совѣтомъ и

(1) Monum. t. 1. p. 474. Докум. 1338 г.

(2) Ibidem. Докум. 1344 г.

(3) Ibidem. p. 490. Докум. 1342 г.

(4) Ibidem. p. 494. Докум. 1343 г.

(5) Ibidem. p. 494. Докум. 1343 г.

королевскими байльи составляютъ источникъ для изученія права въ эту переходную эпоху.

Король назначалъ помимо городского совѣта на низшія городскія должности; это дѣлали и его придворные. Впрочемъ вслѣдствіе настоянія городскихъ властей король отказался отъ подобнаго нарушенія правъ коммунъ ⁽¹⁾. Въмѣшиваясь въ городскія дѣла, расширяя власть свою на счетъ городского совѣта, король поддерживаетъ коммуну въ спорахъ съ епископомъ. Нѣкоторыя права епископа не только свѣтской, но и духовной его юрисдикціи, посредствомъ парламентскихъ рѣшеній, переходятъ къ городскому совѣту. Такъ, на примѣръ, возникъ споръ о правѣ епископа судить прелюбодѣяніе. Это позволяло духовной власти вмѣшиваться въ семейный бытъ горожанъ, поворить ихъ жизнь по несправедливымъ подоврѣніямъ и вымогать значительныя суммы въ видѣ штрафа. По рѣшенію парламента дѣла о прелюбодѣяніи должны вѣдаться городскимъ судомъ. Такъ какъ епископъ упорствовалъ, то ему было приказано отказаться отъ своихъ притязаній, подъ страхомъ конфискаціи свѣтскихъ владѣній ⁽²⁾. Епископъ имѣлъ право благословлять брачное ложе новобрачныхъ черезъ три дня послѣ свадьбы. Кто хотѣлъ получить благословеніе раньше, тотъ платилъ большую сумму денегъ (до 30 ливровъ); кто хотѣлъ обойтись безъ благословенія, съ того взыскивался штрафъ. По жалобѣ коммуны парламентъ ограничилъ и эти притязанія епископа ⁽³⁾.

Въ судебной практикѣ этого времени мы видимъ развитіе судебного процесса со всѣми его формальностями. Городскимъ совѣтомъ былъ составленъ особый уставъ, подробно опредѣляющій ходъ судопроизводства, начиная съ приглашенія къ суду тяжущихся—до окончательнаго постановленія рѣшенія ⁽⁴⁾. Вотъ нѣкоторыя любопытныя подробности средневѣковаго процесса по дѣламъ гражданскимъ. Судъ производился въ особой залѣ городской ратуши: тамъ судили не только члены городского совѣта, но и королевскія байльи. Мѣсто для суда было отгорожено рѣшеткой, охраненіе ко-

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 440. Докум. 1332 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 462. Докум. 1336 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 462. Докум. 1336 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 445. Докум. 1333 г.

торой поручалось особому сержанту. Онъ впускалъ за рѣшетку только лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу. Для приглашенія тяжущихся былъ придуманъ оригинальный способъ: на городской башнѣ, которая возвышалась надъ ратушей, съ разрѣшенія короля былъ повѣшенъ особый колоколъ, по звуку котораго заинтересованныя въ дѣлѣ стороны должны были являться въ судъ. Если во время благовѣста, которая выбудъ изъ сторонъ въ судъ не явилась, то дѣло рѣшалось за ея отсутствіемъ. Эта мѣра объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе неявки тяжущихся чрезвычайно замедлялся ходъ процессовъ. Наконецъ колокольный звонъ прекращался и начинался допросъ явившихся лицъ. Тяжущіеся могли имѣть адвокатовъ или прокуроровъ (въ то время оба эти на званія смѣшивались), которые получали денежное вознагражденіе. Они должны были говорить стоя, одинъ за другимъ—по очереди и не перебивать другъ друга; за несоблюденіе этого правила былъ назначенъ штрафъ. Главная сила судебного доказательства въ то время заключалась въ показаніяхъ свидѣтелей, а не въ письменныхъ документахъ. Свидѣтели обыкновенно допрашивались подъ присягой. Они могли говорить только опредѣленное время. Въроатно это имѣло цѣлью отстранить пустословіе свидѣтелей. Допросъ записывался особымъ присяжнымъ клирикомъ въ присутствіи двухъ засѣдателей. Каждая сторона получала особое удостовѣреніе, что ея свидѣтели были спрошены подъ присягой. Это дѣлалось для того, чтобы оклонить всякое подозрѣніе со стороны противной партіи. Рѣшеніе обыкновенно постановлялось сейчасъ же, послѣ выслушанія всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, или не дальше, какъ на другой день послѣ засѣданія. Краткій протоколъ засѣданія выдавался тяжущимся, и они или адвокаты ихъ, черезъ три дня, считая отъ выдачи протокола, должны были представить въ судъ письменный актъ, въ которомъ подробно излагались представленныя ими въ судъ доказательства (raisons). Въ то время, когда не знали стенографіи, не умѣли даже быстро записывать судебныя дебаты, подобный актъ долженъ былъ служить для секретаря (greffier) матеріаломъ, по которому онъ составлялъ подробный протоколъ судебного рѣшенія. Адвокаты въ представляемомъ актѣ ручались, что въ немъ изложены тѣже самыя доказательства въ пользу ихъ стороны, какія были заявлены и во время самого процесса. Если бы другая сторона уличила ихъ во лжи,

то они подвергались штрафу. Мы знаемъ, что апелляція на рѣшеніе городского суда подавалась въ парламентъ; но судебный уставъ XIV в., изъ котораго мы заимствуемъ подробности процесса, не назначаетъ срока для этой апелляціи. Но съ вѣроятностью можно заключить, на основаніи другихъ документовъ, что дѣло въ парламентѣ обыкновенно пересматривалось въ ближайшее его засѣданіе, — назначенное для округа амьенскаго байльи (¹). Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ коммунахъ судебный процессъ былъ заключенъ въ однообразныя формы. Онъ разнообразился по мѣстностямъ, хотя нужно сказать, что образцомъ служили для него парламентскіе процессы.

Отношеніе королевской власти къ коммунамъ выражалось не столько въ административной или судебной сферѣ, сколько въ финансовой, — въ тѣхъ податяхъ и налогахъ, которые депутаты отъ городовъ вотировали на собраніяхъ États-Généraux, которые королевская власть стремилась сдѣлать постоянными и которые тяжелымъ бременемъ ложились на экономическое развитіе коммунъ. Впрочемъ города подчинялись этимъ налогамъ не безъ сопротивленія; по крайней мѣрѣ они старались получить за это какъ можно больше правъ. Иногда требованія со стороны коммуны отличались неумѣренностью. Вотъ одинъ изъ числа многихъ случаевъ такого рода. Король Филиппъ (Валуа) потребовалъ отъ всѣхъ городовъ королевства субсидіи на содержаніе флота. Мотивомъ было выставлено то обстоятельство, что предполагаемый флотъ имѣетъ своимъ назначеніемъ охранять внѣшнія торговныя сношенія городскихъ общинъ. Подать должна быть собираема со всѣхъ товаровъ. Королевскіе комиссары явились и въ Амьенъ; было созвано и народное собраніе, которое согласилось на требуемую субсидію, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы товары, разъ оплаченные королевской пошлиной въ Амьенѣ, были уже свободны отъ нея во всѣхъ городахъ Франціи. Палата счетовъ растолковала коммунѣ, что исполненіе подобнаго требованія, кромѣ огромныхъ затрудненій и повода къ разнаго рода обманамъ, равняется унич-

(¹) Для каждаго округа назначалось въ парламентѣ нѣсколько засѣданій въ нѣкоторыя дни въ году, которые назывались напр. *jour du baillage d'Amiens* и т. п. Warnkönig. *Franz. Rechts-Geschichte*. t. 1. V. 338.

тоженію пошлины съ тѣхъ товаровъ, для которыхъ Амьенъ служилъ складочнымъ мѣстомъ. Коммуна согласилась съ замѣчаніями палаты и пошлина была принята безъ всякихъ ограниченій ⁽¹⁾. Короли находили и другое средство вымогать изъ коммуны деньги. Вообще нужно сказать, что въ эту эпоху весьма замѣтно обнаруживается обѣднѣніе коммунъ. На Амьенѣ, напр., лежали большіе долги, уплатить которые изъ обыкновенныхъ доходовъ коммуна была не въ состояніи. Одна королевская грамота свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи Амьенской коммуны. Она должна огромныя суммы разнымъ лицамъ; на ней лежатъ уплата пожизненныхъ рентъ, которая давно не производилась за неимѣніемъ денегъ. Король говоритъ, что если не будутъ приняты мѣры, то обѣднѣніе города дойдетъ до послѣдней степени. Для поправленія городскихъ финансовъ король разрѣшаетъ пошлину съ товаровъ. Но сожалѣніе короля не помѣшало ему выговорить себѣ третью часть этой пошлины ⁽²⁾.

Тяжелое положеніе французскихъ коммунъ къ половинѣ XIV вѣка сдѣлалось еще хуже. Начинались тяжелыя войны съ Эдуардомъ III англійскимъ, изъясвившимъ свои притязанія на французскую корону. Тяжесть войны падала преимущественно на городское сословіе. Не проходило почти ни одного года, въ который бы короли не требовали отъ городовъ субсидій и разнаго рода податей и пошлинъ на содержаніе наемныхъ войскъ ⁽³⁾. Города и на этотъ разъ выговаривали себѣ разныя льготы, соглашались платить подати на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ въ 1351 г. амьенцы согласились допустить раскладку и сборъ королевской субсидіи съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть шла въ пользу коммуны, чтобы въ теченіе этого года коммуна была свободна отъ другихъ повинностей и между прочимъ отъ личной службы ея членовъ въ королевскомъ войскѣ ⁽⁴⁾. Кромѣ того коммуна освобождалась отъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 459. Докум. 1336 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 468. Докум. 1337 г.

⁽³⁾ Если подать была поголовная, то она бралась сообразно съ численностью каждаго. Всякій подъ присягой долженъ былъ объявить городскимъ сборщикамъ о своихъ доходахъ. Собранныя деньги передавались генеральному сборщику, котораго назначала или король или États-Généraux. Докум. 1336 г. p. 574.

⁽⁴⁾ Monum. t. 1 p. 552. Докум. 1361 г.

обязанности службы въ войсѣ тѣхъ феодаловъ, въ которыхъ она находилась въ ленныхъ отношеніяхъ, т. е. отъ которыхъ они держали землю, съ обязательствомъ исполненія всѣхъ феодальныхъ обязанностей (¹). Но коммунъ служили королю не одними только деньгами. Фруассаръ рассказываетъ, что Амьенская милиція, отправлявшаяся къ королю Филиппу, встрѣтилась съ англійскимъ отрядомъ, когда онъ переправлялся черезъ Сену. Завязалось сраженіе: амьенцы дрались храбро. Много было убитыхъ съ той и другой стороны; но наконецъ англичане одолѣли. Французы были всѣ перебиты, или взяты въ плѣнъ; однихъ убитыхъ было до 1200 человекъ (²). Городъ Амьенъ составлялъ важный стратегическій пунктъ по своему положенію на Соммѣ. Ему постоянно грозила осада и всѣ ужасы непріятельскаго опустошенія. Поэтому понадобилась большіе расходы на сооруженіе укрѣпленій. Въ городѣ былъ опредѣленъ особый полкъ съ этой цѣлью (³). Король принудилъ епископа, капитуль и нѣкоторыхъ феодальныхъ сеньоровъ принять участіе въ этихъ расходахъ (⁴). По случаю военнаго времени, при Филиппѣ Валуа, коммуна была взята подъ особое покровительство короля. Троицъ сержантамъ амьенскаго байля дано было полномочіе охранять права города, оказывать его жителямъ защиту и законное содѣйствіе, противъ всякаго насилія и нападенія со стороны вооруженныхъ людей. Всякаго, кто нарушилъ бы городскія права, они имѣли право требовать на судѣ въ байля или въ парламентъ. Но самимъ запрещено было вмѣшиваться во внутреннія дѣла коммуны (⁵). Въ эпоху смутъ всякаго рода, подобная мѣра имѣла большое значеніе для городскихъ жителей. Подобныя грамматы были разосланы по всѣмъ городамъ Франціи. Особенно ихъ много было роздано городамъ Пикардіи. Впрочемъ такая гарантія не всегда оказывалась достаточной. Въ Амьенѣ каждый день происходили ссоры и драки; много убійствъ было совершено на городскихъ улицахъ. Напрасно городской совѣтъ нѣсколько разъ повторялъ запрещеніе носить кому либо въ городѣ оружіе, кромѣ лицъ составлявшихъ городскую милицію.

(¹) Monum. t. 1. p. 352. Докум. 1347 г.

(²) Froissart. t. II. Chap. CCLXXIV. p. 325. éd. Bucton.

(³) Monum. t. 1. p. 527. Докум. 1346 г.

(⁴) Ibidem. p. 581, 571, 575. Докум. 1347, 1355 и 1357 гг.

(⁵) Ibidem. p. 525. Докум. 1346 г.

Потребовалось возобновить старинный законъ Людовика Святаго,—такъ называемый *quagapaine du roi*. Въ теченіе 40 дней запрещено было мстить лицу, нанесшему раны или смерть кому либо изъ жителей Амьена (¹).

Тяжести войны, королевскіе поборы, злоупотребленія королевскихъ комиссаровъ, пробудили и въ Амьенѣ тотъ же духъ оппозиціи, который выразился на собраніи чиновъ, во время регентства Карла V, и въ замыслахъ Марселя и Леккоа, о которыхъ мы уже говорили. Въ 1357 г. жители Амьена участвовали въ освобожденіи Карла Злаго, котораго регентъ держалъ въ заключеніи въ одномъ изъ своихъ замковъ, недалеко отъ Амьена. Этотъ смѣлый замыселъ былъ исполненъ викаріемъ города Амьена, дворяниномъ Жаномъ-де-Шикини. При содѣйствіи гражданъ, онъ схватилъ въ Амьенѣ коменданта того замка, въ которомъ томился наваррскій король и силой заставилъ его освободить плѣнника. По другимъ рассказамъ, ему удалось добиться этого посредствомъ подложнаго письма отъ самого регента. Какъ бы то ни было, только 9 ноября 1357 года, на разсвѣтѣ, вырвавшійся изъ плѣна король прискакалъ въ Амьенъ, гдѣ много было преданныхъ ему лицъ. Извѣстно, что Робертъ Леккоа, епископъ лаонскій, другъ Марселя,—сносился съ епископомъ города Амьена и старался чрезъ него склонить амьенскую буржуазію на свою сторону. Поэтому король наваррскій былъ встрѣченъ въ Амьенѣ съ большимъ торжествомъ. Немедленно онъ велѣлъ отворить перковныя и городскія тюрьмы и освободить всѣхъ преступниковъ. Въ народномъ собраніи онъ произносилъ рѣчи, обѣщая жителямъ разныя льготы. Есть извѣстіе, что нѣсколько льготныхъ грамотъ было уже дано имъ городскому совѣту. Краснорѣчіе его, по выраженію лѣтописца, было таково, что онъ заставлялъ всѣхъ проливать слезы. Пятнадцать дней провелъ король наваррскій въ Амьенѣ. Наконецъ, благодаря посредничеству королевы Бланки, онъ получилъ отъ своего соперника охранную грамоту и отправился въ Парижъ. Множество амьенскихъ гражданъ провожали его туда. Во время революціоннаго движенія въ Парижѣ амьенцы продолжали оставаться вѣрными духу оппозиціи. Они посылали грамоты въ другіе города, желая ихъ привлечь на свою сто-

(¹) Monum. t. 1. p. 559. Докум. 1353 г.

рону. Когда регентъ въ 1358 году, проѣзжая изъ Компьена въ Корбию, потребовалъ къ себѣ цеховыхъ старшинъ города Амьена и нѣкоторыхъ изъ знатныхъ горожанъ, то они отказались къ нему явиться. Причина заключалась въ томъ, что они боялись мести Карла за сношенія съ его врагами. Городскіе посланные просили его пожаловать въ городъ, но безъ вооруженной свиты. Карлъ не поѣхалъ. Для насъ важенъ этотъ фактъ въ томъ отношеніи, что онъ прекрасно рисуетъ взаимное недовѣріе верховной власти и городскихъ общинъ. Изъ этого же факта мы видимъ, что король въ то время не былъ еще полнымъ авторитетомъ въ отношеніи къ коммунамъ. Коммуна города Амьена не совсѣмъ еще потеряла духъ прежней независимости: она ведетъ переговоры съ регентомъ, какъ съ лицомъ себѣ равнымъ, отказывается выдать ему требуемыя бумаги, не пускаетъ его въ городъ. Но такое отношеніе продолжалось недолго; верховная власть соединилась съ феодалами, подавила демократическій духъ парижской буржуазіи и снова получила преобладающее значеніе въ государствѣ. Какъ же теперь отнесется побѣдитель къ побѣжденнымъ? Въ политикѣ Карла было не разрывать союза съ городскими общинами; напротивъ онъ спѣшилъ скрѣпить эту ослабѣвшую связь, вступить въ доброе дружеское отношеніе къ коммунамъ. Франціи грозила отчаянная борьба съ вѣковымъ ея врагомъ; позорный миръ, заключенный Іоанномъ, возмутилъ національную гордость. Нужно было подумать о средствахъ къ борьбѣ, нужно было подумать о деньгахъ на уплату огромнаго выкупа за вѣнценоснаго плѣнника. И вотъ въ 1358 году регентъ посылаетъ въ Амьень грамоту: тономъ неудовольствія говоритъ онъ о союзѣ коммуны съ его врагами,—Карломъ Злымъ, Жаками, парижской буржуазіей; съ неумолимой точностью, съ мелкими подробностями перечисляетъ онъ причины своего неудовольствія противъ коммуны. Онъ не забылъ и о томъ, какъ жители не пустили его въ городъ, какъ не хотѣли выдать ему льготныхъ грамотъ наваррца. „Если бы мы захотѣли поступить съ виновными по справедливой строгости, пишетъ Карлъ, то слѣдовало бы уничтожить коммуны, прижѣнно наказать виновныхъ, а имущество ихъ взять въ наше распоряженіе. Но, принимая во вниманіе прежнія услуги коммуны по отношенію къ намъ и нашему отцу, милостиво прощаемъ злоумышленникамъ всѣ ихъ преступленія. Запре-

щаемъ начинать противъ нихъ какое нибудь судебное преслѣдованіе; а если оно уже начато, то повелѣваемъ прекратить, освободить арестованныхъ и все предать полному забвенію“⁽¹⁾.

Но милостивая грамота регента не расположила къ нему гражданъ Амьена. Болѣе богатая и знатная фамилія въ городѣ, вмѣстѣ съ городскимъ совѣтомъ, продолжали держать сторону Карла Злаго, тогда какъ масса бѣднаго народонаселенія стояла за регента. Здѣсь мы встрѣчаемся въ первый разъ съ внутреннимъ раздѣленіемъ коммуны на двѣ партіи, которыя можно назвать аристократической и народной. Городская аристократія, состоявшая изъ банкировъ и богатыхъ купцовъ, а также наиболѣе богатыхъ мастеровъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ цеховъ, имѣла преобладающее значеніе въ городѣ; изъ нея почти исключительно выбиралось городское начальство. Она раздѣляла замыслы парижскихъ демагоговъ относительно возведенія на престолъ наваррской династіи, сносилась съ Карломъ Злымъ и его приверженцами,—съ Марселемъ и Леккомъ и единомышленниками ихъ въ другихъ городахъ Франціи. Изъ этой партіи выбирались депутаты на собранія чиновъ, замышлявшіе государственныя перевороты, ограниченіе королевской власти и т. п. Конечно въ членахъ этой партіи, отличавшихся богатствомъ и умственнымъ превосходствомъ, было больше политическаго смысла и энергіи къ исполненію замысловъ, чѣмъ въ массѣ простонародья. Но успѣхъ аристократической партіи зависѣлъ оттого, что она стремилась въ исключительности, къ господству въ городѣ; она не была представительницей всего городского населенія, а только своихъ личныхъ интересовъ. Бѣдное народонаселеніе понимало это, держалось законной власти и не думало помогать замысламъ аристократовъ. Напротивъ, при первомъ удобномъ случаѣ, низшее городское сословіе было готово силой противиться осуществленію этихъ замысловъ, что и случилось въ томъ же 1358 году, вскорѣ послѣ обнародованія милостивой грамоты регента Карла. Жакъ Цикинь, содѣйствовавшій освобожденію Карла Злаго изъ замка Арлѣ, вдумалъ отъ его имени овладѣть Амьеномъ. Находясь съ своимъ отрядомъ въ одномъ

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 583. Docum. 1358 г.

укрѣпленномъ замѣкѣ, въ 3-хъ лье отъ Амьена, онъ вошелъ въ сношеніе съ городскимъ мэромъ и знатной буржуазіей, державшейся Карла Злаго. Имъ удалось привлечь на свою сторону и королевскаго капитана Жана Сенъ-Фюсьана. Отрядъ наваррцевъ скрывался въ городскихъ предмѣстьяхъ, готовясь ворваться въ городъ. Въ ночь на 16 сентября, по распоряженію мэра, городскія ворота оставались не запертыми, и Пизиньи съ 500 человѣками безъ труда овладѣлъ той частью города, которая находилась между новыми и старыми укрѣпленіями (1). Когда вѣсть объ этомъ разнеслась въ городѣ, то бѣдное населеніе, цеховые мастера и рабочіе, вооружились чѣмъ ни попало и съ крикомъ: „измѣна! измѣна!“ спѣшили занять городскія ворота въ старыхъ укрѣпленіяхъ. Произошло сраженіе: много было убито и раненыхъ съ той и другой стороны, какъ вдругъ изъ Корбиі нагрянулъ отрядъ подъ начальствомъ самого коннетабля Франціи Фіення и графа Сенъ-Поля, — королевскаго намѣстника въ Пикардіи. Королевская партія имѣла благоразуміе напередъ отправить къ нимъ извѣстіе о намѣреніяхъ Пизиньи и наваррцевъ. Эти послѣдніе, не вида возможности защищаться, отступили и при этомъ сожгли амьенскія предмѣстья. Сгорѣло около 3000 домовъ, нѣсколько церквей и монастырей.

Начальники королевскаго отряда немедленно принялись за аресты; семнадцать главныхъ заговорщиковъ поплатились головами, въ томъ числѣ королевскій капитанъ и аббатъ одного монастыря. Милостивая грамота регента, прощающая приверженцамъ Карла наваррскаго ихъ вины, была отобрана. Въ тотъ же день графъ Сенъ-Поль въ народномъ собраніи потребовалъ отъ городского мэра отчета въ поведеніи. Такъ какъ его уклончивые отвѣты только подтверждали подозрѣніе въ измѣнѣ, то ему было объявлено, что онъ отрѣшается отъ должности. Прочіе члены городского совѣта тоже были отставлены. По приказанію королевскаго намѣстника цеховые старшины приступили къ новому избранію членовъ городского совѣта. Выбранный мэръ, по городскимъ кутюмамъ, долженъ былъ дать присягу прежнему мэру; но

(1) По случаю войны въ Амьенѣ были возведены новыя укрѣпленія, охватывавшія не только городъ, но и часть предмѣстій. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о значительномъ распространеніи города съ XII вѣка.

на этотъ разъ присяга дана была графу Сень-Полю. Послѣ этого королевская грамота была возвращена вновь избранному городскому начальству, начавшія преслѣдованія прекращены и членамъ коммуны объявлена полная амнистія⁽¹⁾.

Такимъ образомъ новая попытка аристократической партіи не удалась, главнымъ образомъ вслѣдствіе несогласія между самими членами коммуны. Но раздоры въ Амьенѣ не прекращались. Королевская власть искусно пользовалась этимъ раздѣленіемъ для усиленія собственнаго значенія въ городѣ. Послѣ послѣднихъ событій въ городѣ, когда значительно ослабла сила аристократической партіи, вліяніе на городскіе дѣла переходить къ цеховымъ мэрамъ. Мы знаемъ уже, что городской совѣтъ пополнялся изъ аристократической партіи или ея приверженцевъ. Но со второй половины XIV вѣка цехи обнаруживаютъ стремленіе замѣщать нѣкоторыя городскія должности лицами низшаго городского сословія. Вслѣдствіе этого возникла борьба между аристократической партіей и городскимъ совѣтомъ съ одной стороны и цеховыми старшинами или мэрами съ другой. Члены городского совѣта сами подали поводъ къ нападению. Въ 1382 году цеховые старшины города Амьена принесли жалобу въ парламентъ на разныя злоупотребленія со стороны чиновъ городского совѣта за послѣднія 20 лѣтъ. Старшины жаловались, что городское начальство неизвѣстно на что растратило общественныя деньги, не выплачиваетъ общественныхъ рентъ, доходы съ сиротскихъ имѣній употребляетъ въ свою пользу, не давая отчета въ употребленіи городскихъ суммъ. Парламентъ назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣла. На коммуны оказался страшный долгъ въ 24,000 ливровъ. Городскихъ доходовъ едва доставало на покрытіе расходовъ. Объ уплатѣ долга изъ обыкновенныхъ средствъ коммуны нечего было и думать. Въ городскомъ собраніи былъ предложенъ вопросъ, какія мѣры принять къ погашенію долга? Раздѣленіе между городскимъ совѣтомъ и цеховыми старшинами выразилось и въ этомъ вопросѣ. Члены совѣта предлагали торговую пошлину, которая падала главнымъ образомъ на промышленное цеховое городское сословіе. Цеховые старшины съ своей стороны предлагали поголовную подать,

(1) Monum. t. 1. p. 590. Докум. 1358 г.

которая падала на всѣхъ равномѣрно. Парламентъ утвердилъ мѣрные совѣта, и пошлина на 6 лѣтъ со всѣхъ напитковъ и съ одной краски была утверждена (¹). Новымъ поводомъ къ раздору между обѣими партіями послужили выборы того же 1382 года. Цеховые старшины, составлявшіе избирательный корпусъ, на должность главнаго городского казначея или великаго счетчика (*grand-compteur*) выбрали какого-то *Henri Roze*, человѣка принадлежащаго къ низшему городскому населенію, бѣднаго и даже безграмотнаго. Мотивомъ къ такому выбору вѣроятно послужила честность Руа и недоувѣріе въ аристократамъ. Но выборъ Руа былъ небывалымъ событіемъ въ исторіи городскихъ выборовъ; должность главнаго казначея обыкновенно поручалась людямъ богатымъ и пользовавшимся особымъ уваженіемъ въ городѣ. Городская аристократія видѣла въ этомъ выборѣ нарушение своихъ правъ и стремленіе демократовъ къ преобладанію въ городѣ; поэтому она рѣшилась уничтожить избраніе и поручила городскому совѣту выбрать на мѣсто Руа другаго болѣе достойнаго. Но Руа протестовалъ противъ такого нарушенія муниципальныхъ правилъ и хотѣлъ подать жалобу въ парламентъ. Тогда аристократическая партія, черезъ городской совѣтъ, обратилась къ королю съ просьбою, чтобы онъ собственною властью назначилъ на должность городского казначея, кого самъ найдетъ достойнымъ. Король назначилъ Жана де Бовиля. Это былъ первый примѣръ королевскаго вмѣшательства въ городскіе выборы (²).

Но король этимъ не ограничился; онъ рѣшился уничтожить самую систему выборовъ, существовавшую въ Амьенѣ съ XIII вѣка. Причиной послужило участіе амьенцевъ въ смутахъ, возникшихъ въ Парижѣ, и извѣстныхъ подъ именемъ бунта мальотинцевъ (³). Волненіе парижской черни, не хотѣвшей платить никакихъ податей, отозвалось и въ Амьенѣ. Пошлина по 12 динаріевъ съ ливра со всѣхъ товаровъ, послужившая поводомъ къ возстанію мальотинцевъ, была объявлена и въ Амьенѣ, какъ и другихъ городахъ Пикардіи и Нормандіи.

(¹) *Monum.* t. 4. p. 702. Докум. 1382 г.

(²) *Ibidem.* p. 708—712. Докум. 1382 г.

(³) Парижская чернь овладѣла арсеналомъ и одѣлась въ желѣзные кольчуги (*mailles*); отъ чего бунтовщики получили свое названіе.

Цехи отказались платить и силой воспротивились сбору установленной пошлыны. Но высшій классъ буржуазіи воспользовался этими смутами для уничтоженія системы городскихъ выборовъ чрезъ цеховыхъ старшинъ. Черезъ это аристократическая партія снова надѣялась возвратить утраченное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. Повинуясь королевскому приказу, амьенскій байльи въ день св. Симона пригласилъ въ городской совѣтъ лучшихъ гражданъ Амьена и приступилъ къ городскимъ выборамъ. Были выбраны мэръ, 12 засѣдателей и четверо казначеевъ, которые и составили городской совѣтъ на 1383 годъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ вліяніе цеховыхъ старшинъ на городской совѣтъ и городскую администрацію кончилось. Но за то огромное значеніе въ городскихъ дѣлахъ приобрѣла королевская власть. Въ измѣненной системѣ городскихъ выборовъ въ концѣ XIV в. нельзя не видѣть огромной разницы съ системой, существовавшей до половины XIII в. Тогда право избранія принадлежало всѣмъ членамъ коммунъ; теперь оно досталось на долю нѣсколькимъ фамиліямъ, отличавшимся богатствомъ и знатностью. Побѣда аристократической партіи была куплена цѣной городской независимости. Королевскіе чиновники приобрѣли участіе въ городскихъ выборахъ и сильное вліяніе на весь ходъ городского управленія. Смѣло можно ручаться, что теперь не попадутъ въ городской совѣтъ горячія головы, пропитанныя демократическими стремленіями Марсея и Лавока. Всѣ вымогательства королевской власти, вся эта чудовищная система налоговъ, развившаяся въ концѣ XIV вѣка и въ XV в., не встрѣтитъ уже прямой, смѣлой оппозиціи со стороны бѣднаго городского населенія. Теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей падеть именно на это низшее городское сословіе. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ избирательной системы въ Амьенѣ было уничтожено и самое званіе цеховыхъ старшинъ или мэровъ. Цеховыя корпораціи потеряли право избирательныхъ собраній; они должны были находиться подъ непосредственнымъ управленіемъ городского совѣта. При этомъ король не забылъ и себя; онъ конфисковалъ въ свою пользу всѣ права, льготы, доходы и выгоды, соединенные съ званіемъ цеховаго старшины, то есть, онъ объявилъ себя

⁽¹⁾ Monum. t. 1. p. 712.

старшиной всѣхъ цеховъ въ городѣ. Вслѣдствіе этого къ королю перешли и всѣ взысканія цеховыхъ старшинъ, а также право продолжать тѣ искн, которые были уже начаты ими. Прекрасно характеризуетъ королевскую власть того времени искъ, начатый именемъ короля противъ коммуны. Процессъ между цеховыми старшинами и городскимъ совѣтомъ, по поводу растраты городскихъ суммъ и злоупотребленій по управленію городскими финансами, парламентъ рѣшилъ въ пользу цеховыхъ старшинъ; король въ качествѣ обладателя ихъ правъ потребовалъ отъ городского совѣта уплаты судебныхъ издержекъ по этому процессу; вѣроятно этотъ искъ былъ значителенъ, потому что, только снисходя просьбамъ коммуны, король удовольствовался 2000 золотыхъ франковъ⁽¹⁾. Впрочемъ дѣло о злоупотребленіяхъ городскихъ властей этимъ не кончилось: оно тянулось до начала XV вѣка. Парламентъ посылалъ въ Амьенъ комиссаровъ для повѣрки счетовъ, но они ничего не могли сдѣлать. Члены совѣта отказывались неимѣніемъ письменныхъ документовъ и давностію времени. Наконецъ король велѣлъ прекратить это дѣло⁽²⁾.

Въ XV вѣкѣ городской совѣтъ нѣсколько разъ хлопоталъ передъ королемъ о возстановленіи цеховыхъ мѣровъ, потому что „этого требуетъ общественная польза всего города“; такъ говорилось въ просьбѣ городского совѣта. Назначеніе цеховыхъ мѣровъ, по смыслу прошенія, должно быть представлено городскому совѣту, а не цехамъ. Но эти просьбы не имѣли успѣха: возстановленіе цеховой организаціи не входило въ расчеты правительства и въ документахъ мы уже больше не встрѣчаемъ упоминанія о цеховыхъ мѣрахъ. Дальнѣйшая исторія Амьена въ XV в. находится въ связи съ общей исторіею Франціи. Жители этого города принимаютъ участіе въ раздорахъ принцевъ крови во время сумасшествія Карла VII. Они держались партіи Іоанна Безстрашнаго, герцога Бургундскаго; по его распоряженію они выгнали даже, королевскаго байльи и прокурора. Подъ его знаменами они принимали дѣятельное участіе въ осадѣ Кале 1405 года⁽³⁾. Къ внутреннимъ смутамъ присоединилась не-

(1) Monum. t. 1. p. 754. Докум. 1385 г.

(2) Ibidem. p. 8. Докум. 1403 г.

(3) Ibidem t. II. p. 60.

счастливая война съ англичанами. Битва при Азинкуръ въ 1415 г. была проиграна. Это была тяжелая пора для Амьена, какъ и для всей Франціи. Непрестанно требовались поборы то людьми, то деньгами. Началась осада Руана въ 1418 году. Король потребовалъ у коммуны огромной суммы, простиравшейся до 30,000 франковъ, и прислалъ комиссаровъ для сбора этого налога.

Въ это время мы видимъ между амьенцами патриотическое одушевленіе, которое знакомитъ насъ съ настроеніемъ умовъ въ эту эпоху. Борьба съ англичанами, походившая въ XIV вѣкѣ скорѣе на междоусобную войну, въ XV вѣкѣ принимаетъ религіозно-патриотическій характеръ. Въ Амьенѣ съ церковной касседры гремѣлъ кармелитъ Кегренъ-де-Павильи, призывая гражданъ къ войнѣ съ врагами отечества. Патриотическое одушевленіе въ городѣ достигло высшей степени. Немедленно была отправлена на выручку Руана городская милиція. Къ ней добровольно присоединилось множество охотниковъ изъ гражданъ. Отрядъ сопровождали толпы мальчиковъ, увлеченныхъ проповѣдями кармелита. Такое патриотическое одушевленіе городского населенія предвѣщало скорѣе появленіе на исторической сценѣ Жанны д'Аркъ, — орлеанской дѣвы. Но скоро самому Амьену пришлось готовиться къ непріятельской осадѣ. Въ сентябрѣ 1419 года англичане явились подъ стенами города. Уже были опустошены городскія предмѣстья, уже англійское войско готовилось къ страшному приступу. Но осада была превращена миромъ, который Карлъ VI посидѣвшилъ заключить съ Генрихомъ V на тяжелыхъ условіяхъ для Франціи.

Дальнѣйшая исторія Амьена въ эту мрачную эпоху есть исторія тяжелыхъ жертвъ на общее дѣло, страшнаго упадка промышленно-торговаго развитія и страшныхъ разореній со стороны чужихъ и своихъ войскъ. Снова была пущена въ ходъ система косвенныхъ налоговъ на всѣ товары, преимущественно на соль (*gabelle*); снова принялось правительство за выпускъ низкопробной монеты (*). Подати требовались не только королямъ Франціи, но и англичанами. Герцогъ Бедфордъ, — намѣстникъ Генриха VI во Франціи, обложалъ амьенскій округъ податью; на долю одного Амьена пришлось

366.

(*) Monum. t. II. p. 88.

2800 ливровъ (¹). Приходилось платить и предводителямъ отдѣльныхъ отрядовъ для возбужденія грабежей. Замѣчательно, что грабили преимущественно французскіе рыцари. Такъ амьенцы должны были каждый годъ платить огромныя контрибуціи Жану Бланкфурту, который, занявши одинъ сосѣдній замокъ, производилъ страшныя опустошенія въ окрестностяхъ Амьена (²). Обѣднѣніе коммуны достигло высшей степени, когда Карлъ VII прислалъ комиссара въ Амьенъ требовать уплаты королевской подати въ 4080 ливровъ. Городское начальство объявило, что городъ не въ состояніи заплатить этой суммы. Народонаселеніе уменьшалось въ страшной пропорціи. Жители толпами оставляли городъ (³).

Во внутренней исторіи коммуны мы видимъ уже полный просторъ для королевскаго вмѣшательства. Система сбора податей измѣнена: прежде подати собирались большею частью выборными отъ коммуны; но съ 1449 г. обязанность эта была возложена на королевскихъ комиссаровъ (⁴). Городской совѣтъ самъ предложилъ эту мѣру: онъ не въ силахъ былъ производить взысканія тяжелыхъ контрибуцій съ обѣднѣвшаго народонаселенія (⁵). Вскорѣ мы видимъ новое посягательство со стороны короля на самыя коренныя права городского самоуправленія. 28 октября 1467 г. мэръ и засѣдатели собрались въ городскомъ общественномъ домѣ; было приглашено нѣсколько знатныхъ гражданъ; тутъ же находился и королевскій байльи. Собраніе готовилось приступить къ муниципальнымъ выборамъ, какъ вдругъ является одинъ буржуа съ грамотой отъ Людовика XI, которую онъ подаль мѣру. Граммата была прочитана: король объявлялъ городскому начальству, что должность мэра въ Амьенѣ отдана имъ на три года его совѣтнику и кравчому (échanton) Филиппу-де-Морвилле. Такое распоряженіе дѣлало бесполезнымъ собраніе. Начали думать, какъ сохранить добрыя отношенія къ королю и въ тоже время соблюсти и городской законъ о выборахъ. Придумали такого рода средство: къ Морвилле была отправлена депутація съ просьбой, чтобы онъ отказался

(¹) Monum. t. II. p. 97. Докум. 1425 г.

(²) Ibidem. p. 116. Докум. 1432. Ср. Докум. 1441 г. p. 146.

(³) Ibidem. p. 164. Докум. 1446 г.

(⁴) Ibidem. p. 197. Докум. 1449 г.

(⁵) Срав. Докум. 1446 г. Monum. t. II. p. 174.

отъ королевскаго назначенія, и съ обѣщаніемъ, что онъ непремѣнно будетъ выбранъ на должность городскаго мэра. Но Морвилль предпочиталъ службу по королевскому назначенію службѣ по городскимъ выборамъ, и отказался. Тогда городской совѣтъ приступилъ къ избранію. Въ спискѣ кандидатовъ первымъ былъ записанъ Филиппъ де-Морвилль,—королевскій совѣтникъ. Но прежде отбирания голосовъ байльи еще разъ прочиталъ королевскую грамоту. Вотъ что говорилось въ ней:—„По верховной власти и по праву королевскаго величества, единственно только нашей особѣ принадлежитъ всеобщее управленіе во всемъ королевствѣ и въ нашихъ добрыхъ городахъ, какъ относительно назначенія на какія бы то ни было должности, такъ и въ правахъ судебныхъ и другихъ. Намъ единственно принадлежитъ право назначать въ городахъ мэровъ, засѣдателей и т. п. Мы можемъ вновь учреждать эти должности и назначать на существующія, кого найдемъ нужнымъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Мы и предшественники наши издавна назначали въ Амьенѣ городскаго мэра, засѣдателей и прочихъ членовъ городскаго совѣта. Выборы этихъ начальниковъ производились въ Амьенѣ ежегодно въ силу нашихъ королевскихъ грамотъ, каждый разъ даваемыхъ нами и предшественниками нашими“.—Въ этой грамотѣ, что ни слово, то ложь. Но дѣлать было нечего: городское собраніе приступало къ выборамъ, и на должность мэра единогласно былъ назначенъ Филиппъ де-Морвилль (¹).

Мы подробно рассказали этотъ фактъ, потому что онъ въ высшей степени характеристиченъ. Королевская грамота объявляетъ смертный приговоръ городской свободѣ. Коммуна безсилна передъ такимъ деспотомъ, какимъ былъ Людовикъ XI. Но она хочетъ сохранить хотя только призракъ городской свободы и разыгрываетъ комедію. Но это въ высшей степени грустная комедія. Теперь для Амьена, и не только для одного Амьена, но и для всѣхъ городовъ Франціи, наступаетъ пора полнаго королевскаго самовластиа. Мрачный геній Людовика XI предназначалъ программу для королей новой исторіи. Программа эта: уравненіе предъ верховной властью всѣхъ классовъ общества, подавленіе свободы во

(¹) Monum. t. II. p. 272. Докум. 1464 г.

всѣхъ ея проявленіяхъ и тысячи злоупотребленій, неразрывно связанныхъ со всякой безконтрольной властью. Выполненіе этой программы опредѣлило дальнѣйшій ходъ французской исторіи и вызвало страшную реакцію 18 вѣка.

Такимъ образомъ во 2-й половинѣ XV в. городская свобода пережила послѣдній симптомъ своей агоніи. Какъ тѣнь прежней автономіи, какъ надгробный памятникъ городской свободы, городской совѣтъ города Амьена переходитъ и въ новую исторію и продолжаетъ существовать до 1597 года, когда Генрихъ IV уничтожилъ должность мэра и далъ новую организацію совѣту, за которымъ оставлены только нѣкоторыя права полицейскаго надзора въ городѣ ⁽¹⁾.

Мы представили картину историческаго роста коммунальной свободы города Амьена съ 12 вѣка, ея процвѣтаніе въ XIII и упадка въ XIV и XV вѣкахъ. Досихъ поръ коммуна разсматривалась нами какъ политическая единица, въ связи съ цѣлымъ общественнымъ организмомъ, въ борьбѣ съ феодализмомъ, при постоянно усиливающимся внимательствѣ центральной власти, стремившейся ввести ее въ общую систему государственной администраціи. Мы видѣли, какъ мало по малу закидывалась эта административная сѣть на разноцвѣтную жизнь французской коммуны. Мы видѣли то противодѣйствіе, которое не разъ оказывала коммуна королевской власти въ этомъ ея стремленіи къ централизаціи. Но для того, чтобы дополнить эту картину городской жизни въ средніе вѣка, намъ остается сдѣлать краткій очеркъ состоянія промышленности и торговли въ Амьенѣ.

Промышленность средневѣковаго города опредѣлялась цеховыми статутами; поэтому изученіе ея всего лучше достигается изученіемъ цеховой организаціи промышленнаго, городского населенія. Мы должны сказать даже больше; самый характеръ городской жизни въ ея внутреннемъ строѣ всего лучше изучается въ цехахъ. Цеховая исключительность и замкнутость многое объясняетъ намъ въ городской жизни; она лучше знакомитъ насъ съ свѣтлыми и темными сторонами средневѣковой городской общины. Понятіе коммуны немислимо безъ понятія цеховой корпораціи: цеховая свобода была началомъ свободы коммунальной,—зерномъ, изъ котораго развилась эта послѣдняя. Съ развитіемъ цеховой исклю-

(1) Monuments. II. p. 1084.

чительности самая коммуна, доступная прежде для всѣхъ и каждаго, заключилась въ тѣсныя рамки извѣстнаго количества цеховъ, состоявшихъ въ свою очередь изъ извѣстнаго числа привилегированныхъ фамилій. Отождествленіе коммунальнаго строя съ цеховымъ есть одно изъ характеристическихъ явленій средневѣковой городской жизни. Отождествленіе это впрочемъ никогда не было полнымъ: въ коммунахъ всегда были члены, не заключавшіеся въ тѣсныхъ рамкахъ извѣстнаго цеха; интересы ихъ шли въ разрѣзъ съ цеховыми интересами. Потомъ королевская власть противодѣйствовала этой исключительности, которая наконецъ сдѣлалась характеристической принадлежностью цеховъ, которую они стремились распространить и на всю коммунальную организацію. Королевская власть находила много средствъ противодѣйствовать этой исключительности: мы видѣли, какъ короли искусно поддерживали направленные противъ цеховъ стремленія аристократической партіи, какъ они своей собственной властью измѣнили систему выборовъ,—чѣмъ уничтожили вліяніе цеховыхъ старшинъ на городскую администрацію. Съ Іоанна Добраго мы видимъ попытку прямого вмѣшательства во внутреннее цеховое устройство. Іоаннъ хотѣлъ разорвать цеховую замкнутость, сдѣлать цехи доступными для всѣхъ и каждаго. Эта попытка не удалась; напротивъ цехи еще больше замкнулись сами въ себя и доступъ въ свою корпорацію сдѣлали еще затруднительнѣе, чѣмъ прежде. Цеховые статуты города Амьена въ первый разъ встрѣчаются со второй половины XIII в.; но они всего больше относятся къ XIV, особенно къ XV вѣку.—Это періодъ развитія цеховой организаціи. Цеховые статуты—главнѣйшій источникъ для изученія цеховъ и въ тоже время богатый матеріалъ для знакомства съ промышленностью средневѣковаго города. Какъ все городское законодательство, сначала они имѣютъ чисто мѣстный характеръ. Потомъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Франціи они получаютъ нѣкоторое однообразіе. Главные промышленные центры становятся образцомъ для окрестнаго населенія.

Въ затруднительныхъ случаяхъ города справляются съ цеховыми обычаями другихъ городовъ, гдѣ извѣстная про-

(²) Монш. t. 1. p. 225. Докум. 1268 г.

мышленная отрасль получила особенное развитие (¹). Нетъ сомнѣнія, что сѣверныя коммуны Франціи были подъ вліяніемъ фландрскихъ городовъ. Городъ Парижъ тоже имѣлъ вліяніе на цеховыя статуты другихъ городовъ. Составленный, по порученію Людовика Св., парижскимъ прево Етьеномъ Буало кодексъ цеховыхъ статутовъ для Парижа, извѣстный подъ именемъ *Livre des métiers* или точнѣе *Registre des métiers et marchandises*,—былъ образцомъ для многихъ городовъ и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія средневѣковаго цеховаго устройства (²). Но общая черта всѣхъ цеховыхъ статутовъ та, что они принадлежатъ самимъ цехамъ, составляютъ оригинальный продуктъ средневѣковаго промышленнаго развитія. Даже *Livre des métiers* заключаетъ цеховыя кутюмы, которые были только собраны и изданы Етьеномъ Буало.

Королевская регламентация во весь періодъ среднихъ вѣковъ всего менѣе оказала вліянія на эту отрасль городского обычнаго права. Въ Парижѣ это вмѣшательство королевской власти началось нѣсколько раньше, но и тамъ королевскіе ордонансы, имѣющіе цѣлью опредѣленіе разныхъ правилъ производства, заработной платы, срока обученія извѣстному ремеслу и т. п., являются не раньше половины XIV вѣка. Въ провинціяхъ власть короля относительно цеховыхъ правилъ имѣла еще меньше значенія. Въ Амьенѣ мы встрѣчаемъ единственный случай и то уже въ XV в., когда цеховой статутъ былъ представленъ на утвержденіе королевской власти. Обыкновенно правила, касающіяся извѣстнаго производства, составлялись самимъ цехомъ и вносились на разсмотрѣніе и утвержденіе городского совѣта. Огромное число статутовъ города Амьена имѣютъ такое происхожденіе. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы получить прежде всего привилегію на извѣстное ремесло, на извѣстную отрасль промышленности. Отсюда огромное число правилъ, ограничивающихъ доступъ въ цехъ для постороннихъ лицъ. Отсюда ревнивое наблюденіе, чтобы никто въ городѣ не смѣлъ заниматься извѣстнымъ ремесломъ, кромѣ лицъ принадлежащихъ цеху. Постороннимъ лицамъ только въ извѣст-

(¹) *Монан.* t. I. p. 576 et 577.

(²) Отъ надалъ *Depping*омъ въ *Docum. inéd. de l'hist. de France.*

ные дни и на известныхъ условіяхъ позволено было продавать въ городѣ свои произведенія. Но этого было еще мало: въ каждомъ цехѣ должно быть опредѣленное число мастеровъ; всякій мастеръ долженъ имѣть опредѣленное число учениковъ. Цеховые статуты составлялись мастерами известнаго цеха; поэтому съ такой точностью, съ такой мелкой подробностью вычисляются всѣ ихъ права и привилегіи; тогда какъ о правахъ огромной массы рабочихъ не говорится ни слова. Сначала цеховая корпорація имѣла свои хорошія стороны. Характеръ цеховой замѣнутости обуславливался характеромъ эпохи. Въ средніе вѣка противъ привилегій разнаго рода, которыми щедро были надѣлены высшіе классы, только и можно было оградить себя тоже привилегіями. Въ виду разнаго рода притѣсненій естественно было промышленному рабочему люду сомнѣться въ тѣсныя корпораціи. Цеховой союзъ, какъ и коммуна, главной цѣлью имѣлъ взаимную защиту своихъ членовъ. Цеховая корпорація послужила колыбелью, въ которой выросъ промышленный трудъ; она послужила вѣрностью, въ которой трудъ этотъ нашелъ себѣ убѣжище и защиту отъ феодальнаго насилія. Только благодаря цеховой замѣнутости, городская промышленность могла достигнуть той высоты, на которой она стояла въ концѣ XIII вѣка. Цехъ покровительствовалъ своимъ членамъ. Ревниво оберегая свои права и привилегіи, онъ всегда былъ готовъ на защиту каждаго изъ нихъ. Отношенія между членами цеховаго союза сначала отличались нѣкоторой теплотой, духомъ братской любви. Цехъ, вслѣдствіе характера эпохи, имѣлъ религіозный характеръ. Обыкновенно онъ находился подъ покровительствомъ какого нибудь святаго. Въ Амьенѣ напр. плотники считали своимъ патрономъ св. Іосифа и т. п. Цехъ имѣлъ свою часовню или даже особую церковь. Иногда нѣсколько цеховъ имѣли особый придѣлъ въ соборной церкви Notre-Dame. Множество разнообразныхъ стеколъ этого готическаго храма были пожертвованы цеховыми мастерами. На этихъ стеклахъ изображались разные гербы, печать коммуны и т. п. Но на нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ еще существуютъ изображенія цеховыхъ мастеровъ съ атрибутами ихъ ремесла: одни изъ нихъ ткуть сукно или полотно, другіе на огромныхъ вѣсахъ вѣсятъ товары (1). Въ общихъ молитвенныхъ зданіяхъ, по

(1) Monum. t. I. p. 307.

случаю какогонибудь торжества, наприм. въ день цеховаго патрона, собирались всѣ принадлежавшіе въ цеху или къ нѣсколькимъ цехамъ. Послѣ службы день оканчивался общимъ празднествомъ.

Въ XII и XIII вѣкахъ характеръ цеховой корпораціи не отличался такимъ узкимъ характеромъ, какъ въ послѣдствіи. Много было причинъ, которыя заставляли всякаго ремесленника любить свою корпорацію. Онъ не былъ еще привязанъ къ ней на столько, чтобы не имѣть возможности оставить свое ремесло и избрать другое. Цехъ охотно принималъ новыхъ членовъ въ свою корпорацію: исключительность его относилась только къ лицамъ совершенно постороннимъ для цеха и не хотѣвшимъ применить къ нему. Каждый членъ цеха имѣлъ право выбирать начальниковъ, — цеховыхъ мэровъ и т. п., вмѣстѣ съ ними онъ судилъ своихъ товарищей; въ общихъ цеховыхъ собраніяхъ онъ принималъ участіе въ составленіи цеховыхъ правилъ. Совершенно иной характеръ получаютъ цехи въ XIV и XV вѣкахъ. Духъ замкнутости, лежавшій въ основѣ цеховаго устройства, въ это время получаетъ особенную силу. Еще прежде цеховые статуты опредѣляли срокъ обученія извѣстному мастерству у какогонибудь мастера; раньше этого срока нельзя было получить званіе мастера. Въ XIV и особенно въ XV вѣкахъ срокъ этотъ значительно былъ увеличенъ. Но независимо отъ этого условія всякій желающій пріобрѣсти права цеховаго мастера (*maître*) напередъ долженъ былъ подвергнуться долгому и трудному испытанію; онъ долженъ былъ представить образчикъ работы, по заказу цеховыхъ старшинъ или надсмотрщиковъ. Эта мѣра повидимому оправдывалась общественной пользою, служила гарантіей достаточнаго искусства въ желающемъ получить званіе мастера. Но въ сущности подобное испытаніе назначалось съ цѣлю уменьшить число мастеровъ, сохранить монополію нѣсколькихъ лицъ, успѣвшихъ получить это дорогое званіе. Въ цеховыхъ статутахъ Амьена чрезвычайно много правилъ относительно этого *chef d'oeuvre*: эги правила опредѣляютъ способъ, матеріалъ, приемы для заказанной работы, — мѣсто, гдѣ она должна быть исполнена и т. д. Они имѣютъ цѣлю предупредить разные обманы со стороны лицъ, подвергнутыхъ испытанію (*). Когда наконецъ, съ

(*) Мошм. t. II. p. 45. t. I. p. 786. t. II. p. 6. 365, 258, 415 и т. д.

большимъ трудомъ и большими издержками, работа была окончена, она представлялась на судъ зватововъ. Если они не желали принять труженика въ свою корпорацію, работа забраковывалась и онъ снова долженъ былъ начинать ее съ мыслию о новомъ неуспѣхѣ. Къ чести городского совѣта города Амьена нужно сказать, что онъ старался ограничить эти злоупотребленія (¹).

Наконецъ образчикъ признанъ удовлетворительнымъ. Но множество требованій преимущественно денежнаго характера ждуть ремесленника прежде, чѣмъ удастся ему получить давно желаемое званіе. Мы не будемъ перечислять всѣхъ этихъ пошлинъ, взносовъ, приношеній въ пользу цеха, въ пользу старшины, на угощеніе товарищей, на свѣчу патрону и т. п. (²). Въ XIV и XV вѣкахъ вмѣстѣ съ цеховыми корпораціями получаютъ особенное развитіе братства (*confréries*), отличившіяся преимущественно религіознымъ характеромъ. Начало ихъ нужно искать въ XIII вѣкѣ, но тогда они были еще рѣдки; тогда какъ въ слѣдующіе вѣка они получаютъ всеобщее распространеніе. Огромное число особыхъ статутовъ касаются этихъ братствъ. Цехъ и братства не всегда совпадали: иногда нѣсколько цеховъ составляли одно братство, иногда нѣсколько братствъ было въ одномъ цехѣ (³). Каждое братство имѣло особую часовню и особаго патрона; его изображеніе обыкновенно красовалось на знамени религіозной общины; его статуя стояла въ часовнѣ (⁴). Предметомъ особой заботливости каждаго братства была свѣча, носимая въ торжественныхъ процессіяхъ и похоронное сузно, на которомъ выносили тѣла умершихъ. Статуты назначаютъ часть цеховыхъ пошлинъ или штрафовъ на содержаніе этихъ священныхъ предметовъ. Особенно свѣча въ честь патрона была предметомъ дѣтскаго соревнованія между цехами. Она достигала иногда огромнаго вѣса и украшалась разноцвѣтными лентами. Были назначены особые лица, которые должны были хранить и носить ее во время процессій.

(¹) Моцц. t. II. p. 152. Докум. 1452 г.

(²) *Ibidem*. p. 201. Докум. 1450. 258. Докум. 1462 г.

(³) *Ibidem*. p. 216. Докум. 1456 г.

(⁴) *Ibidem*. p. 431. Докум. 1468 г.

На членах братства лежали некоторыя важныя обязанности. Всякій цеховой мастеръ долженъ былъ непремѣнно присутствовать на свадьбѣ и похоронахъ собрата (*). За несоблюденіе этого правила взыскивается штрафъ. Во время похоронъ цехового мастера половина рабочихъ должна была оставлять работу. Торговцы, если сами не могли явиться на похороны, то по крайней мѣрѣ должны были послать своихъ женъ. Но если кто былъ не женатъ, то долженъ закрывать лавку (*).

Всѣ эти церемоніи сопровождались праздниками, пирами, попойками. Всѣ эти праздники, священные церемоніи и т. п. стоили дорого. Цеховые статуты придумывали разные источники доходовъ на этотъ предметъ (*).

Цеховые статуты заключаютъ въ себѣ множество правилъ относительно самого производства предметовъ городской промышленности. Главная цѣль этихъ правилъ—доброкачественность работы. Общій характеръ цеховыхъ постановленій отличается большой недожурчивостью относительно ремесленниковъ. Они отличаются ужасной мелочностью (*). Статуты опредѣляютъ матеріалъ для каждаго рода работъ, ея размѣры, даже приемы ея производства. Опредѣлялось время для работы. На городской башнѣ былъ особый колоколъ, по звуку котораго всѣ рабочіе должны были начинать, или прекращать работы, обѣдать, отдыхать и т. п. (*). Для наблюденія за исполненіемъ цеховыхъ правилъ въ каждомъ цехѣ были старшина и надсмотрщики (*maîtres et veilleurs ou esergards*) (*): Они имѣли право посѣщать мастерскія и осматривать работы. Всякое производство дурнаго качества конфисковалось, или сжигалось, а виновный платилъ штрафъ (*). Если мастерство оказывалось короннымъ, то къ нему принадлежала особая печать (*). Безъ всякаго сом-

(*¹) Monum. t. II. p. 27. Докум. 1407 г.

(*²) Ibidem. p. 51. Докум. 1408 г. 169—1446 г.

(*³) Ibidem. p. 57. Докум. 1407 г. р. 283. Докум. 1464 г. р. 13—1442; 243—1453; 169—1496 г.

(*⁴) Ibidem. t. I. p. 387. Докум. 1322 г. t. I. p. 307. Докум. 1317 г.

(*⁵) Ibidem. t. I. p. 507. Докум. 1354 г.

(*⁶) Въ некоторыхъ городахъ они назывались *prudhommes* et les *gardes des métiers* *Levasseur*. Hist. des classes ouvrières. t. I. p. 246.

(*⁷) Monum. t. I. p. 346. Докум. 1308 г., 370—1317 и т. д.

(*⁸) Ibidem. t. I. p. 378. Докум. 1318 г.

нѣнія всѣ эти правила исполнялись дурно; огромное число штрафовъ, — составлявшихъ значительный доходъ цеха, доказываетъ это. Ни правила, ни строгій надзоръ цеховыхъ начальниковъ, не были въ состояніи предупредить всѣ обманы средневѣковой промышленности; которые обуславливались отсутствіемъ конкуренціи (*).

Главная отрасль промышленности въ Амьенѣ была фабрикація суконъ. Цехъ суконщиковъ былъ самый богатый, самый многочисленный. Къ нему причислялось еще нѣсколько цеховъ, имѣвшихъ предметомъ своихъ занятій обработку суконъ (*tisserands, ragueurs, tainturgiers* и т. п.). Суконщики пользовались особымъ значеніемъ въ городѣ и возбуждали иногда опасеніе городского начальства, потому что они неохотно подчинялись его распоряженіямъ. Въ XIV вѣкѣ имъ запрещено было дѣлать собранія или гильды; не велѣно было собираться болѣе четырехъ человекъ въ одномъ мѣстѣ; запрещалось дѣлать денежные складчины и т. п. (**). Кромѣ ткачей — довольно значительный цехъ составляли фабриканты полотень (*). Много было цеховъ имѣвшихъ назначеніемъ удовлетворять первымъ нуждамъ городского населенія, — масниковъ, хлѣбниковъ, плотниковъ, портныхъ и т. п. Такіе цехи существовали во всѣхъ городахъ. Въ Амьенѣ былъ цехъ цирюльниковъ; они были вмѣстѣ и парикмахеры и врачи. Имъ запрещалось стричь въ воскресенье и праздники; запрещалось брить и стричь прокаженныхъ и пускать имъ кровь. Не велѣно держать свиней изъ боязни, чтобы они не задумали откармливать ихъ человѣческой кровью (**). Впослѣдствіи изъ этого цеха развилась отдѣльная вѣтвь хирурговъ. Каждый, кто хотѣлъ заниматься въ городѣ ремесломъ хирурга, долженъ былъ выдержать у надсмотрщиковъ цеха цирюльниковъ экзаменъ въ знаніи устройства человѣческаго тѣла (*). Городская торговля также составляла предметъ регламентаціи цеховыхъ статутовъ. Предписывалось продавать товары честно, не обманывать покупателей относительно мѣры и вѣса. Запрещалось жадно приглашать покупателей, отвлекать раз-

(*) Monum. t. I. p. 613. Докум. 1368 г.

(**) Ibidem. p. 458. Докум. XIV в.

(*) Ibidem. p. 711. Докум. 1382 г.

(**) Ibidem. t. II. p. 23. Докум. 1407 г.

(*) Ibidem. p. 568. Докум. 1521 г.

ными общинами от соседней лавки и т. п. (1). Множество правил касалось мѣстъ для торговли; ширина и высота прилавковъ регулировалась цеховыми уставами. Всѣ цеховыя правила относительно городской промышленности и внутренней торговли отличаются чрезвычайно узкимъ характеромъ. Ни одинъ ремесленникъ не смѣлъ заниматься ремесломъ чужаго цеха. Подобное правило вело къ большимъ странностямъ и стѣсненію ремесленниковъ. Въ Амьенѣ кузнецъ не имѣлъ права поправить замка, столяръ не могъ продавать стола или шкапа съ замкомъ; потому что фабрикація замковъ принадлежала особому цеху слесарей (2). Въ числѣ цеховъ мы не видимъ негоціантовъ, занятыхъ внѣшней торговлей. Существованіе ихъ въ Амьенѣ не подлежитъ сомнѣнію, но они стояли внѣ цеховаго строя и это не могло не отозваться благотѣльно на внѣшней городской торговлѣ. Городъ Амьенъ занималъ пунктъ чрезвычайно важный въ торговомъ отношеніи. Еще при первыхъ двухъ династіяхъ онъ былъ однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Франціи. Карлъ Великій ставитъ его въ числѣ главныхъ торговыхъ городовъ сѣверной провинціи. Людовикъ XI въ одной изъ своихъ грамотъ высоко ставитъ этотъ городъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи. Его положеніе на Сомнѣ, на дорогѣ изъ Лиона въ Булонь, а также изъ Фландріи въ Бургундію и Шампань, дѣлало его складочнымъ мѣстомъ разныхъ товаровъ.

Въ первое время коммунальной свободы городъ Амьенъ, для обезпеченія своей торговли, принужденъ былъ вести постепенную борьбу съ феодальными порядками. Въ этой борьбѣ королевское внѣшательство оказывало коммунѣ чрезвычайно важныя услуги. Начиная съ Филиппа Августа, французскіе короли некровителствуютъ торговому развитію стороны. Въ спорахъ съ феодалами короли почти всегда принимаютъ сторону городскихъ общинъ. Такъ въ 1191 году Филиппъ Августъ уничтожилъ ненавистное для торговаго класса феодальное право *lagain*, по которому все выброшенное моремъ на берегъ составляло собственность владѣльца берега. Поль-

(1) *Monum.* t. I. p. 349. Докум. 1314 г.

(2) *Ibidem.* p. 357. Докум. 1322 г.

(3) *Ibidem.* p. 336 et 337. Докум. 1474 г.

зудеъ этимъ правомъ, которое Филиппъ Августъ называетъ покаяннымъ для Бога и для людей, — (*consuetudinem Deo et hominibus detestabilem*), феодальные сеньоры грабили корабли, подвергавшіеся кораблекрушенію у береговъ Пикардіи и Фландріи ⁽¹⁾. Филиппъ уничтожилъ и другой обычай, тоже чрезвычайно вредившій торговлѣ, по которому всѣ купцы извѣстной націи обязаны были отвѣчать за своихъ соотечественниковъ, въ случаѣ не исполненія ими какихъ либо обязательствъ ⁽²⁾. Амьенъ стоялъ во главѣ торговой ассоціаціи городовъ, находившихся на Сомнѣ, такъ называемаго водянаго цеха (*métier de l'eau*). Въ общемъ собраніи членовъ этого союза были составлены правила относительно судокочества по Сомнѣ. Намъ извѣстны препятствія для торговли со стороны феодаловъ, заключавшіеся въ безчисленномъ количествѣ таможенъ и заставъ, на которыхъ взымались пошлины за провозимые товары. Всѣ эти стѣсненія противорѣчали свободному духу коммунъ; они стѣсняли ея промышленное и торговое развитіе. Поэтому коммунѣ вступать въ борьбу съ этими феодальными правами. Путемъ разнаго рода сдѣлокъ и продолжительныхъ процессовъ, при помощи королевской власти, коммунамъ удалось разорвать эту замкнутость маленькихъ государствъ въ государствѣ, такъ вредно отзывавшуюся на торговые сношенія городовъ между собой. Отдавая должную справедливость нѣкоторымъ изъ королей, которые въ этой борьбѣ всегда были на сторонѣ городскихъ общинъ, мы все-таки должны сказать, что инициатива въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежала самимъ общинамъ. Они шли впередъ королевскихъ ордоначесовъ и цѣлымъ рядомъ уеилій старались разорвать средневековую замкнутость.

Исторія Амьенской коммуны представляетъ намъ нѣсколько фактовъ относительно дѣятельности ея въ этомъ направленіи. Добывши путемъ восстанія право на существованіе, вставши твердой ногой въ феодальномъ обществѣ, коммуна пользуется уваженіемъ, приобретаетъ значеніе, сама становится соціальной единицей, вездѣ присутствующей окружающую ее среду. Многие сеньоры окрестныхъ владѣній спѣшатъ войти

(1) Monum. t. I. p. 110. Докум. 1194 г.

(2) Ibidem. p. 919. Докум. 1199 г.

(3) Ibidem. p. 216. Докум. 1258 г.

съ ней въ добрыя отношенія, отказываются въ пользу ея отъ нѣкоторой доли своихъ феодальныхъ правъ. Въ ихъ грамотахъ, соглашеніяхъ, сдѣлкахъ, слышится тонъ уваженія къ коммунѣ. Они желаютъ сохранить ея дружбу, называютъ городскихъ жителей добрыми сосѣдами и друзьями⁽¹⁾. Пользуясь такой дружбой, коммуна получаетъ отъ нѣкоторыхъ феодаловъ право безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ чрезъ ихъ владѣнія. Иногда коммуна ссылается на давнишнее право, полученное ей отъ предковъ феодала. Возникали споры; спрашивали старожилы, и дѣло большею частью рѣшалось въ пользу коммуны. Тогда городской совѣтъ спѣшилъ запастись письменнымъ актомъ отъ владѣльца, который гарантировалъ ея права на будущее время⁽²⁾. Въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ коммуна пользовалась правомъ безпошлиннаго провоза товаровъ съ незапамятныхъ временъ. Мѣстечко Баранте, принадлежавшее графамъ Артуа, было въ числѣ такихъ пунктовъ. Купцовъ, которые изъ Фландріи переправляли товары во Францію, графы Артуа заставляли насильно преѣзжать чрезъ Баномъ и платить высокія пошлины. Исключеніе было сдѣлано только въ пользу амьенскихъ купцовъ; но и они обязаны были провозить чрезъ Баномъ и оплачивать вино, провозимое во Фландрію, и вывозимыя оттуда туземныя произведенія, если эти послѣднія назначались не для собственнаго употребленія города, но для продажи въ другія руки. Коммуна была не довольна этимъ ограниченіемъ: ей хотѣлось распространить привилегію на всѣ товары. Поэтому она завела процессъ въ парламентъ: сначала его проиграла⁽³⁾, но черезъ двадцать лѣтъ снова начала искъ и на этотъ разъ успѣла расширить свои привилегіи⁽⁴⁾. Часто коммуна вступала съ сеньорами въ денежные сдѣлки. Отъ Гетье Шатильонскаго за 200 флориновъ единовременной платы она получила свободу отъ платежа пошлинъ въ его владѣніяхъ. Исключеніе было сдѣлано только относительно жонглеровъ, которые, проходя чрезъ имѣніе графа — Даошгъ, должны были платить обычную пошлину⁽⁵⁾.

(1) Monum. t. 1. p. 238. Докум. 1277 г.

(2) Ibidem. p. 254. Докум. 1286 г.

(3) Ibidem. p. 382. Докум. 1318 г.

(4) Ibidem. p. 472. Докум. 1338 г.

(5) Ibidem. p. 562. Докум. 1353 г.

Амиенъ велъ дѣятельныя торговыя сношенія съ фландрскими городами, — Гентомъ, Брюгге, Иперномъ. Франдрскіе графы оказывали покровительство амиенскимъ купцамъ. Амиенская коммуна занимала у фландрскихъ банкировъ огромныя суммы денегъ, но не всегда уплачивала въ срокъ проценты⁽¹⁾. По средневѣковому обычаю каждый городской житель долженъ былъ отвѣчать за долги своего роднаго города. Оттого фландрскіе банкиры силой отнимали товары у амиенскихъ купцовъ, прѣзжавшихъ торговать во Фландрію. Этотъ вредный обычай наконецъ былъ отмѣненъ. Амиенъ велъ дѣятельную торговлю съ Англіей. Здѣсь амиенскіе купцы покупали шерсть, которая превращалась въ сукно на ихъ фабрикахъ и отправлялась въ разные пункты Франціи, особенно на югъ. Амиенское сукно славилось на рынкахъ Шампани⁽²⁾. Въ Сомюрѣ амиенскіе купцы имѣли контору⁽³⁾. Амиенъ былъ членомъ торговаго союза, извѣстнаго подѣ

О жонглёрѣхъ нѣсколько разъ упоминается въ архивахъ г. Амиена. Существовало цѣлое братство — *Confrérie du Saint Sacrement*, дававшее мистеріи въ городѣ. Трудно рѣшить, состояло ли это братство изъ мѣстныхъ жителей, или это была группа странствующихъ жонглёровъ? Извѣстно, какъ любили мистеріи въ средніе вѣка. Въ городахъ сѣверной Франціи въ XV вѣкѣ играли ихъ на площадяхъ, для муниципальныхъ властей и королевскихъ савонниковъ устраивались особыя подмостки. Представленія продолжались иногда по нѣсколькимъ дней; городскія власти въ это время не уходили домой, по крайней мѣрѣ днемъ; они обѣдали на мѣстѣ представленія мистерій. Огромныя толпы народа тѣснились на площади; дома и лавки пустѣли. Городское начальство принимало особыя мѣры для городской безопасности: одни изъ городскихъ воротъ запирались; у другихъ ставились шпалеры; на городской башнѣ стоялъ сержантъ, который зорко осматривалъ окрестности.

Расходы по представленію городской совѣтъ приносила на счетъ города; она покрывалась изъ экстраординарныхъ суммъ. Епископъ и капитулъ принимали участіе въ этихъ расходахъ. Плата актерамъ иногда была довольно значительна. Такъ однажды имъ было выдано на расходы и въ видѣ вознагражденія 100 ливровъ. Изъ документовъ мы узнаемъ, что въ XV в. въ Амиенѣ давались слѣдующія мистеріи: *Passion, leu de Dieu* и *leu de la vengeance*; послѣдняя давалась въ Троицынъ день. *Monum. t. II. p. 158. Docum. 1445, 1446 г.*

(1) *Monum. t. I. p. 607. Docum. 1360 г.*

(2) *Ibidem. p. 117.*

(3) *Ibidem. p. 228.*

именемъ Лондонской Ганзы (*Hanse de Londres*). 17 городовъ сѣверной Франціи и Фландріи принадлежали къ этому союзу, главная контора котораго находилась въ Лондонѣ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ городовъ: Брюгге, Ипернъ, Гентъ, Сентъ-Омеръ, Дуэ, Турнэ, Аррасъ, Шалонъ, Реймсъ, Амьенъ, Аббевиль. Чтобы сдѣлаться членомъ этого союза необходимо было получить право гражданства въ одномъ изъ союзныхъ городовъ. Поступающему производилось строгое испытаніе въ особомъ комитетѣ, заправлявшемъ дѣлами союза (¹). Англійскіе короли оказывали покровительство амьенскимъ купцамъ. Ихъ товары подлежали конфискаціи только за ихъ собственные долги (²). Они имѣли въ Лондонѣ прокурора, который былъ обязанъ защищать ихъ интересы въ судебныхъ процессахъ (³). Амьенская коммуна заключала торговые трактаты съ Лондономъ, которыми она гарантировала свои прежнія привилегіи и приобрѣтала новыя (⁴).

Амьенцы вели торговлю и съ Шотландіей. Шотландскій король Іоаннъ Баліолъ въ XIII вѣкѣ далъ имъ разныя привилегіи. Всѣ купцы города Амьена, ихъ прикащики, товары и имущество должны находиться подъ особеннымъ покровительствомъ короля (⁵). Въ XIV вѣкѣ Амьенъ и другіе города Пикардіи вступаютъ въ торговныя сношенія съ Португаліей. Торговля производилась еунами и хлѣбомъ. Изъ одного процесса между амьенскими и португальскими купцами видно, что португальцы не всегда честно вступали съ французами. Французскіе товары подвергались тяжелымъ пошлинамъ, тогда какъ португальскіе купцы во Фландріи торговали беспошлинно. Въ 1380 году товары одной компаніи амьенскихъ купцовъ, неизвестно по какой причинѣ, были конфискованы въ ансабонской гавани. Купцы искали правосудія у португальскаго короля; но имъ было отказано. Тогда они обратились въ парижскій парламентъ и получили отъ него позволеніе отомстить португальцамъ, вслѣдствіе чего и были захвачены португальскіе товары въ горфлерской

(¹) *Monum.* t. I. p. 477.

(²) *Ibidem.* p. 219. Докум. 1256 г.

(³) *Ibidem.* p. 814. Докум. 1338 г.

(⁴) *Ibidem.* p. 455. Докум. 1334 г.

(⁵) *Ibidem.* p. 300. Докум. 1293 г.

таванн (*). Только тогда португальцы, захватившіе аньонскіе товары, сочли нужнымъ явиться на судъ парижскаго парламента. Этотъ фактъ служить доказательствомъ произвола, господствовавшаго въ торговлѣ, и младенческаго состоянія международныхъ сношеній средневѣковой Европы.

Но подобныя явленія въ то время были естественны. Инициатива торговыхъ предпріятій принадлежала самому торговому и промышленному городскому населенію. Оно упорной борьбой противъ безчисленныхъ стѣсненій со стороны феодаловъ добилось свободы для своего труда; подъ покровомъ этой свободы оно изобрѣтало и усовершенствовало разные приемы промышленности, оно доставляло привлекательными сословіямъ предметы необходимости и роскоши. Оно завязывало и первыя торговныя сношенія, какъ внутри, такъ и внѣ государства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ первую эпоху этого возрожденія торговой и промышленной жизни мы встрѣчаемъ много младенческаго, и въ приемахъ промышленности, и въ организаціи промышленнаго класса, и въ торговыхъ сношеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ, благодаря великому факту освобожденія коммунъ, промышленность и торговля достигаютъ высокой степени процвѣтанія въ XIII вѣкѣ. Этотъ вѣкъ составляетъ эпоху полного раскрытія средневѣковыхъ идеаловъ; въ то же время онъ есть эпоха процвѣтанія средневѣковой промышленности и торговли.

Слѣдующій вѣкъ есть вѣкъ упадка. Огустошительная война съ Англійей, тяжелыя жертвы—со стороны третьяго сословія, усилюющаеся произволомъ и произволомъ королевской власти,—все это не могло не отозваться вреднымъ образомъ на промышленное и торговое развитіе страны. Иностранцы перестаютъ прѣзжать для торговыхъ сношеній; промышленность въ городахъ задаетъ, ихъ населеніе бѣднѣетъ. Многіе ремесленники оставляютъ Францію и переселяются въ другія государства; другіе дѣлаются разбойниками и живутъ въ лѣсахъ, или пристають къ разбойничьимъ шайкамъ. Поэтъ XIV вѣка жалуется, что не кому работать, потому что всѣ хотятъ быть солдатами (**). Тоже мы видимъ

(*) Monum. t. 1. p. 715. Докум. 1388 г.

(**) Eustach. Deschamps. éd. Chapell. p. 149.

и въ XV вѣкѣ; только въ концу этого вѣка обнаруживаются нѣкоторые признаки обновленія. Инициатива принадлежитъ уже королевской власти. Карлъ VII и Людовикъ XI стараются поднять торговлю и промышленность. Они утверждаютъ торговые трактаты между коммунами ⁽¹⁾, они подтверждаютъ прежнія привилегіи и даютъ новыя ⁽²⁾. Жителямъ нѣкоторыхъ городовъ дано право свободной торговли во всемъ королевствѣ ⁽³⁾. Короли еще въ XIV в. покровительствовали вишней торговлѣ. Они старались привлечь разными привилегіями лембардскихъ, вастьянскихъ и нортумальскихъ купцовъ ⁽⁴⁾. Этимъ купцамъ обѣщались личная и имущественная безопасность. Города были обязаны за умеренную плату давать помѣщеніе для ихъ товаровъ. Въ дѣла между французскими и иностранными купцами рассматривались особымъ трибуналомъ, состоявшимъ на половину изъ тѣхъ и другихъ ⁽⁵⁾. Въ XV в. англичане снова получили право свободной торговли съ Франціей. Фламандцы изгнаны отъ тяжелыхъ торговыхъ стѣсненій. Съ ганзейскимъ союзомъ былъ заключенъ первый торговый трактатъ ⁽⁶⁾.

Въ XV вѣкѣ прославился своей смѣлостью и предприимчивостью Жанъ-Кѣръ (Jean-Coeur), сынъ скорняка изъ Буржа. Онъ нѣсколько разъ отправлялся съ торговой цѣлью на востокъ, основалъ тамъ нѣсколько конторъ и приобрѣлъ огромное богатство. Карлъ VII часто занималъ у него деньги и вѣрилъ ему даже управленіе финансами. Но вследствие придворныхъ интригъ онъ подвергся изгнанію и конфискаціи большей части своихъ капиталовъ. Покровительствуя внутренней и вишней торговлѣ, королевская власть въ XV вѣкѣ болѣе и болѣе вмѣшивается во внутреннюю жизнь цеховыхъ корпорацій. Она не могла помириться съ тѣмъ раздѣленіемъ, которое внесли въ общество. Эти маленькія, постоенно враждующія республики. Короли издаютъ указы относительно городской полиціи, вмѣшиваются въ цеховые сверы, отъ себя назначаютъ разныхъ лицъ для надзора

(1) Ord. IV. 1345 г.

(2) Ord. XIX. 1483 г.

(3) Ord. V. 1369 и XVII. 1463 г.

(4) Ibidem. t. V. 1389 г.

(5) Ibidem III. 1341, 1340, 1350 г.

(6) Ibidem. XX. 1484 и 1490 г.

за торговыми пристанями и рынками. Собственной властью они освобождаютъ нѣкоторыхъ лицъ отъ трудныхъ условий, налагаемыхъ цехами и даютъ званіе цеховаго мастера (¹). Но, какъ бы въ отвѣтъ на это вмѣшательство королевской власти, цехи еще болѣе замкнулись сами въ себя. Королевская власть должна была уступить;—къ концу XV вѣка она подтверждаетъ цеховые статуты, еще больше прежняго проникнутые духомъ исключительности. Движеніе противъ цеховой замкнутости вышло изъ среды самаго рабочаго и промышленнаго сословія. Оно выразилось въ стремленіи рабочихъ составлять союзы для взаимной защиты и вывало явленіе, извѣстное въ исторіи рабочаго класса подъ именемъ *sapropagne*. Подобное стремленіе обнаруживается еще въ XIV вѣкѣ еще тогда городской совѣтъ города Амьена запрещалъ рабочимъ дѣлать сходки, имѣть общую кассу, составлять ассоціаціи съ цѣлью возвышенія заработной платы. Но въ XV вѣкѣ подобныя ассоціаціи рабочаго люда встрѣчаются чаще и являются съ новымъ характеромъ. Интересы рабочихъ рѣзко расходились съ интересами мастеровъ, а слѣдовательно и всей цеховой корпораціи. Цеховой союзъ привязывалъ своихъ членовъ къ извѣстному городу, даже къ извѣстной улицѣ, или кварталу. Въ рабочихъ обнаруживалось желаніе выйти изъ этой тѣсной рамки; изъ союзы не ограничивались не только однимъ или нѣсколькими городами, но распространялись на все государство. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, какъ напр. свободныхъ каменщиковъ,—этотъ духъ ассоціаціи не ограничивается даже извѣстной страной, а отличается самымъ широкимъ космополитизмомъ. Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже много рабочихъ союзовъ во Франціи. Въ нихъ господствуетъ тотъ же духъ любви, которую мы видѣли въ цеховыхъ братствахъ. Но этотъ духъ освобождается отъ того узкаго характера, которымъ отличаются религіозныя цеховыя общины. Цѣлью союзовъ между рабочими была взаимная помощь. Членъ союза, гдѣ бы онъ не былъ, куда бы онъ не являлся, вездѣ находилъ у товарищей покровительство, приютъ, помощь дѣломъ и словомъ. Его даромъ кормили до тѣхъ поръ, пока онъ не находилъ работы; съ нимъ дѣлались даже работой. Если онъ дѣлался боленъ, за нимъ

(¹) *Levasseur. Hist. des class. ouvrières. t. I. p. 566.*

ходили, какъ за близкимъ роднымъ. Случалось, что членъ союза, жившій уже нѣсколько лѣтъ въ городѣ, уступалъ свое мѣсто новому пришельцу; а самъ уходилъ въ другой городъ искать себѣ новаго мѣста. Другой товарищъ отправлялся съ нимъ, чтобы защищать его въ случаѣ нужды. Направленіе этихъ союзовъ шло въ разрѣзъ съ узкимъ характеромъ цеховой корпораціи; при дальнѣйшемъ своемъ развитіи оно не могло не вызвать упадка цеховъ. Если цеховые мастера обращались съ рабочими дурно, платили плохо, обременяли работой, то рабочіе и сами уходили отъ нихъ и предупреждали своихъ товарищей. Сила ассоціаціи давала возможность рабочимъ вести борьбу съ цеховыми привилегіями. Нельзя сказать, чтобы не было злоупотребленій со стороны этихъ союзовъ. Вѣдъ борьбу съ привилегіями, стѣснявшими свободу рабочаго труда, они и сами не чужды были узкаго корпоративнаго духа. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что промышленное сословіе въ концѣ среднихъ вѣковъ, по собственной своей инициативѣ, вслѣдствіе эпохи, нашло средство для борьбы съ тѣмъ вломъ, противъ котораго была бессильна королевская власть (1).

Мы прослѣдили исторію Амьенской коммуны, на сколько это было возможно въ сжатомъ очеркѣ, отъ начала ея существованія до конца среднихъ вѣковъ. Мы указали тотъ громадный переворотъ въ исторіи средневѣковаго общества, который выразился въ великомъ фактѣ освобожденія городскихъ общинъ отъ феодальнаго гнета. Коммуна была явленіемъ глубоко жизненнымъ; она была первичной формой, въ которой выразился прогрессъ торгово-промышленнаго сословія Западной Европы. Оттого на самыхъ первыхъ порахъ коммуна поражаетъ насъ своей внутренней силой. Впрочемъ есть одна сторона дѣла, которой мы не касались до сихъ поръ, но которая всего лучше, всего нагляднѣе выражаетъ эту глубокую жизненность коммуны, именно вліяніе ея на окрестное народонаселеніе. Это вліяніе началось съ самой эпохи освобожденія и достигло высшей степени въ XIII вѣкѣ. Нельзя преувеличивать этого вліянія коммуны на освобожденіе массы крѣпостнаго населенія, потому что это послѣднее само чувствовало тяжесть феодальнаго гнета и готово было вступить въ борьбу

(1) Levasseur. Hist. des classes ouvrières t. II p. 495—546.

въ феодальныхъ владѣльцами. Но не подлежитъ сомнѣнiю тотъ фактъ, что освобожденiе обыкновенно начиналось съ главнаго промышленнаго и торговаго центра и распространялось отсюда на окрестности. Городъ упорной борьбой добывалъ себѣ права и привилегiи. Примеръ его заражалъ другiе города. Кво хартия свободы служила образцомъ для другихъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстностей. Хартия Лаона, Вова, Суассона были приняты съ незначительными измѣненiями во многихъ городахъ сѣверной Францiи. Хартия Аббевиля почти буквально списана съ хартии Амьена. Другiе малѣе значительные бурги, не получивши коммунальныхъ гарантiй въ той степени, въ какой обладалъ ими большой городъ, все таки добывали себѣ нѣкоторыя права, значительно улучшавши свое положенiе. Жители бурга всегда находились въ дѣятельномъ сношенiи съ городскимъ населенiемъ. Они часто бывали въ городѣ во своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ и не могли не чувствовать желанiя ввести подобное же устройство и у себя дома. Доказательства подобнаго влiянiя Амьенской коммуны на окрестное промышленное населенiе мы встрѣчаемъ въ подлинныхъ документахъ нѣсколькихъ городовъ провинцiи Амьенуа (¹). Жители Корбиа, — городка находившагося на одномъ изъ притоковъ Сомны, — въ началѣ XII вѣка находились въ полной зависимости отъ аббатства, были по выраженiю документовъ *homines potestatis*, *homines de robé*. Они платили аббату, который въ IX вѣкѣ носилъ титулъ графа Корбиа, ежегодно оброкъ деньгами и отправляли для него разные работы (²). Вскорѣ послѣ коммунальной революцiи въ Амьенѣ населенiе Корбиа получило свободу и ввело коммунальное устройство. То, что амьенцы добыли себѣ оруженъ, жители Корбиа получили посредствомъ сдѣлки съ своимъ сеньоромъ. Людовикъ Толстый утвердилъ новую коммуну съ согласiемъ и по прособѣ самого аббата (*consensu et petitione abbatis*) (³). Аббать рачитывалъ, что давши жителямъ Корбиа свободу отъ разныхъ феодальныхъ повинностей, онъ увидитъ икъ торговую и промышленную дѣя-

(¹) Документы эти помѣщены въ III томѣ *Monuments inédits de l'hist. du tiers états*, — въ видѣ приложения.

(²) *Monum. t. III. p. 416.*

(³) *Мѣст. р. 422, Докум. 4423 р.*

тельность и увеличить чрезъ то свои собственные доходы. Такъ думаетъ О. Тьерри; но, по нашему мнѣнію, сеньоръ Корбіи не могъ поступать иначе, если желалъ, чтобы его люди оставались въ его владѣніяхъ. Переворотъ въ Амьенѣ не могъ не возбудить въ жителяхъ Корбіи жажды освобожденія. Мы знаемъ уже, какія тѣсныя связи соединяли этотъ промышленный и торговый городокъ съ Амьеномъ. Жители того и другаго города еще въ XI вѣкѣ заключили между собою союзъ и ежегодно составляли общее собраніе въ Амьенѣ для возобновленія этого вѣтвеннаго союза и рѣшенія обоюдныхъ дѣлъ (*). Вновь образовавшаяся коммуна въ Амьенѣ не отличалась нетерпимостью въ отношеніи къ окрестному населенію; напротивъ она охотно принимала всѣхъ и каждого въ свои члены, съ обязательствомъ исполнить нѣкоторыя условія. Коммунальное устройство привлекало въ Амьенъ многихъ изъ окрестныхъ жителей, которые по роду своихъ занятій всегда могли найти для себя работу въ богатомъ и промышленномъ городѣ и при томъ пользоваться выгодами коммунальной свободы. Аббать Корбіанскаго монастыря понималъ это притяженіе могущественной коммуны и, согласно общему желанію жителей, поспѣшилъ ввести въ Корбіи коммунальное устройство. Первоначальная хартія Корбіанской коммуны до насъ не дошла; съ ея устройствомъ и правами можно познакомиться изъ грамматы короля Филиппа Августа, подтверждавшей коммуну въ 1180 году. Аббать владѣлъ Корбіей въ качествѣ королевскаго лена; оттого первая статья грамматы Филиппа требуетъ, чтобы всякій житель Корбіи и ея территоріи отправлялъ службу королю и оказывалъ повиновеніе коммунѣ (**). Никто не можетъ строить замковъ на городской землѣ безъ позволенія короля и согласія коммуны (*). Дѣла постороннихъ лицъ съ членами коммуны подлежатъ городскому суду. Въ случаѣ совершенія членами коммуны какаго нибудь преступленія противъ короля и его власти король не имѣетъ права требовать ихъ къ своему суду, но они судатся у городскихъ заседателей (*). Если кто нибудь изъ членовъ коммуны совер-

(*) Monum. t. 1. p. 12, 13.

(**) Ibidem. t. III. p. 426. Докум. 1180. Art. 1.

(*) Ibidem. Art. 3, 4.

(*) Ibidem. Art. 5.

шить преступное дѣйствіе въ отношеніи другаго члена, тотъ судится судомъ коммуны и присяжныхъ (juratores) и подвергается изгнанію до тѣхъ поръ, пока не дастъ надлежащаго удовлетворенія ⁽¹⁾. Купцамъ, прѣзжающимъ торговать съ городомъ, всякій членъ коммуны обязанъ оказывать помощь и покровительство ⁽²⁾. Эта королевская грамота говоритъ о правахъ городской юрисдикціи и объ отношеніи коммуны къ королю, но ни слова не говоритъ объ отношеніи къ аббату,—ея феодальному сеньору. Изъ другихъ документовъ видно, что жители Корбіи далеко не имѣли тѣхъ гарантій, какими пользовались ихъ сосѣди, жители Амьена. Кромѣ разныхъ торговыхъ пошлинъ и феодальныхъ повинностей корбіицы должны были отправлять на монастырь разныя работы,—косить сѣно, убирать хлѣбъ, работать въ монастырскихъ садахъ и лѣсахъ, поддерживать монастырскія укрѣпленія и т. п. Въ городскомъ управленіи значеніе мэра и присяжныхъ коммуны было ограничено монастырскими властями. Они постоянно вмѣшивались въ торговый полицейскій надсмотръ за городской промышленностью и торговлей ⁽³⁾. Аббатъ имѣлъ право назначать четверыхъ членовъ городского совѣта по собственному усмотрѣнію ⁽⁴⁾. Коммуна не могла никого изгонять изъ города, или приговаривать къ смертной казни, безъ согласія аббата ⁽⁵⁾. Это согласіе требовалось въ случаѣ, если бы городское начальство вздумало положить какую либо подать на городскихъ жителей ⁽⁶⁾. Эти ограниченія были причиной борьбы коммуны съ аббатомъ. Въ жителяхъ этого города всегда было стремленіе ввести въ внутреннее управленіе кутюмы города Амьена. Городское начальство стремилось подражать магистратурѣ богатаго города. Оно также торжественно, съ соблюденіемъ обычныхъ церемоній, разрушило домъ одного виновнаго въ оскорбленіи коммуны. Но парламентъ, по жалобѣ королевскихъ судей, заставилъ коммуну снова выстроить разрушенный домъ, да

⁽¹⁾ Monum. t. III. p. 426. Докум. 1180 г. art. 6.

⁽²⁾ Ibidem. art. 7.

⁽³⁾ Ibidem. p. 430.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 492.

⁽⁵⁾ Ibidem p. 453. Докум. 1306 г. p. 456.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 475. Докум. 1303 г.

сверхъ того заплатитъ 100 ливровъ штрафу (¹). Въ другой разъ коммуна разрушила вновь возведенныя укрѣпленія аббатства. Но Людовикъ VIII велѣлъ на счетъ коммуны исправить сдѣланныя поврежденія (²). Аббать съ своей стороны подражалъ амьенскому епископу и другимъ прелатамъ; онъ изъявилъ притязаніе на имѣніе одного горожанина, умершаго во время церковнаго отлученія. Мы знаемъ, какъ успѣшно боролась Амьенская коммуна съ подобными притязаніями своего епископа. Корбія слѣдовала ея примѣру. Въ этой борьбѣ небольшой коммуны не было недостатка въ смѣлости и энергіи. Городское начальство арестовало сержантовъ аббата, посланныхъ имъ для исполненія его приказаній относительно имѣнія умершаго подѣ церковнымъ отлученіемъ. Потомъ во главѣ толпы гражданъ мэръ и присяжные ворвались въ монастырь и избили самого аббата. Аббать предалъ отлученію всю коммуну и жаловался папѣ. Григорій IX подтвердилъ отлученіе и предалъ виновныхъ свѣтской власти. Дѣло было передано въ парламентъ, который приговорилъ главныхъ зачинщиковъ къ тюремному заключенію и штрафу въ 500 ливровъ. Во время этихъ смутъ, цѣлые три года коммуна пользовалась полной автономіей; но рѣшеніемъ парламента все было приведено въ прежній порядокъ (³). Вообще въ борьбѣ корбіанской коммуны съ своимъ сеньоромъ, королевская власть всегда принимала сторону феодала. Королевскіе судьи и парламентъ почти всѣ дѣла между коммуной и аббатомъ рѣшаютъ въ пользу послѣдняго (⁴). Причина заключалась отчасти въ томъ уваженіи, которымъ пользовались монастырскія общины, даже сравнительно съ епископами, — отчасти въ томъ, что королевская власть не имѣла особенныхъ выгодъ завскаивать въ незначительной коммунѣ не слишкомъ богатаго города. Жители Корбіи, обѣдѣвшіе отъ разныхъ поборовъ въ пользу короля и аббата, обремененные долгами, утомленные продолжительной и бесполезной борьбой, въ началѣ XIV вѣка сами просили Филиппа Красиваго объ уничтоженіи коммунальнаго устройства и о присоединеніи Корбіи къ короннымъ владѣніямъ. Но монахи предложили королю

(¹) Monum. t. III. p. 455.

(²) Ibidem. p. 435. Докум. 1226 г.

(³) Ibidem. p. 441—445. Докум. 1238 et 1255 гг.

(⁴) Ibidem. p. 453. Докум. 1266 г.

бвзмѣнъ Корбіи нѣкоторыя изъ своихъ владѣній и 6000 ливровъ. Король предоставилъ аббатству право поступить съ коммуной по собственному усмотрѣнію; при чемъ выговорилъ себѣ значительныя права въ городѣ (право суверенства и обязанность военной службы со стороны гражданъ). Для приведенія въ исполненіе этого договора Филиппъ отправилъ въ Корбію двухъ комиссаровъ. Они, вмѣстѣ съ амьенскимъ байльи, пригласили монаховъ, членовъ городского совѣта и нѣкоторыхъ жителей въ городской домъ. Потомъ была прочитана королевская грамота, отдававшая коммуны въ полную власть аббата. Затѣмъ ему были вручены ключи отъ городскихъ воротъ, городской тюрьмы и башни. Тогда монахи объявили, что они уничтожаютъ коммуны со всѣми ея правами и привилегіями; въ знакъ чего сейчасъ же было приказано вынуть языки отъ колоколовъ городской башни. Теперь оставалось только разрушить самую башню,—ненавидимый символъ городской свободы. Но аббатъ боялся сопротивленія со стороны жителей города. Онъ придумалъ хитрость: однажды въ какой-то праздникъ, довольно далеко отъ города, онъ устроилъ гулянье для народа и стрѣльбу въ цѣль, причемъ для побѣдителей были назначены богатые призы. Горожане, охотники до подобныхъ развлеченій, почти всѣ оставили городъ. Одни спѣшили показать свою ловкость, другіе полюбоваться на зрѣлище. Аббатъ только этого и ждалъ и немедленно велѣлъ запереть городскія ворота. Быстро закончила работа: башня была подрыта въ самомъ основаніи и разрушена. Воротившіеся горожане нашли только груду камней. Они жаловались парламенту, но онъ велѣлъ имъ хранить по этому дѣлу вѣчное молчаніе (perpetuel silence)⁽¹⁾. Такъ кончила свое существованіе коммуна Корбіи. Она представляетъ намъ прекрасный образецъ небольшого города, стремившагося воплотить въ себѣ полный типъ коммунальнаго устройства подъ влияніемъ другой болѣе сильной и болѣе счастливой коммуны. Уничтоженіе коммунальнаго устройства въ Корбіи въ свою очередь характеризуетъ отношеніе къ коммунамъ королевской власти въ началѣ XIV вѣка. Король за деньги продаетъ монахамъ коммуны, искавшію защиты подъ его властью. Въ концѣ XIII и въ XIV в. мы встрѣчаемъ много примѣровъ произвольнаго уничтоженія городами своего ком-

(1) Monum. t. III. p. 505. Докум. 1310 и 1312 г.

мунальнаго строя. Гизо приписываетъ подобныя факты безсилію самой коммуны создать внутренній порядокъ въ своемъ управленіи. Коммуны, утомленныя внутренними раздорами партій, злоупотребленіями и тиранніей своей магистратуры, спѣшатъ подчинить себя королевской администраціи. Управление королевскихъ байльи и прево обѣщало для горожанъ больше порядка и спокойствія ⁽¹⁾. Мы считаемъ этотъ выводъ неправильнымъ; по крайней мѣрѣ онъ не долженъ имѣть такого всеобъемлющаго значенія. Королевская власть шла въ разрѣзъ съ коммунальною автономіей. Помогая коммунамъ въ борьбѣ съ феодалами, она никогда не сочувствовала ихъ демократическому духу, выражавшемуся въ городскомъ самоуправленіи; оттого медленнымъ путемъ разнаго рода захватовъ она стремилась уничтожить свободу городскихъ общинъ. Въ отношеніи болѣе сильныхъ коммунъ она дѣйствовала осторожнѣе; она не хотѣла раздражать ихъ народонаселенія, которое могло быть ей полезнымъ, и въ борьбѣ съ феодалами, и на ратномъ полѣ, и въ финансовомъ отношеніи. Начиная съ Филиппа IV, королевская власть мало по малу ослабляетъ коммуны, сама пріобрѣтаетъ постоянно усиливающееся значеніе; она больше и больше вмѣшивается во внутреннія дѣла коммуны. Городская свобода фактически уже уничтожена; но форма продолжаетъ существовать. Остается нѣкоторая автономія коммуны въ дѣлахъ не важныхъ въ той мѣрѣ, на сколько согласно это съ королевскими видами. Такъ поступала королевская власть съ Амьенской коммуной. Но съ другими коммунами въ силу другихъ обстоятельствъ она меньше церемонилась. Коммуна Лаона была нѣсколько разъ уничтожаема и снова восстанавливаема. Она служитъ доказательствомъ того, что королевская власть сначала не имѣла въ отношеніи къ коммунамъ опредѣленной системы дѣйствій, хотя всегда она не любила не зависимаго духа ихъ свободы. Если король былъ въ ладахъ съ феодаломъ, особенно если этотъ феодалъ покупалъ у короля его милостивое расположеніе, то коммуна была уничтожаема. Феодалъ шелъ противъ короля, навлекалъ на себя гнѣвъ его величества, — коммуна снова была восстанавливаема, какъ королевская угроза, какъ средство заставить его покориться державной волѣ. Но въ концѣ концовъ коммуна Лаона все-таки

(1) Hist. de la civilis. V, p. 231.

была уничтожена въ 1322 году. Подобное эгонистическое отношеніе короля къ коммунѣ мы видѣли уже въ исторіи уничтоженія корбіанской коммуны. Коммуна боролась съ аббатомъ; путемъ страшныхъ усилій она хотѣла добиться той автономіи, о которой Гизо говоритъ, что она вела къ безпорядкамъ и тиранніи. Королевская власть не помогала ей и стояла за аббата. Видя невозможность вести борьбу съ феодаломъ, постоянно подвергаясь разнаго рода взысканіямъ и штрафамъ, проигрывая процессы и въ парламентѣ и у королевскихъ судей, корбіанская коммуна рѣшилась отдаться королю и имѣть по крайней мѣрѣ одного сеньора вмѣсто двухъ. Можетъ быть она и рассчитывала встрѣтить въ королѣ сильнаго покровителя и подъ сѣнью его власти найти хотя нѣкоторыя гарантіи противъ монашескаго произвола. Но она горько ошиблась въ своихъ расчетахъ. Корыстолюбивый Филиппъ продалъ ее аббату, но продалъ такъ, что снова оставилъ себѣ широкое поле для вмѣшательства разнаго рода.

А. Смирновъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

КОММУНА

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ФРАНЦІИ

СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ РОСТОМЪ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВІЯ.

ГЛАВА IV.

ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ГОРОДА РЕЙМСА.

(Продолженіе).

Коммуна Реймса представляетъ чрезвычайно много интересныхъ сторонъ, которыя напрасно мы стали бы искать въ Амьенской коммунѣ. Амьенъ сначала принадлежалъ графамъ Амьенуа, а потомъ перешелъ подъ непосредственную власть короля. Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, совершился чрезвычайно быстро, — вскорѣ послѣ коммунальной революціи. Оттого Амьенъ можно назвать типомъ королевскаго города, пользующагося правами коммуны. Развитие городскихъ учреждений въ Амьенѣ съ конца XII вѣка совершалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ королевской власти. Феодалная власть епископа и нѣкоторыхъ другихъ феодаловъ, въ сравненіи съ коммуной, была ничтожна. При помощи королевской власти борьба городской свободы съ ихъ притязаніями была успѣшна и не отличалась особеннымъ упорствомъ. Посредствомъ купли, мирныхъ сдѣловъ и болѣею частью путемъ парламентскихъ рѣшеній, коммуна удалось присвоить одно за другимъ почти всѣ права прежнихъ своихъ феодальныхъ сеньоровъ. Мы не должны забывать при этомъ, что значительная доля этихъ правъ досталась королевской власти. Дальнѣйшая исторія Амьена въ XIV и XV вв. опредѣляется отношеніями коммуны къ этой власти. Борьба теперь совершается между коммуной и королемъ; но мы не рѣшаемся дать такого громкаго имени цѣлому ряду захватовъ центральной власти надъ мѣстной городской автономіей. Борьба слабой коммуны противъ силы центральнаго правительства не было возможности. Только въ моменты ослабленія

королевской автономіи, какъ напримѣръ: во время регенства Карла V и при внутреннихъ смутахъ царствованія его сына, коммуна поднимала голову, обнаруживала признаки жизни, оказывала противодействие и желаніе возратить прежнюю самостоятельность. Мы знаемъ исходъ этихъ попытокъ: послѣ нихъ наступалъ еще большій гнетъ для городской свободы, еще большее усиленіе королевской власти насчетъ коммуны. Такимъ образомъ короли постепенно сосредоточивали въ своихъ рукахъ и феодальныя права и большую часть привилегій городского самоуправления. Пользуясь силой коммуны, опираясь на третье сословіе, они подорвали феодальную систему; пользуясь своимъ собственнымъ могуществомъ, а иногда призывая на помощь послѣднія силы феодализма, они стѣсняли городскую свободу.

Того же результата достигло монархическое начало по отношенію и къ Реймской коммунѣ, какъ и ко всѣмъ городскимъ общинамъ Франціи. Средства къ подавленію городской свободы разнообразились смотря по различію мѣстныхъ условій, но нѣтъ одну общую характеристическую черту. Это—постоянное вышательство королевской власти во внутреннюю борьбу городскихъ общинъ съ феодалами, то въ пользу города, то противъ него, за феодала. Королевская власть помогаетъ коммунѣ отнимать нѣкоторыя права у феодальнаго сеньора, тѣ права, которыя не противорѣчали централизаторскимъ стремленіямъ самого правительства. Но какъ скоро усиливалася коммуна начинала заявлять смѣлныя притязанія,—короли сдерживаютъ коммуны, помогаютъ феодаламъ и болѣе стѣсняютъ городскую свободу. Въ результатъ выходило, что огромное число и феодальныхъ и коммунальныхъ правъ переходило въ ихъ собственныя руки.

Но не смотря на этотъ общій характеръ развитія, а потомъ и упадка городской свободы, коммуна города Реймса представляетъ чрезвычайно много особенностей, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ Амьенской коммуны и отъ многихъ другихъ коммувъ сѣверной и средней Франціи. Городъ Реймсъ былъ архіепископскимъ городомъ; архіепископъ Реймскій,—сначала графъ, потомъ герцогъ,—въ феодальномъ отношеніи былъ ленникомъ короля наравнѣ съ первыми баронами Франціи. Королевская власть, захватывая постепенно всѣ близкія къ короннымъ землямъ феодальныя владѣнія, не касалась архіепископскаго лена. Причина заключалась въ цер-

ключевомъ значеніи и отношеніи Реймскихъ прелатовъ къ королямъ Франціи. Первое духовное лицо въ королевствѣ, митрополитъ Реймскаго діоцеза, кардиналъ и легатъ апостольскаго престола, — архіепископъ г. Реймса пользовался особеннымъ покровительствомъ римскихъ первосвященниковъ. Сдерживая притязанія прелатовъ Реймскихъ, стремившихся къ автономіи, папы все-таки старались сохранить хорошія отношенія съ ними и грозили церковнымъ отлученіемъ всякому, кто ведумалъ бы посягнуть на ихъ права. Эти прелаты пользовались завиднымъ положеніемъ во Франціи и независимо отъ имперскаго покровительства. Владѣнія Реймскаго архіепископа были весьма обширны: они не ограничивались только г. Реймсомъ; огромное число небольшихъ городовъ и селъ въ Реймской провинціи принадлежало имъ. На земляхъ своихъ она имѣла много замковъ. Значительный военный контингентъ въ случаѣ войны доставляли они французскимъ королямъ. Множество богатыхъ монастырей, и въ самомъ Реймсѣ, и во всемъ Реймскомъ діоцезѣ, зависли отъ нихъ. Доходы Реймскихъ архіепископовъ были огромны: они соединяли въ рукахъ своихъ и свѣтскую и духовную юрисдикцію и умѣли ту и другую превращать въ средства къ добыванію денегъ. Архіепископы Реймскіе долгое время пользовались покровительствомъ французскихъ королей, со времени самого св. Реми, апостола франковъ. Пользуясь щедростью меровинговъ, онъ оставилъ преемникамъ своимъ большое наслѣдіе, которое они не замедлили еще больше увеличить. Архіепископъ Реймскій былъ паромъ Франціи; въ раду паровъ и свѣтскихъ и духовныхъ онъ занималъ первое мѣсто. Французскіе короли короновались въ Реймсѣ; тамъ хранился священный сосудъ съ итромъ (зацета аптота), вислопанный съ неба святому Реми для коронованія Хлодвига. Городъ Реймсъ былъ священнымъ городомъ въ глазахъ француза среднихъ вѣковъ; эта святость города дѣлала особу Реймскаго архіепископа неприкосновенною. Французскіе короли съ Филиппа Августа, забирая феодальныя владѣнія, не хотѣли и не могли посягнуть на земли Реймскихъ прелатовъ. Они ограничивались тѣмъ, что постепенно стѣсняли ихъ свѣтскую юрисдикцію и старались подчинить ихъ подданныхъ общимъ королевскимъ судамъ. Когда огромное число феодальныхъ владѣній сдѣлалось достояніемъ короля, когда почти уже вся Франція признавала единую верховную

власть короля, архієпископы Реймскіе номинально продолжали называться баронами и пэрами Франціи и сеньорами города Реймса. Вотъ съ такимъ-то могущественнымъ прелатомъ - барономъ вступаетъ въ борьбу Реймская коммуна. Реймсъ лучше другихъ городовъ Франціи сохранилъ преданія о прежней муниципальной свободѣ. Если архієпископы производили свои права отъ самого первоапостола франковъ, то коммуна Реймская вела свою свободу отъ временъ задолго предшествовавшихъ и св. Реми и французскому завоеванію. Городской совѣтъ считалъ себя прямымъ наследникомъ римской куріи. Конечно притязанія на стародавность правъ съ той и другой стороны имѣли за собой не много историческихъ основаній. Феодалная власть архієпископа выросла уже послѣ св. Реми, совершенно также, какъ и притязанія наследницы римской муниципаліи. Права римскаго самоуправления подъ давленіемъ архієпископской власти постепенно исчезли. Галльско-римская курія города Реймса повторила на себѣ исторію муниципальных учрежденій всѣхъ городовъ сѣверной и средней Франціи. Подъ именемъ скабиновъ⁽¹⁾ выборные отъ города пользовались только нѣкоторыми судебно-полицейскими правами, не представлявшими особенной важности. Всѣ атрибуты верховной власти сосредоточились въ рукахъ архієпископа. Сначала сдѣлавшись самъ членами римской куріи, потомъ превратившись въ городскихъ дефессоровъ, они не замедлили сдѣлаться феодалными сеньорами города. Изъ одного документа, относящагося къ 717 году, видно, что въ это время архієпископъ Реймскій пользовался огромнымъ вліяніемъ въ городскомъ управленіи⁽²⁾. Въ 940 году Людовикъ Заморскій подарилъ архієпископу Арталду графство Реймское (*omnem comitatum eidem confert*)⁽³⁾. Много было споровъ между историками и церковными и свѣтскими относительно значенія этого слова *comitatus*. Всего вѣроятнѣе, что подъ этимъ терминомъ разумѣлись тѣ права судебной, военной и финансовой администра-

(¹) Это названіе въ архивахъ Реймса встрѣчается въ первый разъ только въ 1100 г. Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 254. Докум. 1100 года. Но существованіе ихъ и въ предшествующую эпоху не подлежитъ сомнѣнію.

(²) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 26. Докум. 717 г. (примѣчаніе).

(³) Ibidem. p. 83—87 (примѣчаніе).

ция, которыми пользовались при королях второй династии графы,—ихъ наместники. Свои территориальныя владѣнія архіепископы приобрѣли другими способами,—посредствомъ дара, завѣщаній, покупки и т. д. При развитіи феодальныхъ отношеній они получили всѣ права верховной власти въ городѣ; въ немъ отомла и прежняя городская территория. Изъ исторіи Амьенской коннуны ны знакомы уже съ правами феодальныхъ сеньоровъ. Замѣтимъ только, что архіепископы Реймскіе не были единственными сеньорами города Реймса. Огромное значеніе и обширныя юридическія права принадлежали капитулу. Нѣкоторыя части города зависѣли прямо отъ капитула; въ окрестностяхъ города онъ имѣлъ такъ называемую „Общую Землю“, Terre Commune, населенную его крестьянами, и бурзь де Везль (de Vesle), который управлялъ совершенно независимо отъ архіепископа (1). Ему же принадлежало нѣсколько сельскихъ общинъ, которыхъ было много вокругъ Реймса. Самой замѣчательной изъ нихъ было селеніе Фрейликуръ (Fraillécourt) (2). Но кромѣ того капитулъ обладалъ нѣкоторыми правами въ самомъ городѣ на архіепископской землѣ. Всякій членъ капитула имѣлъ право брать въ услуженіе изъ подданныхъ архіепископа сначала по три человека, а потомъ по одному. Эти лица назывались franci servientes, потому что они дѣлались свободными отъ всякаго рода повинностей въ пользу архіепископа и отъ его юрисдикціи духовной и свѣтской. Жители Реймса пользовались этимъ, какъ средствомъ освободиться отъ власти архіепископа, которая давала чувствовать себя тѣмъ же, чѣмъ власть капитула, или монастырей Реймскихъ. Случалось, что самые богатые горожане записывались въ franci servientes и потомъ откупались деньгами отъ личныхъ услугъ, которыхъ они были обязаны членамъ капитула. Своими владѣніями капитулъ обязанъ былъ архіепископамъ Реймскимъ; въ феодальномъ отношеніи онъ долженъ былъ признавать ихъ патронатство (3). Но стремленія капитула постоянно шли наперекоръ архіепископской власти. Въ духовныхъ и свѣтскихъ

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. X.

(2) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 383. Докум. 1181 г.

(3) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 77. Тутъ же помѣненъ подробный перечень, всѣхъ владѣній капитула въ городѣ и его окрестностяхъ.

дѣлахъ капитулъ постоянно добивался автономіи; во многихъ отношеніяхъ это удалось ему. Капитулъ поддерживали люди, которые опасались усиленія Реймскихъ архіепископовъ. Архіепископъ, вступая въ должность, въ соборной торжественно давалъ торжественную присягу, что онъ свято будетъ хранить и защищать права Реймскаго духовенства⁽¹⁾. Такъ какъ архіепископы большею частью не исполняли своего клятвеннаго обѣщанія, а клирики стремились болѣе и болѣе расширить свои права, то съ той и другой стороны были постоянныя столкновенія, которыя большею частью рѣшались самимъ первосвященникомъ римскимъ⁽²⁾.

Въ окрестностяхъ Реймса было множество монастырей. Самые замѣчательныя изъ нихъ были аббатства св. Реми (St. Remi), св. Діонисія (S. Deni) и св. Никазія (S. Nicaise). Надъ стѣною этихъ монастырей образовалось нѣсколько бурговъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ, по многочисленности и богатству жителей, былъ бургъ аббатства Св. Реми, такъ называемый ban или bourg de Saint Remi⁽³⁾. Сынъ владѣльческаго права монахи производили отъ Арнульфа, архіепископа Реймскаго, который особою грамотой подарилъ имъ монастырю: suburbium nomine Burgum cum archidiaconia⁽⁴⁾. Монастырскія власти имѣли надъ бургомъ феодальныя права, юрисдикцію, такъ называемую haute, moyenne et basse. Монастырь св. Реми былъ однимъ изъ наиболее уважаемыхъ монастырей сѣверной Франціи; въ немъ хранился священный сосудъ съ муромъ, которымъ помазывались на царство короли французскіе. Въ торжественной церемоніи приносили монахи этотъ сосудъ въ храмъ св. Діонисія, гдѣ совершался обрядъ коронованія и съ такою же церемоніей, но обратнаго обряда, уносили его обратно⁽⁵⁾. Обширныя привилегіи давали аббатству св. Реми, и короли, и папы, и архіепископы. Такъ Паскалій II утвердилъ за монастыремъ рыцарей, находившійся на его землѣ; освободилъ отъ нѣкото-

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 223. Докум. 1067 г.

(2) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 560. Докум. 1233 г.

(3) Ibidem. t. 1. 2. p. 94. (Примѣчаніе)

(4) Ibidem. t. 1. 1. p. 95. Докум. 989 г.

(5) См. обрядъ коронованія французскихъ королей. Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 228.

рыхъ первоначальныхъ повинностей въ пользу архіепископа и далъ право апелляціи прямо къ высшему престолу (1). Еще въ XI в. аббаты св. Реми получали десятину отъ своихъ архіепископовъ (2). Въ XII в. аббатство наравнѣ съ другими Реймскими монастырями, пользовалось правомъ покупать жизненные припасы въ Реймѣ безъ платежа пошлины. Въ феодальномъ отношеніи монастырь св. Реми, какъ и другія монашескія братства г. Реймса,—былъ въ зависимости отъ архіепископа. По феодальному праву, въ случаѣ смерти аббата, архіепископъ бралъ подъ свое управленіе всѣ монастырскія владѣнія въ Реймской провинціи,—впредь до выборовъ новаго аббата. Это право называлось *gardia*, *garde*. Короли французскіе пользовались такимъ же правомъ въ отношеніи свѣтскихъ владѣній самого архіепископа. Въ случаѣ его смерти они брали *en garde* г. Реймъ, со всѣми окрестными бургами, замками и селеніями,—впредь до новыхъ выборовъ. Но монастырскія общины не любили тяжелой опеки своихъ прелатовъ. Они стремились въ феодальномъ отношеніи стать въ непосредственную зависимость отъ королевской власти, подобно тому какъ въ духовныхъ дѣлахъ они успѣли поставить себя въ прямую зависимость отъ папскаго престола. Отсюда огромное число процессовъ между архіепископами и монастырями, особенно съ аббатствомъ св. Реми. Короли, вслѣдствіе своего централизаторскаго стремленія, сочувствовали видамъ аббатствъ и постоянно вѣшивались въ споры между духовными властями относительно свѣтскихъ владѣній. Въ случаѣ смерти аббатовъ часто они сами брали монастыря въ свое собственное храненіе (*en garde gouale*) (3). Отсюда огромное число процессовъ между аббатствомъ св. Реми и архіепископомъ,—которые съ половины XIII в. рѣшаются въ парламентѣ. Постановленія парламента, болѣею частью вносились въ пользу централизаторскихъ стремленій королевской власти. Архіепископы упорно защищали свои права; они не хотѣли подчиняться обыкновеннымъ засѣданіямъ парламента и громко заявляли свое право, въ качествѣ паровъ Франціи, поджезывать только суду

(1) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 260. Докум. 1107 г.

(2) Ibidem. t. II. p. 214. Докум. 1067 г.

(3) Arch. adm. de Reims t. 1.2. p. 727. Докум. 1251 г. p. 756. Докум. 1254 г.

себѣ равныхъ (*). Напрасно папы писали письма королямъ французскимъ (**). Легисты дѣлали свое дѣло и мало по малу подрывали феодальныя права французскихъ прелатовъ. Каждый изъ Реймскихъ монастырей имѣлъ владѣльческія права на своей территоріи. Аббатству Сентъ-Дени принадлежалъ бурзь того же имени; монастырю св. Никазія—бурзь св. Сикста (*). Всѣ они находились въ такомъ же отношеніи къ архіепископамъ, какъ и монастырь св. Реми. Но, не обладая такимъ богатствомъ, какъ этотъ послѣдній, они не отличались такими смѣлыми притязаніями и находились въ большемъ повиновеніи у архіепископа. Монастырскія общины часто соорились между собою; поводовъ къ столкновенію было чрезвычайно много. Случалось, что въ какомъ нибудь приходѣ—жители подчинялись юрисдикціи одного аббатства, а приходская церковь съ клиромъ зависѣла отъ другаго. Аббатство, пользовавшееся духовною властію въ приходѣ, старалось присвоить себѣ и свѣтскую. Замѣчательно, что жители Реймса пользовались этими раздорами; они переселялись цѣлыми семействами на земли того аббатства, которое давало больше гарантій для личной свободы и вообще относилось лучше къ своимъ подданнымъ. Богатое аббатство св. Реми меньше имѣло поводовъ къ вымогательствамъ всякаго рода, къ которымъ прибѣгали другія. Оттого жители его бурзя часто силой противились другимъ монастырямъ, когда эти послѣдніе въ отношеніи ихъ заявляли какія нибудь притязанія (*). Въ самомъ Реймсѣ, кромѣ архіепископа и канцлера, большими правами пользовались архидіаконы. Кромѣ духовной юрисдикціи, которую они раздѣляли съ самими архіепископами, архидіаконы пользовались и нѣкоторыми правами свѣтской юрисдикціи, особенно въ отношеніи цеховъ. Долгое время они утверждали цеховыя статуты рѣшали споры между цехами (*). Вообще цеховая юрисдикція отличалась большою запутанностью: одни изъ цеховъ находились въ при-

(*) Ibidem. p. 790. Докум. 1250 г.

(**) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 795. Докум. 1260 г.

(*) Подробный перечень всѣхъ религиозныхъ братствъ въ Реймсѣ см. Arch. adm. t. 1. 1. p. 43. Притязанія.

(*) Arch. adm. de Reims t. 1. 1. p. 263.

(*) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 1071. Докум. 1292 г.

ной зависимости отъ архіепископа, другіе отъ архидіакона, третій отъ архіепископскаго викарія (¹).

Значеніе королевской власти въ отношеніи къ Реймсу и его бургамъ до половины XIII в. ограничивалось только правами высшаго феодальнаго суверена въ отношеніи къ архіепископу. Этотъ послѣдній обязанъ былъ въ случаѣ войны посылать королю войско подъ начальствомъ своего викарія или видома (²). Кромѣ этого короли пользовались въ Реймсѣ такъ называемымъ *droit de gîte*,—правомъ получать на счетъ архіепископа содержаніе и угощеніе во время пребыванія въ Реймсѣ. На этомъ правѣ было основано другое, которое требовало огромныхъ расходовъ и въ послѣдствіи послужило поводомъ къ самому тяжелому налогу на жителей Реймса, извѣстному подъ именемъ *frais du sacre*—расходовъ на коронованіе. Эти расходы сначала падали на архіепископа; онъ получалъ только вспоможеніе отъ капитула и отъ наиболѣе богатыхъ жителей Реймса. Но въ послѣдствіи архіепископы успѣли возложить эту тяжелую повинность на коммуну (³).

Въ качествѣ феодальнаго суверена король утверждалъ равныя сдѣлки между сеньорами города, касающіяся ихъ феодальныхъ владѣній (⁴). Но во внутреннихъ дѣлахъ города и бурговъ королевская власть не имѣла ни малѣйшаго значенія. Первымъ поводомъ къ вмѣшательству послужила коммунальная революція, разразившаяся въ Реймсѣ около 1189 года. Время было удобное для образованія коммуны между жителями г. Реймса. Кругомъ,—въ Нуайонѣ, въ Бове, въ Амьенѣ, Суассонѣ, Лаонѣ,—въ первыхъ годахъ XII в. кинуло восстаніе противъ феодальной власти. Архіепископская кафедра послѣ смерти Райнальда II въ 1189 году оставалась вакантною. Свѣтскія владѣнія и права свѣтской юрисдикціи находились подъ непосредственною властью Людовика VII. Онъ былъ въ ссорѣ съ папой Иннокентіемъ II, который предалъ его даже отлученію. Поэтому Людовикъ не торопился выборомъ новаго архіепископа. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и по примѣру ближайшихъ городовъ, жители Рейм-

(¹) Arch. législ. de Reims 2-e partie. Statuts, t. 1. 330.

(²) Arch. admin. de Reims t. 1.4. p. 55. Примѣчаніе.

(³) Arch. admin. t. 1.4. p. 384. Докум. 1180 г.

(⁴) Ibidem p. 426. Докум. 1196 г.

са звели у себя коммунальное устройство подъ именемъ *compagnie*. Въ основаніе была принята хартія Лаона. Документы Реймса не сообщаютъ никакихъ подробностей относительно новой коммуны. Въ нѣкоторыхъ замѣткахъ, находящихся въ старинныхъ церковныхъ актахъ, говорится, что въ Реймсѣ была учреждена республика ⁽¹⁾. Такъ духовныя лица того времени называли независимую городскую общину, пользовавшуюся внутреннимъ самоуправленіемъ. Какъ бы то ни было, только въ 1139 году коммуна получила королевское утвержденіе. Вотъ что писалъ Людовикъ VII мэрю и къ Реймской коммунѣ: „Снисходя на ваши смиренныя мольбы, мы дали вамъ коммуну, по образу коммуны Лаонской (*communitiam vobis indulimus ad modum communitiae Laudunensis*), не нарушая впрочемъ нравъ и обычаевъ архіепископской власти и всѣхъ церквей Реймскихъ (*salvo tamen jure et consuetudinibus Archiepiscopatus et omnium ecclesiarum (Remis)*). Мы такъ поступили изъ частаго и простаго намеренія (*pro pura et simplici intentione*), чтобы вамъ была выгода, но чтобы отъ вашей выгоды, ни церквамъ, ни намъ самимъ, не произошло какого-либо вреда или безчестія (*ex vestro autem commodo nec ecclesiis, nec nobis ipsis damnum aliquod aut de honestas veniret*)“². Въ этой грамотѣ заключаются одне изъ тѣхъ противорѣчій, какия часто допускала королевская власть XII вѣка. Изъ этой грамоты мы видимъ, что Реймская коммуна имѣла уже коммунальную магистратуру, во главѣ которой стоялъ мэръ. Ограниченіе, высказанное съ такой неточностью и видимымъ противорѣчіемъ въ грамотѣ Людовика, не могло остановить дальнѣйшаго движенія коммунальной революціи противъ феодальныхъ правъ сеньюровъ Реймса. Энтузіазмъ, подвигавшій знамя свободы въ Реймсѣ, распространился и на окрестности города, въ тѣхъ монастырскихъ бургахъ, о которыхъ мы уже говорили, а также и въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходяхъ. Крѣпостное, полурабское населеніе ихъ обнаружило стремленіе войти въ составъ Реймской коммуны. Жители города благопріятствовали этому стремленію. Городское начальство начало уже пользоваться правами юрисдикціи не только въ городѣ, но и

(1) Mart. Metr. Remen. Hist. t. II. p. 327.

(2) Arch. adm. de Reims t. I. I. p. 297—299. Докум. 1139 г.

надъ монастырскими и церковными людьми. Въ важныхъ случаяхъ созывалось народное собраніе. Такъ какъ Реймская коммуна не имѣла ни городской башни съ звоннымъ колоколомъ, ни общественного дома, то собраніе происходило въ церкви Св. Симфоріана, по звуку ея колоколовъ. Коммуна имѣла демагоговъ Обри и Симона, которые разжигали народные страсти. Съ ними былъ одинъ низложенный священникъ, который въ праздникъ всѣхъ Святыхъ совершалъ для коммуны богослуженіе. Клиръ г. Реймса сочелъ это святотатствомъ и профанаціей святыни. Церковь Симфоріана, гдѣ происходило собраніе и было отправляемо богослуженіе, была снова освящена. Въ послѣдствіи запрещено было собираться въ церквахъ и употреблять колоколы церковные съ другой цѣлю, кромѣ богослуженія. Эти волненія встревожили бѣлое и черное духовенство. Оно обратилось съ жалобой къ королю, который въ томъ же 1139 году писалъ Реймской коммуны: „Намъ чрезвычайно присвободно слушать о поступкахъ вашихъ: вы дѣлаете то, чего ни одна коммуна не осмѣливается дѣлать. Во всѣхъ отношеніяхъ вы превсили права Лаонской коммуны. Мы крѣпко запретила вамъ принимать въ вашу общину вѣшнія селенія (*villas extrinsecas*), а вы это дѣлаете съ полной увѣренностью и смѣлостью (*hoc confidenter et saevire facitis*). Обычные доходы церкви вы собираете вѣжливо коммуны, или запрещаете платить кому слѣдуетъ. Вы или совсемъ отнимаете, или значительно уменьшаете права, привилегіи и юрисдикцію Реймскихъ церквей, особенно церкви Св. Маріи, которая теперь находится подъ покровительствомъ нашимъ и не имѣетъ другаго защитника, кромѣ насъ. Кромѣ того вы заставляете платить изъ пользу коммуны люди находящіеся въ услуженіи у канониковъ (*franci servientis*); нѣкоторыхъ изъ нихъ вы захватили и держите въ заключеніи; другіе изъ страха не смѣютъ выходить изъ церкви. Въслѣдствіе такихъ незаконныхъ поступковъ вашихъ мы снова увѣщаемъ васъ и поминемъ оставить ихъ въ покоѣ, возвратитъ отнятое и ненарушимо соблюдать юрисдикцію, права и вольности церкви и канониковъ“ (1).

(1) Arch. admin. de Reims t. 1.1. p. 303. Докум. 1140 г.—Recueil des Ordonnances des rois de France. t. XI, p. 184.

Клерикальная партія нашла себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ св. Бернара, — основателя и перваго аббата Клервосскаго монастыря. Св. Бернаръ пользовался огромнымъ значеніемъ; его голосу повиновались короли и папы; его пламенное краснорѣчіе возбуждало энтузіазмъ и вызвало новый крестовый походъ. Ему предлагали архіепископскую кафедру въ Реймсѣ; по настоянію молодаго короля онъ уже выбранъ былъ на этотъ великій постъ. Отъ него надѣялись умиротворенія дѣлъ церковныхъ; въ немъ думали найти могучаго борца противъ новаго духа, выражавшагося въ коммунальномъ движеніи и направленнаго противъ феодальныхъ правъ духовенства. Св. Бернаръ отказался отъ этой чести. Онъ предпочиталъ изъ глубины монастырской кельи властвовать надъ королями и папами, чѣмъ на архіепископской кафедрѣ бороться съ строптивымъ духомъ коммуны, съ мірскими склонностями блага духовенства и стремленіемъ къ автономіи монастырскихъ общинъ ('). Св. Бернаръ былъ глубоко пораженъ событіями, совершившимися въ Реймсѣ; его сердце страдало отъ оскорбленій, нанесенныхъ коммуной епископскому престолу и св. Церквамъ. И вотъ онъ начинаетъ писать, то къ королю, то къ папѣ, умоляя ихъ подать руку помощи Церкви Божіей. Глубокою скорбію и пламеннымъ краснорѣчіемъ пронизаны эти письма. Они прекрасно знакомятъ насъ съ характеромъ возрѣній и самаго Бернара и той партіи, органомъ которой онъ является. Вотъ что писалъ онъ въ Иннокентію II по поводу событийъ въ Реймсѣ: —, Волелюбивому отцу и господину Иннокентію первосвященнику — ничтожный братъ Бернаръ Клервосскій, наивысшій аббатъ.

—, Церковь Реймская погибаетъ; славный градъ преданъ поруганію. Она взымаетъ ко всякому мимоходящему путнику, „яко нѣсть болѣзни, яко болѣзнь ея“. Въ ея война, внутри страхъ, но и внутри война; потому что собственныя ея дѣти подвалили руку противъ своей матери и нѣтъ у нея отца, который бы освободилъ ее. Ея единственная надежда на Иннокентія, который стрѣтъ слезы съ ея ланитъ. Но докогда, Господи нашъ, ты будешь медлить и не прострешь надъ ней щита своего повровительства? Докогда она будетъ попи-

(') Arch. admin. de Reims t. 1.1. p. 302. Друк. 1139 г.

раена ногами и не найдетъ никого, кто бы поднялъ се? Витъ теперь король смирился, гнѣвъ его противъ тебя утихъ. Что же остается, какъ не поддержать твоей апостольской десницей опечаленную и подать ей врачеванье для исцѣленія ранъ? Нужно подумать объ избраніи новаго архіепископа, чтобы наглость народа Реймсаго не похитила и того немногаго, что еще остается. Если избраніе будетъ совершенно съ обычной церемоніей, то мнѣ кажется, что во всемъ прочемъ Господь дастъ намъ успѣхъ и свое благословеніе" (1).

Увѣщанія Бернара подѣйствовали: римская курія встревожилась успѣхами коммунальнаго движенія, которое, распространяясь съ изумительной быстротой, грозило подорвать свѣтскую власть духовенства. Иннокентій писалъ къ Людовику VII, просилъ уничтожить коммуну Реймса и строго наказывать гражданъ за возмущеніе. Тономъ горькаго упрека говоритъ папа объ утвержденіи Реймской коммуны. „Не подобаетъ королю подъ вліяніемъ гнѣва произносить не позволительныхъ словъ или клятвы (*illicita verba seu iuramenta proferere*), но всегда слѣдуетъ зрѣло и основательно извѣшивать свои дѣла и поступки и предвидѣть исходъ дѣла (*legum exitum praevidere*)... Нашей апостольской граматой увѣщаемъ тебя и во отпущеніе грѣховъ твоихъ повелѣваемъ распустить эти беззаконія Реймсаго сборища, которыя называются *Comragines*, церковь и городъ привести въ то состояніе, въ которомъ они были при покойномъ отцѣ твоемъ и архіепископѣ Рейвальдѣ, и возвратитъ всѣ убытки, понесенные церковью и клириками" (2). Въ томъ же письмѣ папа приказываетъ приступить немедленно къ избранію Реймсаго архіепископа.

Наконецъ въ 1170 г. новый архіепископъ Сансонъ Мальвуазенъ былъ избранъ и посвященъ. Но возненія при немъ не успокоились. Черезъ семь лѣтъ послѣ его утвержденія вспыхнуло восстаніе въ бургѣ Сентъ-Ремі. Монастырскіе подданные не въ силахъ были ввести коммунальное устройство, какимъ пользовались жители Реймса. Поэтому они хотѣли составить одну коммуну съ городомъ. Подстрекаемые народной партіей Реймса, они прогнали монастырскихъ чиновни-

(1) Epist. S. Bernardi, apud Script. rer. gallic. et francoic. t. XV, p. 394.

(2) Arch. admin. de Reims . 1.1. p. 301. Докум. 1139 г.

ковъ и направилсь въ Реймсъ. Реймскіе жители ихъ сторонники тоже вооружились. Всѣ направилсь къ архіепископскому дворцу выразить предъ самимъ архіепископомъ свое желаніе о присоединеніи бурга къ коммунѣ и получить его согласіе, а въ случаѣ отказа принудить силой. Напрасно архіепископъ изъ окопъ своего дворца увѣщевалъ мяжниковъ и умолялъ оставить свои замыслы. Смѣлость толпы увеличивалась: она бросилась на дома сторонниковъ архіепископа, разграбила ихъ; нѣкоторые разрушила до основанія; при чемъ было нанесено оскорбленіе сановникамъ архіепископа. Самъ архіепископъ заперся въ дворецъ и не смѣлъ показываться въ народѣ. Онъ просилъ помощи у аббата Сугерія, который былъ регентомъ королевства, по случаю отъѣзда короля въ св. землю. Епископъ Суассонскій Жосселинъ и самъ св. Бернаръ явились посредниками между архіепископомъ и народной партіей. Сугерій отправилъ войско для усмиренія непокорныхъ. Жители бурга должны были смириться; имъ не удалось осуществить своихъ замысловъ относительно присоединенія къ Реймской коммунѣ. Борьба Реймса съ архіепископомъ продолжалась до самой смерти Саясона Мальвуазена. Онъ не хотѣлъ признавать за Реймсомъ правъ коммуны; но отличаясь слабостью характера, былъ принужденъ иногда смотрѣть съвою палымъ на нарушеніи своихъ правъ. Не таковъ былъ преемникъ его Генрихъ Французскій, братъ короля. Будучи епископомъ въ Бове, онъ имѣлъ уже случай заявить свою ненависть противъ коммуны этого города. При помощи своего брата онъ ограничилъ судебныя права городского совѣта. Засѣдатели г. Бова, въ силу королевской грамоты, могли отправлять юрисдикцію только въ случаѣ отказа въ правосудіи со стороны епископа⁽¹⁾. Въ такое же отношеніе къ себѣ архіепископъ Генрихъ хотѣлъ поставить и Реймскую коммуну. Началась цѣлая система стѣсненій для городской свободы. Жители Реймса обратились къ архіепископу съ просьбой позволить имъ жить по тѣмъ законамъ, которыми городъ пользовался непрерывно со времени св. Реми, апостола франковъ⁽²⁾. Они предложили архіепископу

⁽¹⁾ Этотъ случай на юридическомъ языкѣ того времени назывался *déni justice*. *Recueil des ordon.* X. p. 198.

⁽²⁾ *Arch. admin. de Reims t. 1.1. p. 347. Docum. 1467 г.*

2000 ливровъ, если оны оставитъ ихъ въ покое. Генрихъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ сдѣлкахъ. Онъ хотѣлъ наложить на городъ новое несмысленное и невыносимое работно (*novas quasdam indebitas et intolerabiles servitutes volebat imponere*)⁽¹⁾. Притязанія архіепископа возбудили неудовольствіе даже въ клирѣ и въ нѣкоторыхъ феодалахъ, жившихъ въ городѣ. Составился заговоръ съ дѣлюю противодѣйствія архіепископу. Вспыхнуло восстаніе; горожане овладѣли нѣкоторыми укрепленными домами и выгнали изъ города приверженцевъ архіепископской партіи. Генрихъ обратился за помощью къ брату. Людовикъ не одобрилъ неумѣренныхъ притязаній Генриха; онъ думалъ какъ нибудь помирить его съ жителями Реймса; но гордый прелатъ не соглашался ни на какія предложенія. Онъ требовалъ, чтобы король сокрушилъ городъ (*ut in vinctio ejus contereret civitatem*)⁽²⁾. Король съ печалью въ сердцѣ принужденъ былъ уступить настояніямъ брата (*doleat sed tamen fratris votis faciens voluntati*). Онъ явился въ Реймсъ съ отрядомъ войска, — разрушилъ до 50 домовъ, принадлежавшихъ главнымъ заговорщикамъ и потомъ удалился⁽³⁾. Множество гражданъ бѣжало изъ Реймса въ окрестные лѣса. Вернувшись, они увидѣли дома разрушенными и имѣніе разграбленнымъ. Слова еще сильнѣе проклятію загорѣлась ихъ ненависть къ Генриху; въ отпущеніе они разрушили нѣсколько домовъ, принадлежавшихъ лицамъ архіепископской партіи. Самъ архіепископъ принужденъ былъ запереться въ своей неприступномъ замкѣ — радомъ съ дворцомъ.

На этотъ разъ Генрихъ обратился уже не къ брату, дѣйствія котораго казалась ему слабыми. Онъ прислалъ графа Фландракаго съ войскомъ явиться въ Реймсъ для подавленія восстанія. Графъ прибылъ съ шеститысячнымъ отрядомъ. Жители, видя невозможность сопротивляться военнымъ силамъ архіепископа и графа, удалились изъ города, но напередъ уничтожили все жилищныя принасы. Графскому войску нечего было дѣлать; рыцари, опасаясь умереть съ голоду, черезъ сутки оставили городъ. Напрасно архіепископъ умолялъ ихъ, лестилъ имъ, давалъ разныя обѣщанія: ничто

(1) Ibidem. p. 347.

(2) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 347. Докум. 1167 г.

(3) Arch. adm. de Reims t. 1.1. p. 348. Докум. 1167 г.

не помогло: голодные фламандцы спѣшили оставить пустой городъ. Народная партія торжествовала. Архіепископъ принужденъ былъ вступить съ членами коммуны въ переговоры, которые отъ его имени велъ другой братъ его; Робертъ де Дрѣ. Прежде Генриха влася казнить главныхъ зачинщиковъ, примѣрно наказать другихъ и взять съ нихъ таковой штрафъ, какой ему только вздумается. А теперь онъ долженъ былъ заключить миръ съ коммуной на выгодныхъ для нея условіяхъ, обѣщавъ уважать ея права и удовольствоваться только 450 ливрами. Нужно читать документы того времени, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе на тогдашнее общество производили подобныя смуты⁽¹⁾. Вскорѣ послѣ возстанія въ Реймсѣ одинъ епископъ писалъ въ другому письмо. По всему видно, что онъ былъ сильно напуганъ событіями, совершившимися въ Реймсѣ. У страха глаза велики и почтенный прелатъ смотрѣлъ на возмущеніе коммуны глазами страха. Столкновение между архіепископомъ и гражданами онъ называетъ столкновениемъ царствъ, великимъ колебаниемъ земли и т. п. (*regnum collisiones et terrae motus magni*). Въ такое бурное время онъ боялся писать въ своему собрату и ждалъ болѣе удобныхъ обстоятельствъ. (*commodiora scribendi tempora exspectabat*). Онъ говоритъ, что вся Реймская провинція до того взволнована возстаніемъ Реймскихъ гражданъ, что не безопасно было выходить изъ его города и онъ боялся что его письмо не дойдетъ по назначенію. Приказаніямъ архіепископа Реймского епископъ не сочувствуетъ, но негодованіе его главнымъ образомъ направлено противъ мира, заключеннаго Генрихомъ съ коммуной. Онъ говоритъ, что архіепископу нанесъ убытку отъ своеюліа гражданъ четверо больше полученнаго имъ вознагражденія. Поэтому миръ Генриха съ коммуной онъ называетъ убыточнымъ и безчестнымъ (*per damnosum et ignominiosum*). Заключительныя слова письма объясняютъ нерасположеніе автора къ Генриху. Онъ деспотично обращался съ духовенствомъ Реймса и подчиненными ему епископами (*adhuc cum clero exercet inimicitias et se juri offerentes vexat ecclesias*)⁽²⁾.

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims t. 4. 1. p. 348. Д кум. 1167 года

⁽²⁾ Epist. Ioannis Saresb. ad Ioan. Episc. Pictav. Arch. admin de Reims, p. 347. Докум. 1167 года.

Преемникомъ Генриха французскаго на архіепископской кафедрѣ въ Реймсѣ былъ Вильгельмъ Шампанскій. Онъ былъ миролюбивѣе своего предшественника и желалъ кончить раздоры съ Реймской муниципіей. Вильгельмъ старался по возможности согласить свои феодальныя права съ коммунальными стремленіями буржуазіи, поставить границы между юрисдикціей городского совѣта и своимъ сѣвскимъ судомъ, отобрать известную область коммунальной самоуправности, дальше которой она не должна простираться своихъ притязаній. Вслѣдствіе этихъ стремленій и по взаимному соглашенію съ представителями Реймской коммуны была составлена знаменитая въ исторіи г. Реймса хартія Вильгельма Шампанскаго. До сихъ поръ съ обѣихъ сторонъ притязанія были неумѣренны. Буржуазія желала полной муниципальной автономіи, по образцу сѣверныхъ коммунъ. Идеаломъ стремленій Реймской коммуны была Лаонская хартія, по полнотѣ муниципальных гарантій составлявшая наилучшій типъ сѣвернаго коммунальнаго строя. Но подобное муниципальное устройство, съ народнымъ собраніемъ, съ выборной магистратурой, съ строго организованной системою управленія, съ правомъ жизни и смерти для членовъ коммуны, съ правомъ войны и мира для ея враговъ, оставалось только идеаломъ Реймской городской общины. Въ примыхъ документахъ мы не встрѣтили никакихъ указаній, чтобы г. Реймсъ когда нибудь, — со времени перваго возникновенія вѣтвеннаго союза для взаимной защиты въ 1139 г. до вступленія на архіепископскій престолъ Вильгельма Шампанскаго, — прочнымъ образомъ пользовался подобной автономіей. Только въ минуты высшаго волненія народныхъ страстей, когда архіепископскіе чиновники бѣжали изъ города, а самъ архіепископъ запирался въ своемъ неприступномъ замкѣ, народная толпа могла дѣлать, что хотѣла. Но подобная автономія отличалась революціоннымъ характеромъ и не представляла прочныхъ гарантій для будущаго времени. Жители Реймса грабили и разоряли дома феодаловъ и канониковъ, сажали подъ арестъ и били архіепископскихъ чиновниковъ и сержантовъ капитула. Но по просьбѣ раздраженнаго прелата являлось войско короля или могущественнаго барона: въ паническомъ страхѣ революціонеры бѣгутъ изъ города; начинаются грабежи и разоренія ихъ собственныхъ домовъ, ихъ собственные аресты и истязанія.

Время отъ одного восстанія до другаго проходитъ въ мелкой борьбѣ раздраженнаго сеньора съ неменѣе раздраженной общиной. Утомленные этой безплодной борьбой, жители Реймса должны были желать установленія болѣе прочныхъ отношеній своихъ правъ къ феодальнымъ правамъ архіепископа. Они соглашались оставить свои мечты о полномъ коммунальномъ строѣ, о полной независимости городского самоуправленія, лишь бы широко пользовались хотя нѣсколькими прочными гарантіями городской свободы отъ самовласти архіепископа. Хартія Вильгельма Шампанскаго отъвѣчала этому обоюдному желанію взаимнаго мира и болѣе прочныхъ отношеній между враждебными сторонами. Хартія Вильгельма послужила основаніемъ муниципальнаго устройства въ Реймсѣ. При дальнѣйшихъ столкновеніяхъ архіепископовъ съ коммуной, каждая изъ сторонъ ссылалась на эту хартію. Каждое выраженіе, каждое ее слово служило въ послѣдствіи темой самыхъ жаркихъ споровъ, парламентскихъ дебатовъ и комментариевъ. Поэтому мы должны представить самыя замѣчательныя мѣста этой хартіи, преимущественно касающіяся устройства городского совѣта, отношеній его къ архіепископской власти и границъ феодальной и городской юрисдикціи; такъ какъ главнымъ образомъ этихъ именно пунктовъ касались дальнѣйшія споры архіепископа съ коммуной.

— „Вильгельмъ, Божією милостію архіепископъ Реймский, кардиналъ св. Римской Церкви, легатъ апостольскаго престола, возлюбленнымъ и вѣрнымъ сынамъ своимъ, всѣмъ Реймскимъ людямъ, поселеннымъ на архіепископской землѣ (in banno Archiepiscopi constitutis).

— „Какъ земные владыки, храня права и свободу своихъ подданныхъ, могутъ снискать себѣ любовь отъ Бога и ближнихъ; совершенно также, нарушая и замѣняя стародавнія привилегіи народа, они могутъ заслужить гнѣвъ Всевышняго, потерять любовь народа, а душу свою обременить вѣчною тяжестью. Вслѣдствіе такихъ соображеній и принимая во вниманіе повинновеніе и преданность, которую вы, любезные сыновья и наши вѣрные граждане, до сихъ поръ охотно намъ оказывали, мы сочли нужнымъ силою нашей власти возстановить и на вѣчныя времена подтвердить вамъ и потомкамъ вашимъ законы и обычаи, съ древнѣйшихъ временъ вамъ дарованные, но вслѣдствіе смѣны владыкъ (ин-

tatione dominorum) иногда худо соблюдаемые (aliquando minus servatas).

—, Итакъ мы желаемъ, чтобы городскіе засѣдатели (scabini, chevins) были возвращены городу: они выбираются по общему согласію всѣхъ жителей. Выборъ въ числѣ двѣнадцати долженъ производиться ежегодно въ страстную пятницу изъ людей нашей территоріи (bannalibus nostris); послѣ чего они представляются къ намъ и приносятъ присягу, что будутъ судить праведнымъ судомъ и вѣрно хранить наши права (et quantum ad ipsos pertinuerit jus nostrum fideliter servabunt). Если выбранный въ засѣдатели не захочетъ принять этой должности, то мы принудимъ его собственной нашей властью, особенно если онъ обладаетъ достаточными материальными силами. Но если жители города при избраніи засѣдателей не будутъ между собой согласны, то мы сами имѣемъ право назначить засѣдателей, соображаясь съ пользою города и нашей собственной. Если городскіе засѣдатели, или двое, или нѣсколько изъ нихъ, произнесутъ какое-либо сужденіе, которое покажется недостаточно разумнымъ (quod non satis rationabile videatur), и если они потомъ признаютъ свою ошибку, то должны исправить ее безъ ущерба для своего имущества (т. е. безъ штрафа или конфискаціи и т. п.). Но если они будутъ упорствовать, а обиженный поведетъ дѣло судебнымъ порядкомъ и они будутъ уличены въ фальшивомъ постановленіи приговора, то должны будутъ дать удовлетвореніе, на основаніи постановленія суда нашей юрїи (illud per iudicium curiae nostrae nobis emendabunt). Если гражданинъ, живущій на нашей землѣ, будетъ привлеченъ къ суду по какому нибудь дѣлу и если онъ не будетъ уклоняться отъ процесса, то ни самъ онъ, ни имущество его не подлежатъ аресту; домъ его не подвергается разрушенію; но онъ обязанъ представить, если можетъ, поручителей въ исполненіи судебного приговора, а если этого сдѣлать не въ состояніи, то по крайней мѣрѣ лично обязаться явкой къ суду засѣдателей и въ обезпеченіе представить имущество, домъ или другую наследственную собственность, которой онъ владѣетъ въ Реймсѣ. Но если обвиняемый не имѣетъ собственности, то непременно долженъ представить поручителей. Но если онъ и поручителя представить не можетъ, то долженъ быть подвергнутъ аресту до тѣхъ поръ, пока не будетъ произнесенъ и исполненъ надъ нимъ судебный

приговоръ. Если кто изъ обитателей нашей земли въ Реймсѣ совершитъ воровство (furtum), убійство (murtrium), или измѣну, и преступленіе это будетъ явно, то самъ онъ и имущество его должны быть въ нашей власти. Но если преступленіе подлежитъ сомнѣнію и обвиняемый будетъ настаивать на судебномъ процессѣ, то долженъ представить поручителей. Въ этомъ случаѣ неясности и неочевидности преступленія жителя Реймса нашего участка подлежатъ суду городскихъ засѣдателей и подвергается заключенію только въ томъ случаѣ, если не въ состояніи представить за себя поручителей*.

Остальные постановленія хартіи Вильгельма Шампанскаго касаются нѣкоторыхъ правъ архіепископа на торговля и промысловыя пошлины; тутъ же опредѣляется срокъ прескрипціи или давности владѣнія (prescriptio), послѣ котораго прежній владѣлецъ лишается права на свою собственность. Срокъ этотъ, (какъ и въ Амьенскихъ кутюмахъ, опредѣляется въ 7 лѣтъ. Хартія заканчивается такъ: „Чтобы относительно всего вышесказаннаго впослѣдствіи не могло возникнуть спора, но чтобы всѣ эти постановленія и на будущее время оставались твердыми и ненарушимыми, мы утверждаемъ ихъ для васъ и потомковъ вашихъ настоящимъ нашимъ актомъ и приложеніемъ печати. Мы постановляемъ и подъ страхомъ отлученія запрещаемъ, чтобы никто никогда не осмѣливался дѣйствовать вопреки этой хартіи“ (1).

Всматриваясь ближе въ содержаніе хартіи Вильгельма Шампанскаго, нельзя не обратить вниманія на ея неполноту, неясность и неопредѣленность. Ни слова не говорится о правахъ коммуны, какъ общества гражданъ тѣсно связанныхъ одной общей цѣлью, общества пользующагося извѣстными правами предъ своимъ сеньоромъ. Самое слово коммуна, ненавистное для архіепископовъ Реймскихъ—ни разу не упомянуто. Архіепископъ говоритъ только о жителяхъ „нашей территоріи“ и въ этомъ родѣ. Отсюда возникло впослѣдствіи множество процессовъ, слѣдуетъ ли г. Реймсѣ считать коммуной, или нѣтъ. Самое понятіе „коммуны,“ идея правъ городской общины, пользующейся коммунальнымъ устройствомъ, въ то время оставалась еще не выработанною. Да и

(1) Arch. admin. de Reims. t. 1. 1. p. 391—395. Довум. 1182 г.

не могло быть иначе, потому что коммуна в XII в. только еще переживала первый процесс своего развитія. Коммунальный строй слагался путем историческимъ; полное свое развитіе онъ получилъ уже въ слѣдующимъ вѣвѣ; тогда только, благодаря легистамъ, могли выработаться опредѣленные понятія о правахъ коммуны. Но была еще другая причина, почему архіепископъ Вильгельмъ не хотѣлъ дать Реймской городской общинѣ этого имени. Въ его время подъ словомъ коммуна понималось что-то ненавистное, незаконное, нѣчто въ родѣ анархіи. Въ стремленіи гражданъ получить коммунальную организацію клерикалы видѣли желаніе выйти изъ повиновенія законамъ Божескимъ и человѣческимъ, которые установлены вѣковыми преданіемъ и находятъ для себя оправданіе въ самомъ св. Писаніи. Акты, вышедшіе отъ лицъ этой партіи, проникнуты этимъ воззрѣніемъ. Такъ понималъ коммуны и Вильгельмъ Шампанскій; оттого мы и не встрѣчаемъ въ его хартіи этого ненавистнаго для него термина. Нѣсколько словъ говорится о правѣ города имѣть свою выборную магистратуру; но и тутъ чрезвычайно много неопредѣленнаго, недосказаннаго. Зачѣмъ выбранные засѣдатели обязаны являться къ архіепископу? Имѣетъ ли онъ право отмѣнять городскія выборы, или обязанъ дать свое утвержденіе тому, кого выбрали граждане? Объ отношеніи городского совѣта къ архіепископской власти въ хартіи Вильгельма только одинъ неясный намекъ: засѣдатели, въ случаѣ жалобы на неправильный судъ должны дать удовлетвореніе по суду архіепископа. Кому они должны дать удовлетвореніе? истцу или самому архіепископу?—неизвѣстно; сами ли лично, по дѣламъ службы, городскіе засѣдатели подлежатъ суду архіепископа или только устанавливается аппеляція къ архіепископскому суду на неправильныя рѣшенія городскихъ засѣдателей? Другой весьма важный вопросъ,—о подсудности жителей города юрисдикціи архіепископа и городского совѣта,—рѣшенъ весьма неопредѣленно. Архіепископъ удерживалъ за собой, по примѣру королевскихъ судовъ, три случая: грабежъ, убійство и измѣну. Эти преступленія подлежатъ его суду только тогда когда они явны, очевидны (*manifestum facinus.*) Какое преступленіе слѣдуетъ считать явнымъ и поэтому не требующимъ формальнаго уголовного процесса? Вся эта неопредѣленность происходила отъ невыработанности юридическихъ понятій въ XII в.

Напрасно думалъ архіепископъ Вильгельмъ, что Реймская коммуна удовольствуется тѣми незначительными гарантиями, которыя онъ предоставилъ ей своей хартіей. Стремленіе добиться полныхъ коммунальныхъ правъ долго не умирало въ жителяхъ Реймса. Неопредѣленность хартіи давала имъ постоянный поводъ требовать большихъ гарантій. Выраженія хартіи можно было толковать такъ или иначе. Каждая изъ сторонъ, и коммуна и архіепископъ, толковали ихъ по своему; отсюда постоянный поводъ къ столкновеніямъ. Борьбѣ гражданъ благопріятствовало раздѣленіе въ непріятельскомъ лагерѣ. Архіепископъ Реймскій былъ первымъ лицомъ въ Реймской Церкви, но онъ не былъ единственнымъ и полнымъ властителемъ. Власть его была ограничена капитуломъ блага духовенства соборной Реймской церкви. Отношенія между архіепископами и капитуломъ въ XII в. отличались большей неопредѣленностью, какъ и всѣ церковныя и гражданскія отношенія этого времени. Отсюда происходили постоянныя споры, которые доходили до апостольскаго престола. Не въ лучшемъ ладу находился капитулъ и съ городскими властями. Онъ ревниво охранялъ права своей свѣтской юрисдикціи въ городѣ. Съ той и другой стороны было стремленіе къ расширенію правъ на счетъ другаго. Въ поводахъ къ столкновеніямъ не было недостатка. Подсудность въ то время опредѣлялась не только личностью виновнаго, но и характеромъ вины, мѣстомъ и временемъ, гдѣ и когда было совершено преступленіе.

Исторія г. Реймса за это время представляетъ постоянныя споры, то между городской и церковной юрисдикціей, то между самими церковными властями. Но архіепископъ и капитулъ, расходясь между собою во многомъ, сходились въ одномъ,—въ ненависти къ коммуnѣ и нежеланіи допустить расширенія ея правъ, чего такъ сильно добивались жители Реймса. Между ними не умирала идея клятвеннаго союза на общую борьбу съ феодальными правами церкви. Въ концѣ XII в. въ Реймсѣ было сильное броженіе, которое заставило опасаться повторенія спенъ, бывшихъ при архіепископахъ Сансонѣ и Генрихѣ Французскомъ. Тотъ же самый Вильгельмъ Шампанскій, хартія котораго установила нѣкоторыя гарантій для городской свободы, чрезъ 16 лѣтъ даетъ торжественное обѣщаніе капитулу, безъ его вѣдома и согласія недопускать въ Реймсѣ, ни коммуны, ни братства и вообще никакого общаго клятвен-

наго обязательства (*nec communia, nec alicujus fratreae vinculum, nec commune aliquod juramentum intra predictos cives fieri permittemus praeter prefati capituli convenientiam et consensum*)⁽¹⁾. Эти раздоры и тревоги продолжались до самой смерти Вильгельма Шампанскаго. Въ письмахъ къ друзьямъ онъ жалуется что лучшія его намѣренія не удалось, что онъ утомленъ этими постоянными ссорами съ коммуной и съ капитуломъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ писемъ Стефанъ, епископъ г. Турна, утѣшаетъ его шутками: „Въ этомъ мірѣ, пишетъ Стефанъ, три группы. крикуновъ; есть и четвертая, которую не легко заставить молчать. Это коммуна, желающая властвовать, ссорящаяся между собой женщины, стадо свиней и капитулъ, раздраемый несогласіемъ. Мы смѣемся надъ второй группой; презираемъ третью; но неба- вы насъ Боже отъ первой и четвертой“ (*et primo et quarto libera nos Domine!*)⁽²⁾.

Въ XII в. королевская власть мало вмѣшивалась въ эти внутренніе раздоры архіепископа съ коммуной. Со времени Людовика VII, который сдерживалъ притязанія коммуны в увѣщаніями и вооруженной рукой, до Филиппа Августа мы не встрѣчаемъ въ документахъ ни одного случая королевскаго вмѣшательства въ дѣла города. Въ началѣ XII в. споры архіепископа съ коммуной касались главнымъ образомъ военнаго управленія городомъ. Трудно было рѣшить, подъ чьей властью находился тогда городъ: городскіе ключи и право назначенія начальниковъ городской стражи принадлежали поочередно то архіепископу, то коммунѣ. Этотъ фактъ показываетъ уже, какъ неопредѣленны были отношенія между городской и архіепископской властью. Хартія Вильгельма ничего не опредѣлила, ничего не разграничила. Въ своихъ спорахъ съ коммуной архіепископъ ссылался на феодальныя права, которыми предшественники его пользовались въ городѣ съ незапамятныхъ временъ. Горожане утверждали, что надворъ за городской безопасностью естественно долженъ принадлежать тому, чьи интересы всего больше могутъ пострадать отъ небрежности въ этомъ отношеніи (*Dictitantes*

(1) Arch. adm. de Reims. t. I. p. 435. Докум. 1198 года.

(2) Anquetil. Hist. de Reims, t. II p. 16 и т. д.

urbium custodiam penes esse eos debere, quorum maxime interesset)⁽¹⁾.

Наконецъ архіепископъ Обри де Го-Вилле (Aubry-de-Haut-Villiers) принужденъ былъ обратиться съ жалобой на жителей города къ Филиппу Августу. Король въ своей грамматѣ приказываетъ жителямъ возвратить городскіе ключи архіепископу, повиноваться его распоряженіямъ (bans) и безъ позволенія архіепископа не принимать въ городъ лицъ, подвергнутыхъ изгнанію по приговору архіепископскаго суда. Филиппъ считаетъ нужнымъ при этомъ напомнить и о своихъ собственныхъ правахъ, какъ феодальнаго суверена, въ отношеніи къ архіепископу. „Мы не можемъ отказать ему въ нашей помощи и не гарантировать ему тѣхъ владѣній, которыя онъ держитъ отъ насъ“⁽²⁾. Филиппъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ архіепископу и духовенству Реймскому. Въ 1209 году, по случаю военного времени, архіепископъ, отъ лица всей коммуны Реймской, обѣщаль принять короля въ городъ и защищать въ случаѣ опасности; кромѣ того онъ предлагалъ 4 т. ливровъ на исправленіе городскихъ укрѣпленій⁽³⁾. Король требовалъ денегъ на военные расходы и отъ коммуны и отъ аббатства св. Реми⁽⁴⁾. Онъ нуждался въ помощи духовенства и поэтому старался сохранить съ нимъ хорошія отношенія. Въ одной грамматѣ, принимая Реймскую церковь и церковное имущество подъ свое особенное покровительство, онъ говоритъ, что всякое нарушеніе правъ Церкви, онъ будетъ считать нарушеніемъ своихъ собственныхъ правъ (Si Ecclesiae fuerit in aliquo foris factura, ac si nobis ipsis foris factum fuisset)⁽⁵⁾.

Въ 1212 г. архіепископъ снова жаловался на жителей города, что они отказываются исполнять его приказанія и требуютъ, чтобы всѣ его распоряженія напередъ были утверждаемы городскимъ совѣтомъ. Архіепископъ увѣрялъ короля, что притязанія коммуны наносятъ вредъ его собственной власти; потому что они уменьшаютъ права и доходы одного изъ

⁽¹⁾ Marl. Hist. Metr. Remensis, t. 11, p. 478.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims., t. 1. 2. p. 480—481. Докум. 1211 г.

⁽³⁾ Ibid. t. 1. 2. p. 476. Докум. 1209 года.

⁽⁴⁾ Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. p. 463. Документъ 1207 года, p. 465—1208 года.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 448. Докум. 1209 года.

большихъ коронныхъ леновъ. Въ послѣдствіи архіепископы постоянно ссылаются на солидарность своихъ феодальныхъ правъ съ королевской прерогативой. Граммата Филиппа къ Реймской коммунѣ отличается строгимъ тономъ. Онъ приказываетъ исполнять предписанія архіепископской власти безъ всякаго утверждения ихъ со стороны муниципальныхъ властей. Если бы коммуна нашла, что распоряженія архіепископа неразумны, то должна смиренно просить его, какъ своего господина, исправить что слѣдуетъ. Если не смотря на это онъ останется непреклоннымъ, то коммуна должна жаловаться королю. „Охотно, говоритъ Филиппъ, мы дадимъ вамъ совѣтъ, какой найдемъ наилучшимъ“. Этимъ общаніемъ Филиппъ представлялъ себѣ право вмѣшиваться во внутренніе раздоры коммуны съ архіепископомъ. Это первый проблескъ идеи легистовъ относительно апелляціи на феодальные суды въ королевскимъ, — идея, которая получила полное примѣненіе къ практикѣ уже во 2-й половинѣ XIII вѣка. Филиппъ въ концѣ своей грамматы общается силой поддерживать власть архіепископа (*ne manum arropere nos orogteat; in hoc enim non possemus ei deesse*)⁽¹⁾.

Съ Филиппа Августа короли принимаютъ гордый тонъ не только въ отношеніи къ коммунѣ, но и къ самимъ феодаламъ. Королевская власть стремится встать въ прямые отношенія съ феодальными подданными. По феодальнымъ обычаямъ давали ленную присягу королю только бароны, прямо отъ него державшіе свои лены; подобной присяги не требовалось отъ лицъ владѣвшихъ королевскими ленами чрезъ посредство этаго высшаго феодала; тѣмъ болѣе не требовалось такой присяги отъ феодальныхъ подданныхъ, сельскихъ и городскихъ жителей. Но Филиппъ потребовалъ присяги отъ всѣхъ жителей Реймса и окрестныхъ бурговъ. Въ своемъ приказѣ (*mandatum*) аббату Сень-Реми онъ говоритъ, что присяга требуется вслѣдствіе того, что всѣ жители Реймса обязаны королю вѣрностью; они могутъ быть вѣрными своему сеньору не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія вѣрности королю (*nec archiepiscopo possunt, nec debent fidelitatem facere, nisi salva fidelitate nostra*)⁽²⁾. Кажется аббатъ

(1) Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. p. 486. Докум. 1212 года.

(2) Arch. adm. t. 1. 2. p. 511. Докум. 1219 года.

не сляшкомъ торопился исполнить приказаніе короля, потому что король требовалъ его въ Парижъ для личныхъ объясненій⁽¹⁾. Наконецъ требуемая присяга была дана: жители бурга клялись, по силѣ возможности (*pro posse suo*), вѣрно защищать жизнь и здоровье короля (*vitam, corpus et membra*), охранять честь королевства и всѣ королевскія права (*honorum regni et omnia jura regis*)⁽²⁾.

Болѣе прямое вмѣшательство во внутреннюю жизнь коммунъ мы видимъ при Людовикѣ IX. Въ исторіи Амьенской коммуны мы имѣли случай изучить законодательныя мѣры Людовика, имѣвшія предметомъ своимъ финансовое управленіе городовъ Франціи. Въ исторіи Реймской коммуны намъ представляется прекрасный случай познаться съ столкновеніемъ королевской власти съ феодальными правами духовныхъ сеньоровъ, по случаю королевскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла коммуны. Поводомъ къ этому вмѣшательству короля и столкновенію съ свѣтской юрисдикціей епископа послужили событія въ Бовэ. Здѣсь въ 1232 году происходили выборы городскихъ начальниковъ. 12 пэровъ и 12 заседателей были выбраны спокойно, но когда пришлось выбирать мэра, то народное собраніе раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая хотѣла, чтобы выборъ палъ на ея кандидата. Въ Бовэ, какъ и въ другихъ коммунахъ, существовали двѣ партіи:—богатыхъ торговцевъ,—родъ городской аристократіи и цеховыхъ мастеровъ, представителей демократіи. Вотъ эти-то партіи и спорили теперь о выборѣ мэра и ни та ни другая не хотѣла уступить. Въ эти раздоры вмѣшался епископъ: онъ утверждалъ, что право назначенія на должность мэра принадлежитъ ему и что коммуна должна только представить ему кандидатовъ. Въ это время королемъ былъ Людовикъ Св.; онъ былъ еще молодъ и королевствомъ управлялъ совѣтъ регенства. Идеи легистовъ о единой верховной власти были уже въ ходу. Правительство пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ къ посягательству на феодальныя права и коммунальныя привилегіи. Оно начинало даже искусно пользоваться распрями городскихъ партій между собой и съ феодальными сеньорами. Когда въ Бовэ не

(¹) Arch. adm. t. 4. 2. p. 511. Докум. 1219 года.

(²) Ibidem. p. 511. Докум. того-же года.

могли согласиться относительно избранія новаго мэра, регентство собственной властью назначило на эту должность какого-то Роберта Морэ,—человѣка не принадлежавшаго къ коммуна́мъ. Это было уже прямое нарушение коренныхъ законовъ коммуны. Не смотря на это аристократическая партія согласилась принять новаго мэра. Городскіе аристократы готовы были жертвовать свободой коммуны, только бы не допустить усиленія ненавистныхъ для нихъ демократовъ. Но не такъ легко уступила эта послѣдняя партія. Недовольная, и нарушеніемъ правъ коммуны, и распоряженіями новаго мэра, она стала требовать отъ городского совѣта новыхъ выборовъ. Пары и засѣдатели сочувствовали аристократической партіи и не согласились на требованія ремесленниковъ. Въ отвѣтъ на это вспыхнуло возстаніе. Мэръ и засѣдатели должны были бѣжать изъ залы городского совѣта и заперлись въ одномъ сосѣднемъ домѣ. Но чернь подошла къ этому дому и начальники города попались въ ея руки. Горностаевая мантия Роберта Морэ была разорвана; съ разными поруганіями народъ водилъ его по улицамъ. Кромѣ того до 60 человѣкъ партіи аристократовъ было убито и ранено (1). Аристократическая партія немедленно послала извѣстіе о случившемся въ Парижъ въ совѣтъ регентства. Въ то же время епископскій байль о событіяхъ въ городѣ извѣстилъ епископа, бывшаго въ отсутствіи. Епископъ Милонъ де Нантёйль (Milon de Nanteuil) немедленно воротился въ городъ. Демократы пытались свлонить его на свою сторону; они увѣряли, что назначеніемъ Роберта Морэ нарушены его собственные права. Но эти уловки не удалось: епископъ отвѣчалъ, что виновные должны дать отчетъ въ своемъ поведеніи передъ его офиціалами. Когда раздраженіе народныхъ страстей нѣсколько утихло, начались аресты. Главные зачинщики были посажены въ епископскую тюрьму. Но епископу не удалось раздѣлаться съ жителями Бове и на счетъ ихъ пополнить свою казну: самъ молодой король приближался съ войскомъ. Людовикъ IX шелъ съ цѣлюю наказать виновныхъ въ ослушаніи королевской воли. Въ его глазахъ главнымъ преступленіемъ было оскорб-

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 596. Докум. 1235 года: Instrumentum inquisitionis de seditione Bellovacensi.

леніе мэра, назначеннаго королевской властью. Епископъ Милонъ предчувствовалъ это: онъ узналъ, что король будетъ дѣйствовать во имя собственной юрисдикціи, а не какъ защитникъ феодальныхъ правъ епископа. Поэтому епископъ успѣшилъ выѣхать королю на встрѣчу и просилъ у него совѣта, — какъ поступить ему съ бунтовщиками. Этимъ онъ хотѣлъ напомнить королю о собственныхъ правахъ въ городѣ. Но король спокойно отвѣчалъ, что онъ самъ лично произведетъ судъ и расправу. Епископъ тогда сказалъ: „Возлюбленный государь! Вамъ вѣроятно извѣстно, что мнѣ, и только мнѣ одному, принадлежатъ судебныя права въ городѣ“. Это онъ повторилъ трижды, но Людовикъ не отвѣчалъ ни слова. По другимъ свидѣтельствамъ епископъ умолялъ короля не нарушать его правъ и не вступать въ городъ. Но король сказалъ: „войду въ Бовэ, и вы увидите, что я тамъ сдѣлаю“ (*ibi Belvasum, et videbitis quod faciam*) (1).

На другой день король, явившись въ городъ, велѣлъ собраться всему народу. Родственники убитыхъ во время возстанія пали на колѣна и просили правосудія. Король приказалъ взять у епископа арестованныхъ и запереть ихъ при городскомъ домѣ; не смотря на сопротивленіе епископа это было исполнено. Начался судъ: до полутора тысячъ человекъ было приговорено къ изгнанію; пятнадцать домовъ, принадлежавшихъ главнымъ зачинщикамъ, разрушено до основанія. Мэръ Робертъ де Морэ первый ударялъ молотомъ въ стѣну дома; наемные работники доканчивали остальное.

Епископъ Милонъ протестовалъ противъ нарушенія королевскихъ правъ его юрисдикціи. Онъ требовалъ, чтобы королевскіе судьи возвратили изгнанниковъ, такъ какъ они незаконно были приговорены къ изгнанію. Но король отвѣчалъ тѣмъ, что потребовалъ отъ епископа 80 ливровъ на содержаніе въ городѣ своей свиты (2). Милонъ просилъ срока для обсужденія этого требованія съ капитуломъ (3). Но король приказалъ схватить и продать нѣкоторыя вещи епископа, да сверхъ того поставить военный гарнизонъ въ епископскій дворецъ; послѣ чего онъ удалился изъ города (4).

(1) Arch. adm. de Reims t. 1. 2. p. 595. Докум. 1235 г.

(2) Мы знаемъ уже, что это право называлось *droit du gîte*.

(3) Arch. adm. t. 1. 2. p. 598. Докум. 1235 г.

(4) *Ibidem*. p. 598.

Вѣсть о королевскомъ насилии и нарушеніи правъ епископа Милона быстро разнеслась по всему Реймскому діоцезу. Всѣ прелаты, и во главѣ ихъ Генрихъ де Бранъ, архіепископъ Реймскій, въ высшей степени раздражены были поступкомъ короля. Теперь никто изъ нихъ не былъ увѣренъ въ неприкосновенности своей власти. Между прелатами особенно выдавался самъ архіепископъ Реймскій Генрихъ. Это былъ человекъ въ высшей степени честолюбивый; онъ отличался смѣлостью и непреклонностью характера. Онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ законности феодальныхъ правъ духовенства. Дѣятельность его была неутомима: онъ умѣлъ сдерживать непокорный духъ монаховъ и гордыя претензіи блага духовенства. Его трепетали даже смѣлые горожане Реймса. Генрихъ де Бранъ былъ достойный представитель французской влериальной партіи и ревностный защитникъ ея интересовъ. Извѣстіе о событіяхъ въ Бовѣ онъ получилъ на соборѣ, который держалъ въ Нуайонѣ для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ. Немедленно къ королю была отправлена депутація, которая требовала именемъ собора: чтобы права епископа Милона были восстановлены; чтобы захваченныя вещи были возвращены; чтобы убытки понесенныя жителями отъ разграбленія имущества и разрушенія домовъ были уплачены епископу; чтобы сами изгнанники были выданы ему для произнесенія надъ ними приговора (¹). Король отказался исполнить эти требованія. Тогда епископы Реймскаго діоцеза собрались снова и всѣмъ соборомъ съ Реймскимъ прелатомъ во главѣ отправились къ королю умолять его загладить свою вину, — оскорбленіе Церкви Божіей въ лицѣ епископа Милона. Но король не слушалъ ни увѣщаній, ни угрозъ (²). Тогда на соборѣ въ С. Кантенѣ былъ наложенъ интердиктъ на всю Реймскую митрополию, о чемъ донесено было папѣ. Нѣкоторые епископы были противъ интердикта; но пылкій архіепископъ Реймскій настоялъ на своемъ. Въ ноябрѣ 1233 года онъ приказалъ всѣмъ епископамъ Реймскаго діоцеза провозгласить въ своихъ епархіяхъ отлученіе по установленной формѣ. Этотъ интердиктъ былъ неполный: было дозволено отправленіе богослуженія съ закры-

(¹) Arch. admin. de Reims t. 1.2. p. 563. Докум. 1233 г.

(²) Ibidem. p. 568. Докум. 1233 г. Epist. Henr. Arch. Rem. ad. P. Greg. IX. de oppressione Ecclesiae Belvacensis.

тymi дверями и тихимъ голосомъ (*januis clausis, submissa voce*). Въ погребеніи отказывали всѣмъ, кромѣ лицъ принадлежащихъ къ Церкви. Но чтобы духъ народа не ожесточился (*ne populi animus indurescat*), позволено было однажды въ мѣсяцъ, послѣ богослуженія — съ закрытыми дверями, устраивать для народа покаянную процессію, при чемъ произносилась проповѣдь и отправлялось особое молебствіе объ успокоеніи церкви ⁽¹⁾. Въ письмѣ къ папѣ архіепископъ Генрихъ просилъ защитить церковь отъ притязанія свѣтской власти. „Мы сочли нужнымъ, говорилъ онъ отъ лица всѣхъ прелатовъ Реймской митрополіи, передать твоему святѣйшеству въ настоящемъ слезномъ письмѣ о событіяхъ достойныхъ плача и состраданія“ ⁽²⁾. Людовикъ также горько жаловался на дѣйствія прелатовъ въ письмѣ къ лаонскому капитулу ⁽³⁾.

Этотъ раздоръ короля съ епископами сильно взволновалъ сѣверныя провинціи Франціи. Не смотря на нарушеніе коммунальной конституціи г. Бовэ, всѣ городскія общины стояли за короля; на происшествія въ Бовэ онѣ смотрѣли какъ на исключительный случай. Теперь когда король открыто вступалъ въ борьбу съ ненавидимыми прелатами, въ городскихъ общинахъ зарождалась надежда освободиться отъ ихъ власти. Наложеніе интердикта еще болѣе увеличивало народную ненависть къ духовенству. Въ коммунахъ было сильное броженіе: въ Нуайонѣ происходили постоянныя схваты съ канониками. Въ Суассонѣ никто изъ нихъ не осмѣливался показываться на улицахъ. Но въ Реймсѣ народное волненіе достигло высшей степени. Это зависѣло отъ особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ былъ поставленъ г. Реймсъ при архіепископѣ Генрихѣ де Брэнъ. Ни одинъ прелатъ не отличался такой суровостью, такой неутомимой жестокостью, какъ архіепископъ Генрихъ. Посредствомъ террора онъ хотѣлъ сломить строптивый духъ коммуны. Архіепископы Реймскіе на сѣверной сторонѣ города имѣли замокъ, построенный еще Генрихомъ французскимъ. Замокъ этотъ назывался *Port-Mars*; потому что старинная римская арка — въ честь бога Марса, служившая когда-то вмѣсто городскихъ воротъ, была включена въ одну изъ башенъ замка. Портъ-

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims t. 1.2. p. 571. Докум. 1233 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 568.

⁽³⁾ Ibidem. p. 572. Докум. 1233 г.

Марсъ одной стороной выходилъ въ поле, а другой былъ обращенъ къ городу. Внѣшняя часть его состояла изъ нѣсколькихъ башенъ, возвышавшихся надъ городскимъ рвомъ. Посредствомъ подземнаго моста замокъ сообщался съ окрестностями; поэтому всегда можно было ввести въ замокъ сколько угодно войска изъ окрестныхъ замковъ, которыхъ такъ много было у архіепископовъ Реймскихъ. Но особенно сильно была укрѣплена сторона обращенная къ городу. Съ этой стороны и стѣны замка были толще, и рвы гораздо шире и глубже; огромные брустверы, облежавшіе замокъ, были снабжены военными машинами. По всему было видно, что эта цитадель назначалась не столько для защиты города отъ внѣшнихъ нападений, сколько для того, чтобы держать въ страхѣ самихъ жителей. Рядомъ съ замкомъ архіепископы имѣли небольшой дворецъ, окруженный садами. Когда въ городѣ было тихо, они жили въ дворцѣ; но при малѣйшей тревогѣ запирались въ замокъ, гдѣ постоянно находилась сильный гарнизонъ.

Въ замкѣ Портъ-Марсъ засѣдалъ архіепископскій судъ подъ предѣлательствомъ архіепископскаго байльи или прею. Сюда приглашали въ отвѣтъ Реймскихъ гражданъ. Никто изъ нихъ, разъ вступивши въ него, не былъ увѣренъ, воротится ли назадъ здоровымъ и невредимымъ, или по крайней мѣрѣ незаплативши огромнаго выкупа. Архіепископъ имѣлъ въ городѣ шпионовъ, которые доносили ему обо всемъ, что тамъ говорилось или дѣлалось. Въ случаѣ какого-либо преступленія или проступка, иногда просто вслѣдствіе неосновательнаго подозрѣнія, архіепископъ требовалъ къ себѣ на судъ виновныхъ. Если горожанинъ медлилъ явиться въ страшный замокъ, то подъемный мостъ съ городской стороны опускался; изъ него выходилъ вооруженный отрядъ и направлялся въ городъ отыскивать обвиненнаго. Его искали въ собственномъ домѣ, на улицахъ, въ домахъ сосѣдей, родныхъ, знакомыхъ. Если находили, уводили въ Портъ-Марсъ; если нѣтъ, то брали перваго встрѣчнаго и держали въ замкѣ до тѣхъ поръ, пока не отдавали того нужно. Начинались допросы, чудовищныя пытки и истязанія всякаго рода. Въ тяжелыхъ цѣпяхъ обвиненнаго отводили въ подземныя темницы замка. Много невинныхъ жертвъ погибло въ этихъ

(¹) Arch. admin. de Reims t. 1.4. 12. 26.

дупныхъ и мрачныхъ подземельяхъ; страдальцы томилсь иногда по нѣскольку лѣтъ, подвергаясь страшнымъ мученіямъ, на которыя такъ изобрѣтательны были средневѣковые бароны и прелаты. Много входило въ этотъ замокъ, но не всѣмъ удавалось выходить изъ него. Богатые отдѣлялись большою частью хорошимъ выкупомъ; но если родственники или друзья не торопились заплатить требуемой суммы, то заключеннаго подвергали пыткамъ. Многіе, попавши въ замокъ, пропадали безъ вѣсти. Когда впоследствии, при усилившемся вмѣшательствѣ королевской власти, королевскіе судьи или парламентъ спрашивали, что сдѣлалось съ тѣмъ или другимъ арестантомъ, то архіепископы или ихъ прокуроры отвѣчали, что они умерли во время заключенія,—и этимъ дѣло оканчивалось. Перечитывая подлинныя документы, которые такъ хорошо вводятъ въ духъ и характеръ эпохи, лучше и осязательнѣе понимаешь мотивы упорной борьбы городскихъ общинъ съ феодализмомъ. Борьба ведется изъ-за насущныхъ интересовъ, за свободу жить и дышать, за право имѣть какую нибудь прочную собственность, за возможность спокойно заниматься какимъ нибудь дѣломъ, торговлей или ремесломъ. Коммунальное движеніе, направленное противъ феодальнаго деспотизма, есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ средневѣковой жизни. Невольное сочувствіе возбуждаетъ эта толпа смѣлыхъ буржуа, которая на каждомъ шагѣ ведетъ отчаянную, упорную борьбу съ могущественнымъ феодаломъ. За него цѣлый строй общественныхъ отношеній, узаконенныхъ вѣковыми преданіями; въ его рукахъ военная сила, огромное поземельное богатство, сочувствіе сотни другихъ феодаловъ, которые готовы дружно стоять другъ за друга. Если феодалъ—духовная особа, то за него цѣлая система церковнаго строя. Въ его рукахъ двойное оружіе власти свѣтской и духовной; за него всесильное покровительство папы.

Противъ такого-то сеньора вела упорную борьбу Реймская коммуна. Желаніе свободы въ ней не умирало; напротивъ чѣмъ сильнѣе было давленіе со стороны архіепископовъ, тѣмъ сильнѣе была коммунальная реакція. Событія въ Бове, раздоръ прелатовъ Реймскаго діоцеза съ королемъ, придали еще большей смѣлости народной партіи. Характеръ архіепископа, его мрачныя замыслы, новыя притязанія на свободу жителей, тревожили и волновали коммуны. Архіе-

пископъ вмѣшивался въ дѣла бурговъ, которые подъ управленіемъ аббатовъ сравнительно находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ самый городъ. Жители бурга св. Реми, пользуясь распрей архіепископа съ королемъ, исходатайствовали королевское позволеніе отдѣлнить себя отъ города особыми укрѣпленіями. До сихъ поръ для этой цѣли служили желѣзныя цѣпи, протягиваемыя въ концахъ улицъ (¹). Городской совѣтъ Реймса въ отношеніи къ клерикальной партіи, пользуясь распрей Церкви съ королемъ, сдѣлался гораздо смѣлѣе: городскіе совѣтники именовъ короля требуютъ къ своему суду вассаловъ архіепископа (²). Они осудили на изгнаніе самого архіепископскаго превд, каноника Томаса де-Бомета. Не смотря на возраженія капитула приговоръ городского совѣта былъ приведенъ въ исполненіе (³). Новымъ поводомъ къ столкновенію между архіепископомъ и коммуной послужилъ выпускъ пожизненныхъ рентъ городскимъ совѣтомъ. Архіепископъ требовалъ себѣ десятую часть займа; но городской совѣтъ отвѣтилъ ему молчаніемъ. Разгнѣванный архіепископъ запретилъ вносить капиталы въ совѣтъ и запрещеніе это было прочтано во всѣхъ приходскихъ церквахъ Реймса (⁴). Но эта мѣра не произвела ожидаемаго дѣйствія. Горожане охотно вносили деньги въ городской совѣтъ съ условіемъ опредѣленнаго годоваго дохода. Но всѣ эти притязанія волновали жителей; раздраженіе ихъ доходило до высшей степени. Однажды въ воскресенье деканъ и члены капитула въ торжественной процессіи шли по городу: они провожали на кладбище тѣло умершаго собрата. Огромная толпа слѣдовала за процессіей, но не для того, чтобы воздать честь умершему; она осыпала бранью канониковъ, называла ихъ ворами и измѣнниками. Съ какимъ-то ужасомъ говоритъ о такомъ поруганіи святыхъ одно изъ писемъ Григорія IX: „Они ухали на служителей Божіихъ какъ на волковъ или какъ на собакъ (*hulularunt, quod turpius in gallico idiomote sonare dicitur: huiaverunt*)“ (⁵). Но этимъ враждебныя дѣйствія

(¹) *Marl. Hist. Métrop. Remens.*, t. 11 p. 518.

(²) *Arch. admin. de Reims.* t. 1. 2. p. 583. Докум. 1235 г.

(³) *Ibidem.* p. 584.—1235 с.

(⁴) *Ibidem.* p. 577. Докум. 1234 г.

(⁵) *Arch. admin.* t. 1. 2. p. 580. Докум. 1235 г.

горожанъ противъ духовенства не ограничились. Они запрещали всѣмъ въ городѣ поступать въ услуженіе въ духовнымъ, не иначе какъ только на извѣстныхъ условіяхъ тяжелыхъ и безчестныхъ, какъ выражается папская грамота. Кто не хотѣлъ исполнять этого распоряженія, тому дѣлали такія оскорбленія, которыхъ „постыдились самыя еретики или язычники“ (*pagani vel heretici erubescerent*)⁽¹⁾. Людямъ капитула запрещено было продавать въ городѣ свои произведенія; никто изъ жителей города не смѣлъ вступать съ ними въ сдѣлки и торговые сношенія. Запрещено было продавать что нибудь каноникамъ „какъ мытарямъ и язычникамъ“⁽²⁾. Эти „дѣти Сатаны“, такъ называетъ горожанъ папа, избили каноника, оскорбили священника, который несъ умирающему св. Дары. Когда архіепископъ Генрихъ вздумалъ произвести слѣдствіе объ этихъ безчинствахъ, то городской совѣтъ запретилъ всѣмъ и каждому говорить правду; вслѣдствіе чего архіепископъ не добился никакого толку⁽³⁾.

Событія въ Бове и волненія въ рейскомъ діоцезѣ дошли до свѣдѣнія папы Григорія IX. Еще въ 1234 году онъ писалъ къ Людовику по поводу оскорбленій, нанесенныхъ имъ епископу Милону. Папа напоминаетъ королю подвиги его предковъ, ихъ любовь къ св. Церкви и всегдашнюю готовность сражаться съ врагами ея. „Они неоднократно отправлялись за море мстить невѣрнымъ за обиды Распятому. Блаженной памяти отецъ твой, слѣдуя по стопамъ предковъ, много потрудился въ искорененіи альбигойской ереси. Поэтому есть надежда, что снискавши временную славу онъ наследуетъ и вѣчное блаженство. Обнимая тебя вѣжно, какъ возлюбленнаго во Христѣ сына нашего, увѣщаемъ твою свѣтлость и съ отеческою ласкою молимъ, просимъ, требуемъ, заклинаемъ именемъ Господа нашего Иисуса Христа и, во отпущеніе грѣховъ твоихъ, повелѣваемъ тебѣ склонить кротость души твоей къ примиренію съ епископомъ в. Бове“. Папа извѣщалъ, что посредникомъ между епископомъ Милономъ и королемъ онъ назначаетъ магистра Петра де Колломедію, и что силой апостольской власти, по ходатай-

(1) Ibidem.

(2) Arch. admin. de Reims. p. 581. Докумен. 1235 г.

(3) Ibidem. p. 581.

ству самого обиженного епископа, онъ снимаетъ интердиктъ, наложенный на реймскую митрополию архіепископомъ Генрихомъ⁽¹⁾. Но Людовикъ отвѣчалъ на это письмо тѣмъ, что запретилъ папскому легату, когда онъ хотѣлъ приступить къ слѣдствію о событіяхъ въ Бова, касаться вопроса о коммунахъ этого города и о правахъ королевской юрисдикціи⁽²⁾. Нѣсколько писемъ Григорія IX въ епископамъ и каноникамъ разныхъ городовъ сѣверной Франціи имѣютъ предметомъ уже событія въ Реймсѣ. Онъ повелѣваетъ духовенству настоятельно требовать у короля восстановления правъ реймской Церкви, поруганныхъ городскими жителями. Папа сильно негодуетъ на реймскихъ горожанъ; онъ называетъ ихъ „ехиднами, дѣтьми Сатаны“ и т. д.⁽³⁾ Въ одномъ письмѣ онъ требуетъ въ Римъ городскихъ засѣдателей къ суду за оскорбленіи, нанесенныя ими капитулу реймской Церкви⁽⁴⁾. Въ другомъ письмѣ, адресованномъ ко всѣмъ суффраганамъ⁽⁵⁾, реймской Церкви, папа повелѣваетъ имъ помогать реймскому архіепископу въ борьбѣ съ городскимъ совѣтомъ и жителями Реймса⁽⁶⁾. Папа говоритъ объ опасности для Церкви отъ подобныхъ возмущеній: „Если важно преступленіе, то еще опаснѣе примѣръ, который подають жители Реймса другимъ французскимъ городамъ“⁽⁷⁾.

Феодальные сеньоры не оставались посторонними зрителями этой распри между королемъ и коммунами съ одной стороны и духовными феодалами съ другой. Притязанія прелатовъ въ мірскихъ дѣлахъ зашли уже слишкомъ далеко. Они стремились къ полной самостоятельности и совершенной независимости отъ королевскихъ судовъ. Они забыли уже, что на основаніи феодальнаго права, какъ ленники короля, въ отношеніи къ своимъ свѣтскимъ владѣніямъ, они обязаны подчиненіемъ королю, какъ высшему суверену, и суду бароновъ Франціи, какъ суду свѣтскихъ пэровъ. Французскіе бароны

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. 575—577.

⁽²⁾ Ibidem. p. 605. Докум. 1235 г.

⁽³⁾ Ibidem. t. 1. 3. p. 581. Докум. 1235 г.

⁽⁴⁾ Arch. adm. t. 1. 2. p. 583. Докум. 1235 г.

⁽⁵⁾ Такъ называлось всякое духовное лицо, имѣвшее право голоса (suffragium) на провинціальныхъ соборахъ.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 590. Докум. 1236 г.

⁽⁷⁾ Ibidem. t. 1. 2. p. 590—591. Докум. 1235 г.

писали въ своей жалобѣ къ Григорію IX (1): „Реймскій архіепископъ и епископъ г. Бовэ суть ленники короля, (homines ejus ligii et fideles); свои свѣтскія владѣнія они держатъ какъ коронные вассалы. Но дерзость ихъ возрасла до такой степени, что они не хотятъ подлежать суду паровъ Франціи относительно своихъ ленныхъ владѣній. Слѣдуя ихъ примѣру, и архіепископъ г. Турнэ не позволяетъ являться въ королевскому суду аббатамъ и пріорамъ своей провинціи“ (2). Папа не отвѣчалъ на это письмо.

Если легисты дѣйствовали противъ феодальныхъ правъ духовныхъ сеньоровъ медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ постояннаго вмѣшательства королевскихъ судовъ въ ихъ юрисдикцію, если бароны и сеньоры думали ограничить ихъ притязанія жалобами къ Св. Престолю, то коммуны предпочитали путь открытаго возстанія. Горожане дѣйствовали не на основаніи общихъ соображеній, но подъ вліяніемъ обстоятельствъ минуты. Притязанія духовныхъ живо задѣвали ихъ интересы, прямо касались ихъ жизни, свободы, труда, личной и имущественной безопасности. Угрозы Римскаго престола мало подѣйствовали на реймскихъ буржуа. Ихъ тревожили опасенія иного характера. Генрихъ де Бренъ, находившійся въ то время въ отлучеѣ по дѣламъ Церкви, приказалъ прибавить съ городской стороны нѣсколько новыхъ укрѣпленій къ замку Портъ-Марсу. Множество рабочихъ рыли рыи, вбивали тяжелые высокіе колья, отсюду сносили кирпичи и камни и дѣлали толще и безъ того толстыя стѣны Портъ-Марса. По всему было видно, что Генрихъ замышлялъ противъ города что то недоброе. Такъ казалось по крайней мѣрѣ городскимъ жителямъ. Въ городѣ наконецъ вспыхнуло всеобщее возстаніе. По звуку церковныхъ колоколовъ вооруженные горожане собирались на улицахъ и площадяхъ и толпами направились въ архіепископскому замку. Работники занимавшіеся укрѣпленіями были прогнаны; заготовленные матеріалы расхищены, уничтожены, или перенесены въ другое мѣсто (3). Гарнизонъ архіепископа, состоявшій изъ рыцарей, его вассаловъ и хорошо обученныхъ

(1) Arch. admin. t. 1. 2. p. 591. Докум. 1235 г.

(2) Ibidem. t. 1. 2. p. 592. Докум. 1235 г.

(3) Arch. admin. de Reims t. 1. 2. p. 601. Докум. 1235 г. Litt. Gr. IX. de tumultibus remensibus.

стрѣлковъ, сдѣлать было вылазку, но былъ немедленно отбитъ, не смотря на превосходство оружія и военной тактики. Маршалъ или военный намѣстникъ архіепископа при отступленіи получилъ смертельную рану (¹).

Но жители не удовольствовались этимъ успѣхомъ: они рѣшились овладѣть замкомъ. Въ то время военныя стѣнобитныя машины хранились въ церквахъ. Жители Реймса овладѣли ими, притащили къ стѣнамъ замка и начали приступъ. Они овладѣли сосѣднимъ домомъ братьевъ миноритовъ и помѣстили въ немъ стрѣлковъ, которые день и ночь стрѣляли въ архіепископскихъ людей, если ктонибудь изъ нихъ показывался на стѣнахъ замка. Но Портъ-Марсъ не легко было взять, благодаря толщинѣ его стѣнъ и храбрости осаждаемыхъ. Тогда горожане превратили приступъ въ правильную осаду. На берегу рва окружавшаго замокъ они выстроили цѣлый рядъ редутовъ. Потребовались матеріалы, — кирпичи и камни. Горожане разобрали мостовыя, потаскали съ кладбищъ надгробныя памятники, овладѣли матеріалами, назначенными для построекъ въ соборной церкви (²). Архіепископа не было въ городѣ: онъ въ это время объѣзжалъ реймскій діоцезъ, убѣждая прелатовъ дружно стоять за права Церкви. Капитулъ, остававшійся въ городѣ безъ главы, не смѣлъ открыто воспротивиться замысламъ горожанъ. Каноники выбрали другое средство съ цѣлью ослабить революціонное возбужденіе коммуны. Они старались внушить жителямъ Реймса сомнѣніе въ законности ихъ дѣйствій, поселить въ нихъ опасеніе за будущее. Каноники толпами разсыпались по городу и говорили жителямъ: „Будьте осторожны; ваши права и привилегіи не такъ ясны, какъ вы думаете; можетъ быть ваши замыслы принесутъ вамъ больше вреда, чѣмъ пользы; не подумайте ли вамъ напередъ хорошенько о томъ, что вы замышляете (³)“.

Случалось, что каноники далеко заходили въ своихъ спорахъ съ горожанами: они доказывали, что городъ не имѣетъ правъ коммуны и ссылались на хартію архіепископа Вильгельма. Этимъ они навлекли на себя враждебныя дѣйствія со стороны революціонеровъ. Не смотря на новыя увѣ-

(¹) Anquetil. Histoire de Reims. t. II. p. 41.

(²) Arch. admin. de Reims. t. 4. 2. p. 602. Докум. 1235 r.

(³) Anquetil. Hist. de Reims. t. 11. p. 44.

панія папы и на призывъ городскихъ засѣдателей къ папскому суду, оскорбленія духовенства продолжались. Наконецъ officialъ реймскаго архіепископа произнесъ отлученіе на неповорныхъ; но не подѣйствовало и это. Коммуна запретила жителямъ продавать каноникамъ жизненные припасы. Это приказаніе было исполнено со всею точностью. Въ то же время распространился слухъ, что на духовныхъ готовится нападеніе, что жители рѣшились перебить ихъ всѣхъ до одного ⁽¹⁾. Напуганный капитулъ тайно оставилъ городъ. Узнавши объ этомъ, реймская чернь съ яростью бросилась на дома канониковъ; многие разрушила и разграбила имущество. Между тѣмъ каноники собрались въ одномъ городѣ въ трехъ миляхъ къ сѣверу отъ Реймса. Здѣсь они дали торжественную клятву не возвращаться въ Реймсъ, пока не получатъ удовлетворенія за понесенные ими убытки и оскорбленія.

Обо всѣмъ было донесено Папѣ. Григорій рѣшился наконецъ предать отлученію нарушителей правъ Церкви ⁽²⁾. Вотъ что писалъ онъ въ своей буллѣ къ духовенству реймской митрополіи: „До насъ дошли важныя жалобы, которыя повергли насъ въ удивленіе. Нашъ, братъ архіепископъ, реймскій, пользуется всѣми правами свѣтскаго сеньора въ Реймсѣ. Жители города должны быть въ отношеніи къ нему не только духовными сынами, но и вѣрными подданными. Но они перестали быть дѣтьми; они не постыдились возстать противъ матери; они не убоялись замыслить погибель отца. Они поцѣли ногами Церковь реймскую, свою мать, они изгнали архіепископа, своего отца, и, овладѣвши наслѣдствомъ, превзошли въ лютости самую змѣивую природу. Опасаясь, чтобы примѣръ такой злобы не заразилъ другихъ и чтобы виновные не возвеселились въ дѣлахъ своихъ, мы повелѣваемъ вашему смиренству торжественно провозглашать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ при звукѣ колоколовъ и съ зажженными свѣтильниками прилагаемую при семъ формулу отлученія. Прочитайте ее въ церкви реймской, въ сосѣднихъ діоцезахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вы найдете пугливымъ и удобнымъ. Но если возмутители и послѣ отлученія не возвратятся къ повиновенію, то распорядитесь объ удер-

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 4. 2. p. 581. Докум. 1235 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. 4. 2. p. 611.

жаніи ихъ доходовъ во всё время интердикта, откуда бы они не были ими получаемы, на рынкахъ, ярмаркахъ, вездѣ, гдѣ только будутъ найдены. Объявите, что должники ихъ освобождаются отъ всякихъ обѣщаній и клятвенныхъ обязательствъ. Въ случаѣ нужды обратитесь къ помощи свѣтской власти, да сокрушится ихъ упорство⁽¹⁾.—Приказаніе папы было исполнено и отлученіе провозглашено во всѣхъ кафедралахъ реймской провинціи, съ соблюденіемъ всѣхъ мрачныхъ церемоній анафемствованія. При торжественно-уныломъ звукѣ колоколовъ въ соборномъ храмѣ, передъ трепещущимъ народомъ, произносилась формула отлученія. Ее читалъ епископъ въ полномъ облаченіи, окруженный 12 священниками съ зажженными факелами въ рукахъ. Вотъ что читалъ епископъ, обратившись лицомъ къ народу: „Властію вселенскихъ соборовъ и по примѣру св. отцевъ, во имя Отца и Сына и дѣйствіемъ Святаго Духа, мы отлучаемъ жителей Реймса отъ нѣдръ Святой матери Церкви, какъ говнителей церкви Божіихъ, хищниковъ и челоукоубійць, и осуждаемъ ихъ анафемой вѣчнаго проклятія. Да будутъ они прокляты въ городѣ, да будутъ прокляты въ селѣ. Да будутъ прокляты имѣнія ихъ, и тѣла ихъ да будутъ прокляты. Пусть падеть проклятіе на плодъ утробы ихъ и на плодъ земли ихъ. Пусть надутъ на главу ихъ всѣ бѣдствія, которыя Господь изрекъ устами Моисея противъ нарушителей закона своего. Да будутъ они анафема, Мараната (Maganatha), то есть, да погибнутъ они во второе пришествіе Господа нашего. Никто изъ христіанъ не долженъ имъ говорить привѣтствія. Ни одинъ священникъ не долженъ служить для нихъ обѣдни, не долженъ давать имъ Причастія. Пусть они будутъ погребены во гробѣ осла, пусть какъ пометъ будутъ на лицѣ земли. Если они не принесутъ плодовъ достойныхъ покаянія и не дадутъ удовлетворенія оскорбленной ими Церкви Божіей, то да угаснетъ свѣтъ ихъ, какъ гаснутъ эти свѣтильники въ рукахъ нашихъ“. Съ этими словами епископъ и священники находившіеся въ ихъ рукахъ факелы бросали на землю и пощипали ногами⁽²⁾. Послѣ этого епископъ объяснялъ смыслъ церемоніи на народномъ языкѣ. „Знайте, говорилъ онъ, что огни въ должны поступать

(¹) Arch. admin. de Reims t. 1. 2. p. 611. Докум. 1236 г.

(²) Script. rer. gallic. et francic. t. IV. p. 612.

съ ними не казѣ съ христiанами, а казѣ съ язычниками. Если кто-нибудь изъ васъ будетъ имѣть какое нибудь общенiе съ отлученнымъ, будетъ пить, ѣсть, разговаривать, или молиться съ нимъ, тотъ будетъ подвергнутъ отлученiю. При этомъ епископъ объявлялъ, что властью первосвященника всѣ должники отлученныхъ свободны отъ уплаты долговъ, что всѣ контракты, всѣ обязательства, заключенные съ ними, теряютъ свою силу^а.

Въ это время прелаты реймской провинцiи, засѣдавшiе на соборѣ въ Санъ-Кантенѣ, снова рѣшились отправить къ королю депутацiю и просить у него защиты противъ реймскихъ гражданъ⁽¹⁾. Самъ архіепископъ Генрихъ въ сопровожденiи шести епископовъ явился къ королю въ Мелёнъ (Melun). „Государь, говорили прелаты, мы просимъ у васъ помощи прогнвъ насилiй, оказанныхъ церкви реймской горожанами^а. Король потребовалъ мѣсяца срока для обсужденiя этого дѣла въ совѣтѣ. Не больше имѣла успѣха и другая депутацiя, отправленная къ королю въ Сентъ-Дени. Тогда снова собрался соборъ въ Санли (Senli) и наложилъ интердиктъ уже на всѣ королевскiя владѣнiя⁽²⁾.

Во время молодости короля Людовика IX, феодальныя права прелатовъ и канониковъ были нарушаемы со стороны королевской власти. Королевскiе суды начинали проводить въ жизнь идеи легистовъ и дѣятельно вмѣшиваться въ права свѣтской юрисдикцiи духовенства.

Самъ Людовикъ въ молодые годы больше подчинялся влiянiю легистовъ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Каждый разъ, когда прелаты или депутацiи отъ соборовъ лично къ нему обращались съ своими жалобами на притѣсненiя со стороны королевскихъ судовъ, онъ отвѣчалъ, что подумаетъ объ этомъ вмѣстѣ съ совѣтомъ. Къ этому времени относится нѣсколько епископскихъ соборовъ подъ предсѣдательствомъ реймскаго архіепископа. Они громко жалуются на притѣсненiя со стороны короля и королевскихъ судовъ. Такъ на примѣръ предметомъ совѣщанiй собора 1235 года въ Санъ-Кентенѣ были слѣдующiе незаконныя поступки короля Людовика: „Собственною своею властью онъ, король, принудилъ къ изгнанiю

(¹) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 584. Докум. 1235 г.

(²) Mart. Jlist. Metrop. Rems. t. II. p. 522.

каноника реймской церкви. Въ Суассонѣ вновь выбранной аббатисѣ отказался дать инвеституру. Епископу суассонскому запретилъ давать ей благословеніе. Капитулу суассонской церкви не велѣлъ впускать еѣ въ церковь для совершенія надъ нею обычной церемоніи. По его приказанію королевскій байль велѣлъ вынести изъ монастыря мощи и другіе священные предметы“. Архіепископъ Генрихъ предложилъ на соборѣ нѣсколько вопросовъ: Имѣеть ли король право вмѣшиваться въ юрисдикцію архіепископа въ отношеніи къ подвластнымъ жителямъ Реймса? Могутъ ли королевскіе судьи принимать жалобы и отбирать показанія отъ лицъ подвергнутыхъ отлученію? Законно-ли поступаютъ они, когда требуютъ на судѣ отъ духовныхъ особъ доказательствъ посредствомъ судебного поединка? Развѣ прилично прелату, канонику или монаху, драться съ міряниномъ (1).

На соборѣ было предложено нѣсколько и другихъ вопросовъ въ томъ же родѣ. Всѣ единогласно отвѣчали, что король и его судьи дѣйствуютъ незаконно. Положено было всѣмъ епископамъ реймскаго діоцеза и нунціямъ отъ капитуловъ явиться къ королю и смиренно просить его оставить свои притязанія на права духовной юрисдикціи. Дѣйствительно депутація явилась къ королю; но онъ уклончиво отвѣчалъ ей, что обсудить это въ своемъ совѣтѣ и тогда уже дастъ отвѣтъ отцамъ собора (2).

Холодность короля объясняется вліяніемъ его совѣта, проникнутаго идеями легистовъ. Но вступивши въ совершеннolѣтіе, Людовикъ сдѣлался христіаннѣйшимъ королемъ, не по титулу только, но и на дѣлѣ. Онъ поспѣшилъ вступить въ мирныя отношенія съ духовными властями. Послѣдствія этого примиренія тяжело отозвались на реймской коммунѣ (3). Всѣ права, добытыя ею во время возстанія, были у нея отняты. Она должна была заплатить за всѣ убытки, понесенныя архіепископомъ и капитуломъ. Даже прежнія права коммуны были значительно ограничены. Множество спорныхъ вопросовъ королевскимъ судомъ рѣшено въ пользу архіепископа. Онъ восстановленъ въ полномъ владѣніи замкомъ

(1) Arch. admin. t. 1. 2. p. 584. Докум. 1235 г.

(2) Ibidem.

(3) Ibidem. p. 608. Докум. 1236 г.

Портъ-Марсомъ. Всѣ поврежденія въ укрѣпленіяхъ должны быть исправлены на счетъ города (¹).

Всѣ разрушенные дома горожане обязаны выстроить снова на свой счетъ. Укрѣпленія, возведенныя передъ Портъ-Марсомъ, должны разрушить собственноручно и надгробные памятники съ покаянной церемоніей отнести на мѣсто (²). Всѣ жители, подвластные архіепископу, судятся въ замкѣ судомъ архіепископа (³). Безъ его позволенія городскому совѣту запрещено производить выпускъ пожизненныхъ рентъ и устанавливать въ городѣ какіе либо налоги. Въ послѣднемъ случаѣ раскладка повинностей (compotum) представляется на утверждение архіепископа (⁴). Въ случаѣ жалобы жителей на неправильность налога или его раскладки споръ рѣшается архіепископомъ (⁵). Наконецъ коммуна должна выплатить архіепископу въ вознагражденіе убытковъ понесенныхъ имъ во время возстанія 10,000 ливровъ (⁶). Въ отношеніи къ капитулу жители отдѣлялись церковнымъ покаяніемъ и штрафомъ во 100 ливровъ (⁷).

Но Людовикъ опасался, что архіепископъ не удовольствуется опредѣленнымъ вознагражденіемъ. Опыты прошедшаго времени показывали, какъ жестоко мстили архіепископы реймскіе жителямъ города за возстанія противъ ихъ власти. Особенно слѣдовало ждать притѣсненія отъ оскорбленнаго Генриха, мстительность котораго была извѣстна Людовику. Поэтому король потребовалъ отъ Генриха письменнаго обѣщанія не дѣлать никакого зла своимъ подданнымъ. Этотъ актъ былъ переданъ въ городской совѣтъ г. Реймса (⁸).

Въ Реймсѣ были отправлены королемъ два комиссара, чтобы на мѣстѣ рѣшить разные споры относительно вознагражденія архіепископу. Но этотъ послѣдній возбудилъ вопросъ, могутъ-ли жители Реймса имѣть городскую печать. По понятіямъ того времени печать была символомъ городской

(¹) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 608. Докум. 1236 г.

(²) Ibidem. p. 617. Докум. того же года.

(³) Ibidem. p. 608.

(⁴) Ibidem. p. 609.

(⁵) Ibidem. p. 610.

(⁶) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 617. Докум. 1236 г.

(⁷) Ibidem. p. 624. Докум. 1237 г.

(⁸) Ibidem. p. 610—611. Докум. 1236 г.

свободы; только община, пользующаяся всеми правами коммуны, могла имѣть ее. Оттого-то архіепископъ Генрихъ такъ энергически и оспаривалъ у реймсакого городского совѣта это право. Королевскіе комиссары отвѣчали уклончиво, что относительно печати они разсудятъ, когда будутъ имѣть время (*de sigillo autem cum vacare poterimus cognoscemus*)⁽¹⁾. Черезъ нѣсколько дней комиссары уѣхали изъ Реймса, не рѣшивши дѣла.

Вскорѣ послѣ отвѣда королевскихъ комиссаровъ съ жителей Реймса было снято церковное отлученіе съ соблюденіемъ обычныхъ церемоній. Тѣла умершихъ во время индигкта были преданы погребенію, если предъ смертью были обнаружены какіе нибудь признаки раскаянія⁽²⁾.

Въ городѣ послѣ трехлѣтнихъ волненій и тревожной жизни наступила наконецъ тишина. Но эта тишина не предвѣщала ничего добраго, это скорѣе было гробовое молчаніе, — признакъ утомленія, разочарованія, которое всегда слѣдуетъ послѣ неудавшихся революцій, когда наступаетъ реакція. Реакція началась и для Реймса. По соглашенію архіепископа съ городомъ жители должны были ему уплатить 10 т. ливровъ въ три срока. Одинъ срокъ прошелъ; жители честно внесли опредѣленную часть штрафа. Но архіепископу понадобились деньги и онъ пожелалъ вдругъ получить остальную сумму. Въ городскомъ совѣтѣ денегъ не было и архіепископъ собственной властью наложилъ подать, которая равнялась не уплаченной части штрафа; онъ немедленно приступилъ къ сбору денегъ. Архіепископскіе комиссары слишкомъ строго поступали съ жителями; не давали имъ не малѣйшей отсрочки. Кто не торопился взносить, тому грозили тюремнымъ заключеніемъ. Снова вспыхнуло возстаніе и преимущественно между низшимъ бѣднымъ городскимъ населеніемъ. Было

(1) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 619. Документъ 1236 г. Описание печати городского совѣта г. Реймса см. Arch. adm. t. 1. 2. p. 956 Докум. 1279 года. Гербъ Реймса, изображенный на печати, показываетъ, что онъ былъ архіепископскимъ городомъ. Между двухъ вѣтокъ было изображеніе архіепископскаго жезла. Кругомъ была надпись: *Sigillum Remensium scabinozum*. Въ послѣдствіи архіепископскій жезлъ былъ замѣненъ лиліями — государственнымъ гербомъ Франціи. Ср. гордый девизъ ачѣнской коммуны: *secretum meum mihi*.

(2) Arch. adm. de Reims. t. 1. 2. p. 627. Докум. 1237 г.

нанесено оскорбленіе сборщикамъ податей и самому архіепископскому байльи. Архіепископъ потребовалъ выдачи виновныхъ, и когда засѣдатели медлили исполнить это призваніе, то самъ лично съ военнымъ отрядомъ явился въ городъ для расправы.

По распоряженію архіепископа городскія ворота были закрыты; на часахъ поставлена стража. Начались аресты: были схвачены городскіе засѣдатели и нѣсколько уважаемыхъ и богатыхъ гражданъ и всѣ были отправлены въ Портъ-Марсъ. Тамъ безъ суда и слѣдствія архіепископъ приговорилъ однихъ къ тюремному заключенію, — другихъ къ изгнанію. Нѣсколько домовъ было разрушено до основанія. Городъ снова былъ преданъ отлученію, которое продолжалось до смерти архіепископа Генриха, случившейся въ 1240 году⁽¹⁾. Послѣ него реймская архіепископская кафедра оставалась вакантною въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ это время коммуна вздохнула свободно. Она вошла въ сдѣлку съ капитуломъ и добилаься того, что остальная часть архіепископскаго штрафа была прощена⁽²⁾.

Во время этихъ событій въ Реймсѣ борьба противъ духовныхъ феодаловъ совершалась на болѣе широкой аренѣ. Мы знаемъ уже, что во время распри правительствъ Людовика IX съ прелатами реймской митрополи, по вопросу о церковной юрисдикціи въ свѣтскихъ дѣлахъ, бароны Франціи приняли сторону короля⁽³⁾. Не получивши отвѣта на свою жалобу отъ папы Григорія IX, черезъ десять лѣтъ они составили лигу (*communitatem*) для защиты своихъ правъ противъ притязаній духовенства. Былъ составленъ статутъ этого клятвеннаго союза⁽⁴⁾. Изъ своей среды бароны выбрали уполномоченныхъ, на которыхъ была возложена обязанность защищать каждаго изъ членовъ лиги противъ притязаній со стороны духовенства. На всѣ необходимые расходы каждый членъ союза обязанъ вносить въ общую кассу ежегодно $\frac{1}{100}$ часть стоимости своихъ земель. Всѣ споры меж-

⁽¹⁾ Mart. Hist. Metr. Remensis. t. II. p. 526.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 641. Докум. 1241 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 591. Докум. 1235 г.

⁽⁴⁾ Statuta baronum Franciae contra Ecclesiam. Arch. admin. t. 1. 2. p. 690. Докум. 1246 г.

ду самими членами союза рѣшаются посредствомъ четырехъ уполномоченныхъ (').

Эта лига встревожила духовенство: оно обратилось съ жалобами къ папѣ Иннокентію IV, который формальнымъ декретомъ уничтожилъ замыслы бароновъ. „Тѣснять насъ со всѣхъ сторонъ, писалъ папа въ тускуланскому епископу, легату апостольскаго престола, котораго онъ отправлялъ въ Францію для уничтоженія лиги. Мы со всѣхъ сторонъ получаемъ вѣсти о жестокостяхъ преслѣдователей церквей Божіихъ. Но всего больше огорчаетъ насъ, что противъ Церкви возстаютъ бароны Франціи: тогда какъ между ними особенно должна бы процвѣтать вѣра и любовь къ Церкви. Ихъ предки проникнутые горячей вѣрой и искренней любовью, не только защищали Церковь отъ нападений со стороны другихъ, но сами распространяли ее богатствами и оградилн многими привилегіями; а теперь замышляютъ противъ нея новый и неслыханный способъ нападенія. Скорбитъ наше сердце, какъ потому что примѣромъ такого злочестія могутъ заразиться и другія націи, такъ особенно потому, что обиды отъ друзей всегда больше оскорбляютъ, чѣмъ ненависть враговъ. Союзъ бароновъ противъ Церкви нарушаетъ коренныя ея права и привилегіи, оскорбляетъ ея честь, порождаетъ всеобщій соблазнъ и готовитъ неминуемую гибель для души. Если бы бароны подумали, что всѣ составляющіе союзъ, сочиняющіе статуты противъ церковной свободы, уже этимъ самымъ отлучаютъ себя отъ Церкви, то можетъ быть не рѣшились бы на такое нечестивое дѣло, или, рѣшившись, не стали бы въ немъ упорствовать. Своими замыслами они слятся ниспровергнуть не только свободу Церкви, но хотять разрушить все ея зданіе“. Затѣмъ Иннокентій повелѣваетъ своему легату отлучить всѣхъ членовъ лиги, настоящихъ и будущихъ, и всѣхъ кто будетъ стараться привлекать другихъ къ этому союзу. Предаются отлученію всѣ, которые будутъ хранить эти богоненавистныя статуты противъ свободы церквей,—всѣ, которые составляли, писали, переписывали и обнародывали ихъ, или руководствовались ими при постановленіи судебныхъ рѣшеній. Папа повелѣваетъ предать отлученію и тѣхъ, которые будутъ препятствовать церковной юрис-

(') Ibidem. t. 1. 2. p. 691.

дикціи во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ или мірскихъ, — подвѣдомственныхъ духовенству на основаніи закона или прочно установившагося обычая ⁽¹⁾.

Но папскіе эдикты и отлученія уже бессильны были противъ того великаго переворота, который совершался во Франціи съ половины XIII вѣка. Идеи легистовъ, — этихъ борцовъ противъ феодализма во имя единой верховной власти въ государствѣ, — начинаютъ пробиваться въ жизнь. Святой король, желавшій жить со всѣми въ мирѣ, не разрушавшій вѣковаго зданія феодальнаго строя, но имѣвшій въ виду упрочить его своимъ законодательствомъ, своими идеями законности, общественнаго порядка и мира, не всегда былъ въ силахъ сдерживать въ границахъ эти новыя стремленія вѣка.

Самъ онъ лично до конца своей жизни оставался вѣрнымъ сыномъ Церкви. Свою готовность служить ей и защищать ея права ему пришлось еще разъ доказать на реймской коммунѣ. Здѣсь борьба между архіепископскою властью и коммунальными притязаніями не прекращалась. Отношеніе между обѣими враждебными силами было въ высшей степени неустойчиво. Малѣйшій перевѣсъ съ одной стороны всегда вызывалъ реакцію съ другой. Коммуна, подавленная при архіепископѣ Генрихѣ, при его преемникахъ снова начинаетъ обнаруживать признаки жизни и стремленіе къ самостоятельности. Въ горожанахъ Реймса въ теченіе всего средневѣковаго періода не умирало желаніе во что-бы-то ни стало добиться независимости отъ архіепископской власти, или по крайней мѣрѣ получить болѣе прочныя гарантіи для своей свободы. Задачей архіепископовъ наоборотъ было какъ можно больше стѣснить свободу общины, — подавить въ ней это ненавистное стремленіе къ независимости. Отсюда неминуемо должна была возникнуть борьба. Борьба эта ведется на каждомъ шагу, въ буквальный смыслѣ. На площадяхъ, на улицахъ, въ домахъ, въ городскомъ совѣтѣ, въ засѣданіяхъ архіепископскаго суда, — вездѣ мы видимъ столкновение обѣихъ враждебныхъ сторонъ. Только посредствомъ террора могли архіепископы реймскіе сдерживать неповорный духъ городской общины. Терроръ ослабѣвалъ, — коммуна поднимала голову. Преемникъ Генриха, архіепископъ Югелъ

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 691—694. Докум. 1247 г.

характеромъ своимъ не походилъ на предшественника. Главной заботой его было духовное просвѣщеніе: онъ основалъ и далъ устройство первой реймской школѣ (Collegium Remense bonorum puegum) (1). Всѣ время его правленія отличалось нѣкоторымъ, конечно, относительнымъ спокойствіемъ въ городѣ. Купцы и ремесленники принялись за обычные занятія, которыя были прерваны въ бурное правленіе архіепископа Генриха. Коммуна въ средніе вѣка отличалась удивительной способностью быстро возстановлять свои потери. Во время смутнаго правленія архіепископа Генриха торговныя и промышленныя занятія жителей не могли идти успѣшно. Церковное отлученіе каждый разъ сопровождалось почти банкротствомъ для городскихъ капиталистовъ. Мы знаемъ уже, что архіепископы и папы своею властью разрѣшали должниковъ коммуны отъ уплаты ей долговъ, что всѣ контракты и обязательства въ отношеніи ея теряли силу. Кромѣ того коммуна и главнымъ образомъ конечно наиболѣе зажиточные горожане должны были своимъ имуществомъ отвѣчать за всѣ неистовства городской черни. Мы видѣли уже, какъ распоряжался архіепископъ Генрихъ тогда, когда онъ не могъ найти виновныхъ въ какой-нибудь продѣлѣ. Каждый разъ за всякую попытку къ освобоженію коммуны приходилось платить въ пользу архіепископа значительныя контрибуціи. Церковныя покаянія, когда горожане должны были по нѣскольку разъ въ недѣлю совершать покаянныя процессіи, должны были для исполненія эпитиміи отправляться въ другіе города діоцеза, а иногда и дальше—на югъ Франціи, или въ Испанію ко гробу Св. Іакова де Компостелья,—всѣ эти проволочки кромѣ нравственнаго униженія не могли не отзываться тяжело и на городской торговлѣ и промышленности. Но на каѳедру вступалъ архіепископъ болѣе миролюбиваго характера,—внутри города возстановлялось нѣкоторое спокойствіе; по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежними бурными временами,—и коммуна быстро начинала поправляться. Снова кипѣла въ ней дѣятельность, трудолюбивая жизнь, фабрики, заводы работали съ утра съ ночи; на нихъ были заняты тысячи рабочихъ рукъ. Вънутреннее спокойствіе позволяло безопасно отправлять товары на сѣверъ—въ богатые города Фландріи, или прода-

(1) Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 662. Докум. 1245 г.

вать ихъ на знаменитыхъ ярмаркахъ Шампани. Есть свидѣтельство, что реймскихъ купцовъ феодальные сеньоры приглашали для торговли въ свои владѣнія, общая имъ покровительствомъ⁽¹⁾. Безопасность привлекала въ городъ окрестное населеніе. Рабочія руки становились дешевле; являлась возможность готовить товаровъ больше и продавать ихъ дешевле. При безопасности и внутреннемъ спокойствіи не нужно было отправляться куда-нибудь далеко для сбыта своихъ произведеній: посторонніе купцы сами являлись въ городъ; фабриканты избѣгали опасностей далекаго странствованія и получали возможность выгодно намѣстѣ сбывать товары. Въ городъ стекались жители окрестныхъ селъ и деревень и везли сюда свои сельскія произведенія; всѣ жизненные припасы становились дешевле. Въ то время коммуны не знали еще тяжелыхъ поборовъ и чудовищныхъ пошлинъ со стороны королевской власти. Система поддѣлки монеты самимъ правительствомъ еще не была пущена въ ходъ: въ городѣ ходили полновѣсные экю, вычеканенные въ самомъ городѣ съ уплатой феодальному сеньору извѣстнаго процента⁽²⁾, и хорошіе ливры парижской работы или съ монетныхъ заводовъ г. Турнэ⁽³⁾. Это благотѣльно отзывалось на торговыхъ дѣлкахъ и оборотахъ; городъ пользовался кредитомъ со стороны феодаловъ и другихъ коммунъ. При внутреннемъ спокойствіи коммуна заключала торговые союзы съ другими городами⁽⁴⁾. При такой кипучей дѣятельности благосостояніе коммуны расло: капиталы увеличивались, довольство и достатокъ переходили въ народную массу. Даже внѣшній видъ города улучшался. Въмѣсто темныхъ, узкихъ, излучистыхъ улицъ и глухихъ переулковъ появлялись новые кварталы съ улицами болѣе просторными, прямыми и чистыми. Мы знаемъ уже, какъ заботливо городской совѣтъ амьенской коммуны слѣдилъ за правильностью построекъ въ городѣ. Коммуны сѣвера имѣли цѣлый строительный уставъ, который строго соблюдался. За неправильныя постройки, среди улицы, коммуны затѣвали процессы съ феодалами. Благосостояніе

(¹) Arch. admin. t. 1. 2. p. 818. Докум. 1263 г.

(²) Право чеканить монету было представлено архіепископамъ реймскимъ еще Людовикомъ Заморскимъ въ 940 г. Arch. adm. de Reims. t. I. 1. p. 23, — *urbis monetam perpetuo possidendam dedit.*

(³) Ibidem. t. 1. 2. p. 819. Докум. 1263 г.

(⁴) Ibidem. t. 1. 2. p. 874. Докум. 1264 г.

коммуны выражалось въ увеличеніи числа лавокъ, гоетинныхъ дворовъ, торговыхъ рынковъ. Чѣмъ свободнѣе была коммуна, тѣмъ свободнѣе, тѣмъ быстрѣе она развертывалась съ этой внѣшней стороны. Городъ Реймсъ не былъ свободной общиной,—и никогда онъ небылъ такъ богатъ, такъ многолюденъ, какъ счастливые города Фландріи, и даже свободныя коммуны сѣверной Франціи. Феодалная власть давила его; внутреннее раздѣленіе на разныя общины, признававшія разныя сеньоровъ, также мѣшало экономическому богатству и процвѣтанію. Но въ высшей степени интересно слѣдить на реймской коммунѣ тотъ фактъ, какъ при малѣйшемъ ослабленіи феодалнаго гнета быстро начинала развертываться городская жизнь во всѣхъ направленіяхъ. Съ улучшеніемъ экономическаго быта въ коммунѣ Реймса снова пробуждалась жажда свободы; феодалное иго становилось невыносимымъ. Экономическое богатство и стремленіе къ свободѣ всегда и вездѣ идутъ рука объ руку. Коммуну создалъ торговый и промышленный трудъ; первая мысль о ней возникла въ лавкѣ торговца, или въ мастерской ремесленника. Денежное богатство, накопившееся въ городахъ, дало возможность бороться съ самоуправствомъ поземельныхъ собственниковъ. Но съ развитіемъ свободныхъ городскихъ учрежденій еще болѣе развивается дѣятельность городского сословія, еще больше возрастаетъ его экономическое богатство. Этотъ законъ соотношенія между свободой и экономическимъ развитіемъ всего рельефнѣе въ исторіи итальянскихъ республикъ. Но законъ этотъ можно прослѣдить и на каждой коммунѣ, какъ бы она не была незначительна. Ослабленіе феодалнаго гнета всегда вызывало въ нихъ улучшеніе экономическаго быта; лучше экономическое положеніе всегда порождало новое стремленіе къ освобожденію.

Этотъ законъ повторился и въ исторіи реймской коммуны. Съ улучшеніемъ экономическаго быта въ ней проснулась прежняя энергія. При преємникахъ Генриха де Бранъ перевѣсъ переходить на ея сторону. Военное управленіе города принадлежитъ ей; въ это время въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ Реймсѣ городскую милицію. Городской совѣтъ стремится дать ей наилучшую организацію: она раздѣляется на роты (сопрагніе), изъ которыхъ каждая имѣетъ особаго начальника съ громкимъ именемъ коннетабля. Городское войско день и ночь охраняетъ городскія укрѣпленія;

отсюда видно что ключи отъ городскихъ воротъ въ это время хранились въ городскомъ совѣтѣ. Каждая рота имѣла свое знамя, честь котораго была для него дороже. Горожане занимались военными экспедиціями, приучались владѣть шпагой, или искусно попадать въ цѣль. Свое искусство городской милиціи случалось примѣнять и въ дѣлу въ схваткахъ съ архіепископскими людьми. Городской совѣтъ заботился также и объ укрѣпленіи города. По приказанію городского начальства улицы по ночамъ запирались желѣзными цѣпями, устраивались баррикады, особенно со стороны архіепископскаго замка. Все это дѣлалось для того, чтобы архіепископское войско не могло входить въ городъ безъ позволенія городского начальства. По всему было видно, что коммуна готовилась къ новой борьбѣ съ своимъ сеньоромъ, что она не думала ограничиться тѣми незначительными правами, которыя даны были ей архіепископской властью.

Архіепископскій престолъ въ то время занималъ Томасъ де Бомецъ (Thomas de Beaumetz). Онъ не отличался суровостью, энергіей, какъ—былъ архіепископъ Генрихъ. Но онъ не меньше его ненавидѣлъ коммуны и съ недовѣріемъ смотрѣлъ на затѣи неугомонныхъ горожанъ. Городская милиція, ея военныя упражненія, столкновение съ его людьми, а также цѣпи и баррикады, встревожили его. Онъ требовалъ объясненій отъ городского совѣта, приказывалъ оставить эти новости; но такъ какъ на его запросы отвѣчали увлончиво, а приказаній не слушались, то архіепископъ обратился къ королевской помощи. Онъ просилъ Людовика прибыть въ Реймсъ, выслушать его жалобы на горожанъ и собственной властью принудить ихъ оставить враждебные замыслы. Король явился и, выслушавши обѣ стороны, въ качествѣ посредника, далъ рѣшеніе сходное съ тѣмъ, которое онъ провнесъ назадъ тому двадцать два года. Городскіе засѣдатели говорили королю, что городъ Реймсъ, по всѣмъ правамъ, долженъ быть признаваемъ свободной коммуной. Какъ коммуна, онъ имѣетъ право учреждать милицію, назначать военныхъ начальниковъ, имѣть въ своемъ распоряженіи городскіе ключи, заботиться объ укрѣпленіи и безопасности города. Но король не обратилъ вниманія на эти возраженія. Рѣшеніе его состоялось въ пользу противной партіи; городскіе ключи были переданы архіепископу; городская милиція подчинена ему; вновь выстроенныя укрѣпленія и баррикады приказано

было разрушить⁽¹⁾. Постановление Людовика Св. по этому дѣлу касается и другихъ спорныхъ пунктовъ между архіепископомъ и городомъ. Такъ реймскіе жители оспаривали у архіепископа обязательную силу его постановленій, издаваемыхъ имъ безъ согласія городского совѣта. Они принимали въ городъ согражданъ, изгнанныхъ архіепископомъ—безъ формальнаго слѣдствія и суда съ участіемъ городскихъ засѣдателей. Городской совѣтъ налагалъ и собиралъ подати безъ дозволенія архіепископа, приказавъ прогнать архіепископскую стражу, приставленную для охраненія конфискованнаго имущества. Горожане не хотѣли отвѣчать на архіепископскомъ судѣ, когда производилось дѣло о самихъ засѣдателяхъ. Относительно всѣхъ спорныхъ пунктовъ, касающихся юрисдикціи, король далъ самый нерѣшительный, неопредѣленный отвѣтъ. Архіепископъ долженъ простить всѣ эти вины горожанамъ и ихъ засѣдателямъ. Самый фактъ должно считать уничтоженнымъ и какъ бы неслучившимся (*ad nihilatum ac si nunquam evenisset*). За тѣмъ сдѣлана такого рода оговорка, что жители Реймса и городское начальство не приобрѣтаютъ никакого новаго права, котораго они не имѣли прежде; а также и права юрисдикціи архіепископа ни въ чемъ не уменьшаются и не увеличиваются⁽²⁾. Это обыкновенный способъ рѣшенія трудныхъ спорныхъ дѣлъ въ средніе вѣка. Въ случаѣ невозможности согласить интересы партій, обыкновенно дѣлалось постановленіе только относительно факта; а вопросъ о правѣ оставался нерѣшеннымъ. „Мы не хотимъ, говоритъ король въ своемъ постановленіи, чтобы хартіи, которыми владѣютъ реймскіе граждане, или хартіи и грамоты, находящіяся у архіепископа, вслѣдствіе настоящаго рѣшенія, въ чемъ-нибудь получили больше или меньше силы и значенія, какое они имѣли до сихъ поръ“⁽³⁾.

Такимъ образомъ король весьма осторожно отнесся къ главному вопросу между Реймсомъ и архіепископомъ, — вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли Реймсъ считать коммунаю или нѣтъ?

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 776. Докум. 1258 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 779. Докум. 1258 г.

⁽³⁾ Ibidem.

Дальнѣйшая исторія борьбы г. Реймса съ феодальной властью архіепископа представляется намъ уже съ другимъ характеромъ. Со второй половины XIII в. парижскій парламентъ пріобрѣтаетъ въ королевствѣ значеніе высшаго судебного трибунала. Борьба коммуны съ притязаніями феодальнаго сеньора съ этого времени переносится въ парламентъ. Начинается длинный рядъ процессовъ, въ которыхъ роль истца и отвѣтника попеременно принадлежитъ то архіепископу, то коммунѣ. Эта борьба ведется съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ такой же непримиримой ненавистью, съ какой она велась и до сихъ поръ посредствомъ оружія въ стѣнахъ самаго города. Настойчивость и энергія обѣихъ партій въ этой парламентской борьбѣ изумительны. Можно сказать, что со второй половины XIII в. до конца XIV в., въ теченіе полутора вѣка, тянется одинъ громадный процессъ между архіепископомъ и коммуной. Королевская власть въ лицѣ легистовъ сначала поддерживаетъ коммуну противъ архіепископа. Но эта поддержка ведется съ искусствомъ достойнымъ легистовъ. Парламентъ защищаетъ коммуну отъ феодальнаго самовластия, но не думаетъ давать ей автономію. Архіепископъ выражаетъ притязаніе на полное господство въ городѣ,—это ему не удается. Но не удается и коммунѣ добиться полной свободы самоуправленія. Парламентъ быстро рѣшаетъ побочные вопросы о юрисдикціи, о правѣ налога и т. п. Но какъ скоро противныя стороны требуютъ его рѣшенія относительно главнаго пункта, относительно феодальной власти архіепископа, или о городской независимости,—легисты медлятъ рѣшеніемъ. Они затягиваютъ дѣло, поднимаютъ десятки побочныхъ вопросовъ, пускаютъ въ ходъ весь сложнѣйшій механизмъ средневѣковаго процесса,—и въ концѣ концовъ все-таки парламентское рѣшеніе оставляетъ главный вопросъ въ сторонѣ. Большею частью постановленія парламента касаются факта, а вопросъ о правѣ остается въ прежнемъ положеніи.

Періодъ парламентской борьбы въ исторіи Реймса имѣетъ огромное значеніе. Это эпоха усиленія въ городскихъ дѣлахъ королевской власти. Въ рѣшеніяхъ парламента, которыя часто колеблются между коммуной и архіепископомъ,—одна общая идея, которая выражается рѣзко и опредѣленно безъ малѣйшихъ колебаній. Это идея о верховной власти короля, о подчиненіи этой власти и феодальныхъ сеньоровъ

и городскихъ общинъ. Въ началѣ борьбы архіепископъ и коммуна обращаются въ этой власти за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ; въ концѣ борьбы королевская власть господствуетъ въ городѣ и надъ феодаломъ и надъ коммуной. Архіепископъ Реймскій по прежнему считаетъ себя полновластнымъ сеньоромъ въ городѣ; городская община по прежнему ведетъ свой родъ отъ древней римской муниципіи и по прежнему гордится такимъ знатнымъ родствомъ. Но въ этомъ уже только сила историческихъ предацій. Полный самовластный сеньоръ города — король или вѣрнѣе его намѣстникъ. Остается только тѣнь прежняго феодальнаго самовластія реймскихъ прелатовъ. Но и коммуна осталась не въ выигрышѣ; ея вѣковая борьба не слишкомъ много принесла ей; напротивъ она лишилась многого, чѣмъ владѣла при архіепископахъ. Въ выигрышѣ остался только одинъ король и та система административнаго единства, которую такъ упорно проводили легисты. Такимъ образомъ изучить парламентскую борьбу Реймской коммуны съ ея сеньорами — значитъ изучить постепенное паденіе и феодальныхъ правъ архіепископа и коммунальныхъ привилегій города. Но это только одна сторона дѣла. Борьба велась полтора столѣтія: она велась за самыя дорогіе интересы обѣихъ партій. Она служитъ выраженіемъ внутренней жизни коммуны въ эту эпоху; поэтому она всего лучше вводитъ насъ въ эту жизнь. Черезъ нее мы знакомимся со всеми отраслями городского управленія, городского суда, полицейскаго благоустройства, съ системой городского хозяйства, финансовъ и т. д. Процессы въ парламентѣ велись по каждому изъ этихъ отдѣловъ городской администраціи. Они лучшіе документы для изученія внутренней городской жизни второй половины среднихъ вѣковъ. Въ нихъ прекрасно рисуются, и гордая претензія архіепископа, и свободный духъ городской общины, и эта непрерывная борьба, борьба безъ отдыха и перемирія, борьба безъ сожалѣнія и пощады, борьба на каждомъ шагу, изъ за cadaго вопроса, которая составляетъ сущность и характеръ средневѣковой городской жизни.

Исходнымъ пунктомъ этой борьбы служитъ хартія архіепископа Вильгельма Шампанскаго или Вильгельмина, какъ окрестили ее средневѣковыя юристы. Какъ ни не опредѣленны были ея положенія, во всякомъ случаѣ она послужила основаніемъ для городского устройства Реймса и для опредѣленія

отношеній между совѣтомъ городскихъ засѣдателей и архіепископской властью ⁽¹⁾.

Городской совѣтъ г. Реймса въ XIII в. состоялъ изъ 12 засѣдателей (échevins). Они выбирались только на одинъ годъ изъ природныхъ жителей Реймса подвластныхъ архіепископу. Избраніе происходило каждый годъ въ первый день поста. Всѣ жители Реймса архіепископской территоріи имѣли право на избирательный голосъ. Преобладаніе въ правѣ выбора какой-либо городской партіи, аристократической или демократической, мы не видимъ. Архіепископская власть уравнивала всѣхъ и каждого. Выбранные засѣдатели въ тотъ же день являлись во дворецъ архіепископа и тамъ передъ его байльи давали присягу не посягать на феодальныя права архіепископа и производить судъ надъ городскими жителями со всей справедливостью и по совѣсти ⁽²⁾. Присяга эта давалась городскими засѣдателями отъ лица всѣхъ городскихъ жителей подвластныхъ архіепископу ⁽³⁾.

Послѣ присяги засѣдатели возвращались въ залу городского совѣта и распредѣляли между собой равныя отрасли городского управленія на весь предстоящій годъ.

Прежде всего выбирался предсѣвателемъ совѣта, такъ называемый городской превд. Потомъ—двое присяжныхъ засѣдателей отъ городского совѣта, для присутствованія при

⁽¹⁾ Источники для изученія правъ и обязанностей городского совѣта и внутренней городской администраціи: 1) Extrait d'un mémoire de Bergier, procureur de l'échevinage, en date du 25 Avril 1645. 2) Mémoire sur les droits de l' Echevinage dressée par ordre des échevins en 1564. 3) Extrait des mémoires de Bidet et de son histoire de l' Echevinage. Arch. adm. de Reims, t. 1. 2. p. 784.

Нужно помнить, что эти мемуары принадлежатъ уже новѣйшей эпохѣ XVI, XVII и XVIII вв. Поэтому ихъ нужно повѣрять на основаніи правыхъ документовъ городской администраціи. Эти послѣдніе даютъ возможность изучать городскія учрежденія Реймса въ ихъ историческомъ развитіи подъ влияніемъ борьбы съ феодальной властью. Но указанные нами мемуары имѣютъ значеніе въ томъ отношеніи, что въ нихъ сгруппированы факты, разбѣянные въ огромномъ собраніи архивныхъ документовъ Реймса. Поэтому они служатъ хорошимъ пособіемъ при изученіи самыхъ документовъ.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims t. 1 2. p. 484. Примѣч.

⁽³⁾ Ibidem. t. 1. 1. p. 156. Примѣч.

рѣшенія дѣлъ у архіепископскаго байльи или прево⁽¹⁾. Двое другихъ принимали на себя обязанность смотрѣть за городскими зданіями, мостовыми, городскими укрѣпленіями и т. п. Еще двоимъ засѣдателямъ поручалось управление городскими госпиталями, богадѣльнями и др. богоугодными заведеніями. Наконецъ двоимъ городскимъ казначеямъ ввѣрялись ключи отъ общественнаго сундука, въ которомъ хранились дѣловые и денежные документы и городская казна⁽²⁾.

Въ какомъ отношеніи городской совѣтъ стоялъ въ архіепископу? Имѣлъ ли право архіепископъ не утверждать выборовъ отъ города? Могъ ли онъ смѣнять ихъ собственною властью? Могъ ли привлечь въ своему суду членовъ городского совѣта за преступленіе по должности? Всѣ эти вопросы—чрезвычайно важны для опредѣленія степени городской свободы. Утвердительное или отрицательное рѣшеніе ихъ прямо касается вопроса о правахъ Реймской коммуны. Если городскіе засѣдатели—только уполномоченные архіепископа, если онъ можетъ назначать и смѣнять ихъ по произволу, если за каждое свое распоряженіе въ городѣ они постоянно должны опасаться феодальнаго суда, то коммуна,—какъ ассоціація жителей извѣстнаго города, съ извѣстными политическими правами,—не существуетъ. Городъ съ такимъ устройствомъ, съ такой ограниченной магистратурой, не больше какъ городъ простой буржуазіи. Реймсъ тогда ничѣмъ не отличался бы отъ окрестныхъ бурговъ и архіепископскихъ поселеній, въ родѣ *couture, venisse* и т. п.⁽³⁾ Мы видѣли, что хартія Вильгельма оставила этотъ пунктъ безъ разъясненія. Людовикъ IX не взялся рѣшить его. Но подобный вопросъ былъ вопросомъ жизни или смерти для коммуны. Оттого въ теченіе XIII и XIV в. онъ составлялъ предметъ постоянныхъ процессовъ въ парламентѣ. Обыкновенно этотъ вопросъ соединялся съ другимъ какимъ-нибудь, касавшимся городского суда или управленія. Такъ въ 1280 году между архі-

(1) Впрочемъ случалось, что въ засѣданіяхъ архіепископскаго суда присутствовали четверо или даже шестеро засѣдателей.

(2) Съ учрежденіемъ въ XIV в. большаго городского совѣта (*Grand Conseil de la Ville*) двое засѣдателей присутствуютъ въ немъ. *Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 484*; примѣч.

(3) *Arch. adm. t. I. 2. p. 737*. Примѣч. Докум. 1235—1263 г.

епископомъ и городомъ возникъ процессъ о взаимныхъ границахъ городской и архіепископской юрисдикціи. Архіепископскій прокуроръ оспариваетъ довѣренность коммуны, въ которой она уполномочиваетъ своего прокурора защищать ея интересы. Свое опроверженіе прокуроръ архіепископа основывалъ на томъ, что совѣтъ городскихъ засѣдателей не имѣетъ права держать печать,—потому что жители Реймса не составляютъ коммуны, какъ ассоціаціи съ извѣстными политическими правами (*pes corporis vel communiam habebant*)⁽¹⁾. Городской прокуроръ возражалъ, что права и вольности Реймса такія же, какими обладаютъ коммуны Фландріи и сѣверной Франціи. Парламенту были предствлены съ той и другой стороны документы; но архіепископскій прокуроръ, не дожидаясь парламентскаго постановленія, согласился принять полномочіе прокурора городского. Такимъ образомъ вопросъ о коммунальномъ правѣ косвеннымъ образомъ былъ рѣшенъ въ пользу Реймса⁽²⁾.

Но въ XIV в. архіепископы и ихъ прокуроры не были уже такъ уступчивы. Этотъ періодъ времени всего богаче процессами о коммунальныхъ правахъ жителей Реймса. На техническомъ языкѣ юристовъ того времени вопросъ этотъ получилъ особое названіе „*Status scabinorum*“ (*état de l'échevinage*). Около 1306 г. по какому-то дѣлу архіепископъ потребовалъ къ себѣ на судъ городскихъ засѣдателей и приказалъ заключить ихъ въ тюрьму. Засѣдатели жаловались въ парламентъ на самовластіе архіепископа, который съ своей стороны опровергалъ самое право подобной жалобы. По его словамъ городскіе засѣдатели должны подлежать его суду и только послѣ рѣшенія дѣла могутъ апеллировать въ парламентъ какъ въ высшую инстанцію. Но засѣдатели утверждали, что во всемъ, касающемся должности, они подсудны только королю и парламенту (*super omnibus casibus scabinatum tangentibus habent possessionem coram rege non coram alio litigandi et standi juri*)⁽³⁾. На этотъ разъ члены совѣта были освобождены королевскою властью, а вопросъ о ихъ подсудности остался нерѣшеннымъ. Парламентъ потребовалъ только, чтобы та и другая сторона изготовила доказательства своихъ притязаній для слѣдующаго засѣданія. Вообще нуж-

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 965. Докум. 1280 года.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims t. I. 2. p. 967. Докум. 1280 г.

⁽³⁾ Arch. admin. t. II. 4. p. 52. Докум. 1306 года.

во замѣтить, что королевская власть находила выгоднымъ поддерживать права городского совѣта въ борьбѣ съ архіепископомъ. Она вовсе не имѣла желанія отдать богатый городъ въ полное распоряженіе феодальной самовластію. Притомъ нужно помнить, что королевская власть большею частью не дожидалась окончанія длинныхъ процессовъ въ парламентѣ. Дѣло о правахъ совѣта г. Реймса тянулось двадцать лѣтъ. Во все это время королевская власть на практикѣ поступаетъ такъ, какъ выгодно было для нея самой. Но ея прямая выгода была поддерживать городской совѣтъ, который старался освободиться отъ архіепископской юрисдикціи и встать въ прямые отношенія къ королевской власти. Это стремленіе вполне совпадало съ идеями легистовъ; они больше всего бились изъ за того, чтобы разорвать феодальную іерархію, чтобы всякій членъ ея, какъ-бы низко онъ ни стоялъ, вступалъ въ прямые отношенія къ государственной администраціи. Поэтому королевскіе судьи, байльи, прево и т. п. на практикѣ поступаютъ согласно желаніямъ коммунъ, не дожидаясь окончанія парламентныхъ преній; тѣмъ болѣе, что короли формально приказывали имъ поддерживать и защищать права коммунъ отъ всякихъ насилій со стороны феодала (1). Въ примѣненіи къ Реймской коммунѣ королевскіе приказы давали королевскимъ сановникамъ полномочіе вмѣшиваться въ раздоры народа съ прелатомъ. Въ средніе вѣка административная и судебная практика имѣла огромное значеніе. Время было переходное: взаимныя права и отношенія, вопросы о подсудности, объ отношеніи коммунъ къ феодаламъ, къ королевскимъ судьямъ, объ отношеніи феодаловъ къ королевской власти и т. п. — вся эта административная система только еще вырабатывалась. Превжній порядокъ уже не отбѣчалъ требованіямъ и идеямъ эпохи; новый порядокъ еще не сложился. Въ эту эпоху неустановившихся отношеній со стороны королевской власти было много захватовъ, много незаконнаго, не оправдываемаго ни феодальнымъ уже отживающимъ правомъ, ни правомъ коммунальнымъ, еще не сложившимся въ твердыя и опредѣленныя формы. Вопросъ о правахъ Реймской коммунъ служитъ прекраснымъ оправда-

(1) Arch. de Reims t. II. 1. p. 196. Докум. 1317. года. Приказъ Филиппа Красиваго своему байлю въ Верманду.

віемъ нашего мнѣнія. Коммуна считаетъ себя полноправною; но законныхъ доказательствъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова она представить не можетъ. Ея хартіи неясны и неопредѣленны; ея прошедшее говоритъ и за нее и противъ нея. Архіепископъ считаетъ себя полновластнымъ сеньоромъ города. Но подобныя притязанія уже несвоевременны; имъ противорѣчатъ множество фактовъ изъ прошедшей исторіи его отношеній къ городу. Было-же время, когда предшественники ихъ уважали городскую свободу, давали городу хартіи, позволяли свободный выборъ городскихъ начальниковъ? Вѣдь было-же время, когда городъ имѣлъ и милицію, и свою общественную казну, входилъ въ сдѣлки съ другими коммунами, съ другими сеньорами, даже съ самими архіепископами Реймскими. Оттого въ большомъ затрудненіи были почтенные совѣтники парламента, эти искусившіеся во всевозможныхъ тонкостяхъ юридическаго искусства легисты, когда приходилось имъ составлять окончательный протоколъ по дѣлу о правахъ Реймскаго городского совѣта. Нужно читать всѣ эти объемистые процессы, всѣ эти длинныя дебаты прокуроровъ и адвокатовъ, чтобы имѣть понятіе о трудности рѣшаемаго дѣла. Та и другая сторона развиваетъ свою теорію и приводитъ сотни аргументацій, сотни фактовъ. Онѣ представляютъ и старинныя грамоты и хартіи, онѣ ссылаются на факты давно мпнувашаго времени, указываютъ на примѣры другихъ коммунъ, другихъ феодаловъ, онѣ обращаются къ разуму, къ исторіи, къ праву римскому, къ праву феодальному, даже къ праву естественному. Всѣ тонкости средневѣковой діалектики пущены въ ходъ. Но по всему видно, что это могучіе борцы, что они выступаютъ съ равными силами, что они не уступаютъ другъ другу въ искусствѣ вести дѣло. Они ловко умѣютъ отрыватъ слабыя стороны противника, неожиданно напасть на нихъ, искусно отразить нападеніе. Но въ то же время видно и то, что борьба идетъ между врагами непримиримыми. Нѣтъ ни одного положенія, ни одного пункта, на которыхъ онѣ могли бы согласиться. Прокуроръ архіепископа съ неподражаемымъ искусствомъ развиваетъ свою теорію, приводитъ доказательства и факты, ловко подводитъ ихъ подъ свой взглядъ о полной феодальной власти архіепископа надъ городомъ. Прокуроръ городского совѣта на каждое его положеніе отвѣчаетъ, что онъ не вѣритъ этому, что онъ не думаетъ такъ

(*non credo, non admitto*) и т. п. Приходитъ очередь городскаго прокурора и на всѣ свои длинныя разсужденія и неоспоримыя аргументы онъ получаетъ такой-же отвѣтъ отъ своего противника.

Мы сказали, что въ парламентскихъ процессахъ обѣ враждебныя стороны развиваютъ полную теорію своихъ правъ. Возьмемъ для примѣра хотя одинъ процессъ и посмотримъ, на чемъ основываютъ свои притязанія архіепископъ и коммуна (¹). Вотъ на примѣръ какія доказательства въ пользу феодальныхъ правъ Реймскаго прелата представлялъ его прокуроръ въ 1384 г.—Городъ Реймсъ не есть коммуна въ смыслѣ полноправной ассоціаціи гражданъ, имѣющей свою самостоятельную магистратуру, свои судебныя и административныя права. Тѣ хартіи, на которыя ссылаются городскіе засѣдатели, не говорятъ объ этомъ ясно и опредѣленно. Хартія Вильгельма не упоминаетъ ни о коммунѣ, ни о городскомъ совѣтѣ (*scabinatus*). Реймскіе граждане не могутъ основывать свои притязанія на давности владѣнія коммунальнымъ устройствомъ (*res erant admittendi dicti scabini ad se juvandum usu longo*) (²). Прескрипція въ подобныхъ случаяхъ не допускается. На основаніи хартіи Вильгельма жители Реймса могутъ изъ среды себя выбирать засѣдателей, но архіепископъ имѣетъ право утверждать ихъ и назначать вновь въ случаѣ несогласія гражданъ. Это служитъ доказательствомъ, что засѣдатели подвластны архіепископу, что въ случаѣ злоупотребленій по должности они подлежатъ его суду. Но прокуроръ архіепископа этимъ неограничивается: онъ отвергаетъ уже всякое значеніе хартіи Вильгельма. Въ духовныхъ дѣлахъ архіепископъ Вильгельмъ былъ подвластенъ папѣ; относительно свѣтскихъ своихъ владѣній — королю; по этому онъ не имѣлъ права отчуждать отъ Реймской архіепископской казны ни духовныхъ, ни свѣтскихъ ея правъ. Онъ не могъ никому давать ни правъ юрисдикціи, ни правъ владѣнія, ни правъ личной свободы; не могъ уменьшать доходовъ архіепископа и т. п. Отсюда ясно, что его хартія не имѣетъ силы и дана съ превышеніемъ власти и по ошиб-

(¹) Мы беремъ для примѣра процессъ 2-й половины XIV в., потому что обѣ теоріи въ это время сложились уже окончательно.

(²) Arch. admin. de Reims t. III. p. 547. Докум. 1384 года.

въ (*dicta charta erat nulla et nullius valoris, surrepticie et per errorem concessa*)⁽¹⁾. Отсюда другой выводъ, что грамматы королей и папъ, подтверждающія хартію Вильгельма, тоже не имѣютъ ни малѣйшей силы. Всѣ эти хартіи и грамматы получены воровски, онѣ нарушаютъ добрые нравы, вводятъ въ смертный грѣхъ, нечестивы и даны по ошибкѣ⁽²⁾. Прокуроръ настаивалъ, чтобы парламентъ въ своемъ рѣшеніи объявилъ такими всѣ указанные документы (*praedictae chartae pronuntiarentur inique, torçonnerie, irracionabiles, cum Dei displicencia, contra bonos mores, contra virtutem et bonum justicie, et contra rempublicam concesses*)⁽³⁾. Относительно Реймской коммуны прокуроръ требовалъ, чтобы она со всѣми правами была предоставлена власти архіепископа, что архіепископская курія рассмотреть, слѣдуетъ ли совсѣмъ уничтожить эти права, или допустить ихъ въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ согласно съ видами архіепископа⁽⁴⁾.

Посмотримъ теперь, какъ возражалъ прокуроръ городского совѣта.—Городъ Реймсъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ французскихъ. Блаженный Реми былъ въ немъ архіепископомъ и крестилъ перваго христіанскаго короля Франціи. Сюда Господь ниспослалъ святѣйшее миро, которымъ помазуются французскіе короли на царство. Такое высокое значеніе Реймсъ передалъ и своему архіепископу: онъ признается всѣми главою въ духовныхъ дѣлахъ, герцогомъ Реймскимъ и первымъ перомъ Франціи. Прилично, чтобы такой славный городъ превосходилъ другіе города также и правами и привилегіями⁽⁵⁾. Извѣстно, что чѣмъ свободнѣе городъ, чѣмъ богаче онъ надѣленъ привилегіями, тѣмъ больше онъ изобилуетъ и народонаселеніемъ; въ него притекаетъ много жителей, которые, живя въ такомъ городѣ, легко и скоро богатѣютъ. Отъ такого увеличенія народонаселенія и народнаго богатства самая власть архіепископа получаетъ больше силы и блеска; самыя выгоды и доходы его должны непримѣтно

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims t. III. p. 549. Докум. 1384 года.

⁽²⁾ Такъ говорить о папскихъ грамотахъ можно было только въ XIV вѣкѣ.

⁽³⁾ Arch. adm. de Reims t. III. p. 553. Докум. 1384 года.

⁽⁴⁾ Ibidem, p. 555.

⁽⁵⁾ Arch. adm. de Reims t. III. p. 556. Докум. 1384 года.

увеличиваться. Владѣя правами и привилегіями, городъ Реймсъ больше почестей можетъ воздать и королямъ Франціи, когда они являюся въ городъ для священнаго миропомазанія и коронованія. Многіе города французскаго королевства владѣютъ извѣстной долей свободы съ самаго своего возникновенія. Съ незапамятныхъ временъ города эти пользуются коммунальнымъ устройствомъ, выбираютъ мэровъ и засѣдателей и это дѣлаютъ по естественному праву своихъ жителей, безъ всякихъ хартій или уступокъ. Другіе города приобрѣли права и привилегіи вслѣдствіе пожалованія отъ своихъ феодальныхъ владѣтелей. Они пользуются ими тоже съ незапамятныхъ временъ (*per longum et antiquum usum*). Къ числу этихъ послѣднихъ городовъ принадлежитъ и г. Реймсъ. Его привилегіи даны ему Вильгельмомъ Шампанскимъ. Дальше прокуроръ излагаетъ содержаніе Вильгельмовой хартіи и толкуетъ ее въ смыслѣ благопріятномъ для городской свободы. Архіепископъ Вильгельмъ понималъ, что двѣнадцать засѣдателей могутъ всегда лучше, безошибочнѣе дѣлать судебныя постановленія, чѣмъ одинъ архіепископскій байль. По этому хартія Вильгельма сообразна и съ здравымъ смысломъ и съ общимъ народнымъ правомъ. Затѣмъ городской прокуроръ ссылается на королевскія и папскія грамматы, на парламентскую и вообще судебную практику, которая всегда сообразна была скорѣе съ его теоріей, чѣмъ съ теоріей его противника. Въ своемъ заключеніи прокуроръ требовалъ, чтобы всѣ упомянутыя имъ хартіи и грамматы о правахъ и вольностяхъ Реймской коммуны были признаны во всей силѣ (*bonas et validas, debite factas et concessas*)⁽¹⁾.

Мы сказали, что вмѣстѣ съ вопросомъ о правахъ Реймской коммуны были тѣсно связаны и другіе вопросы, особенно о архіепископской и городской юрисдикціи. Въ спорахъ съ коммуной архіепископъ преимущественно опирался на свое право судиться только судомъ себѣ равныхъ. Его феодальная гордость возмущалась, что онъ герцогъ, графъ и первый пэръ Франціи долженъ судиться въ обыкновенныхъ парламентскихъ засѣданіяхъ съ своими людьми, (съ этими *vilains, hommes de route, levant et couchant de lui* и т. п.). Но эта претензія не соответствовала видамъ королевской влас-

(1) Arch. adm. de Reims t. III. p. 355—367. Докум. 1384 года.

сти. Городскіе прокуроры-тоже легисты отлично понимали это. Оттого она въ своихъ дебатахъ постоянно опираются на права королевской власти. Иногда имъ удавалось добиваться того, что королевскій прокуроръ становился на ихъ сторону, и тогда процессъ происходилъ между королемъ и коммуной съ одной стороны и архіепископомъ съ другой. Вотъ какія положенія высказываетъ прокуроръ Реймской коммуны вмѣстѣ съ королевскимъ прокуроромъ въ 1348 году ⁽¹⁾.— Городскіе засѣдатели Реймса во всякомъ дѣлѣ касающемся ихъ правъ и юрисдикціи могутъ и даже обязаны требовать архіепископа Реймскаго на судъ въ парламентъ ⁽²⁾. Они подсудны королю или его байльи безъ всякаго посредства. Въ качествѣ начальниковъ города они изъяты отъ свѣтской юрисдикціи архіепископа и его чиновниковъ. Дальше прокуроры приводятъ и доказательства этого положенія. Съ незапамятныхъ временъ въ Реймсѣ существуютъ городской совѣтъ и засѣдатели. Каждый годъ они выбираются жителями Реймса и архіепископъ не имѣетъ права отмѣнять этого выбора. Эти засѣдатели имѣютъ всѣ права коммунальной магистратуры: у нихъ есть печать, общественный сундукъ, общественная казна и т. д., однимъ словомъ всѣ атрибуты городского совѣта. Съ незапамятныхъ временъ они управляютъ дѣлами Реймской коммуны, служатъ ея представителями, защищаютъ ея интересы, отъ ея имени являются на судъ въ парламентъ и къ королевскому байльи. Всѣ эти права Реймская коммуна получила отъ королей французскихъ безъ участія архіепископовъ. Вотъ по этому-то засѣдатели Реймса подсудны только королевской власти безъ всякаго посредства. Съ незапамятныхъ временъ совѣтъ г. Реймса приносилъ жалобы на архіепископовъ, на ихъ притѣсненія и обиды въ судахъ королевскихъ ⁽³⁾. Этого не

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 2. 1197. Докум. 1348 года.

⁽²⁾ Постановление парламента начинается такъ: *Lite pendente in curia nostra, inter dilectum et fidelem consiliarium nostrum Remensem Archiepiscopum ex una parte, et procuratorem nostrum ac scabinos banni ipsius Archiepiscopi, in quantum quemlibet eorum tangit, ex altera.* p. 1198—1200.

⁽³⁾ Не забудемъ, что дебаты происходятъ въ 1348 году. 100 лѣтъ судебной практики сдѣлали свое дѣло: право вести процессы въ парламентъ противъ архіепископа городской совѣтъ считаетъ уже кореннымъ своимъ правомъ.

могло бы быть. если бы архіепископъ имѣлъ феодальныя права въ отношеніи городскому совѣту (laquelle chose ne fut pas, se il fut sirez (sire) dudit eschevinage). По обычаямъ страны подданный не имѣетъ права привывать на судъ своего господина въ случаѣ незаконнаго поведенія съ его стороны. Впрочемъ говорятъ, что между господиномъ и подданнымъ даже не можетъ быть и вопроса о какихъ-нибудь незаконныхъ нововведеніяхъ (entre signeur et sujet ne chiet point de nouvelleté). Не было случая на памяти человѣческой, чтобы архіепископы привлекали къ своему суду реймскихъ засѣдателей по дѣламъ ихъ службы. Всякій разъ когда Реймская коммуна начинала процессъ противъ архіепископа, онъ требовалъ, чтобы спорное дѣло было передано его собственному суду; но каждый разъ ему отказывали въ этомъ ⁽¹⁾.—Эти доказательства, приведенныя нами въ сжатомъ видѣ, излагаются въ парламентскихъ процессахъ со всѣми тонкостями тогдашняго юридическаго искусства. Общій смыслъ всѣхъ положеній королевскаго и городскаго прокуроровъ заключается въ слѣдующей формулѣ: выгоды короля и коммуна неразрывно между собой связаны: они взаимно должны защищать права другъ друга (Les choses sont si fort relatives entre le roy et lesdis eschevins que li uns garde le droit de l'autre)⁽²⁾.

Долго тянулись процессы въ парламентѣ о взаимныхъ правахъ и отношеніяхъ Реймскаго архіепископа и городскихъ засѣдателей. Вопросъ этотъ возникалъ по поводу каждаго спора почти при каждомъ процессѣ. Парламентъ выслушивалъ дебаты обѣихъ сторонъ, требовалъ и разсматривалъ документы той и другой партіи, но не давалъ яснаго и опредѣленнаго рѣшенія. Отъ половины XIII до половины XIV в., по главному вопросу между архіепископомъ и коммуной, въ огромномъ количествѣ парламентскихъ постановленій не сказано почти ни слова. Они рѣшаютъ второстепенные пункты: о границахъ городской и архіепископской юрисдикціи, объ отдачѣ на поручительство лицъ арестованныхъ архіепископомъ, о значеніи городскихъ засѣдателей въ засѣданіяхъ архіепископскихъ судей и много другихъ вопросовъ судебной практики. Чѣмъ объяснить эту уклончивость парламентскихъ

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 1198—125. Документъ 1348 года. См. p. 1199.

⁽²⁾ Ibidem. p. 1204.

судей? Прежде всего замѣтимъ, что эта нерѣшительность только кажущаяся. Уже тотъ фактъ, что жалобы на архіепископа были принимаемы и рассматриваемы парламентомъ, опровергаетъ теорію архіепископа и въ извѣстномъ смыслѣ допускаетъ теорію прямого подчиненія Реймской коммуны верховной власти. Затѣмъ относительно второстепенныхъ вопросовъ парламентъ не раздѣляетъ притязаній духовнаго феодала и рѣшая ихъ въ пользу коммуны, тѣмъ самымъ подрыываетъ его феодальную теорію. Вся судебная практика королевскихъ судовъ шла въ разрѣзъ съ феодальными правами архіепископа. Уже со 2-й половины XIII в. онъ былъ принужденъ подчиняться рѣшеніямъ парламента не только въ своихъ спорахъ съ коммуной, но даже и съ частными гражданами⁽¹⁾. По случаю распріи между архіепископомъ и городскимъ совѣтомъ, иногда незначительныхъ, парламентъ поручалъ производить слѣдствіе королевскимъ судьямъ⁽²⁾. Королевскіе суды⁽³⁾ больше и больше вмѣшивались во внутреннія дѣла коммуны. Уже въ 1294 году коммуна требуетъ архіепископа на судъ въ парламентъ по дѣлу одного горожанина, заключеннаго архіепископомъ въ тюрьму за поддѣлку какихъ-то документовъ⁽⁴⁾. Король Филиппъ дѣлаетъ уже общее распоряженіе относительно раздоровъ партій въ Реймсѣ. Онъ приказываетъ своему байльи назначать день архіепископу и членамъ городского совѣта для явки въ парламентъ⁽⁵⁾. Черезъ четыре года засѣдатели подняли вопросъ о правахъ архіепископской юрисдикціи. Они жаловались въ парламентъ, что архіепископъ подвергаетъ заключенію жителей города вопреки прямому смыслу хартіи Вильгельма Шампанскаго, тогда какъ онъ долженъ былъ отпускать ихъ на поруки, давать имъ такъ называемую на юридическомъ языкѣ того

(1) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 902. Докум. 1269 года.

(2) Ibidem. p. 994. Докум. 1284 года.

(3) Парламентъ со 2-й половины XIII в. есть, собственно говоря, высшая инстанція королевскихъ судовъ. Онъ уже утратилъ прежнее свое значеніе феодальнаго суда пэровъ. Этотъ послѣдній судъ существуетъ и въ XIII и въ XIV в., но какъ судъ чрезвычайный, собираемый только въ важныхъ случаяхъ, по феодальнымъ дѣламъ касающимся пэровъ. Пэры являются совѣтниками парламента, но не засѣдаютъ въ немъ. Все значеніе принадлежитъ совѣтникамъ изъ легистовъ.

(4) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 1082. Докум. 1294 года.

(5) Ibidem t. II. 1. p. 15. Докум. 1302 года.

времени рекреденцію (*rescindentiam, rescéance*). Когда архіепископъ отказывался освободить заключенныхъ, то король приказывалъ исполнить это лаонскому байльи⁽¹⁾. Съ тѣхъ поръ внимательство королевскаго байльи въ юрисдикцію архіепископа становится уже постояннымъ. Каждый разъ, когда по требованію городского совѣта, архіепископъ отказывался отпустить на поруки арестованныхъ горожанъ, коммуна жаловалась въ парламентъ, и каждый почти разъ парламентъ приказывалъ байльи, своей собственной властью, дѣлать рекреденцію⁽²⁾. Огромное число процессовъ, возникавшихъ въ парламентъ по этому поводу, было причиной что въ XIV в. королевскіе байльи получили право освобождать на поруки уже собственною властью, не дожидаясь парламентскихъ приказовъ⁽³⁾. Такимъ образомъ съ половины XIII в. архіепископъ въ своихъ спорахъ съ городскими совѣтомъ подчиняется суду парламента. Поэтому относительно вопроса *de statu scabinorum* парламентъ находилъ излшнимъ опредѣленно выразить то, что давно уже было рѣшено на практикѣ.—Но была еще причина, почему парламентъ такъ осторожно относился къ главному вопросу между архіепископомъ и коммуной. До половины XIV в. притязанія и архіепископа и коммуны не были согласны съ видами легистовъ. Каждая сторона требовала гарантій въ свою собственную пользу, мало заботясь о королевской власти. Архіепископы обращались къ королю во имя своихъ феодальныхъ правъ, только какъ къ высшему сюзерену. Коммуна просила его быть только посредникомъ между собой и архіепископомъ. Легисты не раздѣляли взглядовъ ни той ни другой стороны. Идеи ихъ объ административномъ единствѣ Франціи подъ стѣнью королевской власти—не мирились ни съ стародавними отжившими правами феодала, ни съ молодыми свѣжими стремленіями демократической общины. Высказаться за ту или другую сторону они не могли; потому что каждое рѣшеніе ихъ служило основой для дальнѣйшихъ притязаній. Высказаться прямо за преобладаніе королевской власти и надъ феодаль-

(1) *Ibidem* t. II. 1. p. 53. Докум. 1306 года.

(2) Сюда относятся огромное число парламентскихъ процессовъ. См. t. II. 1. p. 62. Докум. 1308 г. p. 74. 1309. p. 228—233. Докум. 1318 г. 370.—1323 г. 433.—1326 г. 441.—1327 г. II. 2. 973.—1345 г. p. 1197—1348 г. 1216 того же года и т. д.

(3) *Arch. admin. de Reims*. t. III. p. 161. Докум. 1361 года.

ными правами сеньора и надъ притязаніями коммуны они не рѣшались; они предпочитали проводить въ жизнь королевскую идею медленнымъ путемъ правтики; они хотѣли подорвать постепенно ту и другую сторону въ крайнихъ ея проявленіяхъ; посредствомъ административной правтики приучить средневѣковое общество къ королевской ферулѣ. Эта медленная политика удалась какъ нельзя лучше. Во 2-й половинѣ XIV в. коммуны заискиваютъ уже у королевской власти и не раздѣляютъ своихъ интересовъ съ ея интересами⁽¹⁾. „Взаимныя отношенія королевской власти и городского совѣта таковы, говорили прокуроры городской и королевской, что они должны защищать права другъ друга“. Когда вопросъ былъ поставленъ въ этомъ видѣ, то не трудно угадать рѣшеніе парламента: онъ уже формально, прямо и рѣшительно объявляетъ архіепископа подсуднымъ парламенту во всѣхъ его дѣлахъ съ коммуной⁽²⁾. Съ этого времени вопросъ о правахъ городского совѣта можно считать рѣшеннымъ уже не на практикѣ только, но и въ теоріи. Каждое рѣшеніе парламента служило исходнымъ пунктомъ для доказательствъ въ послѣдующихъ процессахъ. Такимъ образомъ юридическія понятія о коммунахъ, объ ихъ отношеніи къ феодальнымъ сеньорамъ и къ королевской власти, выработались сначала въ административной и судебной правтикѣ, а потомъ получили свое легальное выраженіе въ административныхъ и юридическихъ актахъ.

Всѣ эти процессы сильно отзывались на упадкѣ феодальной власти Реймскихъ архіепископовъ. Чего не могли добиться вѣковыми усиліями смѣлые граждане Реймса, то сдѣлали легисты, засѣдавшіе въ парламентѣ и занимавшіе судебныя и исполнительныя должности въ провинціальныхъ округахъ. Легисты — это главная опора королевской идеи; они и развили ее и боролись за нее и проводили ее въ жизнь. Кромѣ громаднаго знанія, юридическаго искусства, политической ловкости, они отличались еще непреклонностью воли и смѣлостью въ исполненіи парламентскихъ и королевскихъ предписаній. То, что выработывали парламентскіе совѣтники въ судебныхъ засѣданіяхъ, — смѣло и рѣшительно проводили въ жизнь королевскіе байльи и превд. Вся эта административная іерархія легистовъ, отъ высшихъ ея чле-

(1) Arch. adm. de Reims, t. II. 2. p. 1198—1205. Докум. 1348 г.

(2) Ibidem. t. II. 2. p. 1206. Докум. 1348 года.

новъ до самыхъ низшихъ, представляетъ общество стройно организованное во имя одной общей идеи. Это войско, одушевленное одной общей мыслью, однимъ общимъ желаніемъ. Расскажемъ хотя одинъ изъ сотни случаевъ, какъ приводились въ исполненіе парламентскія рѣшенія въ отношеніи къ архіепископу реймскому. Мы беремъ фактъ начала XIV в., когда еще сильны были гордые притязанія этихъ герцоговъ и первыхъ пэровъ Франціи⁽¹⁾.

Архіепископъ конфисковалъ имѣніе одной горожанки по какому-то дѣлу, приказалъ запечатать ея сундуки и для охраненія ихъ поставилъ въ ея домъ сержанта. По жалобѣ горожанки парламентъ, находя конфискацію ея имущества незаконной, далъ приказъ лаонскому байльи принудить архіепископа снять арестъ съ конфискованнаго имущества и возвратить его по принадлежности. Байльи поручилъ это дѣло лаонскому прево и одному изъ его сержантовъ. Эти послѣдніе, явившись въ Реймсъ, пригласили къ себѣ архіепископскихъ судей, чтобы предъявить имъ приказъ байльи о выдачѣ имущества горожанкѣ. Тѣ отказались повиноваться и даже не явились на приглашеніе. „Тогда мы, доносить лаонскій прево Марживаль, вмѣстѣ съ сержантомъ и въ сопровожденіи огромной толпы реймскихъ жителей, отправились въ Портъ-Марсу. Но ворота его были заперты. По приказанію вашему и отъ имени короля мы потребовали отъ привратника, чтобы немедленно онъ отворилъ ворота и пустилъ насъ въ замокъ, потому что у насъ есть дѣло до архіепископскаго байльи или его помощника. Привратникъ отвѣчалъ, что онъ ворота не отворитъ и мы въ замокъ не войдемъ. Тогда мы спросили его: „Кто онъ такой и какъ его зовутъ?“ На этотъ вопросъ онъ сказалъ дерзко: „Зачѣмъ вамъ это? У меня нѣтъ имени, или по крайней мѣрѣ вы отъ меня его не узнаете.“ Видя такое неповиновеніе, мы трижды повторили наше требованіе, но привратникъ не слушался. Тогда мы громко и внятно, въ присутствіи огромной толпы народа, прочитали вашъ приказъ и снова потребовали, чтобы ворота замка были отворены, но и на этотъ разъ повиновенія намъ не было оказано. Дѣлать было нечего и мы воротились въ нашъ отель. На слѣдующее утро къ намъ

(1) Arch. adm. de Reims t. II. 1. p. 70. Докум. 1308 г.

явился архіепископскій превд вмѣстѣ съ другими людьми архіепископа и спросилъ, что намъ нужно? Когда ми объяснили ему наши требованія и предъявили вашъ привазъ, то онъ потребовалъ копію. Копія была ему дана, но онъ потребовалъ еще сутки для обсуждения этаго дѣла въ архіепископскомъ совѣтѣ. Мы сказали, что въ этомъ нѣтъ особенной надобности, что достаточно ему приказа и что рассуждать тутъ нечего, а слѣдуетъ исполнить ваше приказаніе. Впрочемъ все-таки мы подождали еще сутки: намъ хотѣлось знать, что скажутъ намъ архіепископскіе люди. На другой день превд снова явился и объявилъ, что совѣтъ не находитъ нужнымъ исполнять вашего приказа и не намѣренъ передѣлывать то, что уже сдѣлано. Тогда мы объявили, что находимъ себя вынужденными силой исполнить то, чего они не хотятъ сдѣлать по доброй волѣ. Сейчасъ же мы отправились въ домъ горожанки, прогнали архіепископскаго сержанта, распечатали сундуки, имѣніе отдали хозяѣмъ и поставили въ ней людей, чтобы они въ случаѣ нужды защитили эту женщину отъ насилія со стороны архіепископа. Потомъ мы схватили одного изъ вассаловъ архіепископа (*homines fiettés*) и отправили въ лаонскую тюрьму. Дорогой мы заѣхали въ архіепископское помѣстье Курмисі (*Courmissi*), потребовали къ себѣ архіепископскихъ судей, отменили извѣстное вамъ рѣшеніе, рѣшили дѣло отъ имени королевской власти и нѣкоторымъ лицамъ приказали отправиться въ лаонскую тюрьму. Все это мы сдѣлали по вашему приказанію, чтобы принудить архіепископа къ повиновенію. Бульте увѣрены, что мы всегда готовы исполнять вашу волю“ (¹).—Рассказанный нами случай одинъ изъ числа многихъ примѣровъ приведенія въ исполненіе парламентскихъ рѣшеній относительно прелатовъ реймскихъ. Разница только въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ меньше исполнителямъ королевской воли они оказываютъ сопротивленія. Байльи отворяетъ архіепископскія тюрьмы и освобождаетъ заключенныхъ горожанъ (²). Напрасно архіепископы старались запрягать ихъ куда нибудь подале, — въ одинъ изъ обрестныхъ замковъ. Сержанты отыскивали ихъ и тамъ и смѣло исполняли приказы королевской

(¹) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 70—72. Докум. 1308 г.

(²) Ibidem. t. II. 1. p. 228—233. Докум. 1318 года.

власти. Въ рукахъ байльи было могущественное средство заставить архіепископовъ повиноваться,—это конфискація на имя короля ихъ свѣтскихъ владѣній⁽¹⁾. Такимъ образомъ по неволѣ приходилось смириться. Прелаты реймские XIV в. далеко не напоминаютъ собой прежнихъ гордыхъ полновластныхъ архіепископовъ, которыхъ трепетали реймские граждане, которымъ могущественные графы Шампани давали ленную присягу, которыхъ уважали сами короли и боялись оскорбить ихъ архіерейскую и феодальную гордость. Теперь сержантъ лаонскаго байльи требуетъ ихъ на судъ въ парламентъ. Однажды случилось, что королевскій сержантъ собственной властью хотѣлъ даже приступить къ разбирательству спора между архіепископомъ и городскимъ совѣтомъ⁽²⁾.

Но мы ошиблись бы, если бы на основаніи этихъ данныхъ сдѣлали заключеніе, что власть архіепископовъ реймскихъ въ отношеніи къ реймской коммунѣ сдѣлалась ничтожною. Въ теченіе не только XIII-го, но и большей части XIV в. архіепископы остаются сеньорами г. Реймса. Его притязанія сильно ограничены королевскимъ вмѣшательствомъ; но тѣмъ не менѣе феодальныя его права надъ городомъ весьма значительны. Во всю вторую половину среднихъ вѣковъ мы видимъ борьбу, но не видимъ еще исхода этой борьбы,—полнаго паденія архіепископскихъ феодальныхъ правъ. Борьба ведется съ двухъ сторонъ: со стороны легистовъ и со стороны самой коммуны. Мы видѣли, какъ велась борьба отъ имени королевской идеи; посмотримъ теперь, какъ она ведется во имя коммунальной свободы. Этотъ очеркъ даетъ намъ случай познакомиться съ отношеніями коммуны къ архіепископской власти и съ правами городского совѣта, которыя составляютъ мѣру коммунальной свободы. Кромѣ того мы увидимъ въ чемъ состоялъ результатъ парламентской борьбы коммуны съ архіепископомъ. Главный атрибутъ власти въ средніе вѣка составляла юрисдикція. Мы видѣли, какими обширными судебными правами обладалъ городской совѣтъ г. Амьена. За исключеніемъ трехъ королевскихъ случаевъ (*cas royaux*)—убійства, грабежа и измѣны,—всѣ судебныя дѣла въ Амьенѣ рѣшаются коммунальными вла-

(1) Ibid. p. 433. Докум. 1326 года.

(2) Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 1010. Докум. 1346 года.

стями. Посмотримъ теперь, то ли было въ Реймсѣ, такъ ли были обширны судебныя права его городскихъ властей.

На основаніи хартіи Вильгельма Шампанскаго въ началѣ XIII в. судебное устройство г. Реймса представляется въ слѣдующемъ видѣ. Архіепископскіе судьи, безъ всякаго участія реймскихъ засѣдателей, рѣшаютъ уголовныя дѣла по убійству, грабежу и измѣнѣ. Такимъ образомъ архіепископу принадлежитъ безраздѣльно высшая городская юрисдикція въ уголовныхъ преступленіяхъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ архіепископскіе судьи вѣдаютъ всѣ споры между архіепископскими феодалами. Если членъ городской общины принадлежитъ къ числу вассаловъ архіепископа, то въ отношеніи ленныхъ земель и владѣній онъ подлежитъ также суду архіепископскаго двора. Въ дѣлахъ феодальныхъ прежде судъ принадлежалъ всѣмъ вассаламъ архіепископа подъ его предсѣдательствомъ; но съ XIII в. мы видимъ, что и эти дѣла рѣшаются обыкновеннымъ судомъ, то есть байльи и превд. Въ трехъ уголовныхъ случаяхъ горожане реймскіе, поселенные на архіепископской землѣ, судятся архіепископскими судьями безъ всякаго участія засѣдателей только тогда, когда эти преступленія (убійство, грабежъ, измѣна) очевидны и не требуютъ формальнаго процесса. Но въ противномъ случаѣ, а также и въ другихъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, въ засѣданія архіепископскаго байльи или превд должны быть приглашаемы городскіе засѣдатели. Это неотъемлемое право Реймской коммуны, которымъ она пользовалась съ незапамятныхъ временъ и которое подтверждено за ней хартіей Вильгельма Шампанскаго. Засѣданія архіепископскаго байльи или превд⁽¹⁾ происходили въ Портъ-Марсѣ. Для жителей Реймса были назначены два дня въ недѣлю: вторникъ и пятница; прочіе дни назначались для разбирательства по дѣламъ жителей окрестныхъ архіепископскихъ помѣстьевъ⁽²⁾. Въ послѣдствіи съ 1384 г. судебныя

(¹) Сначала предметъ юрисдикціи байльи и превд не былъ строго разграниченъ. Но съ XIV в. байльи судятъ въ уголовныхъ дѣлахъ, а превд въ гражданскихъ.

(²) Бурги Couture et Venisse были расположены вблизи Реймса и со временемъ прикнули къ Реймской коммунѣ. Жители этихъ бурговъ участвовали въ выборѣ городскихъ засѣдателей и имѣли право судиться съ участіемъ двоихъ изъ нихъ. Въ судѣ предсѣдательствовала мэръ—лицо уполномоченное отъ архіепископа. Arch. admin. de Reims. t. I. Notice bibliograph. LVII p.

дѣла производились уже не въ Портъ-Марсѣ, а въ городскомъ домѣ⁽¹⁾. Сюда являлись, по приглашенію архіепископскихъ судей, двое или четверо, а иногда и больше, городскихъ засѣдателей. Вотъ это-то право коммунъ и давало постоянный поводъ къ столкновеніямъ съ архіепископской властью. Хартія Вильгельма не указала съ точностью предѣловъ между чисто-феодалнымъ судомъ архіепископа и смѣшаннымъ судомъ архіепископскихъ судей съ участіемъ городскихъ засѣдателей. Она не рѣшала, какіе случаи грабежа, убійства, измѣны слѣдуетъ считать очевидными (potogia), какіе нѣтъ. Отсюда поводъ къ разнаго рода столкновеніямъ и процессамъ въ парламентѣ. Совершалось въ городѣ убійство; архіепископъ приказывалъ схватить и заключить въ Портъ-Марсѣ виновнаго. Начинались пытки, допросы; въ суду привлекали много другихъ гражданъ. Всѣ дѣла велось съ таинственностью; родственники схваченныхъ, засѣдатели совѣта ничего не знали объ ихъ участи. Если арестованному удавалось какъ-нибудь получить свободу, то онъ рассказывалъ о страшныхъ подземельяхъ замка, объ ужасныхъ пыткахъ, которымъ подвергали его. Много было насилія и несправедливостей со стороны архіепископскихъ властей. Права юрисдикціи становились въ ихъ рукахъ средствомъ къ вымогательствамъ разнаго рода. Эти притѣсненія увеличивались еще вслѣдствіе того, что судебныя должности давались архіепископомъ на ленномъ правѣ за извѣстную сумму. Реймские граждане отказывались являться въ Портъ-Марсѣ на судъ вассаловъ архіепископа, но это не помогало: за каждый случай неявки въ XIII в. былъ положенъ штрафъ въ 60 ливровъ,—сумма весьма значительная для того времени⁽²⁾.

Городской совѣтъ Реймса и вся Реймская коммуна ненавидѣли феодальные суды архіепископа. Съ XII в. до половины XIII-го притѣсненія и произволы этихъ судовъ составляли одну изъ главныхъ причинъ возмущеній противъ феодальной власти. Со второй половины XIII в. коммуна нашла

(1) Домъ этотъ назывался *Maison de la Pierre au Change*. Отсюда присяжція городскихъ засѣдателей, подъ предѣдательствомъ феодальныхъ судей, получила свое названіе: *jurisdiction de l'Échevinage de la Pierre au Change*.

(2) *Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 971. Докум. 1280 г.*

другое, болѣе вѣрное средство противъ архіепископскихъ судовъ. Съ этого времени начинаются жалобы въ парламентъ, начинается длинный рядъ процессовъ, исходъ которыхъ былъ благодѣтеленъ для коммуны (¹). Парламентъ, такъ осторожно относившійся къ вопросу о правахъ Реймской коммуны (*de statu scabinorum*), въ вопросѣ объ юрисдикціи былъ рѣшительнѣе. Онъ поддерживалъ притязанія городского совѣта и чаще всего рѣшалъ дѣла въ его пользу. Большая часть преступныхъ случаевъ была признаваема сомнительными и требующими формальнаго процесса съ участіемъ городскихъ засѣдателей (²). Но этого было еще мало: архіепископъ могъ держать подъ арестомъ обвиняемыхъ въ извѣстномъ преступленіи даже и въ томъ случаѣ, если ихъ дѣло рѣшалось съ участіемъ засѣдателей. Процессъ и не скоро начинался и долго продолжался, а обвиняемый долженъ былъ томиться въ архіепископской тюрьмѣ, подвергаясь разнымъ истязаніямъ и пыткамъ (³). Средство къ освобожденію давала хартія Вильгельма, именно то ея мѣсто, въ которомъ говорилось о поручительствѣ. Это такъ называемая *rescindentia*, за которую такъ стояли жители Реймса и которая также была предметомъ парламентскихъ процессовъ. Коммуна посредствомъ огромныхъ усилій и издержекъ наконецъ добилась того, что отдача на поруки сдѣлалась обыкновенной въ судебной процедурѣ того времени. По смыслу Вильгельмовой хартіи обвиняемый могъ получить свободу, если онъ предоставитъ въ обезпеченіе своей явки на судъ какое нибудь имущество, или поручительство отъ другихъ гражданъ. Въ послѣднемъ случаѣ приговоръ могъ падать на поручителей, если бы обвиняемый не явился къ суду, или былъ не въ состояніи удовлетворить судебному рѣшенію. Подобный порядокъ дѣла не всегда былъ строго соблюдаемъ (⁴). Парламентъ рѣшалъ дѣло просто объ отдачѣ на поруки городскимъ засѣдателямъ, не объясняя условій ихъ поручительства. Вслѣдствіе этого ре-

(¹) Въ первый разъ въ парламентъ было рѣшено дѣло о правахъ юрисдикціи между коммуной и архіепископомъ въ 1280 году. См. *Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 985*. Докум. этого года.

(²) *Arch. adm. de Reims t. II. 4. p. 87*. Докум. 1306 года.

(³) *Ibidem t. II. 2. p. 795*. Докум. 1338 года.

(⁴) *Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 251*. Докум. 1345 года.

креденція потеряла свой первоначальный смысл и приравнивалась къ простому о освобожденію подсудимыхъ, съ обязательствомъ явиться на судъ архіепископскаго байльи съ участіемъ городскихъ засѣдателей⁽¹⁾. Жители Реймса постоянно пользовались этимъ правомъ. Если кто нибудь изъ арестантовъ умиралъ прежде парламентскаго рѣшенія по вопросу о поручительствѣ, то засѣдатели все-таки приводили въ исполненіе парламентское постановленіе. Для этого дѣлалось изображеніе умершаго и надъ нимъ исполняли формальности, предписываемыя судебной практикой того времени⁽²⁾. Случалось, что даже мертвые трупы отдавали на поруки. Такъ въ 1326 году одна женщина упала въ колодезь и утонула. Архіепископъ, относя этотъ случай къ самоубійству, приказалъ взять мертвое тѣло, а на имущество утопленницы наложилъ арестъ. Но городскіе засѣдатели и къ этому случаю примѣняли законъ объ отдачѣ на поруки. Тѣло было имъ выдано съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей рекреденціи⁽³⁾.

Какое же значеніе имѣли Реймскіе городскіе засѣдатели въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ у архіепископскихъ судей⁽⁴⁾? Байльи безусловно принадлежало судебное слѣдствіе, преслѣдованіе преступниковъ въ случаѣ нужды, его арестъ и т. п. Затѣмъ онъ былъ на судѣ предсѣдателемъ, онъ призывалъ къ суду обвиняемыхъ и свидѣтелей, производилъ допросы, отбиралъ показанія, приводилъ къ присягѣ, постановлялъ о судебныхъ поединкахъ, въ случаѣ нужды давалъ судебныя отсрочки, рѣшалъ: нужно ли подсудимаго отдать на поруки, или подвергнуть тюремному заключенію. Во время засѣданій если городскіе засѣдатели распоряженія байльи находили законными, то подписывали ихъ безъ всякихъ возраженій, но въ случаѣ нарушенія правъ, гарантированныхъ коммунѣ хартіями, они протестовывали⁽⁵⁾. Но главное значеніе ихъ было въ постановленіи окончательнаго приговора. Послѣ судеб-

(1) Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 1216. Докум. 1348 года.

(2) Ibidem t. II. 4. p. 265. Докум. 1324 года.

(3) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 420. Докум. 1326 года.

(4) Источникомъ для судебного процесса въ Реймсѣ служатъ такъ называемыя plaids en baillie et en prévôté. Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 665. Докум. 1333—1338 года.

(5) Ibidem p. 704.

ныхъ дебатовъ они дѣлали свое заключеніе, записывали его и вручали байльн (¹). Эта судебная функція напоминаетъ собой постановленія нынѣшнихъ присяжныхъ о виновности или невинности подсудимаго. Сначала подобныя постановленія реймскихъ засѣдателей, по всей вѣроятности, не имѣли обязательной силы для архіепископскихъ судей. Они должны были только соображаться съ мѣніемъ засѣдателей, но имѣли право и не слѣдовать имъ. Хартія Вилгельма намекаетъ на это, когда говоритъ, что въ случаѣ неправильнаго приговора со стороны городскихъ засѣдателей, архіепископскій судъ имѣетъ право исправить ихъ постановленіе (²). Но реймскіе засѣдатели этимъ неудовольствовались: они стремились одѣлать свои постановленія обязательными, изъ присяжныхъ превратиться въ судей, а архіепископскихъ чиновниковъ сдѣлать исполнителями своихъ рѣшеній (³). Королевская власть сначала поддерживала такія притязанія городскихъ засѣдателей (⁴). Съ теченіемъ времени засѣдатели приобрѣли право присутствовать при формальномъ приглашеніи обвиняемаго въ суду; послѣ чего, если обвиняемый не являлся, то его подвергали изгнанію. Этотъ призывъ дѣлали трижды и по крайней мѣрѣ одинъ разъ онъ долженъ былъ совершаться съ участіемъ засѣдателей (⁵). Случалось, что засѣдатели съ умысломъ не исполняли этой формальности, а потомъ, когда незвишійся преступникъ былъ осуждаемъ на изгнаніе, они протестовывали. Это давало поводъ къ злоупотребленіямъ и безнаказанности преступниковъ. Архіепископъ жаловался въ парламентъ и дѣло было рѣшено въ его пользу (⁶). Этимъ же рѣшеніемъ отнято было у засѣдателей право прежде постановленія рѣшенія требовать судебныхъ дѣла для пресмотра (⁷). Вообще конецъ XIV в. представляетъ упадокъ значенія городскихъ засѣдателей въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствахъ. Пользуясь смутнымъ

(¹) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 713. Докум. 1333 г.

(²) Ibidem t. I. 4. p. 391. Докум. 1182 года.

(³) Ibidem t. III. p. 896. Докум. 1398 года.

(⁴) Ibidem t. II. 2. p. 713. Докум. 1333 года.

(⁵) Arch. admin. de Reims. t. II. p. 961—963. Докум. 1345 г.

(⁶) Ibidem t. III. p. 858. Докум. 1395 года.

(⁷) Ibidem p. 861.

временемъ и своими связями при дворѣ, архіепископы реймскіе стали призывать къ суду самихъ засѣдателей реймскихъ и подвергать ихъ штрафамъ за проступки по должности. Вообще это время представляетъ уже значительный упадокъ городской свободы и старинныхъ правъ городскихъ засѣдателей. Королевская власть, всесильная въ городѣ, уже не находила нужнымъ поддерживать городской совѣтъ въ борьбѣ съ архіепископомъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ пылу борьбы съ архіепископскимъ деспотизмомъ городской совѣтъ г. Реймса дѣйствовалъ не всегда во имя правосудія и строгой справедливости. Отъ 2-й половины XIV в. сохранился весьма замѣчательный процессъ, въ которомъ обвинителемъ городскихъ засѣдателей является королевскій прокуроръ (').— „Постоянное вмѣшательство городскихъ засѣдателей въ судебные процессы, говорилъ онъ въ парламентѣ, ведетъ къ ненаказанности важныхъ преступниковъ. Только тогда они считаютъ преступленіе явнымъ и не требующимъ судебныхъ доказательствъ, когда оно совершено въ ихъ присутствіи. Если преступникъ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, на самомъ мѣстѣ преступленія, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, то засѣдатели все-таки называютъ фактъ сомнительнымъ, требуютъ отдачи на поруки и формальнаго процесса съ ихъ участіемъ, на которомъ они иногда оправдываютъ виновнаго. (Королевскій прокуроръ приводитъ нѣсколько примѣровъ такого неправосудія со стороны членовъ городского совѣта)(²). Злоупотребленія происходятъ и въ гражданскомъ процессѣ. Положимъ, кто-нибудь изъ реймскихъ торговцевъ схваченъ съ фальшивой мѣрой или вѣсами,—ему стоитъ только дать ложную присягу въ своей невинности, и онъ свободенъ отъ наказанія“ (³).—Но подобныя злоупотребленія были естественны при неустановившихся правилахъ судебного процесса. Притѣсненія со стороны феодальной власти вызывали злоупотребленія со стороны городскихъ властей. Городскіе совѣтники всѣми мѣрами старались защитить своихъ согражданъ отъ архіепископскаго суда. Они не считали его трибуналомъ правосудія, а напро-

(¹) Arch. admin. de Reims t. II. 2. p. 1234. Докум. 1349 г.

(²) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 1235. Докум. 1349 г.

(³) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 1236.

тивъ источникомъ притѣсненій и вымогательствъ разнаго рода. Свидѣтельства о злоупотребленіяхъ городскихъ засѣдателей вообще очень рѣдки, тогда какъ нѣтъ конца свидѣтельствамъ о насиліяхъ архіепископскаго суда. Вотъ наприм. какое средство нажитья придумалъ архіепископскій прево въ 1376 году. Архіепископу принадлежали дѣла о прелюбодѣяніи. Пользуясь этимъ, прево начинаетъ забирать въ Реймсѣ честныхъ женщинъ и дѣвушекъ подъ предлогомъ подозрѣнія въ прелюбодѣяніи. Мужья и отцы для избѣжанія бѣзчестія платили ему огромныя суммы. Городской совѣтъ вступился за оскорбленныхъ и жаловался въ парламентъ, который велѣлъ прево вознаградить всѣхъ обиженныхъ имъ жителей Реймса и возвратить полученныя съ нихъ деньги⁽¹⁾.

Всматриваясь въ общій характеръ судебной дѣятельности городскихъ засѣдателей Реймса, нельзя непризнавать благотѣльными результаты той упорной борьбы, которую они съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выдержали противъ архіепископской власти. Стремленіе коммуны состояло въ томъ, чтобы превратить произвольныя, безконтрольныя дѣйствія архіепископскаго суда въ формальный судебный процессъ и распространить судъ съ участіемъ присяжныхъ на всѣ возможные случаи. Средствомъ для борьбы могла быть только ябеда, схоластически-юридическое толкованіе разныхъ хартій и грамматъ, доносы въ парламентъ, прокурорскіе дебаты и судебныя процессы. Въ этомъ отношеніи коммуна была также настойчива, энергична, какъ и въ революціонныхъ вспыскахъ XII-го и первой половины XIII вѣка. Коммуна не жалѣла денегъ на парламентскіе процессы, которые въ то время обходились не дешево; она щедро платила деньги своимъ прокурорамъ и парижскимъ адвокатамъ⁽²⁾. Процессы не всегда удавалось выигрывать: коммуна платила штрафы, платила судебныя издержки, но не падала духомъ, снова затѣвала процессъ—и выигрывала дѣло. Борьба городскихъ засѣдателей съ феодальнымъ судомъ архіепископа велась не только въ парламентѣ, но и у себя дома, съ архіепископскимъ байль и прево, во время ихъ судебныхъ засѣданій.

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 431.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 701. Докум. 1389 г. t. II. 2. p. 889.—1343 г.

Рѣдко засѣданіе происходило безъ оппозиціи и безъ горячихъ споровъ со стороны засѣдателей. Сами горожане или ихъ прокуроры, опираясь на защиту присяжныхъ, смѣло возражали феодальнымъ судьямъ⁽¹⁾. Эта борьба не осталась безъ послѣдствій. Если городскимъ засѣдателямъ не удалось превратиться въ присяжныхъ, въ судей; если имъ не удалось распространить право собственнаго участія на всѣ судебные процессы, то за то они сумѣли отстоять это относительно большей части процессовъ⁽²⁾. Не забудемъ, что это право до начала борьбы было спорнымъ. Съ другой стороны нельзя не признать и расширения судебныхъ правъ городского совѣта. Въ XII в. простые совѣтники, мнѣніе которыхъ всегда можно было исправить и отвергнуть, въ XIV в. — городскіе засѣдатели, уже присяжные въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ постановленія (verdict) дѣлаются обязательными для архіепископскихъ судей. Въ случаѣ неисполненія этихъ постановленій, засѣдатели жалуются въ парламентъ и большею частью выигрываютъ дѣло. Вѣковыми усиліями средневѣковыхъ коммунъ положено прочное начало тому знаменитому французскому процессу съ участіемъ присяжныхъ и адвокатовъ, который, на раду съ авглійскимъ, считается образцомъ судебныхъ процессовъ для всей Европы.

Но судебныя обязанности городскихъ засѣдателей не ограничивались только участіемъ въ процессахъ у байльи или прево. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ они были мировыми судьями по желанію самихъ тяжущихся⁽³⁾. Горожане не любили архіепископской процедуры и обращались къ третейскому разбирательству своихъ засѣдателей. Всѣ добровольныя сдѣлки между гражданами совершались въ присутствіи городского совѣта и вносились въ его регистры. Часть взыскиваемыхъ при этомъ денегъ должна была идти въ пользу архіепископа; оттого подобныя сдѣлки совершались въ присутствіи его сержанта⁽⁴⁾. За тѣмъ всѣ такъ называемыя *assurements*, то

(1) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 891—916. Докум. 1344 г. Plaid en baille et en prévôté.

(2) Такъ засѣдатели участвуютъ въ феодальномъ судѣ архіепископа относительно наследованія архіепископскихъ земель. Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 584. Докум. 1329 г.

(3) Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 306. Докум. 1322 г.

(4) Arch. admin. de Reims t. I. 1. Notice bibliographique LIX.

есть, рудательства въ сохраненіи мира со стороны враждующихъ сторонъ, совершались въ городскомъ совѣтѣ.

Но былъ еще цѣлый отдѣлъ городской администраціи, въ которомъ засѣдатели дѣйствовали независимо отъ архіепископской власти, именно городская полиція и городское хозяйство. Засѣдатели имѣли право надзора за всѣми товарами, которые продавались въ городѣ; они назначали таксы для хлѣбниковъ, смотрѣли за порядкомъ на рынкахъ, рѣшали всѣ споры торговаго характера и т. п. Они имѣли право надзора за правильностью мѣръ и вѣсовъ, за городскими постройками, за улицами и мостовыми. Ни одинъ изъ жителей не имѣлъ право выстроить въ городѣ какое либо новое строеніе или поправить старое безъ ихъ рѣшенія. На ихъ обязанности лежало наблюденіе за постройками по случаю коронаванія королей, — триумфальными воротами, подмостками въ церкви и т. п. Со временемъ они получили право принимать въ составъ коммуну постороннихъ лицъ, давать имъ право гражданства въ Реймсѣ (*droit de bourgeoisie*). Городскіе засѣдатели назначали на разные ниспія городскія должности, имѣвшія предметомъ своимъ торговый, хозяйственный и полицейскій надзоръ въ городѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ должностей: *courtiers*, которые должны были смотрѣть за правильной продажей вина; *jaugeurs*, — которые должны были мѣрить бочки съ виномъ и другими напитками, такъ какъ съ ихъ вмѣстимости бралась извѣстная пошлина; *brasseurs de foins*, которые охапками мѣрили сѣно, бывшее въ продажѣ; *maîtres visiteurs de mareés, des pores* и т. п., лица, обязанныя смотрѣть за продажей рыбы, мяса и т. д.; *presentateur de bourgeois*, — на его обязанности было представлять въ городской совѣтъ вновь поступающихъ въ составъ коммуны. Мы должны нѣсколько дольше остановиться на послѣдней должности, потому что съ ней связано одно изъ важнѣйшихъ правъ городскихъ засѣдателей, — принятіе въ коммуну новыхъ членовъ. — Городъ Реймсъ пользовался общимъ правомъ коммунъ Франціи, по которому всякій прожившій въ городѣ одинъ годъ и одинъ день становился членомъ городской общины и освобождался отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ прежнему своему владѣльцу⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 533. Докум. 1384 г.

Это правило относилось въ крѣпостнымъ, бѣгавшимъ отъ своихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Но не одни крѣпостные желали селиться въ Реймсѣ. Во время экономическаго, торговаго и промышленнаго процвѣтанія Реймской коммуны, многие жители окрестныхъ городовъ и бурговъ считали за честь получить права Реймской буржуазіи. Право принатія новыхъ членовъ развивалось путемъ историческимъ, какъ и всѣ права реймской и городской общины. Сначала это принатіе зависѣло единственно отъ воли архіепископа, или его вассала виконта. Этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городскими доходами, которыми онъ пользовался на ленномъ правѣ, собиралъ доходъ и съ вновь поступающихъ въ члены Реймской коммуны. Такъ какъ въ средніе вѣка всякое феодальное право непременно соединялось съ правами юрисдикціи, то отъ виконта зависѣло допустить или нѣтъ постороннее лицо въ составъ городской общины (¹). Коммуна боролась и за это чрезвычайно важное право всякой свободной общины. На первый разъ она добилась того, что это право сдѣлалось смѣшаннымъ. Каждый вновь поступающій долженъ былъ обращаться сначала къ архіепископу или его виконту, который, получивши установленную пошлину, представлялъ просителя въ городской совѣтъ. Только послѣ исполненія этихъ формальностей вновь поступающій могъ называться реймскимъ гражданиномъ и записывался въ городской списокъ. Если виконтъ медлилъ или отказывалъ въ принатіи желающимъ, то городской совѣтъ жаловался въ парламентъ и парламентъ рѣшалъ дѣло въ его пользу (²). Въ послѣдствіи общимъ правиламъ было принято, что архіепископъ или его виконтъ не имѣетъ уже права отказывать желающимъ поступить въ число реймскихъ гражданъ, но каждого должны представлять городскому совѣту (³). Наконецъ коммуна удалось сосредочить въ своихъ рукахъ права принатія новыхъ членовъ безъ всякаго участія кого бы то ни было. Тогда возникла должность *presentateur des bourgeois*. Онъ дѣлалъ то, что прежде обязанъ былъ дѣлать архіепископскій вассалъ, т. е. обязанъ былъ вновь поступающихъ представлять город-

(¹) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 220. Докум. 1318 года.

(²) Arch. admin. de Reims t. III. p. 824. Докум. 1394 г.

(³) Ibidem. p. 825.

своему совету, который послѣ присяги записывалъ ихъ въ реестръ буржуазіи. Кроме того онъ долженъ былъ наводить справки о прошедшей жизни, нравственности и образѣ поведенія лицъ, желающихъ попасть въ члены коммуны; потому что коммуна остерегалась принимать людей сомнительнаго поведенія⁽¹⁾. Тотъ же процессъ постепеннаго освобожденія отъ примѣси феодальныхъ элементовъ представляютъ намъ и другія права коммуны въ полицейскомъ и хозяйственномъ отношеніи. Споры городскихъ засѣдателей съ архіепископомъ со 2-й половины XIII в. разбираются или королевскими судьями и парламентомъ, или оканчиваются мировыми сдѣлками (accord). Такъ еще въ 1284 г. мы видимъ посредничество въ этихъ спорахъ лаонскаго прево⁽²⁾. Въ XIV в. парламентъ вмѣстѣ съ важными дѣлами рѣшаетъ споры и торгово-полицейскаго характера. Рѣшенія эти большею частью поддерживали притязанія засѣдателей. Такъ въ 1321 г. въ ихъ пользу было рѣшено дѣло о прилавкахъ, построенныхъ архіепископомъ на городской улицѣ-прямо на дорогѣ⁽³⁾. Этимъ рѣшеніемъ поддержано было право городского совѣта наблюдать за городскими постройками и улицами⁽⁴⁾. Архіепископъ оспаривалъ у городскихъ властей право назначенія на нисшія полицейскія должности. Такъ въ 1323 году по рѣшенію третейскаго суда за городскимъ совѣтомъ было признано право назначать лицъ для измѣренія сѣна, соломы и т. п. (brasseurs)⁽⁵⁾. Въ 1344 году королевскій байльи получилъ приказъ отъ короля поддержать засѣдателей противъ притязаній архіепископа относительно права надзора за продажей вина⁽⁶⁾. Иногда произволъ архіепископа въ подобныхъ дѣлахъ доходилъ до крайности: пользуясь своимъ феодальнымъ правомъ, онъ бралъ пошлины за провозъ товаровъ черезъ городскія ворота, или по известной улицѣ. Такъ какъ объ одной изъ такихъ пошлинъ со сторо-

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. 1. 2. p. 487. Примѣчаніе.

⁽²⁾ Ibidem. p. 994. Докум. 1284 г.

⁽³⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 276. Документъ 1321 года. t. II. 2. p. 797.—1339 г.

⁽⁴⁾ Подобное право называлось въ средніе вѣка voigie отъ латинск. viarium. См. Дю-Канжа Glossarium подъ этимъ словомъ.

⁽⁵⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 369. Докум. 1323 г.

⁽⁶⁾ Ibidem. t. II. 2. p. 923. Докум. 1344 г.

ны засѣдателей возникъ споръ, то архіепископъ приказалъ запретить одни изъ городскихъ воротъ и перегородить улицу. Дѣла подобнаго рода доходили тоже до парламента, который ограничивалъ самоуправство архіепископа (1).

Впрочемъ каждую бездѣлицу доводить до парламента было неудобно для обѣихъ сторонъ; отсюда возникаютъ соглашения между архіепископомъ и городскими засѣдателями относительно разныхъ спорныхъ пунктовъ торговаго и полицейскаго надзора въ городѣ. Общій характеръ этихъ соглашеній тотъ, что полицейская власть дѣлится между архіепископомъ и городомъ. Архіепископъ признаетъ за городскими засѣдателями право полицейскаго суда въ извѣстныхъ случаяхъ нарушенія разныхъ правилъ городского благоустройства (2). Въ другихъ случаяхъ подобныя дѣла рассматриваются въ засѣданіяхъ байльи или превдъ съ участіемъ городскихъ засѣдателей (3). Для надзора за продажей жизненныхъ припасовъ назначается коммисія изъ архіепископскихъ людей и лицъ отъ города (4). Цѣль назначенія депутатовъ отъ архіепископа состояла преимущественно въ сборѣ штрафовъ: такъ какъ большая часть взысканій за нарушеніе торгово-полицейскихъ правилъ шла въ его пользу. Дальнѣйшая исторія реймской коммуны представляетъ постоянное расширеніе полицейскихъ правъ городского совѣта на счетъ архіепископа, такъ что въ началѣ XVI в. почти вся полицейская администрація въ городѣ принадлежала уже засѣдателямъ (5).

Дѣла, касающіяся торговли, полиціи и городского хозяйства, рассматривались засѣдателями безъ всякаго участія со стороны архіепископскихъ судей. Эта юрисдикція, по мѣсту ея отправленія, называлась *jurisdiction de Buffet*, въ отличіе отъ засѣданій архіепископскаго байльи или превдъ — съ участіемъ засѣдателей, которые назывались *jurisdiction de la Pierre au Change* (6). Эти обѣ юрисдикціи никогда не

(1) Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 965. Докум. 1345 г.

(2) Ibidem. t. II. 2. p. 867. Докум. 1372 г. t. III. p. 199. Докум. 1363 г. p. 438—1377 г.

(3) Arch. admin. de Reims t. III. p. 787. Докум. 1392 г.

(4) Ibidem. p. 472. Докум. 1379 г.

(5) Ibidem. t. I. 2. p. 487. Mémoire sur les droits de l'Echevinage. 1564.

(6) Arch. admin. de Reims t. 1. 2. p. 489. Примѣчаніе.

смѣшивались. Торгово-полицейское разбирательство (*de la police et de la voirie*) всегда производилось въ полномъ собраніи засѣдателей подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, который носилъ названіе городского прево: прочіе обязаны были давать ему присягу, что они будутъ судить по совѣсти. Апелляція на рѣшеніе этого суда могла быть подаваема только въ парламентъ (').

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ о городскихъ финансахъ. Финансовыя права Реймской коммуны развивались также борьбою съ архіепископской властью. Городъ Реймсъ не владѣлъ богатой недвижимой собственностью, каковой обладали богатыя коммуны сѣвера, какъ наирим. Амьенъ. Онъ не имѣлъ ни земель, ни луговъ, ни рыбныхъ ловлей. Вся окрестная территорія принадлежала архіепископу, и только съ его дозволенія жители Реймса могли пользоваться нѣкоторыми угодьями. Такъ имъ позволялось ловить рыбу въ архіепископскихъ рѣкахъ и озерахъ, пасти скотъ на архіепископскихъ лугахъ и т. п. ('). Въ послѣдствіи времени нѣкоторые изъ окрестныхъ луговъ и друіихъ угодій, хотя и не въ значительномъ объемѣ, сдѣлались городской собственностью. Доходъ съ отдачи въ наемъ этихъ угодій былъ не великъ и не могъ удовлетворять нуждамъ коммуны. Поэтому главнымъ источникомъ ея доходовъ былъ подушный окладъ съ жителей (*la taille*). Городскіе расходы, простиравшіеся въ концѣ XIII вѣка до 4500 ливровъ, покрывались почти исключительно этимъ сборомъ. Общая сумма въ 1290 году составляла 9 тысячъ ливровъ ('). Остающіяся отъ расхода деньги обращались на уплату городскихъ долговъ, простиравшихся за это время до 8 т. ливровъ. Въ теченіе всего

(') *Ibidem.* p. 490.

(') Arch. adm. de Reims t. I. 2. p. 539. Докум. 1227 г. Получая деньги съ жителей Реймса, архіепископы дѣлали оговорку, что деньги эти даются не какъ рабская повинность, но просто изъ щедрости. *Ne vero liberalitas ista nomine servitutis in postremum senseatur.* «In postremum», — значить подобная плата не была одновременнымъ подаркомъ со стороны города. Такія оговорки дѣлались по просьбѣ жителей изъ опасенія въ чемъ-нибудь походить на окрестное полурабское населеніе архіепископскихъ владѣній.

(') Arch. adm. de Reims. t. I. 2. p. 1050. Докум. 1290 года— *Compte de l'Eschevinage.* Это древнѣйшій изъ сохранившихся счетовъ городского совѣта.

XIII в. городскіе засѣдатели не имѣли права дѣлать налоговъ безъ разрѣшенія архіепископа. Это право было имъ предоставлено Филиппомъ IV въ 1300 году ⁽¹⁾. Въ 1306 году позволено дѣлать налогъ не свыше 1000 ливровъ ⁽²⁾. Въ 1311 г. засѣдателямъ предоставлено право налагать подати уже безъ ограниченія суммы. Замѣчательно, что королевскій приказъ распространяетъ это право городского совѣта на всѣхъ жителей Реймса подвластныхъ архіепископу, и другимъ феодальнымъ сеньорамъ города (*super alios burgenses domitorum temporarium velleae*). Отсюда въ послѣдствіи возникло множество процессовъ между городскими засѣдателями и владѣльцами окрестныхъ бурговъ ⁽³⁾.

Не смотря на всѣ эти приказы со стороны короля и парламентскія рѣшенія, архіепископы реймскіе долго оспаривали право городскихъ засѣдателей дѣлать налоги безъ ихъ согласія. Эти споры давали поводъ къ вмѣшательству королевской власти. Когда, пользуясь спорами коммуны съ архіепископомъ, нѣкоторые изъ гражданъ отказывались платить налогъ установленный городскимъ совѣтомъ, то король приказывалъ производить взысканіе своему байльи ⁽⁴⁾. Притязанія архіепископа главнымъ образомъ опирались на то, что засѣдатели и жители Реймса, не имѣя права коммуны, не могутъ собираться безъ его позволенія, — для обсужденія вопросовъ о налогахъ, о раскладѣ, о способѣ сбора и т. п. Если бы возникъ споръ между частными лицами и засѣдателями относительно раскладки, то споръ этотъ долженъ подлежать рѣшенію архіепископскаго суда. Только архіепископъ имѣетъ право понужденія кого-либо изъ жителей къ уплатѣ налога (*droit de la contrainte*). Только феодальный владѣлецъ можетъ налагать арестъ на имущество, продавать его съ аукціона, подвергать заключенію вепдательщиковъ и т. п. Но кромѣ того архіепископъ каждый разъ требовалъ двадцатую часть подати, въ чемъ отказывали ему засѣдатели. Городской совѣтъ не оставлялъ безъ возраженія притязаній архіепископа. Онъ утверждалъ, что городскіе засѣдатели и народъ реймскій могутъ собираться и безъ позволенія

⁽¹⁾ Arch. admin. t. II. 4. p. 4. Докум. 1300 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 58. Докум. 1306 г. Ср. p. 62—1308 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 124. Докум. 1311 г.

⁽⁴⁾ Arch. adm. de Reims t. II. 2. p. 751. Докум. 1336 г.

архієпископа, гдѣ и когда хотять. Вмѣстѣ съ правами администраціи и юрисдикціи городской совѣтъ имѣеть право устанавливать налоги въ городѣ, составлять ихъ раскладку и производить ихъ сборъ, никому не давая отчета. Парламентъ рѣшилъ дѣло такъ: если налогъ долженъ идти на нужды всего города и сборъ его предполагается со всѣхъ жителей, какъ архієпископскихъ, такъ и монастырскихъ и церковныхъ, то архієпископъ не имѣеть права на двадцатую часть. Но если подать имѣеть своимъ назначеніемъ потребности жителей только архієпископской территоріи, то эта часть должна быть выдаваема архієпископу. Въ послѣднемъ случаѣ налогъ долженъ производиться съ согласія архієпископа; ему же принадлежитъ право понуждать жителей къ уплатѣ налога посредствомъ конфискаціи имущества и т. п. (¹).

La taille былъ единственный налогъ предназначаемый на городскія нужды. Въ XII и XIII вв. мы не встрѣчаемъ другихъ налоговъ въ Реймсѣ. Расходы на коронованіе королей архієпископъ принималъ на себя; если жители Реймса иногда помогали ему, то это дѣлали по доброй волѣ. Въ 1223 г. Людовикъ VIII писалъ Реймской коммунѣ, чтобы она оказала помощь архієпископу по случаю предстоящей коронаціи (²). Но архієпископы не ограничились одной только добровольной помощью. Уже съ XIII в. они обнаруживаютъ стремленіе возложить эту тяжелую повинность на коммуну. Жители жаловались королю, но безуспѣшно. Въ 1272 г. ихъ принудили насильно заплатить королевскія издержки на коронованіе. Архієпископская кафедра была въ то время вакантною; свѣтскими владѣніями архієпископа управляли королевскіе уполномоченные. Въ это время съ необыкновенной пышностью короновался въ Реймсѣ Филиппъ Смѣлый (³). Обыкновенно дѣло устраивалось такъ: король самъ выдавалъ на расходы известную сумму; всѣ распоряженія, закупки, постройки и т. п. дѣлались его придворными. Но послѣ коронаціи всѣ затраченныя суммы взыскивались съ архієпископа. На этотъ разъ королевскіе комиссары нашли нужнымъ про-

(¹) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 675—676. Докум. 1386 г.

(²) Arch. adm. de Reims. t. I. 2. p. 527. Докум. 1223 г.

(³) Коронація Филиппа стоила 5 т. ливровъ, тогда какъ его предшественника расходовала по тому случаю не больше 1000 ливровъ. Arch. adm. de Reims. t. I. 2. p. 920. Примѣчаніе.

известии выслушаніе съ жителей города архіепископской части (du ban de l' Archevêque). Но дѣло не обошлось безъ протеста, въ которомъ выразился смѣлый духъ свободной городской общины. „Мы не рабы, говорили засѣдатели, чтобы платить намъ рабскія повинности (¹). Письма прежнихъ королей заключали въ себѣ просьбы, а не привязанія; да если бы короли и приказывали исполнять что-нибудь незаконное, то мы всегда въ правѣ не повиноваться имъ и защищаться передъ судомъ. Пусть разсудятъ насъ съ королемъ и тогда мы поступимъ такъ, какъ рѣшитъ судъ“. Но судъ былъ порученъ королевскому байльн; поэтому напередъ можно было угадать его рѣшеніе (²). Горожане принуждены были заплатить королевскимъ комиссарамъ требуемыя деньги.

Такимъ оборотомъ дѣла воспользовались реймскіе архіепископы для того, чтобы и на будущее время расходы на коронованіе сдѣлать городской повинностью. Но коммуна въ теченіе всей второй половины среднихъ вѣковъ не переставала спорить съ архіепископомъ относительно этого налога. По обыкновению, споры эти рѣшались въ парламентъ (³). Архіепископы не рѣдко употребляли мѣры насилія, сажали подъ арестъ засѣдателей, захватывали имѣніе гражданъ. Короли не хотѣли лично имѣть дѣла съ упрямыми горожанами; они получали деньги съ архіепископа, а ему предоставляли взыскивать ихъ, съ кого и какъ онъ хочетъ. Парламентъ большею частью рѣшалъ дѣло въ пользу архіепископа (⁴). Король въ случаѣ упорства гражданъ обѣщалъ ему даже свою помощь (*respondit curia nostra, quod ipsa juvabit ei fortificabit manum Archiepiscopi, si necesse fuerit, ad faciendam dictam compulsionem*) (⁵). Эта повинность окончательнымъ образомъ была навазана городу парламентскимъ постановленіемъ 1320 года (⁶). Она была одной изъ самыхъ тяжелыхъ городскихъ повинностей. Роскошь французскихъ королей

(¹) Архіепископы обыкновенно взыскивали расходы на коронацію съ сельскихъ жителей окрестныхъ помѣстій (*chastellanyes*). Arch. adm. t. I. 2. p. 924. Примѣчаніе.

(²) Arch. admin. de Reims t. I. 2. p. 949. Докум. 1272 г.

(³) Arch. adm. t. II. 1. p. 197. Докум. 1314 г.

(⁴) Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 205. Докум. 1317 г.

(⁵) *Ibidem*. p. 208.

(⁶) *Ibidem*. p. 255. Докум. 1320 г.

увеличивалась съ каждымъ царствованіемъ. Коронаваніе Людовика X стоило 21 т. ливровъ. Чаша поднесенная королю въ этотъ день стоила 3200 ливровъ; серебряный сенивъ къ королевскому обѣду—послѣ обрада—2 т. ливровъ; 1600 ливровъ было заплачено ломбардскому купцу за дорогія ткани, ковры и т. п.; столько-же за сукно и пологно, которымъ была покрыта палатка, въ которой обѣдалъ король; 700 ливровъ на котлы и кухонную посуду; 50 ливровъ на соль; полторы тысячи на вино и т. д.—въ этомъ родѣ⁽¹⁾. Такимъ образомъ королевская коронація равнялась какомунибудь общественному бѣдствію. Съ королемъ являлись знатные бароны королевства, прелаты реймскаго діоцеза, вассалы короля и архіепископа, монахи аббатствъ Сень-Реми, Сень-Дени и т. д. Всѣ они, сопровождаемые многочисленной свитой, нировали на счетъ города въ теченіе нѣсколькихъ дней⁽²⁾. Правда, по жалобѣ городскаго совѣта и по распоряженію регента королевства, Филиппа (впослѣдствіи короля Филиппа VI Валуа), королевскій казначей Петръ Реми, распоразавшіеся расходами на коронацію, былъ повѣшенъ; но городу отъ этого не было легче, потому что деньги ему не были возвращены⁽³⁾. Коронація самаго Филиппа VI стоила 13 т. ливровъ⁽⁴⁾. Короли династіи Валуа преимущественно отличались роскошью и блескомъ придворной жизни. Дворъ Филиппа Валуа далеко не напоминалъ собой монастырскую обстановку Людовика IX или скромный дворъ бережливаго Филиппа IV. Постоянные праздники, турниры, пиры, истощали городскую казну. Королевскіе доходы не покрывали расходовъ: отсюда дѣлая система вымогательства денегъ у подданныхъ, особенно у жителей добрыхъ городовъ (какъ называютъ ихъ короли въ своихъ грамотахъ). Съ этого времени быстро идетъ упадокъ городской жизни. Мы прослѣдили этотъ упадокъ въ исторіи Амьенской коммюны; но положеніе Реймса было еще хуже. Не имѣя обширной городской земли, не отличаясь такой богатой торговлей, такимъ промышленнымъ развитіемъ, какъ столица Ниварди, старинный архіепископскій городъ,

⁽¹⁾ Ibidem. p. 477. Докум. 1328 г.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 480. Докум. 1328 г.

⁽³⁾ Ibidem. p. 477. Примѣчаніе.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 490. Докум. 1328 г. Ср. p. 559. Докум. 1328—

Реймсъ во 2-й половинѣ XIV вѣка представляетъ картину страшнаго обдѣлѣнія. Одной изъ главныхъ причинъ этого упадка городского богатства служили расходы на королевскую коронацію. Жители разбѣгались, переселялись въ бурги и въ другіе города, чтобы не платить этой тяжелой подати (1). Напрасно короли старались силой остановить это выселеніе: оно продолжалось съ большей и большей силой. Напрасно они думали помочь жителямъ, прощая имъ недоимки другихъ налоговъ, наприм. военныхъ субсидій (2), или предоставляя въ распоряженіе городскихъ засѣдателей всѣ матеріалы, остающіеся послѣ коронаціи (3); тяжесть налога увеличивалась отъ злоупотребленій со стороны королевскихъ чиновниковъ, завѣдовавшихъ церемоніей. Они показывали расходовъ больше, чѣмъ ихъ было на самомъ дѣлѣ (4).

Но не одна подать на коронацію (*depense du sacre*) тяжело бременемъ падала на Реймскую коммуну. Еще въ XIII в. коммуна давала субсидіи королямъ и лицамъ королевскаго дома. Такъ въ 1254 году Карлъ Анжуйскій получилъ отъ Реймса въ видѣ подарка 300 ливровъ (5). Св. Людовикъ тоже пользовался пособіями по случаю своихъ заморскихъ странствованій (6). Первая попытка обязательнаго налога на реймскихъ жителей принадлежитъ Филиппу Красивому. Онъ велѣлъ заплатить ему по одному денарію съ ливра цѣнности всѣхъ товаровъ, которые будутъ проданы въ течение года (7). Основаніе для военныхъ субсидій лежало въ феодальныхъ отношеніяхъ архіепископа къ королю. Въ случаѣ войны архіепископы высылали военный отрядъ состоявшій изъ ихъ людей. Было время, когда архіепископы сами лично отправлялись на войну; потомъ они поручали начальство надъ отрядомъ городской милиціи одному изъ своихъ вассаловъ. На военные расходы съ городскихъ жителей взыскивалась известная сумма (8). Въ послѣдствіи короли требуютъ суб-

(1) Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 295. Докум. 1322 г.

(2) Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 556. Докум. 1328 г.

(3) Ibidem. t. II. 2. p. 955. Докум. 1345 г. Вопросъ объ этихъ остаткахъ былъ предметомъ нѣсколькихъ процессовъ въ парламентѣ.

(4) Arch. adm. de Reims t II 1. p. 630 Докум. 1330 г.

(5) Arch. adm. t. I. 2. p. 759. Докум. 1254 г.

(6) Ibidem 782—1258 г.

(7) Arch. adm. de Reims. t. I. 2. 1080. Докум. 1294 г.

(8) Arch. adm. t. II. 1. p. 36. Докум. 1303 г.

сидѣть деньгами и натурой прямо отъ горожанъ помимо ихъ феодальнаго сеньора. Требованіе это распространялось на монастырскихъ и на церковныхъ людей ⁽¹⁾. Относительно военной повинности въ XIV в. мы видимъ болѣе прямое участіе королевскаго байльи: онъ понуждаетъ городскихъ жителей къ уплатѣ субсидій; онъ же наблюдаетъ за ихъ вооруженіемъ, когда они лично должны были отправляться на войну. При Филиппѣ VI Валуа было указано, кто изъ городскихъ жителей, въ какомъ вооруженіи, пѣший или конный, одинъ или съ извѣстнымъ количествомъ оруженосцевъ, долженъ былъ явиться на войну ⁽²⁾. За основаніе былъ принятъ имущественный цензъ. Вооруженіе того, имущество котораго превышало 1000 ливровъ, ничѣмъ не отличается отъ настоящаго рыцаря. Въ каждомъ округѣ назначаются два капитана, которые наблюдаютъ за исправностью вооруженія. Байльи дѣлаютъ общій смотръ войскамъ въ округѣ ⁽³⁾. Тотъ же Филиппъ VI самаго архіепископа назначилъ капитаномъ въ Реймсѣ и королевскимъ комиссаромъ. Въ этомъ званіи архіепископъ дѣлалъ смотръ городской милиціи. Этотъ фактъ характеризуетъ новыя отношенія, въ которыхъ очутились реймскіе прелаты къ королевской власти ⁽⁴⁾. Около того же времени съ Реймской коммуны потребовался налогъ по случаю войны съ Англійей ⁽⁵⁾. Этотъ налогъ, называемый *aide*, брался съ стоимости продаваемыхъ товаровъ. Обыкновенно онъ назначался на извѣстный срокъ—большею частью на одинъ годъ. Но вмѣстѣ съ этимъ налогомъ король требовалъ и субсидій, которыя падали прямо на жителей, а не на предметы торговли ⁽⁶⁾. Съ этого времени налоги прямые и косвенные, по случаю войны съ Англійей, становятся явленіемъ уже обыкновеннымъ. Не проходило ни одного года безъ тяжелыхъ пожертвованій со стороны города. Сборы эти были весьма значительны: такъ въ теченіе двухъ лѣтъ—1359 и 1360 гг.—жителямъ Реймса пришлось заплатить на военныя

⁽¹⁾ Ibidem. t. I. 2. p. 1081. Докум. 1294 г. Ср. t. II. p. 585. Докум. 1329 г.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 2. p. 791.

⁽³⁾ Ibidem. p. 791. Докум. 1338 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 850—851. Докум. 1340 г.

⁽⁵⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 2. p. 857. Докум. 1341 г.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 949. Докум. 1345 г.

надержки до 73 т. экю ⁽¹⁾. Особенно тяжела была пошлина на соль (*gabelle*). Но кромѣ налоговъ на содержаніе войска былъ особый родъ городскихъ расходовъ на содержаніе городскихъ укрѣпленій ⁽²⁾. Исторія укрѣпленій г. Реймса въ маломъ видѣ повторяетъ собою всю исторію Реймской коммунны. Древній городъ (*cité*) былъ обнесенъ старинными стѣнами римской постройки. Мы знаемъ, что вокругъ его, подъ стѣною монастырскихъ общинъ, образовалось много бурговъ. До Филиппа Августа они были отдѣлены отъ города старинными укрѣпленіями. Филиппу принадлежитъ мысль о постройкѣ одной общей стѣны для города и для бурговъ. Долго продолжались работы; причина заключалась не столько въ денежныхъ расходахъ, сколько во внутреннемъ раздѣленіи между населеніемъ города и бурговъ. Монастырскіе и церковные люди, не смотря на то что укрѣпленія предназначались для ихъ безопасности, отказывались участвовать въ этихъ расходахъ вмѣстѣ съ людьми самаго города, подвластными архіепископу ⁽³⁾. Отсюда постоянные споры и множество процессовъ въ парламентѣ. Король и парламентъ принимали сторону Реймской коммунны, то есть,—общества горожанъ подвластныхъ архіепископу. Даже окрестные жители селъ и деревень на три мили кругомъ Реймса обязаны были участвовать въ расходахъ на укрѣпленія. Это распоряженіе объясняется тѣмъ, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія сельскіе жители обыкновенно спасались за стѣнами ближайшаго города ⁽⁴⁾. Во время войны съ Англіей не прошло года безъ опустошеній со стороны непріятельскихъ отрядовъ и разбойничьихъ шайкъ, извѣстныхъ подъ именемъ *grandes compagnies*, а иногда со стороны и самихъ французскихъ войскъ. Работы по укрѣпленіямъ пошли успѣшнѣе. Особенно дѣятельно принялись за нихъ послѣ несчастныхъ битвъ при Кресі и Пуатье. Была назначена особая коммиссія для надзора за работами. Укрѣпленія были кончены при королѣ Іоаннѣ Добромъ. Въ 1359 году Реймсъ былъ въ

⁽¹⁾ *Ibidem.* t. III. p. 131. Докум. 1359 г. p. 132.—того же года.

⁽²⁾ *Ibidem.* t. I. 2. Притѣченіе.

⁽³⁾ Филиппъ IV освобождалъ архіепископа отъ участія въ расходахъ на городскія укрѣпленія. *Arch. admin. de Reims.* t. I. 2. p. 1091. Докум. 1295 г.

⁽⁴⁾ *Arch. adm. de Reims.* t. I. 2. p. 1085. Докум. 1295 г.

состояніи выдержать осаду неприятельской арміи. Расходи на укрѣпленія большою частью брались прямо съ жителей; иногда, съ особаго королевскаго разрѣшенія, устанавливалась известная пошлина съ тозаровъ⁽¹⁾.

Особый родъ городскихъ расходовъ обуславливался недостаткомъ гарантій общественной безопасности въ средніе вѣка. Это расходы—на поимку разбойниковъ. Смѣлость ихъ доходила до того, что они врывались въ городъ, раззорали жителей среди бѣлаго дня, захватывали плѣнниковъ. Особенно прославились смѣлостью нападений и безпощадной жестокостью братья де Бриэннъ⁽²⁾. Приговоренные къ смертной казни за какое-то преступленіе, эти два оруженосца долго срывались въ окрестностяхъ Реймса и наводили ужасъ на его жителей. Они были въ сношеніяхъ съ окрестными феодалами и даже имѣли сообщниковъ въ самомъ Реймсѣ⁽³⁾. Когда де Бриэннъ не было уже возможности оставаться во Франціи, они удалились въ соседнія провинціи Германіи и оттуда опустошали Шампань, а особенно Реймскую область. Жители Реймса ничего не жалѣли для охраненія городской безопасности. Они навяли одного капитана за большую сумму съ условіемъ сдерживать въ городѣ гарнизонъ⁽⁴⁾. Они предлагали королю наварскому 10 т. ливровъ, если онъ поймастъ братьевъ-разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ умеръ, но другой еще долго продолжалъ опустошать Реймсъ и окрестности. Наконецъ онъ былъ пойманъ въ 1325 г. и повѣшенъ жителями Реймса. Городъ заплатилъ пойманному Рауля 800 ливровъ⁽⁵⁾. Раззореніи Реймса продолжались въ теченіе всего XIV в. Въ половинѣ этого столѣтія съ жителями буквально велъ войну феодалъ Родемаеръ, мстившій за какое-то оскорбленіе. Горожане сами должны были позаботиться о своей безопасности. Они дѣлали налоги, навѣщали какого-нибудь бродячаго капитана, а иногда вооружались

⁽¹⁾ Ibidem. t. III. p. 357. Докум. 1372 г. 506—1380 г. 532—1383 года.

⁽²⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 125—126. Докум. 1311 г.

⁽³⁾ Ibidem. t. II. p. 125.—1311 г.

⁽⁴⁾ Arch. adm. de Reims. t. II. 1. p. 130.

⁽⁵⁾ Ibidem. p. 392. Тутъ же перечень всѣхъ расходовъ реимскихъ конноты на войну разбойниковъ.

и сами (*). Король поручалъ своему байльи защищать горожанъ отъ насилій феодаловъ, но этой защиты не всегда было достаточно. Во время войны съ англичанами разоренія Реймса достигли высшей степени. Шайби наемныхъ войскъ поступали съ жителями не лучше неприятелей: они опустошали поля и виноградники, захватывали плѣнниковъ, брали съ нихъ большіе выкупы. Карлъ V въ своемъ приваѣзѣ реймскому капитану и лаонскому прево о принятіи мѣръ противъ этого зла свидѣтельствуеъ о печальномъ положеніи жителей города и окрестностей (**). Онъ говоритъ о страшномъ обѣднѣвіи города, о громадной убыли народонаселенія. Но въ тоже время не прекращались подати и налоги на военные расходы и на выкупъ плѣннаго короля. Жители города Реймса наконецъ просили пощады: въ своемъ прошеніи къ королю они говорятъ, что городской долгъ простирается до 40 т. золотыхъ реаловъ (гоуаих d'ог) и что они не находятъ средствъ уплатить его. Средство это было указано королемъ въ новомъ налогѣ на вино (**).

Тяжесть всѣхъ этихъ налоговъ, —субсидій, пошлинъ разнаго рода на вино, на соль, на жизненные припасы, —увеличивалась вслѣдствіе способа ихъ взиманія. Въ лучшія времена Реймская коммуна сама, чрезъ своихъ засѣдателей и сборщиковъ податей, завѣдывала и раскладкой и сборомъ повинностей (*). Городскіе счета доходовъ и расходовъ подлежали строгому контролю. Выбывавшіе изъ должностей засѣдатели должны были давать отчетъ вновь выбраннымъ въ употребленіи городскихъ суммъ. Если оказывались недочеты, то они отвѣчали предъ коммуной всемъ своимъ имѣніемъ. Случалось, что въ случаѣ смерти засѣдателей, почему-либо не отдавшихъ отчета въ городскихъ финансахъ, взысканіе падало на ихъ наслѣдниковъ. Тоже самое вѣрно сказать относительно и сборщиковъ податей, назначаемыхъ коммуной по-приходамъ (parcosse, parcosium). Они вѣстѣ съ отчетомъ вручали собранныя деньги городскимъ засѣдателямъ (*).

(*) Arch. admin. t. II. 2. p. 1210.—1348 г.

(**) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 152. Докум. 1359 года.

(*) Ibidem. p. 174. Докум. 1361 года.

(*) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 1027. Докум. 1287 года.

(*) Ibidem. t. II. 2. p. 877. Докум. 1342 г.

Такой же порядокъ существовалъ относительно раскладки и сбора податей налагаемыхъ королевскою властью. Короли сначала не вмѣшивались въ это дѣло. Такъ Филиппъ VI самими засѣдателямъ предоставилъ раскладку и сборъ субсидій по случаю войны съ Англiей⁽¹⁾. Но подобная система продолжалась не долго. Такъ какъ жители не всегда во время и исправно вносили въ королевскую казну требуемыя деньги, то короли поручаютъ сборъ налоговъ своимъ чиновникамъ или особымъ уполномоченнымъ сборщикамъ податей (*collecteurs du roi*). Это давало поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ, вымогательствамъ, утайкамъ, несправедливой раскладкѣ и т. п.⁽²⁾

Подобныя злоупотребленія усилились съ учрежденіемъ въ Реймсѣ должности королевскаго капитана. Мы знаемъ уже, что эта обязанность по случаю войны возлагалась иногда на архіепископа. Такъ было въ 1338 году⁽³⁾; тоже самое повторилось и въ 1356 году при королѣ Іоаннѣ Добромъ. Главная обязанность архіепископа состояла въ принятіи дѣятельныхъ мѣръ къ окончанію укрѣпленій⁽⁴⁾. Архіепископомъ въ это время былъ Іоаннъ де Краонъ. Назначеніе его на должность военнаго начальника г. Реймса случилось не задолго до несчастной битвы при Пуатье. Вскорѣ послѣ этого событія въ Реймсѣ произошли волненія⁽⁵⁾. Мы должны рассказать ихъ съ нѣкоторыми подробностями, потому что они послужили поводомъ къ рѣшительному перевороту въ городскомъ управленіи, выразившемуся въ учрежденіи должности капитана Совѣта Шести. Народъ подозрѣвалъ архіепископа въ измѣнѣ: указывали на какое-то далекое родство его съ Эдуардомъ III, говорили, что онъ ждетъ въ Реймсѣ своего великаго родственника для того, чтобы возложить на него французскую корону, что съ этой цѣлью онъ не заботится о городскихъ укрѣпленіяхъ и т. п. Жители успѣли овладѣть Портъ-Марсомъ; они удобно могли это сдѣлать, потому что архіепископа въ это время въ городѣ не было. Когда онъ воротился, то жители принуждали его поселиться во

(1) Ibidem. p. 949. Докум. 1345 года.

(2) Arch. adm. de Reims. t. II. 2. p. 980. Докум. 1346 г. Ср. t. III p. 52.—Докум. 1354 г.

(3) Arch. adm. t. II. 2. p. 794. Докум. 1338 г.

(4) Ibidem. t. III. p. 77. Докум. 1356 г.

(5) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 79. Примѣчаніе.

дворцѣ среди города, подъ тѣмъ предлогомъ, что они желаютъ пользоваться его совѣтами въ виду предстоящей опасности со стороны непріятелей. Архіепископъ сначала согласился съ условіемъ, чтобы былъ очищенъ его замокъ; но потомъ вдругъ оставилъ городъ. Въ это время кипѣло возстаніе крестьянъ, извѣстное подъ именемъ Jасqueгіе; оно находило отголосокъ въ коммунахъ сѣверной Франціи. Это объясняетъ причину удаленія архіепископа; онъ боялся оставаться въ городѣ. Тогда жители снова овладѣли Портъ-Марсомъ, выбрали изъ среди себя 6 человекъ, которымъ ввѣрили военное управленіе городомъ, а потомъ поручили главное начальство въ городѣ одному сосѣднему феодалу—Готье Шатильонскому, которому они довѣряли и съ которымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ по собственной инициативѣ горожане составили особый совѣтъ, состоящій изъ шести выборныхъ отъ города, подъ председательствомъ феодальнаго барона. Готье Шатильонскому была ввѣрена забота объ охраненіи города, начальство надъ военными силами, бывшими въ городѣ, смотрѣніе за городскими укрѣпленіями, военными машинами и т. п. Готье, получившій названіе капитана, долженъ былъ принести присягу архіепископу и управлять городомъ отъ его имени⁽¹⁾. Но между горожанами составилась партія, желавшая независимости новаго капитана и вновь учрежденнаго совѣта отъ архіепископской власти. Она хотѣла воспользоваться городскими смутами, чтобы самой получить вліяніе на городскія дѣла. Въ Реймсѣ, какъ и въ другихъ коммунахъ Франціи, существовало двѣ партіи: партія богатыхъ гражданъ, крупныхъ торговцевъ (merciers), банкировъ (changeurs) и т. п., и партія цеховаго промышленнаго населенія. При преобладающемъ значеніи архіепископской власти, ни одна изъ этихъ партій не могла получить преобладанія въ городѣ, какъ это случилось въ свободныхъ коммунахъ. Архіепископская власть уравнивала всѣхъ и каждого—и богатыхъ и бѣдныхъ. Вслѣдствіе борьбы съ феодальной властью, въ Реймсѣ было больше единушія; тамъ городская аристократія не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ народной массы. Такъ было во все время коммунальной борьбы въ XII, XIII и даже въ на-

(1) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 110. Прочтеніе.

чалъ XIV вѣка, когда борьба велась собственными силами коммуны. Но когда въ этой борьбѣ приняла дѣятельное участіе королевская власть и когда феодальное самовластіе ропивших прелатовъ значительно уже ослабѣло, тогда и въ Реймсѣ стали обнаруживаться признаки внутренняго раздѣленія, общіе всѣмъ городскимъ общинамъ. Аристократическая партія въ половинѣ XIV в. желала принять болѣе дѣятельное участіе въ городскомъ управленіи. Система выборовъ городскихъ засѣдате лей въ Реймсѣ не давала особаго предпочтенія богатству и знатности. Засѣдателей выбиралъ весь народъ, для котораго не было никакихъ мотивовъ давать предпочтеніе банкирамъ и негодіантамъ предъ цеховыми мастерами. Архіепископы рѣдко вмѣшивались въ городскіе выборы. Впрочемъ ихъ симпатіи не могли клониться въ пользу богатой городской буржуазіи. Мы знаемъ уже, какъ они обирали ее за неистовства городской черни. Всѣ притѣсненія и вымогательства архіепископскаго суда главнымъ образомъ были направлены противъ богатыхъ торговцевъ. Архіепископскому прево не зачѣмъ было забирать жемъ бѣдняковъ; съ нихъ взять было нечего. Всѣ эти огромные штрафы, всѣ эти конфискаціи имущества, о которыхъ говорятъ документы Реймса, были направлены главнымъ образомъ противъ богатыхъ капиталистовъ. Инициатива борьбы съ архіепископскимъ произволомъ преимущественно принадлежала этому городскому сословію; оно не жалѣло капиталовъ на парламентскіе процессы, на содержаніе прокуроровъ и адвокатовъ. Такимъ образомъ до половины XIV в. они стояли во главѣ коммунальнаго движенія, давали ему направленіе и силу. Безъ всякаго сомнѣнія они пользовались влияніемъ на городскую совѣтъ, хотя сами и избѣгали опасностей городской службы. Теперь борьба значительно ослабла. Архіепископская власть была сильно ограничена королевскою властью. Король становился всесильнымъ въ городѣ. Поэтому городскіе аристократы понимали, что только опираясь на королевскую власть они могутъ укрѣпить за собой преобладаніе въ городѣ, забрать въ свои руки городскія дѣла. Подобное движеніе въ XIV в. было общимъ всѣмъ сѣвернымъ коммунамъ Франціи. Въ Амьенѣ мы влдѣли желаніе аристократовъ опереться даже на наварскаго короля Карла Злаго,—противника регента Карла. Реймскіе аристократы не отличались такой смѣлостью и обратились къ самому реген-

ту. Сначала они просили его утвердить комиссію изъ знатныхъ гражданъ, выбранныхъ для надзора за городскими укрѣпленіями, а потомъ они пошли дальше и предложили регенту самому принять военное управленіе городомъ и уже отъ собственнаго имени назначить капитаномъ Готье Шатильонскаго. Въ то время на всѣхъ пунктахъ Франціи кипѣла война съ Англіей; это давало принцу Карлу благовидный предлогъ исполнить желаніе реймскихъ гражданъ. Вѣроятно при этомъ было представлено ему въ невыгодномъ свѣтѣ поведеніе архіепископа, его незаботливость относительно городскихъ укрѣпленій, его родство съ Эдуардомъ и т. п. Какъ бы-то ни было, просьба реймскихъ аристократовъ была исполнена. Совѣтъ Шести былъ утвержденъ и званіе королевскаго капитана пожаловано Готье Шатильонскому⁽¹⁾. Въ своей граматѣ объ утвержденіи совѣта выборныхъ гражданъ (*conseil des notables bourgeois*) регентъ говорить, что онъ исполняетъ желаніе всѣхъ жителей Реймса— какъ мірянъ такъ и елириковъ, или наибольшей и наилучшей части этихъ жителей (*de la plus grant et saine partie d'y eux*). Такъ королевскіе грамматы называли аристократическую городскую партію⁽²⁾. Регентъ говорить объ опасностяхъ военнаго времени, о необходимости заняться городскими укрѣпленіями, намекаетъ на недостатокъ заботливости объ охраненіи города со стороны архіепископа. Граммата регента Совѣту Шести даетъ обширное полномочіе. Они имѣютъ право всѣхъ и каждаго, безъ различія подсудности кому бы то ни было, обязывать въ участію въ расходахъ на городскія укрѣпленія. Они имѣютъ право въ случаѣ нужды вооружать всѣхъ городскихъ жителей. Имъ предоставляется власть удалять изъ города лицъ, не принадлежащихъ къ числу городскихъ жителей, если бы кто-нибудь изъ нихъ смуладъ ослушаться ихъ приказаній. Они могутъ обезоруживать подозрительныхъ лицъ, являющихся въ городъ съ оружіемъ, вскрывать письма и т. п. Архіепископъ, церковныя и монастырскія власти и всѣ жители города обязаны оказывать имъ повиновеніе и въ случаѣ нужды давать по-

(1) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 107. Докум. 1358 г. ф. 417,— 1000 ле года.

(2) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 111—112.

мощь и содѣйствіе⁽¹⁾. Если бы кто нибудь изъ выборныхъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ выбылъ изъ службы, регентъ позволяетъ выбрать на его мѣсто другаго. Избраніе должно производиться лучшимъ людьми города съ уча-тіемъ городскихъ засѣдателей. Другой грамотой регентъ назначаетъ капитаномъ г. Реймса Готье Шатильонскаго. Ему ввѣряется военное управленіе городомъ, вооруженіе гражданъ, смотрѣніе за городскими укрѣпленіями, за городской стражей, право собирать налоги на военныя нужды и т. п. Грамота ничего не говоритъ объ отношеніи капитана къ Совѣту Шести. Но изъ другихъ документовъ видно, что капитанъ былъ предсѣдателемъ комиссіи выборныхъ и главнымъ военнымъ начальникомъ города⁽²⁾.

Новое городское начальство прежде всего обратило вниманіе на замокъ Портъ-Марсъ. Мы знаемъ уже, что устройство замка позволяло архіепископу вводить въ него войско, когда ему угодно. Замокъ занималъ мѣсто въ линіи укрѣпленій; съ вѣшной его стороны проходилъ городской ровъ. Архіепископу стоило только перебросить подъемный мостъ, и онъ могъ впустить въ замокъ кого ему угодно. Подобное устройство Портъ-Марса не отвѣчало видамъ военной комиссіи, главной заботой которой была городская безопасность. Жители не довѣряли архіепископу и требовали, чтобы подъемный мостъ былъ уничтоженъ и чтобы вѣшнія ворота замка были заложены⁽³⁾. Но архіепископъ въ отвѣтъ на это требованіе ввелъ въ замокъ сильный военный отрядъ и приказалъ военными машинами бросать въ городъ огромные камни. Городскіе жители, по звуку колоколовъ церкви св. Симфоріана, вооружились и подъ начальствомъ своего капитана Готье Шатильонскаго направились въ замокъ. Начались переговоры: архіепископъ отвѣчалъ, что онъ ради собственной безопасности долженъ былъ принять непріязненныя мѣры по отношенію къ городу. Дѣло кончилось тѣмъ, что Готье Шатильонскій съ королевскаго позволенія велѣлъ провести новую линію укрѣпленій съ обѣихъ сторонъ замка. Зубчатая стѣна прошла надъ ровомъ замка съ внутренней стороны, а съ вѣшной противъ него были построены двѣ вѣрныя баш-

(1) Ibidem. p. 107—114. Докум. 1358 г.

(2) Arch. admin. de Reims. t. III. p. 325. Докум. 1368 г.

(3) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 111. Примѣчаніе.

ни надъ вѣнскимъ городскимъ рвомъ⁽¹⁾. Такимъ образомъ Портъ-Марсъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ городскими укрѣпленіями. Архіепископъ былъ отрѣзанъ отъ города и въ то же время былъ лишенъ возможности и вѣнскихъ сношеній безъ вѣдома королевскаго капитана. Архіепископъ жаловался въ парламентъ на нарушеніе его правъ. Онъ по прежнему ссылаясь на свои феодальныя права, говорилъ, что ему одному принадлежитъ военная казѣ и всякая другая власть въ городѣ. Назначеніе Готье называлъ нарушеніемъ своихъ вѣковыхъ правъ; обвинялъ жителей въ возмущеніи и намятъ; говорилъ, что, пользуясь плѣномъ короля при Пуатье, они хотѣли освободиться отъ законной власти не только архіепископа, но и самаго короля. Это былъ послѣдній протестъ реймскаго архіепископа, направленный столько же противъ жителей Реймса, сколько и противъ королевской диктатуры въ городѣ. Онъ требовалъ 50 т. ливровъ вознагражденія и примѣрнаго наказанія виновныхъ. Архіепископскій прокуроръ предлагалъ сдѣлать золотыя, серебряныя или скульптурныя изображенія этого наказанія и поставить ихъ въ реймской церкви, или предъ замкомъ архіепископа, на память будущимъ поколѣніямъ. Архіепископъ поддѣлывался къ королю и просилъ, чтобы королевскій прокуроръ принялъ его сторону противъ реймскихъ возмутителей. Онъ предлагалъ оптрафовать коммуну въ пользу короля огромной суммой во 100 т. ливровъ. Но городской прокуроръ лучше повелъ дѣло. Онъ развилъ предъ парламентомъ полную теорію королевской власти въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее сами легисты. Власть короля отъ Бога; ей принадлежитъ защита народа и права войны и мира. Король Французскій пользуется въ своемъ королевствѣ всѣми правами Императорской власти (*omnia jura imperatoris habet in suo regno*), а потому можетъ вездѣ, гдѣ найдетъ нужнымъ, строить крѣпости, назначать военачальниковъ и т. п. Эти права верховной власти—нераздѣльны отъ королевской личности (*sunt jura regalia, jura superiotatis in persona principis residentia*). Городской прокуроръ требовалъ, чтобы прокуроръ короля принялъ его сторону и защищалъ общее дѣло короля и коммуны противъ архіепископа. Рѣшеніемъ парламента по вопросу объ укрѣп-

(1) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 136. Докум. 1359 г.

ленийъ и распоряженіяхъ, сдѣланныхъ королевскимъ капитаномъ, было постановлено признать ихъ законными. Архіепископу предоставлено право свободнаго входа и выхода изъ своего замка. Парламентское рѣшеніе прибавляетъ, что военное управленіе городомъ впредь должно принадлежать исключительно королевской власти и ея уполномоченнымъ⁽¹⁾.

Съ этого времени окончательно упадаетъ значеніе архіепископской власти въ городѣ; но въ то же время термютъ прежнее значеніе и городскіе засѣдатели. По прежнему они выбираются народомъ, даютъ присягу архіепископу, собираются въ городскомъ домѣ Buffet, засѣдаютъ въ качествѣ присяжныхъ на судѣ архіепископскаго прево или баилль. Но они не имѣютъ уже того значенія, которымъ пользовались прежде. Королевскіе капитаны вмѣшиваются въ выборы, нарушаютъ коренные законы коммунъ⁽²⁾. Главная власть въ городѣ принадлежитъ имъ и шестью представителямъ аристократической партіи. Въ 1377 году Карль V навсегда утвердилъ Совѣтъ Шести, которому было ввѣрено финансовое управленіе города⁽³⁾. Когда въ народномъ собраніи была прочитана объ этомъ королевская грамота, то въ народѣ послышался ропотъ. Говорили о злоупотребленіяхъ капитана и выборныхъ, о нарушеніи законовъ коммунъ, о вымогательствахъ при сборѣ податей, о разныхъ злоупотребленіяхъ въ расходованіи городскихъ суммъ; но этотъ протестъ остался безъ отвѣта. Не больше овазала дѣйствія и жалоба городскихъ засѣдателей въ парламентъ; ей не было дано хода⁽⁴⁾. Напротивъ въ рѣшеніяхъ парламента за 2-ю половину XIV в., по случаю разныхъ споровъ засѣдателей съ архіепископомъ, мы уже видѣли поворотъ не въ пользу засѣдателей. По прежнему они остаются представителями коммунальныхъ стремленій, теперь уже отжившихъ свое время; но прежнему стараются расширить свои права на счетъ архіепископа, но парламентъ ограничиваетъ ихъ притязанія и поддерживаетъ власть архіепископа⁽⁵⁾. Архіепископы реймские не стояли уже на пути королевскихъ стремленій; по

(1) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 204—261. Докум. 1363 г.

(2) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 460. Примѣчаніе.

(3) Ibidem. p. 458. Докум. 1377 г.

(4) Ibidem. p. 461. Примѣчаніе.

(5) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 858—1395. 883—1398 г. 888 того же года.

прежнему именуясь герцогами и пэрами Франціи, они потеряли всякое значеніе въ городской администраціи. Судебныя права ихъ тоже не имѣли прежняго назначенія: они рѣшаютъ дѣла только въ первой инстанціи; апеллація на ихъ рѣшенія подается не только въ парламентъ, но и королевскимъ судьямъ, лаонскому байльи и превд⁽¹⁾. Городская администрація въ дѣлахъ особенно важныхъ принадлежитъ королевскому капитану. Городскимъ засѣдателямъ предоставлены дѣла торгово-полицейскаго характера⁽²⁾, но и тутъ власть ихъ ограничена произволомъ королевскаго капитана. Ограниченіе капитанской власти попеченіемъ о городской безопасности осталось только на бумагѣ. Отношенія его къ городскимъ властямъ, — засѣдателямъ городского совѣта, даже къ Совѣту Шести, не были съ точностью указаны. Капитанъ скорѣе былъ военнымъ диктаторомъ, чѣмъ правительственнымъ лицомъ съ извѣстной мѣрой власти, съ извѣстными правами и обязанностями въ отношеніи къ городскимъ жителямъ и выборному городскому начальству. Онъ имѣлъ право жизни и смерти, казнилъ гражданъ, оруженосцевъ и даже сеньоровъ безъ суда и безъ отвѣтственности. Онъ занималъ деньги отъ имени города и силой заставлялъ жителей платить ихъ. Онъ устанавливалъ разные налоги и пошлины безъ согласія городскихъ властей⁽³⁾. Онъ королевскимъ именемъ требовалъ у городскихъ капиталистовъ денегъ на военные расходы сколько находилъ нужнымъ и никто не смѣлъ отказать ему⁽⁴⁾. По обыкновенію вмѣстѣ съ диктаторомъ явились въ городъ его родственники, отецъ, братья. Каждый хотѣлъ дѣлать распоряженія, каждый требовалъ повиновенія отъ городскихъ жителей. Отецъ Готье Шатильонскаго, узнавши о неблагопріятныхъ отзывахъ о немъ со стороны гражданъ, замыслилъ внезапное нападеніе на городъ. Его дѣти собирали уже войско, а отецъ требовалъ выдачи оскорбителей и въ случаѣ отказа грозилъ раздѣлаться съ ними. Самъ король, бывшій

(1) Ibidem. p. 264. Докум. 1363 г. По случаю одного спора между архіепископскимъ судьей и городскими засѣдателями, король поручаетъ разобрать дѣло своимъ комиссарамъ. Arch. admin. t. III. p. 446—4377 г.

(2) Ibidem. p. 438. Докум. 1377 г.

(3) Arch. adm. de Reims t. III. p. 199. Докум. 1363 г.

(4) Ibidem. p. 161. Докум. 1360 г.

тогда въ плѣну, просилъ его оставить замыслы ⁽¹⁾. Король писалъ, что такое самоуправство можетъ помѣшать скорому его выкупу; но что, получивши свободу, онъ самъ наважеть виновныхъ. Иоаннъ больше заботился о своемъ выкупѣ, чѣмъ о свободѣ и безопасности городскихъ жителей ⁽²⁾.

Самовластіе королевскаго капитана оправдывалось отчасти военнымъ временемъ. Въ 1359 году англійская армія перешла уже Сомму и направлялась въ Реймсу. Эдуардъ называлъ себя уже королемъ Франціи и обѣщался короноваться въ Реймсѣ. Дѣйствительно въ декабрѣ 1359 года въ окрестностяхъ Реймса показались англійскія войска подъ начальствомъ самаго Эдуарда, сына его—Чернаго Принца, брата—герцога ланкастерскаго и др. ⁽³⁾ Сорокъ дней пробыли непріатели подъ стѣнами Реймса, но они ограничились только опустошеніемъ окрестностей и предмѣстій и не рѣшились на приступъ. Въ январѣ слѣдующаго года непріатель отступилъ. Реймскіе жители сдѣлали вылазку съ цѣлю нападенія на непріательскій арріергардъ, но отбили только 80 барановъ и нѣсколько головъ крупнаго скота. Замѣчательно, что въ городѣ сейчасъ-же возникъ споръ, кому должна принадлежать добыча. Смѣльчаки—горожане, дѣлавшіе вылазку, присвоивали ее себѣ по праву военной добычи. Архіепископъ пустилъ въ ходъ старинное феодальное право, по которому всякая находка на землѣ феодала (*esrave*) должна принадлежать ему. Споръ рѣшилъ королевскій капитанъ Готье Шатильонскій: онъ велѣлъ продать захваченный скотъ, а деньги оставилъ у себя на жалованье войску ⁽⁴⁾.

Съ этого времени наступаетъ особенно трудная пора для жителей Реймса. Не проходило ни одного года безъ новыхъ налоговъ и субсидій: на военные расходы, на возведеніе укрѣпленій, на выкупъ плѣннаго короля, на выкупъ городовъ и замковъ, захваченныхъ разбойничьими шайками (*grandes compagnies*), и на королевскую коронацію ⁽⁵⁾. Тяжесть город-

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 167. Докум. 1360 г.

⁽²⁾ Ibidem. p. 168.

⁽³⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 151. Докум. 1359 г.

⁽⁴⁾ Ibidem. p. 157. Примѣчаніе.

⁽⁵⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. 281—1364 г. 295—1365 г. p. 358—1372 года и т. д.

скихъ налоговъ доходила до высшей степени. Жалоба 25 городовъ сѣверной Франціи регенту Карлу не имѣла успѣха ⁽¹⁾. Раскладка и сборъ налоговъ теперь уже принадлежать не засѣдателямъ, какъ это велось прежде, а Совѣту Шести и королевскому капитану. Совѣтъ Шести назначаетъ сборщиковъ, главный изъ нихъ долженъ давать отчетъ въ собранныхъ суммахъ ⁽²⁾. Впрочемъ случалось, что королевскій капитанъ и собственною властью назначалъ комиссаровъ изъ гражданъ и клириковъ для раскладки податей. Иногда это дѣлалось по королевскому приказанію ⁽³⁾. Капитанъ рѣшалъ всѣ недоумѣнія, возникавшія между совѣтомъ выборныхъ и сборщиками податей или откупщиками, бравшими на откупъ военные налоги за известную сумму денегъ ⁽⁴⁾. Жители Реймса уже отказывались составлять народныя собранія и выбирать сборщиковъ ⁽⁵⁾. Должность эта не нравилась горожанамъ; они не хотѣли быть орудіями раззоренія своихъ согражданъ, боялись столкновеній съ городской аристократіей и королевскимъ намѣстникомъ ⁽⁶⁾. Сборщики, назначаемые капитаномъ или Совѣтомъ Шести, допускали множество злоупотребленій: они мирволили богатымъ, притѣсняли бѣдныхъ ⁽⁷⁾, собирали лишнее и не хотѣли ни кому давать отчета въ собранныхъ суммахъ. На такія злоупотребленія засѣдатели жаловались королю, который приказывалъ своему байль принудить къ отчету сборщиковъ ⁽⁸⁾. Не лучше была и другая система сбора налоговъ и пошлинъ,—на вино, на соль и другіе жизненные припасы. Превъжая поголовная подать раскладывалась сообразно съ имуществомъ. Богатымъ торговцамъ, городскимъ капиталистамъ приходилось платить больше, чѣмъ бѣдному городскому населенію. Въ началѣ XIV вѣка субсидіи на короля собирались такимъ же способомъ. Они включались въ общую сумму городскихъ расходовъ и раскладывались на жителей пропорціонально съ ихъ достат-

(1) Ibidem. p. 143. Докум. 1359 г.

(2) Ibidem. p. 127. Докум. того же года.

(3) Ibidem. p. 288. Докум. 1364 года.

(4) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 304. Докум. 1366 г.

(5) Ibidem. p. 349. Докум. 1371 г.

(6) Ibidem. p. 291. Докум. 1364 г.

(7) Ibidem. p. 465. Докум. 1378 г.

(8) Ibidem. p. 443—1377 г. p. 677—1386 г. Ср. 809—1393 г.

комъ. Но съ половины XIV в., подъ вліяніемъ аристократической городской партіи, получившей огромное вліяніе на городскія дѣла, начинаетъ преобладать система косвенныхъ налоговъ съ предметовъ потребления. Система эта особенно тяжело отзывалась на обѣдномъ низшемъ городскомъ сословіи. Подъ вліяніемъ аристократовъ центральное финансовое управление, Королевская Палата Налоговъ (*Chambre des aides*), и внутренняя городская администрація преимущественно обращались къ системѣ пошлинъ на предметы торговли. Для того чтобы скорѣе и безъ хлопотъ получить известную сумму денегъ, съ торговъ отдавали известную пошлину на откупъ. Кто предлагалъ высшую сумму, тотъ на известный срокъ приобреталъ право собирать ее въ известной мѣстности. При невыработанности экономическихъ и финансовыхъ понятій эта система откуповъ давала поводъ къ злоупотребленіямъ. Правительство думало гарантировать народъ посредствомъ инструкцій откупщикамъ. Но достаточно прослѣдить хоть одну изъ такихъ инструкцій, чтобы убѣдиться, какое широкое поле для вымогательства и притѣсненій разнаго рода было предоставлено произволу откупщиковъ. Вотъ напримѣръ какія правила даны для сбора пошлины на соль инструкціей 1351 г. (1). Пошлина на соль (*gabelle*) въ Реймсѣ и въ Реймскомъ округѣ была сдана на одинъ годъ за 3,700 флориновъ троиmъ реймскимъ купцамъ. Заплативши эту сумму, они имѣли право на пошлину съ продажи соли въ Реймсѣ, въ бургахъ, предмѣстьяхъ и окрестныхъ городкахъ и селеніяхъ. Откупщики или ихъ повѣренные должны осмотрѣть всѣ городскіе магазины, амбары, лавки, и опредѣлить количество соли, назначаемой для продажи. Затѣмъ никто не имѣлъ права продавать соль безъ ихъ вѣдома и въ случаѣ требованія со стороны покупателей каждый разъ долженъ былъ приглашать откупныхъ агентовъ для полученія опредѣленной пошлины. Для избѣжанія тайной продажи соли отъ каждаго солянаго склада должно быть два ключа: одинъ хранится у хозяина соли, другой у откупщика пошлины. Но пошлина бралась не только съ продажи, но и съ потребления. Поэтому откупщики и ихъ повѣренные имѣли право розыскивать соль въ частныхъ домахъ, въ домахъ влириковъ, въ монастырскихъ зданіяхъ

(1) Arch. admin. de Reims. p. 132. Докум. 1359 г.

и т. д. Только архіепископскій дворецъ, имѣвшій право безплатнаго употребленія соли, былъ свободенъ отъ такихъ поисковъ. Откупщики имѣютъ право отбирать показанія подъ присягой отъ хозяевъ и отъ прислуги. Въ случаѣ утайки или неправильной продажи соль конфискуется въ пользу откупщиковъ и того владѣльца, на чьей землѣ будетъ схвачена контрабанда⁽¹⁾. Этой мѣрой думали привлечь владѣльцевъ на сторону откупщиковъ, дать имъ побужденіе зорко слѣдить за контрабандой. При высокомъ тарифѣ (4 флорина съ извѣстной мѣры) и особенно вслѣдствіе самой системы сбора, дававшей поводъ къ злоупотребленіямъ, — понятно, какъ тяжела эта пошлина должна была отозваться на положеніи бѣднаго городскаго и сельскаго населенія.

Короли продолжаютъ короноваться на городской счетъ. Коронація бережливаго Карла V стоила только 900 ливровъ; но обѣднѣвшій городъ былъ не въ состояніи заплатить и этой незначительной суммы⁽²⁾. Отправляя комиссара для взисканія денегъ, Карлъ V въ своемъ приказѣ выражаетъ удивленіе и недовольство на жителей (*de quoi nous sommes moult merueilleux et nous en deplaist grandement*). Но удивляться было нечему: во 2-й половинѣ XIV в. Реймсъ представлялъ уже картину полного обѣднѣнія жителей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ король; онъ писалъ Совѣту Шести въ 1392 году. „Жители жалуются на тяжесть налоговъ и пошлинъ. Они понесли огромныя потери отъ неприятельскихъ разореній, отъ грабежей разбойничьихъ шаекъ. Шайки эти нѣсколько разъ опустошали городскія окрестности, жгли, убивали, забирали жителей и брали съ нихъ тяжелый выкупъ. Въ теченіе десяти лѣтъ въ городѣ была страшная смертность и народонаселеніе уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Реймсъ не можетъ похвалиться выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Онъ не имѣетъ ни судоходной рѣки, ни виноградниковъ, ни богатыхъ пашень и луговъ; не смотря на то, онъ одинъ, безъ участія другихъ городовъ Франціи, платитъ расходы на коронованіе. Жители изъ него бѣгутъ и цѣлыми семействами переселяются на земли капитула или окрестныхъ феодаловъ“. Въ заключеніе

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reim. t. III. p. 132. Докум. 1359 г.

⁽²⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 290. Докум. 1361 года.

Карлъ приказываетъ уменьшить на половипу налогъ этого года ⁽¹⁾.

При преемникѣ Карла положеніе Реймской коммуны сдѣлалось еще хуже. Должность королевскаго капитана сдѣлалась наконецъ постоянной ⁽²⁾. Капитанъ получилъ право назначать лейтенанта, который въ его отсутствіе пользуется всѣми его правами ⁽³⁾. Съ 1371 г. они получаютъ жалованье изъ городскихъ доходовъ ⁽⁴⁾. Каждый разъ при назначеніи капитана, указывался кругъ его вѣдомства, заключавшійся главнымъ образомъ въ военномъ управленіи городомъ и въ высшемъ надзорѣ за сборомъ королевскихъ податей. Королевская власть старалась ограничить произволъ капитана, приказывая ему совѣтоваться во всемъ съ членами Совѣта Шести и городскими засѣдателями ⁽⁵⁾. Наконецъ вошло въ обычай, чтобы въ совѣтѣ капитана, состоявшемъ изъ лучшихъ людей города и депутатовъ отъ капитула и монастыря св. Ремй, засѣдали также двое изъ городскихъ засѣдателей ⁽⁶⁾. Но, давая обширное полномочіе капитанамъ и не опредѣляя точнымъ образомъ ихъ отношеній къ совѣту, королевская власть давала поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ. Такъ въ 1387 году городскіе засѣдатели жаловались на капитана Жегана Барата и его лейтенанта, что они самовольно захватили ключъ отъ городского ящика съ деньгами и денежными документами, хранившася въ церкви монастыря братьевъ-Кордельеровъ ⁽⁷⁾. Тотъ-же капитанъ Жеганъ Баратъ притѣснялъ жителей, требовалъ отъ нихъ незаконныхъ субсидій и въ случаѣ отказа грозилъ заключеніемъ въ Портъ-Марсѣ ⁽⁸⁾.

Наконецъ всѣ эти и подобныя злоупотребленія, также невыносимая тяжесть налоговъ и пошлинъ вызвали въ 1395 году новыя волненія въ Реймсѣ преимущественно между

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 358. Докум. 1372 года.

⁽²⁾ Ibidem p. 491. Докум. 1362 г. p. 348.—1371 г. p. 670.—1385 г. p. 782.—1391 г.

⁽³⁾ Ibidem p. 328. Докум. 1362 года.

⁽⁴⁾ Ibidem, p. 348.—1371 г.

⁽⁵⁾ Arch. admin. de Reims. t. III. p. 458. Докум. 1377 года.

⁽⁶⁾ Ibidem. p. 692.—1388 года.

⁽⁷⁾ Arch. adm. de Reims. t. III. p. 569. Докум. 1384 года.

⁽⁸⁾ Ibidem. p. 670. Докум. 1385 года.

бѣднымъ населеніемъ. На этотъ разъ инициатива возстанія принадлежала архіепископу. Поводомъ послужила новая пошлина на вино, установленная въ городѣ капитаномъ съ королевскаго разрѣшенія и съ согласія городскихъ засѣдателей. Архіепископомъ въ то время былъ Ивелль. Онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распоряженія королевскаго уполномоченнаго и выборныхъ отъ аристократической партіи. Когда въ городѣ сдѣлалось извѣстнымъ о новой пошлинѣ на вино, между бѣднѣйшимъ классомъ народа обнаружилось неудовольствіе. Архіепископъ воспользовался этимъ и чрезъ своихъ сержантовъ еще больше разжигалъ народныя страсти. Онъ совѣтовалъ силой не допускать новаго налога, напоминалъ о деспотизмѣ королевскаго капитана, о хитрости и своекорыстіи аристократовъ и обѣщалъ свою помощь. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, сильно ропталъ и грозилъ аристократамъ и капитану. Никто изъ городскихъ властей не осмѣливался показываться на улицахъ. Архіепископъ во время этого волненія показалъ себя демагогомъ и другомъ бѣдствующаго народа. Къ нему стекались толпы горожанъ и онъ изъ оконъ своего дворца говорилъ рѣчи, призывая народъ въ возстанію. Происходили собранія въ церкви св. Діонисія: здѣсь архіепископъ старался поддерживать мужество въ народѣ, говорилъ о его бѣдствіяхъ и о страшномъ гнетѣ со стороны городскихъ начальниковъ. Составился союзъ изъ 1500 человекъ съ цѣлью недопускать предполагаемаго налога. Непріязненные дѣйствія начались со стороны архіепископа: онъ арестовалъ и заключилъ въ Портъ-Марсъ одного изъ городскихъ богачей—члена Совѣта Шести. Когда капитанъ Робертъ Тиранъ потребовалъ у архіепископа отчета въ его поведеніи, то онъ отвѣчалъ грубо и грозилъ самаго его посадить съ Портъ-Марсъ. Дѣло дошло навонецъ до короля. Были посланы въ Реймсъ королевскіе комиссары и совѣтники парламента, чтобы успокоить народное волненіе и произвести слѣдствіе о послѣднихъ событіяхъ. Начался процессъ въ парламентѣ: съ той и другой стороны происходили жаркіе споры. Архіепископъ отстаивалъ свои старинныя права; онъ говорилъ, что никто въ городѣ безъ его согласія не можетъ дѣлать налоговъ. Но эта послѣдняя попытка архіепископа къ возвращенію своихъ феодальныхъ правъ не удалась. Парламентъ постановилъ, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ вопросы о налогахъ,

имѣющихъ своимъ назначеніемъ общія городскія нужды⁽¹⁾. Вопросъ о пошлинѣ на вино, давшій поводъ въ волненіямъ черни, былъ рѣшенъ королевскими комиссарами въ общемъ городскомъ собраніи, при участіи капитана, городскихъ совѣтниковъ, засѣдателей, самаго архіепископа и депутатовъ отъ реймскихъ церквей и монастырей. Налогъ былъ принятъ впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями⁽²⁾.

Во время этихъ волненій городскіе засѣдатели были на сторонѣ капитана и его совѣтниковъ. Процессъ въ парламентѣ производился между архіепископомъ съ одной стороны и всѣми городскими властями съ другой—безъ различія Совѣта Шести и Совѣта засѣдателей. Но между этими Совѣтами все таки не было согласія. Засѣдатели по прежнему служатъ представителями городской свободы и городскихъ интересахъ и продолжаютъ борьбу во имя этой свободы и этихъ интересовъ, хотя уже и не съ прежней энергіей, и большею частію безуспѣшно.

Въ высшей степени интересно слѣдить за этой предсмертной борьбой умирающей свободы съ новымъ административнымъ строемъ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ королевскому абсолютизму и продажности городскихъ аристократовъ. Съ половины XIV в. въ Реймсѣ существуютъ двѣ отдѣльныя системы управленія: одна выработана длиннымъ путемъ историческаго развитія коммунальной жизни, другая произвольно наложена королевской властью. Представителемъ первой остается совѣтъ засѣдателей (*échevinage*); вторая выразилась въ учрежденіи коммуны и совѣта выборныхъ отъ аристократической городской партіи. Оба эти учрежденія продолжаютъ существовать рядомъ, не смотря на глубокую разницу принциповъ того и другаго. Совѣтъ засѣдателей—представитель стремленій коммуны къ городскому самоуправленію; совѣтъ капитана органъ центральной власти и служить орудіемъ для подавленія этой автономіи во имя административнаго единства. Совѣтъ засѣдателей опирается на всѣ отживающія преданія мѣстной самобытной администраціи, мѣстнаго обычнаго права. Аристократическій совѣтъ капитана опирается на силу королевской власти, на силу адми-

⁽¹⁾ Arch. adm. de Reims t. III. p. 832. Докум. 1395 года.

⁽²⁾ Ibidem. t. III. p. 852.—1395 г.

нистративной системы, выработанной легистами. За него—парламентъ, за него парижскія финансовыя центральныйя учрежденія,—Палата Налоговъ, Палата Счетовъ; за него вся эта іерархія королевскихъ чиновниковъ, судей, комиссаровъ, главныхъ сборщиковъ податей (Elus Genevais) и т. п. При разности принциповъ, стремленій, всего духа и характера обоихъ учреждений—между ними неминуемо должна возникнуть борьба; но борьба эта не можетъ быть равной. Въ своихъ парламентскихъ дебатахъ демократическій совѣтъ засѣдателей по прежнему опирается на коммунальное право. По прежнему онъ ссылается на стародавнія привилегіи города Реймса—со времени Первоапостола Франціи, на хартіи архіепископовъ реймскихъ, подтверждавшія его вѣковую свободу, на грамоты королей французскихъ, гарантировавшія эти права и вольности. Онъ забываетъ, что миновало время коммунальной самоуправности, что старинныя преданія теперь уже мертвыя, отжившія преданія, что потомки Капетинговъ—XII и XIII вв. уже не похожи на своихъ предковъ. Рѣчи прокуроровъ коммуны какъ-то странно звучать теперь подъ сводами этого парламента,—крѣпкаго союзника королевской идеи, полтора вѣка работавшаго надъ подавленіемъ коммунальной самоуправности и демократическихъ стремленій на всѣхъ пунктахъ французской территоріи. Прокуроры аристократическаго Совѣта лучше понимаютъ новый духъ эпохи; они прямо опираются на королевскую автономію, на божественное происхожденіе королевской власти, на императорскія права французскихъ королей.—Только королю, говорятъ они, принадлежитъ право заботиться о безопасности и благостояніи всего французскаго королевства, а слѣдовательно и всѣхъ городовъ Франціи. Онъ одинъ имѣетъ право вѣрять въ городахъ управленіе кому захочетъ. Онъ имѣетъ право превращать города въ крѣпости, поставлять въ нихъ военныхъ начальниковъ, требовать отъ нихъ для общаго блага, и военной службы, и податей, и субсидій.—Рѣшенія парламента и финансовыхъ палатъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ говорятъ о унизаніяхъ засѣдателей. Они уже не задаютъ себѣ труда подробно опровергать ихъ коммунальную теорію. Городскіе засѣдатели и собраніе городскихъ жителей, говоритъ одно изъ такихъ рѣшеній, не больше имѣютъ права на управленіе городомъ, какъ и частные жители взятыя отдѣльно (Les eschevins et habitans n'avoient que veir ou gouverne-

ment de la ville, plus que une singulière personne, chacune en son chief)⁽¹⁾.

Но этотъ совѣтъ засѣдателей, для котораго теперь нѣтъ уже мѣста въ городскомъ управленіи, много поработалъ для самой королевской власти. Не говоря уже о борьбѣ съ архіепископомъ, подорвавшей его феодальныя притязанія, онъ много сдѣлалъ для централизаціи самаго Реймса. Городъ Реймсъ XII в. и тотъ же Реймсъ XIV в. представляетъ глубокую разницу. Феодальный городъ, или лучше сказать какая-то странная пестрая смѣсь феодальныхъ общинъ, теперь уже подъ управленіемъ королевскихъ капитановъ, — напоминаетъ собой городскую общину новѣйшей исторіи. Власть капитана и его совѣта простирается не только на старинное наслѣдіе архіепископовъ реймскихъ, но и на землю капитула и на монастырскіе бурги. По вопросамъ важнымъ самъ архіепископъ принимаетъ участіе въ общемъ городскомъ совѣтѣ. Отъ Реймской коммуны постоянно присутствуютъ два городскихъ засѣдателя. Въ случаѣ нужды приглашаются представители отъ капитула и окрестныхъ монастырскихъ общинъ. Это первый эскизъ будущаго городского устройства, когда Совѣтъ капитана превратился въ Большой Городской Совѣтъ, въ которомъ уже правильнымъ образомъ постоянно присутствуютъ представители отъ всѣхъ городскихъ сословій. Въ совѣтѣ выборныхъ обсуждаются вопросы, имѣющіе значеніе для всѣхъ жителей Реймса безъ различія ихъ подсудности, архіепископу, капиталу, или монастырскимъ общинамъ. Вопросы эти покуда военнаго и финансоваго характера, — о налогахъ, о городскихъ укрѣпленіяхъ, о мѣрахъ общей безопасности. Но не далеко уже время, когда значеніе общего городского совѣта распространится на всѣ отрасли городского управленія, судопроизводства, полицейскаго и торговаго надзора и т. п. — XIV вѣкъ есть эпоха переходная отъ стараго порядка вещей къ новому. По прежнему еще существуютъ различія въ территоріяхъ и подсудности жителей, какъ памятники отживающихъ феодальныхъ отношеній. Но эти разныя части одного организма не живутъ уже отдѣльною жизнью, какъ это было въ лучшую пору феодализма. Въ XIV в. уже много сдѣлано для будуща-

(1) Arch. adm. de Reims. t. III. p. 899. Докум. 1398 года.

го соединенія подъ общимъ королевскимъ знаменемъ. У всѣхъ отдѣльныхъ частей Реймса обнаруживаются уже общія стремленія, общія потребности. Въ Реймсѣ существуетъ административный институтъ,—нѣкоторый родъ центральнаго управленія, опредѣленія котораго обязательны для всѣхъ и каждаго. Это объединеніе символически выразилось въ самомъ внѣшнемъ видѣ города. Жители стараго города—архіепископской юрисдикціи, или бурга св. Реми—уже не протягиваютъ въ концахъ улицъ желѣзныхъ цѣпей, чтобы прекращать на известное время сообщеніе съ сосѣднимъ городскимъ поселеніемъ. Одна общая стѣна, одна общая система укрѣпленій соединяетъ всѣ эти бурги и предмѣстья съ старымъ городомъ.

Но это стремленіе къ централизаціи началось гораздо раньше прямого вниманія королевской власти въ городскія дѣла. Съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ въ Реймсѣ раздался звукъ колоколовъ церкви Св. Симфоріана, призывавшій горожанъ къ борьбѣ съ феодалами, это стремленіе не прекращалось. Мы имѣли уже случай замѣтить, что законъ коммунальнаго движенія, мѣра силы этого движенія, заключаются именно въ силѣ воздѣйствія коммуны на окрестное населеніе, подвластное феодаламъ. Мы видѣли уже фактъ вліянія большой и богатой коммуны на менѣе значительную городскую общину въ исторіи Амьена и Корбій. Реймская коммуна была не чужда такого благодѣтельнаго значенія для жителей окружавшихъ ее монастырскихъ бурговъ и феодальныхъ владѣній. Подобное вліяніе со стороны коммуны было прежде всего невольное: она заражала окрестныхъ жителей примѣромъ своихъ привилегій и гарантій. Начиная съ XII в., мы видимъ огромный переворотъ въ социальномъ положеніи рабочаго люда феодальныхъ владѣній. Приписывать этотъ переворотъ непосредственному вліянію коммуны было бы большой исторической ошибкой; но нельзя не признать значительной доли въ великомъ фактѣ освобожденія и реорганизаціи крестьянскихъ общинъ за коммунальною революціей. Главнымъ образомъ убѣждаетъ въ этомъ историческая аналогія,—сравнительное обозрѣніе исторіи рабочихъ классовъ въ разныхъ государствахъ Европы. Изъ этого обозрѣнія открывается тотъ многозначительный фактъ, что вездѣ, во всѣхъ государствахъ западной Европы, непосредственно за коммунальною революціей слѣдовалъ поворотъ къ лучшему въ положеніи закрѣпленнаго за феодалами клас-

са. Мало того: гдѣ полнѣе совершилась коммунальная революція, тамъ всестороннѣе было освобожденіе и сельскихъ общинъ, какъ напр. въ Италиі, въ Фландріи. Подобный законъ преслѣдять и исполнѣнъ изучить можно только на болѣе широкой аренѣ при помощи особаго рода историческихъ матеріаловъ, богатый запасъ которыхъ до сихъ поръ еще хранится въ монастырскихъ архивахъ. Впрочемъ излагая исторію Реймской коммуны, мы не можемъ обойти этого вопроса; тѣмъ болѣе, что въ бывшемъ у насъ подъ руками изданіи напечатано нѣсколько подобныхъ документовъ для сельскихъ общинъ Реймскаго округа,—подвластныхъ архіепископу и реймскимъ аббатствамъ. Изъ этихъ документовъ мы видимъ, что съ XII вѣка начинаются сдѣлки между владѣльцами и крестьянами. Положеніе рабочей массы становится лучшимъ уже вслѣдствіе большей опредѣленности ихъ отношеній къ феодаламъ. Въ грамотахъ, даваемыхъ реймскимъ капитуломъ, монастырскими властями, или самими архіепископами реймскими, съ точностью опредѣляются тѣ оброки деньгами или натурой и тѣ работы, которыми крестьяне обязаны своимъ владѣльцамъ⁽¹⁾. Впрочемъ эти грамоты даютъ и положительныя привилегіи, которыя должны были благотворно отозваться на положеніи земледѣльческаго класса. Крестьяне извѣстной сельской общины освобождаются отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ повинностей и получаютъ внутреннее устройство съ нѣкоторыми правами самоуправления. Управление общиной представляется мѣру, назначаемому феодаломъ большею частью изъ сельскихъ жителей. Онъ собираетъ оброкъ въ пользу господина, слѣдитъ за господскими работами. Въ то же время ему предоставленъ полицейскій надзоръ въ общинѣ: онъ арестуетъ виновныхъ и доноситъ о преступленіяхъ феодальнымъ судьямъ. Вмѣстѣ съ мѣромъ существуетъ и совѣтъ выборныхъ отъ самой общины; они съ мѣромъ рѣшаютъ въ первой инстанціи нѣкоторые маловажные проступки и незначительные споры между крестьянами. Апелляція на рѣшенія сельскаго суда подается феодальному суду. Сельская община, получившая подобныя гарантіи отъ феодальнаго произвола, называется уже свободной общиной. Она пользуется привилегіей всякой

(1) Arch. admin. de Reims. t. I. 4. p. 385. Докум. 1181 года.

свободной общиной: кто прожилъ въ ней одинъ годъ и одинъ день и въ это время не былъ вытребованъ своимъ владѣльцемъ, тотъ становился членомъ общины. Феодалы въ своихъ грамотахъ исключаютъ впрочемъ изъ этого общаго правила своихъ собственныхъ крестьянъ другихъ не свободныхъ общинъ⁽¹⁾. Грамоты, утверждающія права и привилегіи сельскаго населенія, носятъ названіе *chartae libertatis et pacis*, а сельскія общины принимаютъ громкое имя коммунъ (*communia*)⁽²⁾. Подобное устройство очевидно заимствованное съ коммунальнаго строя городскихъ общинъ, хотя и съ большими ограниченіями, мы видимъ въ большихъ монастырскихъ бургахъ, окружавшихъ Реймсъ. Богатое и промышленное ихъ населеніе успѣло заpastись гарантіями прежде бѣднаго земледѣльческаго класса⁽³⁾. Впрочемъ въ чести монастырскихъ общинъ нужно сазать, что онѣ первыя вводятъ подобное же устройство и въ сельскихъ своихъ помѣстьяхъ. Потомъ уже этотъ поворотъ къ лучшему распространяется и на владѣнія свѣтскихъ феодаловъ. Случалось, что монастырь владѣлъ нѣвѣстной сельской общиной вмѣстѣ съ какимъ-нибудь сеньоромъ. Отсюда возникала сложность отношеній, которая тяжело отзывалась на жителей селенія. Монастырь, давая имъ нѣкоторыя права, въ то же время старался ограничить ихъ и отъ насилій свѣтскихъ феодаловъ⁽⁴⁾. Архіепископы съ своей стороны тоже даютъ подобныя грамоты и своимъ помѣстьямъ, которыхъ у нихъ было много въ Реймской провинціи. Сельскимъ мѣрамъ вмѣстѣ съ выборными отъ общины (*jurati*) предоставлено рѣшеніе въ первой инстанціи нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ; апелляція на нихъ подается къ архіепископскому байльи или превѣ⁽⁵⁾. Если на архіепископской землѣ возникало новое поселеніе, то оно получало такое же устройство. Такъ въ 1205 г. въ сосѣдствѣ съ Реймсомъ образовалось поселеніе *Venisse*. Поселенцы послѣдшили войти въ соглашеніе съ архіепископомъ, заручиться отъ него грамотой,

(1) Arch. admin. t. I. 1. p. 387. Докум. 1182 года.

(2) Ibidem. p. 390.

(3) Ibidem. p. 94. Примѣчаніе.

(4) Arch. admin. de Reims. t. I. 4. p. 387. Докум. 1182 года. Ср. T. I. 4. p. 407. Докум. 1184 года. Ibidem. p. 451. Докум. 1203 г.

(5) Ibidem p. 417. Докум. 1191 года.

утверждавшей ихъ привилегіи относительно повинностей и самоуправленія. Они должны были платить незначительный земельный оброкъ по 18 денаріевъ въ годъ съ поземельнаго участка. Новые mansanagii получаютъ права и вольности (franchises) селенія Культури, возникшаго нѣсколько прежде. Архіепископъ позволяетъ имъ выбрать мэра; если только, замѣчаетъ граммата, изъ числа ихъ найдется способный къ занятію этой должности. Мэръ долженъ принести присягу архіепископу въ томъ, что онъ будетъ творить судъ и расправу по чистой совѣсти. Впрочемъ права его юрисдикціи ограничены взысканіями не свыше 7 солидовъ⁽¹⁾. Въ послѣдствіи оба эти селенія вошли въ составъ Реймской коммуны: права юрисдикціи мэра расширились, но въ свои судебныя засѣданія онъ долженъ приглашать городскихъ засѣдателей.

Реймская коммуна оказывала болѣе прямое вліяніе на монастырскія предмѣстья особенно на бургъ, принадлежавшій аббатству св. Реми. Мы видѣли уже, что жители этого бурга стремились войти въ составъ Реймской коммуны. Они не могли не заразиться тѣмъ свободнымъ духомъ жителей стараго города, который выразился въ смѣлой борьбѣ ихъ съ архіепископскою властью. Они не разъ бывали свидѣтелями шумныхъ народныхъ собраній на городскихъ площадяхъ, или въ церкви св. Симфоріана. Борьба Реймской коммуны велась не ради какихъ либо незначительныхъ привилегій; жители Реймса добивались полной коммунальной автономіи, по образцу сѣверныхъ французскихъ коммунъ или свободныхъ городовъ Фландріи. Борьба эта не имѣла желанныхъ результатовъ. Феодалная власть реймскихъ прелатовъ, благодаря поддержкѣ королевской власти и покровительству св. престола, ограничила притязанія жителей Реймса только нѣкоторыми гарантіями. Эти права, выраженные слишкомъ неопредѣленно въ хартіи Вильгельма Шампанскаго, представляли мало привлекательнаго для жителей окрестныхъ бурговъ. Давно уже подъ сѣнью богатыхъ монастырскихъ общинъ они пользовались ими и не въ меньшей мѣрѣ. Но мы должны помнить, что права и привилегіи монастырскихъ бурговъ были гораздо обеспеченнѣе, чѣмъ права и привилегіи жителей Реймса. Монастырское управленіе

⁽¹⁾ Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 458. Докум. 1205 года. Ср. p. 325. Докум. 1223 года.

отличалось нѣкоторой гуманностью въ сравненіи съ архіепископскою властью. Богатая аббатства, владѣвшія огромной поземельной собственностью не только въ Реймской провинціи, но и во всей Франціи, даже въ другихъ государствахъ Европы, не имѣли повода прибѣгать къ той системѣ вымогательствъ и притѣсненій всякаго рода, которую проводили прелаты реймскіе. Поэтому въ XIII в. въ отношеніяхъ бурговъ къ коммунѣ начался поворотъ: желаніе соединенія въ нихъ значительно уже охладѣло. Прежде коммунальная автономія была общимъ идеаломъ и города и бурговъ. Теперь когда идеаль этотъ не осуществился, когда коммуна Реймская остановилась на полудорогѣ, бургамъ не зачѣмъ было мѣнять легкую зависимость отъ своихъ монастырскихъ властей на суровое подчиненіе архіепископу. Портъ-Марсъ съ его подземными тюрьмами имѣлъ мало привлекательнаго для горожанъ, зависѣвшихъ отъ капитула, или отъ аббатства св. Реми. Напротивъ, въ жителяхъ монастырскихъ предмѣстій мы видимъ уже стремленіе отдѣлиться отъ Реймской коммуны. Это стремленіе усилилось, когда наступила пора постоянного вмѣшательства королевской власти. Съ этого времени между коммуной и бургами мы видимъ постоянный антагонизмъ, выразившійся во множествѣ парламентскихъ процессовъ. Короли требовали отъ коммуны денегъ на военные расходы и на коронованіе. Мы знаемъ уже, какъ тяжела была для жителей Реймса эта послѣдняя подать. Нѣкоторое время люди капитула и сосѣднихъ монастырей были отъ нея свободны; но съ половины XIII в. коммуна старается привлечь ихъ къ участию въ налогѣ на коронованіе. Церковь и монастыри защищали своихъ людей, предавали отлученію и наказывали тяжелыми эпитиміями городскихъ засѣдателей⁽¹⁾. Но королевская власть принимаетъ сторону Реймской коммуны. Было опредѣлено, какую долю расходовъ на коронацію должны были оплачивать коммуна, люди капитула, бургъ св. Реми и окрестныя селенія архіепископа⁽²⁾. Если возникалъ процессъ меж-

(¹) Arch. admin. de Reims. t. I. 2. p. 925. Докум. 1274 года. Ср. р. 259.—1320 г.

(²) Arch. admin. de Reims t. II. 1. p. 227. Любопытное распределеніе расходовъ на коронованіе Людовика X. Общая цифра налога простиралась до 17,500 ливровъ. Изъ этой суммы на долю Реймса падало 9,600 л., на долю капитула — 3,800, окрестныхъ владѣній архіепископа — 2,500, бурга св. Реми—1600 ливровъ.

ду коммуной и бургами, то парламентъ рѣшалъ дѣло въ пользу коммуны⁽¹⁾. Но коммуна старалась привлечь жителей предмѣстій къ участию и въ другихъ налогахъ, имѣющихъ предметомъ своимъ общія городскія нужды, безъ различія подсудности жителей, архіепископу, капитулу, или монастырямъ. Тѣ упорно отказывались, но засѣдатели упрямо проводили свою мысль и съ помощью парламентскихъ рѣшеній достигли своей цѣли. Такъ парламентскимъ декретомъ 1366 года велѣно было жителямъ бурга св. Реми принимать участие въ расходахъ коммуны на поимку разбойниковъ де Бриэнъ⁽²⁾. Тоже слѣдуетъ связать и о расходахъ на городскія укрѣпленія и на военныя субсидіи въ пользу короля⁽³⁾. Капитулы и аббатства оказывали сопротивленіе; случалось, что каноники предавали отлученію реймскихъ засѣдателей⁽⁴⁾. Но бороться противъ коммуны, поддерживаемой королевскою властью, было трудно. За ослушаніе короли грозили конфискаціей свѣтскихъ владѣній.

Подобныя стремленія Реймской коммуны входили въ централизаторскіе виды королевской власти. Они много содѣйствовали посаждающему объединенію отдѣльныхъ городскихъ частей подъ общей властью королевскаго капитана. Жители бурговъ уже заранѣе были приучены къ разнаго рода повинностямъ въ пользу города и королевской власти. Въ половинѣ XIV в., благодаря усиліямъ коммуны и при помощи королевской власти, значительно была ослаблена та феодальная особность, которая изъ одного города дѣлала нѣсколько отдѣльныхъ, независимыхъ общинъ. Но эта централизація совершилась не вслѣдствіе внутренняго притяженія коммуны на окрестное населеніе. Инициатива шла, говоря строго, не отъ коммуны, а отъ королевской власти: коммуна невольно должна была подумать объ облегченіи невыносимой тяжести разнаго рода поборовъ, которую налагала на нее королевская власть. Характеристическій фактъ въ исторіи Реймса тотъ, что до половины XIII в., не смотря на постоянную

⁽¹⁾ Ibidem. p. 257. Докум. 1320 года.

⁽²⁾ Ibidem. p. 430. Докум. 1326 года.

⁽³⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 1. p. 585. Докум. 1329 года.

⁽⁴⁾ Arch. admin. de Reims. t. II. 2. p. 817.—1339 г. p. 847.—1340 г. t. III. p. 114.—1358 г. и т. д.

борьбу съ архіепископомъ, всегда находились охотники переселяться туда. Но съ этого времени начинается обратное движеніе;—жители Реймса сами бѣгутъ изъ роднаго города. Это стремленіе къ концу XIV в. усиливается; цѣлыя семейства переселяются на землю капитула, въ монастырскіе бургы, или ищутъ для себя пріюта далеко отъ родины,—въ болѣе счастливыхъ коммунахъ Фландріи. Этотъ фактъ замѣчательнѣе въ высшей степени: онъ повторился въ исторіи почти всѣхъ коммунахъ Франціи, особенно тамъ, гдѣ сильнѣе сказалося вліяніе королевской власти.

Во время столѣтней войны, города Гаскони, Гвіэни и другихъ юго-западныхъ провинцій Франціи, бывшіе подъ владѣтельствомъ Плантагенетовъ, не съ охотой переходили подъ власть французскихъ королей. Когда Карлъ V хотѣлъ присоединить Бретань къ короннымъ владѣніямъ, городскія общины единодушно возстали; потому, какъ замѣчаетъ хроника Гильома Сентъ-Андрѣ, что они боялись того рабства, которое вездѣ царствовало во Франціи (1). Французское правительство налагало тяжелое иго на города Франціи: оно требовало службы и денегъ, а взамѣнъ повуда еще ничего не давало. То была смутная пора,—время испытанія, тяжелаго гнета и внутренняго броженія для городскихъ общинъ. Феодализмъ потерялъ свою силу, но феодальныя формы жизни еще существовали. Порывъ городскихъ общинъ къ коммунальной автономіи не удался, но они внесли богатый вкладъ въ исторію. Королевская власть приобрѣла преобладающее значеніе, но еще не выработала прочныхъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній. Городскія общины представляютъ какую-то странную смѣсь разныхъ элементовъ. Реймсъ служить прекраснымъ примѣромъ этихъ разнообразныхъ, даже противоположныхъ стремленій, царствующихъ въ стѣнахъ одного города. Въ одно и тоже время въ немъ продолжаютъ существовать феодальныя сеньоры, коммунальная магистратура и представитель королевской власти.

Въ отношеніи къ юрисдикціи городъ удерживаетъ свои средневѣковыя дѣленія, на основаніи подчиненія той или другой феодальной власти; но въ финансовомъ и военномъ

(1) Docum. inéd. Chron. du Bertran du Guesclin. t. II.—Livres du bon Jehan duc de Bretagne. Guil. J. André.

отношеніяхъ онъ уже объединенъ подъ начальствомъ королевскаго капитана. Совѣтъ городскихъ засѣдателей имѣетъ свой независимый кругъ дѣйствія—это дѣла торгово-полицейскія. По прежнему онъ разсматриваетъ и рѣшаетъ эти дѣла въ городскомъ домѣ, безъ участія архіепископа и королевскихъ намѣстниковъ. Въ отношеніи къ юрисдикціи и финансовому управленію старинный совѣтъ засѣдателей находится въ подчиненномъ отношеніи: на судебныхъ засѣданіяхъ архіепископскихъ судей онъ посылаетъ своихъ представителей, которые въ качествѣ присяжныхъ даютъ приговоръ о виновности или невинности подсудимаго; въ совѣтѣ капитана тоже засѣдаютъ двое изъ членовъ коммунальнаго совѣта съ правомъ голоса во всѣхъ дѣлахъ, касающихся жителей города архіепископской юрисдикціи. Такимъ образомъ въ Реймсѣ образовалась смѣшанная администрація; въ нее входятъ три элемента: феодальный, королевскій, городской. Отношенія между ними не установлены твердыми правилами. Но преобладающее значеніе остается за элементомъ королевскимъ: власть королевскаго капитана и его совѣта—уже сильнѣе и архіепископской и городской власти.

При такомъ положеніи дѣла Реймская коммуна уже не могла оказывать вліянія на окрестное населеніе. Вліяніе это было сильно только тогда, когда были сильны коммунальныя стремленія. Теперь они значительно ослабѣли, подъ непосредственнымъ вліяніемъ королевской власти. Централизація феодальныхъ владѣній, составлявшихъ Реймсъ, уже ведется не во имя коммунальной свободы, а подъ знаменемъ централизующей королевской власти. Мы сказали, что мѣрою силы для каждой коммуны можетъ служить степень оказаннаго ею вліянія на окрестное полусвободное населеніе. Вліяніе Реймской коммуны было сильно, но непродолжительно. Причина заключается въ самомъ характерѣ коммунальной жизни г. Реймса и въ отношеніяхъ его къ феодальнымъ сеньорамъ. Исторія г. Реймса съ самаго начала коммунальнаго движенія въ XII в. до конца XIV в. есть исторія непрерывной борьбы съ феодализмомъ. Силы коммуны постоянно находились въ напряженіи,—постоянно были занаты этой борьбой.

Городу Реймсу не удалось, подобно коммунамъ Сѣвера, свергнуть съ себя феодальное иго и получить полныя коммунальныя гарантіи. То, что въ Амьенѣ совершилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кровавой борьбы съ своимъ графомъ,

того Реймсъ не могъ достигнуть вѣковыми усиліями, при всемъ напряженіи своихъ силъ. Гарантіи Реймса были незначительны, его коммунальное устройство въ высшей степени шатко. Оттого и вліяніе его на окрестные бурги не было рѣшительнымъ.

Сравнивая исторію Амьенской коммуны съ исторіей г. Реймса, мы не можемъ не замѣтить между ними громадной разницы. Это различіе проходитъ отъ начала до конца исторіи обѣихъ коммунъ. Оно выражается, и въ характерѣ историческаго развитія городской жизни, и во внутреннемъ коммунальномъ устройствѣ, и въ отношеніяхъ къ феодальной и къ королевской власти. Прежде всего еще до начала коммунальной революціи, между Амьеномъ и Реймсомъ существуетъ глубокая разница. Амьень принадлежалъ главнымъ образомъ графу,—свѣтскому владѣльцу; владѣнія епископа, викарія и кастеляна были ничтожны. Феодальный владѣлецъ Амьена не былъ могущественнымъ барономъ, не пользовался большимъ значеніемъ въ феодальной іерархіи XII в. Онъ не былъ связанъ съ королевской властью какими-нибудь прочными отношеніями; напротивъ его феодальныя права уже въ XII в. неладили съ стремленіями королевской власти. Притомъ между городскими сеньорами не было согласія и единства интересовъ. Епископъ и графъ враждовали между собой; власть графа уже слишкомъ преобладала надъ властью епископа; поѣтому послѣдній былъ расположенъ въ пользу движенія, направленаго противъ графа. Такое положеніе дѣла сказалось чрезвычайно благоприятными послѣдствіями для коммунальной революціи. Амьенская коммуна опираясь на епископа, склонивши на свою сторону викарія, уравновѣсила свои силы съ силами противной партіи,—графа и кастеляна. Но успѣхъ борьбы былъ еще сомнителенъ. Благодаря своему союзу съ епископомъ, коммуна успѣла получить помощь и отъ короля. Теперь перевѣсъ оказался уже на сторонѣ города и дѣло коммунальной революціи было сдѣлано.

Вспомнимъ теперь, въ какомъ положеніи былъ Реймсъ предъ началомъ борьбы за свободу. Онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько разныхъ феодальныхъ общинъ, принадлежалъ нѣсколькимъ владѣльцамъ,— архіепископу, капитулу, аббатамъ. Каждая изъ этихъ феодальныхъ силъ неслишкомъ много уступала другой. Владѣнія монастырскихъ общинъ усту-

пали въ объемѣ владѣніямъ архіепископа, но они восполнялись еще другими имѣніями внѣ Реймской провинціи. Капитулъ пользовался меньшимъ значеніемъ въ городѣ; но онъ рано умѣлъ сдѣлать свои права священными для архіепископовъ. Всѣ эти феодальныя власти были въ антагонизмъ относительно дѣлъ церковныхъ, но это не мѣшало имъ соединиться противъ всякой враждебной силы, которая бы вздумала посягнуть на ихъ права. Мы знаемъ уже, какъ дружно они дѣйствовали противъ коммуны и даже противъ королевской власти. Всѣ они были члены одной могущественной корпораціи, съ всеильнымъ главой — первосвященникомъ римскимъ. Папа, взаимно уравновѣшивая ихъ силы, всѣмъ имъ одинаково покровительствовалъ предъ лицомъ свѣтской власти. Извѣстно значеніе папскаго покровительства въ XII и XIII вв., когда предъ римскими первосвященниками склоняли голову короли и императоры. Реймское духовенство пользовалось этимъ покровительствомъ даже предпочтительно предъ прочимъ духовенствомъ Франціи. Реймскіе прелаты своими стремленіями къ автономіи въ дѣлахъ галликанской Церкви и близкими отношеніями къ французской королевской власти внушали опасенія папамъ. Прагматическая санкція 1268 года была продуктомъ столько же легистовъ, сколько и провинціальныхъ соборовъ Реймской провинціи подъ предсѣдательствомъ реймскаго архіепископа⁽¹⁾. Она ограничила нѣкоторыя притязанія папской власти, послужила конституціонной хартіей для галликанской Церкви, хотя и сохранила при этомъ подчиненіе ея святому престолу. Поэтому въ политикѣ папъ было поддерживать добрыя отношенія съ Реймскими прелатами. Они давали имъ громкіе титулы кардинала и легата и всегда готовы были защищать ихъ права противъ кого-бы то ни было. Аббатства Реймса тоже пользовались особой милостію папъ: ихъ архивы заключаютъ множество папскихъ грамотъ, безчисленное количество привилегій не только въ церковномъ отношеніи, но и въ мірскихъ дѣлахъ. Коммуна Реймская, вступая въ борьбу съ архіепископомъ, съ самаго начала встрѣтила могущественный отпоръ. Въмѣсто одного врага она разомъ должна была бороться съ нѣсколькими. Всѣ церковныя власти соединились; они забывали свои раздоры, оставили ихъ до будущаго времени.

(¹) *Miaier. Droit français. p. 199.*

Противъ коммуны раздался могучій голосъ главнаго авторитета Церкви XII в.—св. Бернара. За архіепископа вступились и папа, и король, и могущественный графъ Фландріи. Коммунальное движеніе не достигло результатовъ, хотя и не было совершенно подавлено. Оно превратилось въ медленную упорную борьбу съ феодальной властью архіепископа. При всякомъ удобномъ случаѣ коммуна снова заявляла свои притязанія, снова стремилась получить во что бы-то ни стало полныя коммунальныя гарантіи. Коммунальная революція растянулась на цѣлыя столѣтія и составила сущность исторической жизни Реймской городской общины.

Коммуна Амьена, свергнувши съ себя феодальное иго, сразу получила коммунальное устройство и независимое существованіе. Въ первой половинѣ XII в. городской совѣтъ пользуется верховной властью внутри города надъ всѣми членами коммуны. Права, предоставленныя графамъ, оставшіяся за епископомъ и другими сеньорами, не нарушаютъ значенія этой власти. Коммуна составляетъ независимую общественную единицу, равноправную съ феодальными сеньорами. Она вступаетъ съ ними въ сдѣлки, въ договоры, имѣетъ право войны и мира, право жизни и смерти надъ своими членами. Независимость ея существованія гарантирована ей королевской властью. вмѣстѣ съ коммунальной революціей борьба ея съ феодалами не кончилась. За ними еще осталось много дорогихъ для коммуны правъ. Поэтому стремленіе города направлено въ расширенію коммунальныхъ правъ на счетъ прежнихъ городскихъ сеньоровъ. Но борьба эта ведется уже подъ знаменемъ коммунальной свободы, отъ лица свободной, независимой общины, имѣющей свою самостоятельную магистратуру, свой независимый кругъ дѣйствій и законное положеніе въ современномъ феодальномъ обществѣ. Борьба эта не отличается такимъ упорствомъ, какъ борьба коммуны Реймской. Амьенская коммуна добивала врага, получившаго уже смертельный ударъ. Но ея силы еще увеличиваются отъ союза съ королевской властью. Съ самаго начала коммунальной революціи стремленія Амьенской коммуны совпали съ стремленіями королей французскихъ. Для нихъ было выгодно поддерживать коммуны въ борьбѣ съ феодалами; самая эта борьба, истощавшая силы феодализма, входила въ ихъ политику. Но скоро самъ французскій король занялъ мѣсто прежнихъ графовъ Амьенскихъ; теперь коммуна вступила въ болѣе

прямые отношенія къ королевской власти. Отмѣривши границы для коммунальной свободы и собственной власти, Филиппъ Августъ и преемники его до самаго Филиппа IV въ извѣстныхъ предѣлахъ оставили неприкосновенной городскую свободу и не вмѣшивались во внутреннія дѣла города. Напротивъ, они поддерживали коммуну въ борьбѣ съ епископской властью. Къ концу XIII в. остаются только двѣ власти въ городѣ,—королевская и власть самой коммуны. Права прежнихъ сеньоровъ, оставшіяся за ними послѣ революціи 1117 г., теперь почти всѣ сосредоточены въ рукахъ или самой коммуны, или короля. Если мы обратимъ вниманіе на этотъ раздѣлъ, то замѣтимъ, что большая часть правъ городского управленія досталась на долю коммуны. Королевская власть уважаетъ муниципальную свободу, довольствуется той областью, которую она сама себѣ отмѣрила. Съ Людовика Св. начинается законодательство, имѣющее предметомъ своимъ внутреннюю городскую организацію; но это законодательство не отнимаетъ у городовъ ихъ коммунальныхъ правъ. Это время высшаго развитія и процвѣтанія городской жизни: оно выразилось въ полномъ раскрытіи муниципального строя общины, въ развитіи мѣстнаго городского законодательства и проявилось внѣшнимъ образомъ въ торговомъ и промышленномъ богатствѣ. Ростъ Амьенской коммуны, благодаря благоприятнымъ условіямъ, въ которыхъ она была поставлена, благодаря высокой степени ея муниципальной свободы, совершается изъ нея самой. Процессъ внутренняго развитія городской жизни идетъ правильнымъ путемъ; коммуна создаетъ цѣлую систему своеобразной администраціи,—судебнаго, финансоваго, полицейскаго устройства. Цехи достигаютъ полной организаціи; цеховые статуты создаютъ оригинальную систему торгово-промышленныхъ отношеній.

Совѣтъ не то представляетъ исторія Реймской коммуны. Періодъ развитія для сѣверныхъ коммунъ проходитъ для нея въ упорной борьбѣ съ архіепископскою властью. Наконецъ ей даны нѣкоторыя права, нѣкоторыя гарантіи хартіей Вильгельма; но эти гарантіи только тѣнь свободнаго устройства сѣверной коммуны. Возмите любую сторону городской жизни и вы увидите въ ней слабую долю значенія коммунальныхъ властей и тяжелый гнетъ архіепископской авторитетѣ. Прелаты отказываютъ реймской городской общинѣ даже въ названіи коммуны. Они правы, если взять коммуну

въ строгомъ смыслѣ, въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ болѣе свободныхъ въ болѣе счастливыхъ городахъ Сѣвера. Реймская коммуна не есть социальная единица, равноправная съ своимъ сеньоромъ; она подчинена ему и только пользуется нѣкоторыми гарантіями, данными ей по его усмотрѣнію. Впрочемъ она не мирится съ этимъ положеніемъ; она вездѣ и всегда называетъ себя коммуной въ полномъ смыслѣ этого слова, въ томъ смыслѣ, говорили ея прокуроры, въ какомъ называютъ себя коммунами города Фландрій. Но это только одни притязанія,—цѣль страстныхъ желаній реймскихъ горожанъ. Реймская городская община иногда была ближе, иногда дальше отъ своего завѣтнаго идеала. Въ минуты революціоннаго раздраженія народныхъ страстей, когда реймская чернь жгла и разоряла дома канониковъ и вассаловъ архіепископа, а самъ архіепископъ запирался въ замкѣ, коммуна Реймская пользовалась полной автономіей. Но это вызывало только мщеніе со стороны прелата и коммуна теряла даже тѣ гарантіи, которыми пользовалась прежде. Коммуна усиливалась, благодаря слабости и миролюбивому характеру нѣкоторыхъ изъ архіепископовъ реймскихъ. Но и это продолжалось не долго. Вступалъ на кафедру ревнитель свѣтскихъ правъ Церкви, человекъ болѣе суроваго характера,—и положеніе дѣла измѣнялось. Короли французскіе до конца XIII в. если и вмѣшивались въ дѣла города, то большею частью въ пользу архіепископовъ. Политика королей въ отношеніи къ духовнымъ феодаламъ отличалась нѣсколько другимъ характеромъ, чѣмъ въ отношеніи къ феодаламъ свѣтскимъ. Епископы не были опасны для короны; большею частью они были ленниками короля, получали отъ него инвеституру на свѣтскія владѣнія, помогали королямъ и деньгами и войскомъ. Отвергнута нападать на нихъ было неудобно; приобретать ихъ лены посредствомъ духовныхъ завѣщаній и брачныхъ союзовъ—нельзя. Королевская власть приняла въ отношеніи ихъ другую систему дѣйствій—систему постоянного вмѣшательства въ ихъ раздоры съ городами и постепеннаго расширенія своихъ правъ на счетъ обоихъ противниковъ.

Такую политику королей французскихъ всего лучше слѣдить на исторіи Реймской коммуны. Въ Амьенѣ дѣло велось проще. Начиная съ Филипа IV, они даютъ чувствовать коммуналь, что она должна находиться въ подчиненіи у королев-

ской власти. Такую теорію они проводят иногда и въ самую жизнь, отнимая у города его коммунальное устройство и снова возвращая. Начинается постоянное вмѣшательство королевской власти во внутреннія городскія дѣла. Объемъ коммунальныхъ правъ болѣе и болѣе суживается, но за то значеніе королевской власти постепенно расширяется. Въ коммунѣ обнаруживаются признаки внутренняго раздѣленія на двѣ партіи,—торговой аристократіи и промышленной демократіи. Королевская власть искусно пользуется этимъ раздѣленіемъ: поддерживаетъ аристократовъ и стѣсняетъ демократическую партію, а вмѣстѣ съ ней и демократическій принципъ средневѣковой коммуны, ея автономію въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Короли вмѣшиваются въ городскіе выборы, сами назначаютъ городское начальство; затѣмъ измѣняютъ самый принципъ избирательной системы, даютъ въ немъ прямое участіе аристократическому элементу и опираясь на него, сами пріобрѣтаютъ въ лицѣ своего байльи огромное значеніе въ городской администраціи. Съ этого времени короли становятся всеильными въ дѣлахъ города и самостоятельная жизнь городской общины обанчивается.

Вмѣшательство королевской власти достигло весьма сходныхъ результатовъ въ отношеніи и къ г. Реймсу; по пути, которымъ она шла къ этой цѣли, былъ другой. Политика королевской власти опредѣлялась характеромъ самой коммунальной жизни, отношеніями коммуны къ архіепископу и обѣихъ враждующихъ сторонъ къ королевской власти. Реймская коммуна не имѣла такой полноты коммунальныхъ гарантій, какими пользовался Амьенъ и другіе города сѣверной Франціи. Ея устройство, ея тѣсная зависимость отъ феодальной власти архіепископа не ставила ея въ прямое противорѣчіе съ стремленіями французскихъ королей. Въ борьбѣ за коммунальную полноправность она обратилась къ помощи верховной власти, сама въ лицѣ своихъ прокуроровъ признавала подсудность засѣдателей парламенту, потомъ сама отдавалась въ руки короля, лишь бы только освободиться отъ невыносимаго гнета феодальной тиранніи. Это входило въ виды королей, или вѣрнѣе легистовъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на государственныя дѣла. Они старались поставить верховную власть въ болѣе прямое отношеніе къ городскому населенію. Они стремились разорвать эту іерархическую сѣть, вассаловъ первичныхъ, вторичныхъ, третичныхъ (vassaux,

agtière-vassaux, agtière-agtière vassaux и т. д.) Они хотѣли создать систему административнаго единства, которое должно имѣть своимъ центромъ королевскую власть и черезъ посредство разныхъ учрежденій обхватить всѣхъ и каждого, — и феодаловъ, и ихъ вассаловъ, и подвластное имъ городское и сельское населеніе. Отсюда цѣлый рядъ симпатій и антипатій для королевской власти. Она сочувствуетъ тому феодалу, который, обходя рядъ высшихъ феодаловъ, прямо обращается къ королевской власти. Она сочувствуетъ городскимъ общинамъ, которыя стремились, вмѣсто власти свѣтскаго или духовнаго барона, подчиниться непосредственно власти короля. Королевская власть не сочувствуетъ феодальнымъ судамъ, не любитъ суда пэровъ, хотя и пользуется имъ въ случаѣ нужды для проведенія своихъ собственныхъ стремленій. Когда враждующія стороны и архіепископъ и коммуна г. Реймса обратились за рѣшеніемъ своей вѣковой вражды къ королямъ французскимъ, не трудно было угадать, чью сторону они примутъ. Въ феодальномъ владѣльцѣ Реймса все противорѣчило идеямъ о единой верховной власти. Онъ называетъ себя пэромъ Франціи, пэромъ не только въ отношеніи къ могущественнымъ вассаламъ короля, по и къ самимъ королямъ французскимъ; свои доказательства противъ коммуны архіепископъ основываетъ на феодальномъ правѣ. Онъ единственный господинъ надъ горожанами, — своими людьми; онъ обладаетъ относительно ихъ всѣми правами суверенитета безъ участія кого-либо другаго. Коммуна можетъ жаловаться на архіепископа королю не иначе, какъ высшему сюзерену. Король имѣетъ право разсматривать подобныя жалобы, только въ случаѣ отказа со стороны владѣльца своимъ подданнымъ въ правосудіи, или при явномъ нарушеніи справедливости (*en deni* или *en default de justice*, *en cas de mauvaise justice*). Архіепископъ требуетъ суда пэровъ; обыкновенный парламентскій судъ для него униженъ; печего и говорить уже объ низшихъ королевскихъ судьяхъ — байльи или прево.

Мы знаемъ уже, что въ началѣ этой борьбы вѣкоторыя притязанія Реймской коммуны также не соответствовали видамъ легистовъ, именно ея стремленіе къ полной автономіи. Но за то всегда въ этихъ притязаніяхъ была сторона, которая какъ нельзя лучше входила въ виды централизаторскихъ стремленій французской королевской власти. Это прежде всего самый фактъ посредничества между городомъ и его

владѣльцемъ, котораго требовала коммуна; затѣмъ—фактъ борьбы съ сеньоромъ, подрывавшій его власть и значеніе и дававшій широкое поле для королевскаго вмѣшательства. Отсюда извилистый путь политики французскихъ королей въ отношеніи къ Реймской коммунѣ: они поддерживаютъ тѣ ея требованія, которыя не противорѣчатъ ихъ собственнымъ стремленіямъ. Но въ то же время они ограничиваютъ притязанія на коммунальную полноправность. Феодалная теорія архіепископа разбиваема на каждомъ шагу, даже не столько парламентскими рѣшеніями, сколько путемъ административной практики. Эта королевская политика кажется темной и запутанной; но результаты, которыхъ она достигла, всего лучше объясняютъ общій смыслъ отношеній королевской власти, и къ феодалному самоуправству, и къ независимымъ стремленіямъ городской общины. Искусство легистовъ сразу достигло двухъ цѣлей: архіепископы реймскіе постепенно превращались въ подвластныхъ королю прелатовъ, а коммуна Реймская становилась королевской городской общиной. Той и другой цѣли королевская власть достигла не вдругъ; подобныя отношенія выразились со всей ясностью и полнотой уже въ новой исторіи. Но и въ XIV вѣкѣ такое положеніе дѣлъ въ г. Реймсѣ обозначилось довольно рельефно,— въ учрежденіи капитановъ реймскихъ и совѣта выборныхъ, который въ послѣдствіи превратился въ Большой Городской Совѣтъ и уже отъ имени королей управлялъ дѣлами города до самой революціи.

Мы говорили уже, что городъ Реймсъ можетъ быть названъ представителемъ коммуны средней полосы Франціи. Это справедливо въ отношеніи общаго характера городскихъ учреждений. Но при подобныхъ положеніяхъ не нужно забывать чрезвычайнаго разнообразія, такъ сказать, индивидуальности французскихъ городскихъ общинъ. Въ средней Франціи были города, которые пользовались полной муниципальной независимостью не въ меньшей мѣрѣ, какъ и коммуны Сѣвера. Таковы наприм. города Туръ (Tours) и Буржъ (Bourges). До XV в. они управлялись четырьмя прудомами (prudhommes), избираемыми каждый годъ. Эти четыре сановника соединяли въ своемъ лицѣ всѣ отрасли городского управленія. Они судили въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Въ ихъ рукахъ были городскіе финансы. Они завѣдывали полицейскими дѣлами города. Королевскому байльи принадлежало только пред-

варительное слѣдствіе ⁽¹⁾. Но преобладающимъ элементомъ въ городахъ средней полосы была власть епископовъ. Вотъ эта-то общая черта и сближаетъ Реймсъ съ городами средней Франціи. Епископскій элементъ начинаетъ уже обнаруживаться въ сѣверныхъ предѣлахъ Лангедока; наприм. въ Оверни исчезаетъ уже понятіе о консулахъ; должность ихъ исполняется савонниками епископовъ или аббатствъ. Элементъ епископскій является господствующимъ въ широкой полосѣ французской территоріи между Луарой и Сеной ⁽²⁾. Епископы находятся въ ленной зависимости отъ графовъ, или королевской власти и пользуются въ городахъ обширными правами юрисдикціи. Городскія общины имѣютъ выборную магистратуру; во ея права сильно ограничены властью епископа, графскихъ и королевскихъ чиновниковъ. Въ дѣлахъ полицейскихъ и торговыхъ выборные отъ городской общины (большею частью *jurati, jurés*—по 4, 10 и болѣе) пользуются нѣкоторой самостоятельностью, какъ мы видѣли это и въ Реймсѣ. Города обладаютъ обширными привилегіями (*franchises*) въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности; но эти права не даютъ имъ политическаго значенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣли это значеніе коммуны Сѣвера. Коммунальная революція, распространенная на Югѣ и на Сѣверѣ, не коснулась городовъ средней Франціи и они не возставали на борьбу съ своими владѣльцами. По мнѣнію Тьерри, причина заключалась въ характерѣ тѣхъ отношеній, которыя возникли на развалинахъ римскаго владычества въ разныхъ провинціяхъ римской земли. На Сѣверѣ феодальная система пустила глубокіе корни; она обхватила всѣ общественныя отношенія и наложила зависимость на городскія общины, весьма близкую къ рабской. Мы знаемъ уже положеніе городского населенія подъ властью феодаловъ; оно не много было лучше положенія сельскаго полурабскаго населенія. Во всякомъ случаѣ со стороны феодаловъ было стремленіе уравнять горожанъ съ крѣпостными земледѣльцами (*servi*). Оттого въ XII в. коммунальная революція въ сѣверныхъ провинціяхъ нынѣшней Франціи нашла для себя богатую почву. На югѣ феодализмъ не получилъ

⁽¹⁾ А. Thierry. Consider. sur. l'hist. de France, Ch. V, p. 244, 245.

⁽²⁾ Провинціи этой полосы: Орлеанъ, Гатана, Мэнъ, Анжу, Турень, Берри, Ниверне, Бурбонъ и Бургундія. Augustin Thierry. Monim. Préface, t. I. 26. II. 3—70.

полнаго преобладанія надъ муниципальною жизнью; феодальная зависимость городовъ Лангедока была слабѣе, чѣмъ городовъ сѣверныхъ провинцій. На Югѣ было сильно римское законодательство, римскія нравы и обычаи; тамъ не прекращались преданія римской муниципальной жизни. Близость къ сѣверной Италіи, сношенія съ ея торговыми городами, свергнувшими власть феодаловъ, — все это въ городахъ южной Франціи произвело общественный переворотъ, давшій имъ муниципальное устройство по образцу консульскихъ городовъ Италіи. Опираясь на сочувствіе епископовъ, южная община выросла безъ тѣхъ кровавыхъ потрясеній, которыя сопровождали ростъ сѣверной общины.

Въ средней полосѣ Франціи и римскій и германскій элементы остались въ нѣкоторомъ равновѣсіи. Франки меньше щадили остатки римскихъ учрежденій, чѣмъ Готы и Бургундцы; но въ средней полосѣ Франціи они не были такъ многочисленны сравнительно съ туземнымъ населеніемъ, какъ на Сѣверѣ. Оттого средняя полоса въ отношеніи къ городской жизни представляла до XII в. переходъ отъ феодальнаго порабощенія Сѣвера къ муниципальному складу жизни Юга. Города средней полосы не были такъ всецѣло подавлены, какъ сѣверные города; по этому они не такъ сильно чувствовали потребность соціального обновленія. Съ другой стороны они не отличались такимъ богатымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ, какъ коммуны Юга; они гораздо слабѣе сохранили римскія муниципальныя преданія и не чувствовали той жажды независимости, которая порождается экономическимъ и духовнымъ богатствомъ болѣе счастливыхъ общинъ⁽¹⁾. Гарантіи, предоставленныя феодальными владѣльцами, города средней Франціи предпочитали сомнительному усилію возстанія. Гарантіи эти съ теченіемъ времени расширялись: короли и бароны Франціи, не любившіе свободнаго строитиваго духа коммунъ, не были скупы въ раздачѣ городамъ привилегій, которыя во всякомъ случаѣ имѣли большое значеніе для городской жизни и высоко ставили городское населеніе надъ жителями окрестныхъ феодальныхъ владѣній. Такимъ образомъ источникъ силы и роста для третьяго сословія заключался не въ однихъ коммунахъ Сѣвера, или консульскихъ городахъ Юга. Города средней Фран-

(1) A. Thierry. Considerations sur l'histoire de France. Chap. V. p. 244.

ции (*villes de la simple bourgeoisie*) постепенно развивались, увеличивались въ народонаселеніи, возрастали въ торговомъ и промышленномъ богатствѣ и служили общему національному дѣлу—въ тяжелую годину испытанія. Они, также какъ и коммуны въ строгомъ смыслѣ этого слова, создавали то третье сословіе, которое внесло такой богатый вкладъ въ исторію Франціи. Но они не жили самостоятельною жизнью сѣверной или южной городской общины: они не знали обаянія свободы, торжества побѣды, горечи пораженія. Ихъ жизнь развертывается покойно, сначала подъ властью духовнаго или свѣтскаго феодала, а потомъ подъ господствомъ королевской власти. Борьба Реймса съ архіепископомъ была вызвана близостью коммунъ Сѣвера, исключительностью положенія въ отношеніи къ сеньору и большей долей римскихъ муниципальных преданій. Реймсъ въ строгомъ смыслѣ городъ простой буржуазіи, какъ и всѣ епископскіе города средней Франціи. Но его со всѣхъ сторонъ окружаютъ коммуны. Онъ находился не далеко отъ Лаона, Бова, Суассона, Санли и т. д. Множество городовъ Реймской митрополіи—съ XII в. пользовались коммунальнымъ устройствомъ. Это сосѣдство опредѣляло борьбу Реймской городской общины. Въ періодъ полнаго развитія муниципальной жизни на Сѣверѣ и на Югѣ, когда внутренняя жизнь и отношенія городскихъ общинъ уже сложились въ опредѣленные формы, Реймсъ представляетъ постоянную борьбу и постоянныя измѣненія въ своей муниципальной физиономіи. Онъ борется за право коммуны, становится то дальше, то ближе въ отношеніи къ своей завѣтной цѣли; онъ представляетъ картину,—то полнаго разгула необузданной свободы, то мрачной тиранніи своего духовнаго феодала. Въ борьбу вмѣшивается королевская власть и еще болѣе разнообразія придаетъ этой волнующейся картинѣ городской жизни. Оттого-то Реймсъ представляетъ не только типъ города съ ограниченными правами, безъ политическаго значенія,—но арену постоянной борьбы архіепископскаго города за право коммунальнаго устройства. Оттого изученіе Реймской коммуны имѣетъ высшій историческій интересъ, какимъ не могутъ похвалиться города средней Франціи. Исторія Реймса даетъ возможность изучить всѣ три элемента, создавшіе французскую націю. Элементы эти: феодальная власть барона, демократическія стремленія городской общины и централизаторскія идеи королевской власти. Въ исторіи Реймса

мы изучали эти элементы въ ихъ борьбѣ и взаимодействіи. Мы видѣли, какъ королевскій элементъ постепенно усиливался на счетъ и феодальной власти архіепископа и муниципальных правъ городской общины. Эта борьба трехъ элементовъ и наконецъ побѣда королевской власти составляютъ отличительную черту французской исторіи въ средніе вѣка.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніи нашего труда сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ относительно характера и судебъ коммунъ во Франціи.

Общій характеръ городского устройства сѣверной французской коммунъ можетъ быть названъ демократическимъ. Въ городскихъ законахъ нѣтъ другаго различія, кромѣ члена коммунъ и лица для него посторонняго, — *jurati et non jurati*. Выборы городскихъ начальниковъ производятся въ общемъ народномъ собраніи, которое составляютъ всѣ члены коммунъ. Народное собраніе рѣшаетъ особенно важныя дѣла; оно разъясняетъ темный смыслъ городскихъ кутюмовъ. Передъ народомъ совершаются даже наиболѣе важныя сдѣлки и договоры между частными лицами. Но такъ продолжалось не долго. Законы коммунъ долго еще остаются демократическими, но власть въ городѣ быстро перешла въ наиболѣе богатымъ, наиболѣе знатнымъ городскимъ жителямъ. Въ этомъ заключается общая черта, сближающая коммунъ Франціи съ городами Фландріи, республиками Италіи, *provinciones* Испаніи. Замѣтимъ при этомъ, что общее городское собраніе во французской коммунѣ никогда не играло такой важной роли, какъ въ республикахъ Италіи. Оно имѣло право повѣрять городскіе счета, принимало участіе въ установленіи новыхъ налоговъ, — я только. Контроль надъ городскимъ совѣтомъ въ коммунѣ Франціи не былъ слишкомъ строгимъ; въ ней не было учреждений, которыя напоминали бы *divieto* и *sindicato* Флоренціи. Даже финансовая отчетность предъ народнымъ собраніемъ не была такъ строго соблюдаема, какъ въ итальянскихъ республикахъ. Въ коммунахъ Франціи случалось, что городское начальство по нѣскольку лѣтъ не давало отчета въ употребленіи городскихъ суммъ. Вообще во Франціи городское населеніе не принимало такого дѣятельнаго, такого

живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, какъ въ Италіи. Въ этомъ блескѣ итальянской городской жизни,—наилучшее свидѣтельство о полнотѣ развитія республиканской свободы, какъ для всей общины, такъ и для каждаго изъ ея членовъ. Кутюмы французскихъ коммунъ почти ни слова не говорятъ объ ответственности городскихъ властей передъ народомъ. Въ коммунахъ Франціи одно и тоже лицо могло занимать должность городского засѣдателя по нѣскольку лѣтъ сряду. Послѣдствіемъ такой непредусмотрительности было то, что извѣстныя лица, — члены аристократическихъ семействъ,—занимали мѣста засѣдателей по нѣскольку лѣтъ сряду. Во французской коммунѣ не было такого раздѣленія власти, какое выразилось въ итальянскихъ республикахъ въ формѣ разныхъ городскихъ совѣтовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ отдѣльный, независимый кругъ дѣйствія. Въ сѣверной коммунѣ Франціи всѣ функціи власти сосредоточивались въ одномъ городскомъ совѣтѣ въ лицѣ мэра и засѣдателей. Это давало огромное значеніе коммунальной магистратурѣ; передъ ней становилась безсильная власть самой коммуны, или общаго городского собранія. Съ половины XIII в. происходитъ реакція противъ аристократическаго элемента: въ коммунахъ приобретаютъ вліяніе на городскія дѣла цехи. Но положеніе дѣлъ оттого не улучшилось: цехи вносили въ городскую администрацію тотъ духъ исключительности и замкнутости, которымъ отличалась сама цеховая корпорація. Занятыя своими мелкими спорами и собственной внутренней организаціей, цеховые мастера не отличались административной способностью; до половины XIV в. изъ собственной среды они не могли давать членовъ городского совѣта. Городскія должности по прежнему оставались за богатыми аристократическими семействами. Но, во всякомъ случаѣ, XII в. есть лучшая эпоха въ исторіи французской коммуны. Причины быстрого роста городскихъ общинъ отчасти заключаются въ смѣшанной организаціи городского управленія. Аристократическая партія въ лицѣ членовъ городского совѣта и демократическая въ лицѣ цеховыхъ мэровъ—взаимно уравновѣшивали одна другую. Въ XIV вѣкѣ цехи достигаютъ полнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ полной исключительности и замкнутости для всѣхъ, кто не имѣлъ счастья принадлежать къ корпораціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ цехи начинаютъ обнаруживать стремленіе къ рѣшительному преобладанію въ

городскихъ дѣлахъ. Они не успѣли и не могли этого достигнуть; королевская власть ограничила ихъ притязанія, отняла у цеховъ ихъ избирательныя права и снова возвысила аристократическую партію.

Съ этого времени начинается усиленіе королевской власти въ дѣлахъ коммуны и постепенный упадокъ муниципальной свободы. Но причины этого упадка мы не можемъ искать въ борьбѣ городскихъ партій. Нигдѣ эта борьба не была такъ продолжительна и упорна какъ въ городахъ Италіи; однако она нисколько не помѣшала прочности ихъ республиканскихъ учреждений, ихъ политической силѣ и экономическому процвѣтанію. Причина паденія свободныхъ учреждений во Франціи заключается въ отношеніи коммунъ къ феодализму и королевской власти. При упорной борьбѣ съ феодализмомъ коммуны Франціи никогда не могли достигнуть той полноты правъ, которыми отличалась республиканская Италія и даже города сосѣдней Фландріи. Разнообразіе мѣстныхъ условій и крѣпость феодальныхъ учреждений были причиной, что коммунальная революція во Франціи не была повсемѣстной и освобожденіе городскихъ общинъ далеко не было полнымъ. Не только города между Сеной и Луарой не пользовались свободнымъ устройствомъ сѣверной общины, но даже и на Сѣверѣ не всѣ города получили независимость отъ феодаловъ. Въ самыхъ коммунахъ Сѣвера, которыя мы привыкли называть свободными, въ XII и отчасти въ XIII вѣкахъ феодальная власть имѣла еще большее значеніе. Еще много юрисдикціи, множество доходныхъ статей, оставалось за феодалами. Съ коммунальной революціей борьба коммунъ съ феодализмомъ не кончилась; она продолжалась во внутреннихъ распряхъ, въ непрерывныхъ столкновеніяхъ обѣихъ сторонъ. Эта борьба поглощала силы коммуны, задерживала ея ростъ. Она же была причиной замкнутости коммунальной жизни, ея исключительности и стремленія къ монополіи. Феодализмъ во Франціи до того былъ силенъ, что не могъ не отразиться на самой коммунальной жизни; оттого многія формы отношеній городскихъ общинъ носятъ на себѣ феодальный характеръ. Коммуна владѣетъ ленами, раздаетъ лены, признаетъ ленную зависимость отъ королей. Въ городскіе кутюмы много было взято изъ феодальнаго права. Иначе и не могло быть: тамъ, гдѣ такъ сильно было развитіе феодализма, онъ не могъ не оказать вліянія и на другія стороны обществен-

ной жизни. Но некоторые французские историки уже слишком много значения придаютъ этому феодальному отбѣску коммунальной организаціи. Не забудемъ, что, при сохраненіи некоторыхъ феодальныхъ формъ, коммуна, по духу и характеру своихъ учрежденій, шла въ разрѣзъ съ феодальными порядками. Этотъ духъ коммуны, этотъ внутрений ея порядокъ, сильнѣе подрывалъ феодализмъ, чѣмъ мелкая борьба общины съ сеньоромъ. Но самый фактъ существованія феодальныхъ формъ въ коммунальной жизни доказываетъ крепость феодализма на французской почвѣ. Коммунальная свобода въ средневѣковой Франціи казалась какимъ-то исключеніемъ: она была привилегіей только некоторыхъ городскихъ общинъ. Кругомъ этихъ счастливыхъ городовъ, подъ ихъ стѣнами, часто внутри самыхъ стѣнъ, царила власть феодаловъ. Многого труда стоило французскимъ коммунамъ уничтожить феодальныя заставы, которыя окружали коммуны со всѣхъ сторонъ и стѣсняли ея торговлю. Борьба съ феодализмомъ задерживала развитіе городскихъ общинъ; феодальное раздѣленіе территоріи раздѣляло и городскія общины. Въ сѣверной Франціи не могло поэтому образоваться городскихъ союзовъ, какіе существовали въ Италіи, въ Фландріи, даже на югѣ Франціи. Феодалы дружно восставали противъ коммуналь. Мы видѣли, какую тревогу подняли прелаты реймскаго діоцеза по поводу нарушенія феодальныхъ правъ своего собрата. Феодальные бароны составляютъ союзы противъ притязаній королевской власти. Разъ только коммуны сѣверной Франціи составили такую же федерацію, но и то по инициативѣ бароновъ и вмѣстѣ съ ними. Коммуны Франціи скорѣе находились во враждебномъ между собою отношеніи. Мы встрѣчали въ документахъ договоры городовъ въ XIII в. о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Города принимали участіе во внутреннихъ междоусобныхъ войнахъ раздѣленныхъ Францію въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ. Союзы между коммунами, какъ напр. водяной цехъ городовъ на Сомѣ, заключались въ видахъ торговыхъ и не имѣли политическаго значенія. Отсюда слабость коммунальной жизни во Франціи,—та легкость, съ которой коммуны быстро подчинялись королевской власти.

Вопросъ объ отношеніи королевской власти къ коммунамъ во Франціи до сихъ поръ еще составляетъ камень преткновенія для французскихъ историковъ. Весьма неумо-

гіе изъ нихъ,—даже настоящаго вѣка, даже нынѣшняго времени,—отличаются спокойствіемъ взгляда. Это зависитъ отъ того, что судьба французской націи до сихъ поръ еще не рѣшена; смѣны правительствъ, быстрыя перемены формъ правленія, переходы отъ республики къ военному деспотизму и на оборотъ, невольно отражаются на историческихъ воззрѣніяхъ французскихъ писателей. Борьба Франціи за свободу, эти кратковременныя побѣды и быстрыя пораженія, затрогиваютъ ихъ патріотическое чувство, а часто и личные интересы. Оттого у нихъ при видимомъ спокойствіи связывается внутреннее раздраженіе. Гизо,—одинъ изъ лучшихъ представителей французской науки, по видимому спокойный, безстрастный, всему отдающій справедливость,—не любитъ коммунальной автономіи. Это обусловливается его отношеніями къ французскому правительству и политическими убѣжденіями. Въ его системѣ французской исторіи королевская власть составляетъ тотъ центръ притяженія, около котораго группируются силы націи. Она направляетъ французскую исторію и создаетъ національную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ борьбѣ съ феодализмомъ она пользуется помощью буржуазіи, но пользуется ею какъ царственная союзница и по царски награждаетъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Уничтожая коммунальное устройство, съ его мелкой враждой, съ его неурядицей, она дѣлаетъ благодѣяніе коммунамъ и общаетъ имъ внутренний миръ и тишину, покровительство и полицейское благоустройство. Гизо со всей точностію слѣдитъ за ростомъ этой благотворной силы; все его вниманіе сосредоточено на этомъ центрѣ тяжести французскаго народа. За то онъ мало обращаетъ вниманія на то, что дѣлается въ периферіи, въ самой націи, особенно въ третьемъ сословіи. Всякую благодѣтельную мѣру королевской власти въ отношеніи къ коммунамъ, Гизо заботливо отмѣчаетъ; онъ со всей точностію статистика перечисляетъ для каждаго царствованія число коммунальныхъ хартій, вновь пожалованныхъ королемъ, или получившихъ только утвержденіе. Въ этомъ онъ видитъ огромное значеніе королевской власти для историческаго роста третьяго сословія; въ этомъ у него масштабъ, которымъ онъ измѣряетъ прогрессъ французской націи. Онъ не чувствуетъ силы самой націи, въ полвѣка создавшей свободныя общины и на своихъ плечахъ высоко поднявшей прежнихъ графовъ Иль-де-Франса. У Гизо королевская власть растетъ, крѣпнеть,

приобрѣтаетъ наконецъ огромное значеніе, захватываетъ всѣ сферы жизни, создаетъ законы, единство администраціи, судъ и т. д. Все это конечно правда; но откуда брала силы эта власть? какимъ образомъ французскій король, прежде боявшійся сосѣдняго феодала, получилъ наконецъ возможность предписывать законы для всей націи? На эти вопросы у Гизо нѣтъ отвѣта. Мы не отвергаемъ огромнаго значенія королевской власти въ судьбахъ французскаго народа. Напротивъ, едвали есть государство въ Европѣ, гдѣ эта власть оказала такое рѣшительное вліяніе, какъ во Франціи. Къ концу среднихъ вѣковъ побѣда королевской власти надъ всѣми элементами французскаго общества была полная. Но не нужно забывать, какими средствами, какой цѣной, одержана эта побѣда. Королевская власть возвысилась, благодаря тому великому движенію, которое выразилось въ коммунальной революціи, которое продолжало проявляться во все теченіе среднихъ вѣковъ борьбой городскихъ общинъ съ феодалами. Первый смѣлый, рѣшительный ударъ феодализму былъ нанесенъ великимъ социальнымъ переворотомъ XII вѣка, создавшимъ городскія общины и городскую жизнь во Франціи. Нація сама выступила на борьбу съ существующими порядками, задерживавшими ея развитіе,—сама потрясла тяжелое иго феодализма.

Безъ коммунальнаго движенія XII вѣка у слабыхъ королей не могло бы возникнуть и идеи о томъ великомъ переворотѣ, который совершился въ судьбахъ Франціи, благодаря третьему сословію. У нихъ никогда не достало бы средствъ для борьбы съ феодальной системой. Феодализмъ—это цѣлая система отношеній, правъ, законовъ, выработанныхъ вѣковыми историческимъ ходомъ. Феодализмъ—это громадная іерархія, охватившая все общество, захватившая въ свои руки поземельное богатство, силу, власть, наложившая оковы на свободный ходъ историческаго развитія націи. Королевская власть въ XII в. лицомъ въ лицу съ этой громадной силой была ничтожна. Самъ король—это тотъ же феодалъ, имѣвшій только королевскій титулъ, доставшійся ему по наслѣдству, по преданію. Его понятія, благодаря этимъ наслѣдственнымъ преданіямъ, конечно отличались отъ понятій феодальныхъ бароновъ. Положимъ, что въ немъ не могла возникнуть идея о преобладаніи надъ ними, о борьбѣ съ ними, о расширеніи своихъ правъ на ихъ счетъ. Но откуда взять

силъ и средствъ для этой борьбы? Во имя чего должна вестись эта борьба? Какой государственный строй долженъ былъ возникнуть на развалинахъ феодализма? Если административная система, возникшая во Франціи вмѣсто системы феодальной, есть явленіе жизненное, историческое, то она возникла, развилась и получила преобладаніе жизненнымъ, историческимъ процессомъ. Королевская власть была безсильна совершить такую реформу во всѣхъ областяхъ государственныхъ, социальныхъ и экономическихъ проявленій жизни. Идея римскаго права, въ лицѣ легистовъ, указывали только общую цѣль для стремленій королевской власти, давали только общую норму государственнаго строя. Безъ самой націи, безъ содѣйствія третьяго сословія, безъ его историческаго роста, легисты едва ли были въ силахъ совершить громадный переворотъ въ жизни націи; вмѣсто феодальной системы отношеній, феодальныхъ правъ, обычаевъ, законовъ, — создать другія отношенія, обычаи, законы. Такой громадный переворотъ могъ быть совершенъ только самой націей, процессомъ ея историческаго развитія. Эта великая роль выпала на долю третьяго сословія. Оно боролось на всѣхъ пунктахъ съ феодальными порядками. Борьба эта была борьбой свободы противъ тиранин, борьбой капитала съ поземельной собственностью, борьбой городского обычнаго права съ феодальнымъ традиціоннымъ порядкомъ, борьбой общественнаго гражданскаго благоустройства съ военной силой. Говорятъ, что третье сословіе помогло королевской власти въ борьбѣ съ феодализмомъ. По нашему мнѣнію правильнѣе было бы сказать, что королевская власть помогла третьему сословію въ борьбѣ съ феодализмомъ и потомъ воспользовалась плодами побѣды на счетъ свободы городскихъ общинъ. Значеніе коммунъ въ исторіи Франціи заключается въ борьбѣ ихъ съ феодализмомъ. Но кромѣ того коммуны имѣли и положительное значеніе въ жизни французской націи. Коммуна выработала новыя формы общественныхъ отношеній, которыя постепенно разрушали прежнія феодальныя формы жизни. Мы знаемъ уже, какъ общественный порядокъ средневѣковой городской общины мало по малу, хотя и въ измѣненной формѣ, преобразовался въ административную систему, охватившую все государство. Мы знаемъ, какое огромное вліаніе оказала коммуна своимъ обычнымъ правомъ на французское законодательство. Городскіе кутюмы полу-

чали королевскую санкцію, становились законодательнымъ кодексомъ для цѣлыхъ провинцій, а потомъ послужили богатымъ матеріаломъ для всего французскаго національнаго законодательства. Коммунальная жизнь была той лабораторіей, въ которой права римское, германское, обычное перерабатывались въ одно національное право.

Съ высоты идей нашего вѣка, обладая тысячелѣтней исторической опытностью, современный историкъ конечно можетъ находить недостатки въ коммунальной жизни XII или XIII вѣковъ. Но коммуна была явленіемъ глубоко жизненнымъ. Она была той первичной формой, въ которой выразился прогрессъ торговаго и промышленнаго класса не только Франціи, но и всей Европы. Третье сословіе, при первомъ взрывѣ возстанія противъ феодальнаго самовластия, помню всякихъ указаній высшей власти, сумѣло найти для себя наилучшую форму организаціи. Недостатки коммунальнаго устройства во Франціи обуславливались историческими обстоятельствами и характеромъ эпохи. Относительная слабость коммунальной жизни во Франціи, зависѣвшая отъ сильнаго развитія на французской почвѣ феодальной системы, была причиной ранняго вмѣшательства королевской власти во внутреннюю жизнь городскихъ общинъ. Вмѣшательство это нѣкоторое время было благодѣтельно для городской жизни; но это продолжалось недолго. Опираясь на силы третьяго сословія, королевская власть достигла преобладающаго значенія на французской территоріи. Но свое могущество она возвигла на развалинахъ и феодализма и коммунальнаго строя городскихъ общинъ. Самостоятельная жизнь коммунъ кончилась; городскія общины подчинились общей системѣ администраціи, выработанной легистами во имя королевской идеи. Въ этомъ — значеніе королевской власти въ судьбахъ Франціи. Но не забудемъ, что въ созданіи этого новаго порядка жизни огромная роль принадлежала и третьему сословію, что оно дало точку опоры для королевской власти и было той могущественной силой, прогрессъ которой всегда былъ прогрессомъ средневѣковой исторіи. Историческій ходъ французской націи привелъ ея къ королевскому абсолютизму: мы не хотимъ винить въ этомъ французскихъ королей. По нашему мнѣнію въ подобныхъ обвиненіяхъ, какія раздаются изъ рядовъ революціонерной партіи, мало историческаго такта и пониманія исто-

рическихъ законовъ⁽¹⁾. Абсолютизмъ королей—такой же прудетъ исторической жизни народа какъ и народная свобода, народное самоуправленіе. Въ средніе вѣка французская нація была не въ силахъ создать для себя другой формы государственнаго управленія, кромѣ централизаціи, съ одной верховной властью во главѣ народа. Королевская власть олержала полную побѣду, потому что она не встрѣтила сильнаго отпора со стороны мѣстной автономіи. Третье сословіе, не смотря на свои констатуюціонныя попытки въ XIV в., было не въ силахъ поддержать и упрочить ихъ. Мы отчасти касались причинъ этой неудачи, заключавшихся въ самомъ третьемъ сословіи. Мы говорили уже о раздѣленіи, существовавшемъ въ рядахъ этого сословія. Другая причина заключалась въ его антагонизмѣ съ феодалами. Въ Англіи бароны и коммуны были въ союзѣ между собой; соединенными силами они боролись съ королевскимъ абсолютизмомъ и еще въ XIII в. получили важныя гарантіи для національной свободы. Представительная система кортесовъ въ Испаніи возникла, благодаря борьбѣ съ маврами, раннему возникновенію городской жизни, поднему развитію феодальной системы, территоріальному раздѣленію на нѣсколько королевствъ и слабости королевской власти. Въ Фландріи и Италіи городская жизнь получила такое полное, блестящее развитіе, каваго она нигдѣ не имѣла. Оттого во Фландріи сами графы рано должны были приглашать представителей отъ городовъ на общія государственныя собранія, а въ Италіи само республиканское устройство составляло наилучшую гарантію народной свободы. Судьба французской націи въ средніе вѣка была другая. Здѣсь, благодаря особенности историческихъ условий, вслѣдствіе вѣрности феодальной системы и слабости развитія городской жизни, преобладающее значеніе досталось на долю королевской власти. Но эта побѣда не уменьшаетъ значенія третьяго сословія. Въ судьбахъ Франціи оно было той организующей силой, которая, развиваясь изъ себя самой,

(1) Такъ наприм. Fr. Morin утверждаетъ, что короли съ намѣреніемъ поддерживали и раздували вражду народныхъ партій, чтобы усилить собственное значеніе въ городскомъ управленіи. Это напоминаетъ одного французскаго писателя XVIII вѣка, который увѣрялъ, что въ XII в. королевскіе комиссары возбуждали горожанъ къ борьбѣ съ феодалами. Fr. Morin. Orig. de la démocr. p. 233.

боролась съ враждебными элементами, привлекала и уподобляла себя все сродное, создавала французскую исторію, преобразовывала общественный организмъ, давала ему извѣстный видъ, извѣстную фізіономію. Этотъ процессъ національной жизни начался главнымъ образомъ въ XII в. и совершался во весь періодъ среднихъ вѣковъ, но не кончился вмѣстѣ съ ними. Дальнѣйшая исторія Франціи опредѣлялась тѣмъ же третьимъ сословіемъ и отношеніемъ къ нему королевской власти. Сила національнаго роста, сдавленная абсолютизмомъ королей новой исторіи, проявилась наконецъ во французской революціи XVIII вѣка.—Такое возрѣніе на французскую исторію не разрываетъ ея настоящаго съ прошедшемъ. Великое дѣло третьяго сословія въ XVIII в. было только продолженіемъ историческаго прогресса французскаго народа, совершавшагося еще въ темную эпоху среднихъ вѣковъ, но насильственно задержаннаго развитіемъ королевскаго абсолютизма. Въ XVIII в. третье сословіе съ новой силой выступаетъ на борьбу съ послѣдними остатками феодализма и съ королевскимъ произволомъ. Борьба эта ведется подъ знаменемъ философскихъ идей о человѣческихъ правахъ; но и прошедшая исторія Франціи, вѣковой ея опытъ, историческія воспоминанія и преданія мѣстной свободы,—остались не безъ вліянія въ великомъ дѣлѣ общественнаго переворота и національнаго обновленія XVIII вѣка.

А. Смирновъ.